

ЗАРУБЕЖНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА И ЛИТЕРАТУРА

Выпуск 1

**ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА**

ЗАРУБЕЖНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА И ЛИТЕРАТУРА

Ежегодный альманах
кафедры зарубежной журналистики и литературы

Выпуск 1

Москва 2023

Факультет журналистики
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

ББК 76
З-35

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *Т. Э. Гринберг*;
доктор филологических наук,
старший научный сотрудник *Н. В. Урина*

Редколлегия:

Г. Ф. Вороненкова, М. Г. Маслина, И. Я. Новицкая

З-35 Зарубежная журналистика и литература. Ежегодный альманах кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ. Вып. 1 / под общ. ред. *Г. Ф. Вороненковой*. – М.: Фак. журн. МГУ, 2023. – 396 с.

ISBN 978-5-7776-0188-9

В первый выпуск альманаха, подготовленного кафедрой зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, вошли избранные научные статьи преподавателей, сотрудников, аспирантов и магистрантов, опубликованные в течение последних пяти лет в различных изданиях.

Для преподавателей, исследователей журналистики, массовых коммуникаций и медиа, аспирантов и студентов факультетов и отделений журналистики, медиапрактиков и медиаэкспертов и всех, кто интересуется зарубежной журналистикой и литературой.

ББК 76

ISBN 978-5-7776-0188-9

© Факультет журналистики
МГУ имени М. В. Ломоносова, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Вороненкова Г. Ф., Прутцков Г. В., Филаткина Г. С.
Вместо предисловия. Международная журналистика:
вчера, сегодня, завтра..... 5

ЗАРУБЕЖНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

Батурин Ю. М.
Нейроцензура против когнитивной свободы..... 39

Вороненкова Г. Ф., Маслина М. Г.
Проблемы экономической и ментальной интеграции
восточных немцев после воссоединения Германии
(по материалам журнала «Шпигель» за 1990–1995 гг.)..... 59

Киселева Е. Б.
Особенности развития британских национальных новостных
брендов в сфере печати в 2020–2021 гг. 75

Кумылганова И. А., Куцепалова Н. К.
Толерантность как главная национальная ценность
в качественной прессе Великобритании..... 91

Лысенко А. В.
Из ловушки анахронизма. Дело «Об оскорблении
советского правительства эмигрантской газетой “Руль”
в Берлине (1927–1936)»..... 119

Новицкая И. Я.
Деонтология шведской журналистики
как система этико-правовых норм и нравственных принципов
поведения журналиста 141

Привалов К. Б.
Тревожные дни столицы Рождества..... 168

Филаткина Г. С., Вьюгина Д. М., Бабына Д. А.
Установление повестки дня и теория фрейминга:
обзор романо-германских исследований..... 173

Якова Т. С., Лю Цзыцы, Лю Юйсинь и др.
Международные отношения в освещении зарубежных СМИ:
медиагеографические исследования
(на примере альянса *aikus*)..... 199

Янгляева М. М.
Медиасистемы в информационном обществе: креативные
индустрии и культурная безопасность государства..... 218

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Корнилова Е. Н.
Готический злодей и байронический герой 251

Максимов Б. А.
Переосмысление просветительской концепции ужасного
в романах А. Радклиф..... 274

Микеладзе Н. Э.
«На финик смокву»:
предатели в великих трагедиях Шекспира..... 307

Михайлова Л. Г.
Создатель «Кентавра» Элджернон Блэквуд..... 357

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Г. Ф. Вороненкова, Г. В. Прутцков, Г. С. Филаткина

Кафедра зарубежной журналистики и литературы – одна из старейших кафедр факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова. Она была основана в 1955 году (прежнее название – кафедра истории зарубежной печати и литературы). Её основателем и бессменным руководителем являлся президент факультета журналистики, доктор филологических наук, профессор Ясен Николаевич Засурский. В первые годы на кафедре работали, помимо заведующего кафедрой, всего три преподавателя: Елизавета Петровна Кучборская, Юрий Филиппович Шведов и Ольга Георгиевна Панкина. Уже тогда кафедра обозначила два направления учебно-педагогической и научной работы: история зарубежной литературы и история зарубежной печати.

В первое десятилетие речь шла об изучении систем и структур СМИ зарубежных стран. С самого начала диапазон геополитических исследований был достаточно широк. Поначалу главное внимание уделялось послевоенному состоянию СМИ основных стран Запада: США, Великобритании, Франции, а в некоторых случаях – воссозданию медиасистем после нацистского режима, например в Федеративной Республике Германии, Франции и других странах Европы. При этом давалась характеристика особенностям европейской континентальной и островной структур журналистики. Первыми исследователями были дипломники кафедры А. Х.-Г. Ибрагимов, Ю. Я. Орлов (1957 г.), Е. В. Круглов (1958 г.), Л. П. Евсеева (1959 г.).

Как справедливо написала в день празднования 90-летия профессора Я. Н. Засурского доктор филологических наук Н. В. Урина, «с самого начала кафедра обрела форму единого целого, где изучение литературы и журналистики шло не в изоляции друг от друга, а в тесной взаимосвязи. Плодотворность такого подхода была подтверждена в дальнейшем. Да и Ясен Николаевич наглядно продемонстрировал это на своем примере: блестящий филолог–американист, он стал крупнейшим специалистом в области как американской, так и всей зарубежной журналистики. Более того, именно благодаря ему, последняя стала предметом изучения как в историческом, так и современном контексте, как в теоретическом, так и практическом измерении. Она стала научно оформленной обязательной дисциплиной для всех центров журналистского образования».

Тогда же были начаты исследования деятельности партийной журналистики, прежде всего, например во Франции – коммунистической печати в период оккупации страны фашистской Германией (Т. П. Константинова), затем – в эпоху европейских революций XIX века, в частности «Новой Рейнской газеты» и публицистической деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса (Гуревич, 1958; Панкина, 1983).

Следует отметить, что период с начала 1950-х гг. действительно был необычайно сложным: после смерти Сталина 5 марта 1953 года и до выступления Никиты Хрущева с докладом о разоблачении культа личности Сталина на XX съезде ЦК КПСС (25 февраля 1956 года) нередко научные направления объявлялись «буржуазными» и «идеалистическими», а их приверженцы подвергались гонениям и репрессиям. В настоящее время считается, что после создания СССР в 1922 г. и после окончания Великой Отечественной войны идеологический контроль в советской гуманитарной науке был поставлен на службу политической пропаганде.

Развитие кафедры в период «оттепели» было активным. Как известно, во время оттепели произошли сдвиги в сфере общественного сознания. Согласно официальным данным, духовная атмосфера в стране того периода была относительно либеральной. Уменьшились цензурные ограничения, расширился круг тем, затрагиваемых в журналистике, шла активная реабилитация всех общественно значимых фигур, ставших жертвами репрессий. В то же время сохранялась установка на идеалы коммунизма. Официальная пропаганда рекламировала концепцию «возврата к ленинизму», культивировала революционную романтику. Все эти черты были характерны для культурного феномена «шестидесятников».

А кафедра жила своими проблемами. В промежутках между заседаниями обменивались реакцией на публикации в «Новом мире» А. Т. Твардовского, включая повесть А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», статьи В. В. Овечкина, произведения И. Г. Эренбурга и др. Тогда появились первые кандидаты наук, благодаря которым стала выработываться проблематика и методика исследований.

Принцип отбора исследователей у профессора Я. Н. Засурского с самого начала был лингвострановедческий. Через достаточно короткое время на кафедре появились специалисты по разным странам и регионам: арабские страны – Азат Хаджи-Галиевич Ибрагимов, Федеративная Республика Германии – Юрий Яковлевич Орлов (позднее – Руслан Яковлевич Котенок), Индия и Юго-Восточная Азия – Евгений Васильевич Круглов, Польская Народная Республика – Лия Петровна Евсева, Франция – Вячеслав Ефимович Аникеев и Людмила Васильевна Шарончикова, США – Галина Анатольевна Голованова и Евгения Антоновна Привалова, Великобритания – Юрий Михайлович Власов и Людмила Сергеевна Кустова, Италия – Наталия Валентиновна Урина. Впоследствии они стали ведущими преподавателями и экспертами

кафедры, которые осуществляли учебно-педагогическую и научную работу и внесли заметный вклад в исследования зарубежной журналистики.

Первые аспиранты появились на кафедре в конце 1950-х гг. Первые же кандидаты наук – Панкина О. Г. (год защиты – 1961), Рожновский С. В. (1964), Ибрагимов А. Х.-Г. (1965), Круглов Е. В., Орлов Ю. Я. (1967), Аникеев В. Е., Евсева Л. П., Кустова Л. С. (1969), Ванникова Н. И., Привалова Е. А. (1970) и другие. Выдающийся след в истории кафедры оставили замечательные педагоги Е. П. Кучборская и Ю. Ф. Шведов. Они продолжили традицию тех профессоров Московского университета, которые, подобно легендарному Грановскому, приобрели славу среди учеников и признание коллег не столько своими печатными трудами, сколько блистательным даром академического красноречия. Лекции Кучборской собирали помимо студентов журфака немало студентов других московских вузов. О ее неподражаемой манере чтения лекций и о необычных формах приема экзаменов ходили легенды среди нескольких поколений студентов-журналистов. Они стали частью истории кафедры. Этими легендами до сих пор полнится Интернет. В 2014 году кафедра выпустила книгу «Человек с другой планеты», куда вошли воспоминания коллег и выпускников о Е. П. Кучборской, а также ее малоизвестные научные труды и некоторые лекции по истории зарубежной литературы. А в 2020 году под редакцией профессора Н. Э. Микеладзе вышла книга избранных лекций доцента Н. И. Ванниковой по литературе Средневековья, Возрождения, XVII–XVIII вв.

С начала 1960-х гг. большое внимание уделялось исследованию СМИ стран Азии, Африки и Латинской Америки, освободившихся от колониального гнета и обретших суверенитет и ставших независимыми национальными государствами. Основными исследователями СМИ афри-

канских стран стали И. Ю. Нечаева и Т. Ю. Лебедева, Кубы – Н. И. Халин.

Настоящим научным расцветом кафедры стал период с 1970-х по 1980-е годы, который принято называть застоем. Именно в этот период кафедра получила новые интеллектуальные импульсы. Набравшие научный опыт некогда первые и достаточно молодые аспиранты кафедры стали ведущими преподавателями и научными сотрудниками. Стимул придала монография «Печать ФРГ» известного германиста Ю. Я. Орлова в 1970 г.

Именно тогда был издан пятитомник монографий, в которых разработаны основные дефиниции, использующиеся до сих пор как характеристики зарубежной журналистики и международных коммуникаций. Монография коллектива авторов под редакцией Я. Н. Засурского «Журналистика в буржуазном обществе» (1976) состояла из трех частей: первая – Капитал и журналистика; вторая – Буржуазное государство и журналистика – и третья – Политические партии, церковь и журналистика. Исследование на большом фактическом материале раскрывало теоретические проблемы журналистики в условиях государственно-монополистического капитализма, систему концентрации и монополизации прессы, анализировало способы политического контроля СМИ, методы воздействия со стороны законодательной, судебной и исполнительной власти государства, место и роль рекламы в экономике медиа.

В настоящее время, когда идет бескомпромиссная информационная война против Российской Федерации, экспертам помогла бы вторая монография «Мифы буржуазной журналистики» под ред. Я. Н. Засурского (1979). В ней авторы, анализируя выступления прессы, радио и телевидения, выявляют установки и тезисы, которые внедрялись в сознание потребителей информации в сфере политической, идеологи-

ческой, нравственно-этической, а также то, «каким образом они воздействуют на воспитание чувств своей аудитории»¹. Многие дефиниции, применявшиеся в советский период, не требуют не только расшифровки, но и адекватны современным: антикоммунизм аналогичен русофобии, милитаризм, национализм и расизм не меняли своей коннотации.

В монографии «Буржуазные теории журналистики под редакцией Я. Н. Засурского (1980) предлагается критика концепций манипулирования сознанием, в т. ч. на базе фашистской идеологии, рассматриваются концепции «свободы печати», журналистской элиты и «свободного потока информации», которые были в центре научных исследований того периода.

Особенно важным событием в развитии и работе не только кафедры, но и всего факультета стало создание в 1975 г. отделения международной журналистики. Оно открыло направление, где стали готовить журналистов-международников для печатных СМИ, радио и телевидения. За сорок лет выпускниками международного отделения стали более тысячи специалистов, среди которых: Агафонов С. (год выпуска – 1982), Безуглый И. (1992), Денисов А. (1986), Колыванов Е. (2003), Куренной А. (2001), Листьев В. (1982), Мацкявичюс Э. (1994), Медников Д. (2002), Млечин Л. (1979), Рогозин Д. (1986), Соловьев В. (1990), Сошин Д. (1992), Толстой В. (1984), Толстой П. (1993), Хабаров А. (1994), Христенко А. (2006), Черкасов А. (1994), Юсин М. (1988) и многие другие.

Вместе с появлением международного отделения открылись и новые дисциплины по подготовке журналистов-международников. Были введены обязательные, специализированные и факультативные курсы, такие как «Международная

¹ Мифы буржуазной журналистики (кол. ант.) / под. ред. Я. Н. Засурского. М.: Наука, 1979. С. 3.

журналистика», «Правовые и психологические особенности деятельности журналистов за рубежом» и др. Большое внимание на отделении уделялось изучению иностранных языков. Студенты-международники за время учёбы овладевали, как правило, двумя-тремя языками, в том числе и региональными, главное место среди которых занимали языки стран Центральной Европы: польский, чешский, венгерский, болгарский, сербохорватский. Кураторами международного отделения в разные годы были доценты Л. С. Кустова, И. Ю. Нечаева, старший преподаватель В. О. Шелястина.

Начиная с 1976 г. в «Вестнике Московского университета. Серия 10: Журналистика» и в кафедральных сборниках ежегодно публиковались *аналитические обзоры*, посвященные системе СМИ различных стран мира и основным тенденциям ее развития, которые обеспечивали базу для дальнейших исследований.

Во времена перестройки исследователям пришлось осваивать не только новую терминологию, но и новые подходы. Самым заметным исследованием того этапа стала монография Ю. Я. Орлова «Крах немецко-фашистской пропаганды в период войны против СССР» (1985). Активно изучались перемены в СМИ бывшего содружества социалистических государств – ГДР, Венгрии, Польши, Болгарии и других стран.

Начало 1990-х гг. и последующее десятилетие – это период бурных политических и социальных событий, перекройки политической карты Европы. Существенное влияние на научные исследования кафедры оказали и те процессы, которые происходили в мире: падение Берлинской стены, воссоединение двух германских государств ФРГ и ГДР, развод Чехословакии на два государства – Чехию и Словакию, распад Югославской федерации, а затем и всего коммунистического блока в Восточной Европе во главе с СССР.

Сразу востребованными стали монографии и учебники Е. Л. Вартановой «Северная модель в конце столетия. Печать, ТВ и радио стран Северной Европы между государственным и рыночным регулированием» (1997) и «Финская модель на рубеже столетий. Информационное общество и СМИ Финляндии в европейской перспективе» (1999); Н. В. Уриной «Средства массовой информации Италии» (1996) и «Итальянская журналистика в 1945 – 1990 гг.» (1999); Г.Ф.Вороненковой «Средства массовой информации Германии в 90-е годы» (1998) и «Путь длиною в пять столетий: от рукописного листка до информационного общества. Национальное своеобразие средств массовой информации Германии» (1999; 2-е изд. – доп. и испр. 2011). В них анализируются основные тенденции развития СМИ зарубежных стран рассматриваются основные коммуникационные группы, деятельность государственного и коммерческого телевидения, дается характеристика ежедневных национальных и региональных газет, а также журнальной периодики.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. докторские диссертации защитили четыре исследователя кафедры – Е. Л. Вартанова, Г. Ф. Вороненкова, Е. Н. Корнилова и Т. Ю. Лебедева. К середине 2000-х гг. это количество увеличилось еще на трех ученых – Н. В. Урину, Е. А. Привалову и Н. Э. Микеладзе.

Начало исследованиям зарубежной коммуникативистики положила доктор филологических наук Л. М. Землянова, опубликовав еще в 1995 г. монографию «Современная американская коммуникативистика». Затем она же подготовила два словаря терминов и концепций – «Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества» (1999) и «Коммуникативистика и средства массовой информации» (2004).

В первое пятнадцатилетие нового века члены кафедры активно публиковали свои исследования. Были изданы монографии, учебные и учебно-методические пособия: док-

тора филологических наук, профессора Е. Н. Корниловой – «Риторика – искусство убеждать. Своеобразие публицистики античной эпохи» (2002); Ж. Сегела, Т. Ю. Лебедевой – «Ностальгия по будущему» (2005), Л. В. Шарончиковой – «Пресса Франции в меняющемся мире» (2006), «Радиовещание и телевидение Франции» (2011) и «"Монд" в меняющемся мире» (2014); Е. А. Приваловой – «Русский эксперимент»: комитет общественной информации и внешняя политика США» (2006) и «История американской журналистики XVII–XVIII веков» (2009); Г. Ф. Вороненковой – «СМИ Германии в XX веке: крутые виражи истории» (2008), «История и культура германоязычных стран Европы. (Ч. 1 от Римской империи до капитуляции Третьего рейха)» и Г. Ф. Вороненковой, М. Ю. Вороненкова – «Электронные СМИ Германии: прошлое и настоящее» (обе – 2008); Н. В. Ткачевой – «Индия: медиасистема в условиях либерализации экономики» (2009); Г. В. Прутцкова – «История зарубежной журналистики. Хрестоматия» (2008) и «Введение в мировую журналистику. Антология в двух томах» (2003); И. А. Кумылгановой – «Этические основы информационных коммуникаций: зарубежные подходы и традиции» (2013) И. Я. Новицкой «Становление художественного мира Астрид Линдгрэн» (2004); «Астрид Линдгрэн – журналист и писатель» (2010).

Кафедра зарубежной журналистики и литературы в настоящее время. По состоянию на декабрь 2022 года на кафедре работало 36 человек, среди которых шесть докторов наук, 23 кандидата наук, в том числе один член-корреспондент РАН, пять профессоров, 14 доцентов, шесть научных сотрудников. Исследователи кафедры ведут основные и специализированные курсы по истории и современному состоянию зарубежной журналистики и литературы, различным аспектам развития информационного общества, глобального информационного пространства, журналист-

ской этики, рекламы, связям с общественностью и интернет-СМИ в зарубежных странах.

Одним из основных направлений исследований кафедры остается изучение медиасистем и медиагеографии различных регионов. На кафедре традиционно большое внимание уделяют европейским и латиноамериканским странам, а также англосаксонскому региону. Исследователи анализируют национальную и региональную специфику в различных аспектах: труды сотрудников кафедры посвящены как истории массовых коммуникаций, так и современным тенденциям развития массмедиа.

Актуальность работ исследователей заключается в широте научных интересов и изучении тех вызовов, которые сегодня стоят перед медиасферой. Цифровизация и конвергенция отрасли, деонтология и правовое регулирование медиасистем, медиапотребление аудитории, профессионализм в индустрии, процессы глобализации и глокализации – лишь малая часть тех тем, которые изучают на кафедре зарубежной журналистики и литературы.

Исследователи кафедры занимаются изучением различных стран и регионов мира. Американское направление в настоящее время представлено доцентом А. В. Раскиным: он исследует политическую коммуникацию США: кризисные явления американской политики, коммуникационные стратегии политических деятелей, а также освещение американскими СМИ избирательного процесса. Кроме того, А. В. Раскин – специалист по международному гуманитарному праву и проводит междисциплинарные исследования в этой области. Работы старшего научного сотрудника Л. Г. Михайловой затрагивают массовую культуру США в различных ее проявлениях: современную американскую литературу и кинематограф и их влияние на процесс массовой коммуникации.

Проблемы права в Интернете и глобальной цифровизации – сфера научных интересов члена-корреспондента

РАН профессора Ю. М. Батурина. В своих трудах ученый рассматривает современные медиапроцессы с точки зрения концепции Цифровой Земли, технологические и юридические аспекты функционирования Глобальной сети. Доцент И. А. Кумылганова специализируется на вопросах саморегулирования СМИ и медиаответственности в контексте общемировых тенденций. На примере разных стран исследователь изучает применение концепций в национальных медиасистемах.

Кафедра по-прежнему занимается изучением медиаопыта Европы и Латинской Америки. Кандидат филологических наук Т. С. Якова изучает различные аспекты развития медиасистемы Швейцарии (трансформация медиарынка, авторское право, избирательный процесс и т. д.), применение медиагеографических подходов к исследованию национальной и региональной идентичности, а также предпринимает попытку разработки теории мирной журналистики. Медиаисследованиями Швейцарии и Великобритании также занимается старший преподаватель Е. Б. Киселева.

Круг научных проблем, которые исследует доцент М. М. Янглева, охватывает внешнеполитическую коммуникацию и медиагеографию, международные отношения, медиасистемы зарубежных стран, а также политическую медиаметрию. Среди тем следует выделить феномен исторической памяти и национальную самоидентификацию, изучение медиасистемы Финляндии в различных ее аспектах. Исследования кандидата филологических наук И. Я. Новицкой касаются журналистики и медиапространства Швеции: деонтологии шведской журналистики, ее взаимосвязи с массовой культурой, правового регулирования массмедиа. Владея не только современным шведским языком, но и языком старошведским, а также разбираясь в старинном готическом шрифте – фразктуре, И. Я. Новицкая исследует историю шведской журнали-

стики и старинных шведских периодических изданий. Будучи профессиональным переводчиком художественной литературы, она продолжает изучать художественную литературу Швеции и процесс сопряжения различных языков и культур, отражающийся в переводе произведения с языка на язык в рамках коммуникации и культуры, в связи с чем ею проводятся исследования динамики интерпретационных соответствий.

Испанистика выступала темой исследований доцента Г. В. Прутцова (до 2023 г.) и старшего научного сотрудника А. А. Паисовой (до 2022 г.): их научные работы были посвящены истории развития журналистики Испании, также ученые уделяли большое внимание развитию новых медиа в стране. (цифровизация и концентрация медиа, проблемы деонтологии и профессионализма испанских СМИ). Работы кандидата филологических наук Г. С. Филаткиной охватывают латиноамериканский регион: Венесуэла, Аргентина, Бразилия, Мексика, Боливия и Никарагуа. Исследователя интересует актуальное развитие массмедиа в этих странах, особенности региональной политической коммуникации, а также специфика медиапотребления конкретных регионов и цифровизация медиасистем.

Темой немецкоязычных СМИ на кафедре занимается группа германистов во главе с профессором Г. Ф. Вороненковой, объединенная в СВРГИП, в числе которых опытный научный сотрудник А. В. Лысенко: в сфере его научных интересов – российско-германские отношения, положение русскоязычных эмигрантских изданий во времена Веймарской республики – и кандидат филологических наук М. Г. Маслина, которая занимается спецификой возникновения и развития медиасистем малых немецкоязычных стран, в частности Люксембурга, массмедиа, отличающимися самобытностью и уникальными национальными чертами малых стран германоязычного региона и трансформацией массмедиа объединенной Германии.

Кроме исследований, посвященных зарубежным СМИ, на кафедре выходят работы, касающиеся сферы международных связей с общественностью. Доктор филологических наук доцент Т. Ю. Лебедева специализируется на международном PR-консалтинге, стратегиях и системных моделях коммуникации премиальных брендов, а также на геобрендинге. Актуальные публикации исследователя посвящены позиционированию люксовых брендов, трансформации парадигм международной коммуникации и влиянию пандемии коронавируса на связи с общественностью.

Несмотря на все видимые успехи кафедры, медиаметрия изменила отношение к публикациям: началась гонка за количеством, а не за качеством исследований. Из кафедральных отчетов исчезли коллективные публикации всех экспертов по странам. Последние итоги изучения современных медиа стали, в частности, коллективными монографиями о зарубежных еженедельниках и о качественной прессе под редакцией заведующего кафедрой профессора Я. Н. Засурского (Качественная пресса в медийных структурах (2015); Зарубежные еженедельники: история и современность (2018)). В их написании участвовали около двадцати преподавателей и научных сотрудников кафедры зарубежной журналистики.

Переход на Болонскую систему образования, т. е. на бакалавриат и магистратуру выявил новые проблемы. Если раньше при выпуске журналистов-международников можно было гордиться появлением новой когорты экспертов-страноведов, то сегодня половина выпускников бакалавриата не выбирает продолжение обучения в магистратуре кафедры, ссылаясь на не очень высокий уровень преподавания и повторы курсов, предлагаемых в бакалавриате. Нередко выпускники выбирают другие модули и направления, и даже – другие университеты.

И хотя за все годы существования кафедры сотни выпускников аспирантуры успешно защитили под руководством ученых кандидатские диссертации, в настоящее время количество защищающихся аспирантов значительно уменьшилось. За последние 5–7 лет пятеро молодых преподавателей кафедры защитили кандидатские диссертации (О. А. Богданова, М. Г. Маслина, А. В. Манахова, Г. С. Филаткина, Н. А. Чикишев). Трое подготовленных на кафедре кандидатов наук – А. Л. Аكوпова, Вамвака Параскеви и Ю. Р. Исланова – преподают: А. Л. Аكوпова и Вамвака Параскеви – в других университетах, Ю. Р. Исланова – на кафедре медиалингвистики факультета. В 2020 г. М. Г. Маслина подготовила монографию «К самобытности и многоязычию: история журналистики Великого Герцогства Люксембург». Двое исследователей кафедры работают над докторскими диссертациями (Б. А. Максимов, М. М. Янглева).

В настоящее время перед кафедрой стоит очень сложная задача: во-первых, не дать «умереть», а, возможно, реанимировать международные центры и, во-вторых, с их помощью воссоздать профиль «Международная журналистика», используя лучший опыт прежнего международного отделения.

В рамках профиля «Международная журналистика» (с первого по четвертый курсы бакалавриата) будут предложены новые программы дисциплин (а старые обновлены), разработаны тесты и проверочные задания, которые позволят оценить степень понимания студентами изучаемых предметов. В числе новых дисциплин «Речевая практика и анализ текстов международной журналистики», на которой настаивали выпускники международного отделения прошлых лет.

Во время учебы в бакалавриате проверяется сформированность следующих компетенций:

- готовность к саморазвитию, самореализации, использованию творческого потенциала;

- способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и, как минимум, двух иностранных языках для решения задач профессиональной деятельности;
- способность использовать новейшие достижения в области культуры, науки, техники и технологий;
- готовность следовать принципам создания современных медиатекстов для разных медийных платформ и способность учитывать их специфику в профессиональной деятельности;
- готовность осуществлять профессиональную деятельность, базируясь на знании современных медиасистем, их структуры, знания специфики российской и зарубежных национальных моделей СМИ.

Если не отменяют магистратуру, то мы должны будем решать задачи по формированию следующих компетенций:

- способность к абстрактному мышлению, анализу, синтезу (ОК-1);
- умение действовать в нестандартных ситуациях, нести социальную и этическую ответственность за принятые решения (ОК-2);
- способность руководить коллективом в сфере своей профессиональной деятельности, толерантно воспринимая социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия (ОПК-2);
- готовность осуществлять профессиональную деятельность, основываясь на знании современных концепций массовой коммуникации и положений теории и практики журналистики, понимании спектра функций СМИ как важнейшего социального института и средства социальной коммуникации, роли аудитории в процессе потребления и производства массовой информации (ОПК-3);

- умение учитывать значение экономических факторов в деятельности медиапредприятий, эффективно использовать знания медиаэкономики в профессиональной деятельности (ОПК-7);
- готовность к самостоятельному проведению научного медиаисследования, выполнению всех необходимых его этапов, способность выполнять исследовательскую работу, опираясь на имеющийся отечественный и зарубежный опыт в данной области (ОПК-8);
- стремление следовать принципам деонтологии в профессиональной практике, эффективно применять этические и правовые нормы (ОПК-6);
- возможность осуществлять организационные, координационные, контролирующие обязанности, текущее планирование в соответствии со стратегией развития СМИ, медийных проектов (ПК-3).

Исходя из этих задач, основными направлениями учебно-научной работы нашей кафедры являются:

1. Формирование системы подготовки будущих журналистов-международников в рамках модернизирующихся программ бакалавриата и магистратуры.

2. Исследование информационной политики зарубежных стран и ее влияния на современные способы коммуникации.

3. Изучение литературных процессов зарубежных стран с акцентом на взаимодействие литературы, публицистики и журналистики.

4. Активизация исследовательской деятельности в области истории и современного состояния зарубежного медиа в условиях беспрецедентно жесткой информационной войны против России.

Выполнение намеченных стратегических целей будет осуществляться как в учебной, так и в научной деятельно-

сти кафедры. Ориентироваться в международном информационном пространстве студентам помогают приглашенные российские журналисты-международники, исследователи зарубежных медиа, которые приходят к ним на занятия. Они читают лекции, проводят мастер-классы, отвечают на многочисленные вопросы студентов.

Эффективность занятий по программе профиля «Международная журналистика» базируется на том, что их проводят не только преподаватели-теоретики, но и практики, журналисты-международники. К. Б. Привалов, проработавший много лет корреспондентом во Франции, читает курс лекций, посвященный практике работы журналиста-международника, а также проводит семинарские занятия по теме «Работа журналиста в контексте политических и культурологических особенностей стран и регионов мира».

Журналист-международник П. В. Васильев, долгое время работавший в США, защитивший не только кандидатскую диссертацию на нашей кафедре, но и получивший американскую степень *PHD*, помимо работы на ВГТРК, преподает курсы «Информационный фронт: сравнительный анализ освещения военного конфликта в массмедиа России и США» и «Новости как система. Модели информационного производства», а также читает спецкурс на английском языке для магистрантов по программе «Слоу ньюс – Слоу медиа».

Помимо изучения теоретических дисциплин, студенты обсуждают с преподавателями особенности освещения текущих международных событий в российских и зарубежных медиа. В академической работе особое внимание будет уделяться преподаванию международникам второго иностранного языка, а также поточных курсов – прежде всего Истории, теории и практике международной журналистики, Истории международных отношений и дипломатии, Миро-

вой политике и международным медиакоммуникациям, Страноведению и зарубежным медиасистемам.

Будут продолжены исследования по истории и современному состоянию журналистики не только ведущих государств западного мира (США, Великобритании, Франции, Германии, Италии, Испании), но также стран и регионов, которые имеют второстепенное значение в программе изучения данной дисциплины (Азия, Африка, Ближний Восток, Латинская Америка, Восточная и Юго-Западная Европа). Силами преподавателей на кафедре сформирована библиотека зарубежных газет и журналов (всего около 250 экземпляров), которые до сих пор используются на семинарских занятиях по истории зарубежной журналистики. В научных планах кафедры – подготовка программ, учебников и учебно-методических пособий по страноведению и медиаландшафту.

Преподаватели и сотрудники кафедры регулярно участвуют в высокостатусных международных научных конференциях. В рамках ежегодной Международной научно-практической конференции «Журналистика: творчество, профессия, индустрия» на кафедре проходит секция «Зарубежные медиа в меняющемся мире: задачи, тенденции, стратегии развития», где с докладами выступают не только преподаватели кафедры, но и ведущие исследователи зарубежных медиа, представляющие различные научные площадки Москвы и других регионов России, а также ряда зарубежных стран. Старший преподаватель кафедры Г. С. Филаткина является ответственным секретарем конференции.

Кафедра зарубежной журналистики и литературы активно ведет и развивает и собственную научную деятельность. С 1975 г. кафедра проводит ежегодные конференции Общества по изучению культуры США, созданного по инициативе профессора Я. Н. Засурского. В декабре 2022 года

прошла 48-я конференция Общества. Бессменным председателем организационного комитета являлся профессор Я. Н. Засурский. Его заместитель – старший научный сотрудник кафедры Л. Г. Михайлова – продолжает эту работу.

Многие преподаватели кафедры работают над новыми спецкурсами и спецсеминарами для студентов бакалавриата и магистратуры, участвуют в межкафедральных и межкафедретских курсах, разрабатывают новые курсы, в том числе на английском языке, активно ведут междууниверситетское научное сотрудничество. Среди партнеров кафедры зарубежной журналистики и литературы – Институт всеобщей истории Российской академии наук (ИВИ РАН), РЭУ имени Плеханова, Институт истории естествознания и техники РАН, Департамент коммуникации и медиа Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета и др. Член-корреспондент РАН профессор Ю. М. Батурин является почетным профессором Института истории естествознания Китайской Академии наук, профессор Г. Ф. Вороненкова была почетным доктором Германской международной академии устойчивого развития и технологий (*Internationale Akademie für nachhaltige Entwicklungen und Technologien (Karlsruher Institut für Technologie)*).

Научная деятельность преподавателей кафедры также находит отражение в статьях, публикуемых в реферируемых российских и международных научных журналах из списка ВАК, *Web of Science*, *Scopus*, *RSCI* (за 2020 г. – 35 статей, в 2022 г. – 45), монографиях и различных сборниках научных статей, выходящих на русском и иностранных языках. В декабре 2022 г. было издано учебное пособие «Массмедиа и избирательный процесс в зарубежных странах», подготовленное при участии 20 исследователей кафедры.

Сегодня кафедра зарубежной журналистики и литературы активно разрабатывает и новые научно-исследо-

вательские проекты. Член-корреспондент РАН профессор Ю. М. Батурин разработал образовательную программу принципиально нового курса по искусственному интеллекту. Группа преподавателей кафедры под его руководством готовит программы новых курсов и учебных пособий по цифровой гуманитаристике, что не только позволит позиционировать кафедру зарубежной журналистики и литературы в более широком академическом пространстве, но и во многом определит перспективы развития и кафедры, и факультета журналистики в целом на ближайшие годы.

Кафедра продолжает работу над текущими кафедральными и межкафедральными приоритетными направлениями (НИР), а также планирует начать работу над новыми НИР: «События российской истории в зеркале зарубежных СМИ»; «Изучение истории и современного состояния журналистики стран бывшего СССР»; «Изучение исторической поэтики и ее место в современном медиапространстве»; «Мифологическое мышление в современной массовой коммуникации, литературе и культуре», «Документальная литература в XX – начале XXI века».

Другой проект, над которым кафедра начала работу в конце 2020 г. при содействии кафедры новых медиа, – это создание электронной библиотеки ведущих образцов мировой журналистики и публицистики от древних времен до наших дней под названием «Библиотека Я. Н. Засурского». Проект охватит историю развития всего спектра средств массовой коммуникации в историческом, культурном и литературном контексте. Поскольку становление журналистики тесно связано с развитием государственности, одной из важнейших задач, стоящих перед исследователями на первом этапе, является исследование информационно-коммуникационного процесса античных государств: Древнего Египта, Древнего Китая, Древней Греции, Древнего Рима

и др. Научные разработки в этой области будут предназначены не только для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Журналистика» и работников медиаиндустрии, но и всех тех, кто интересуется мировой культурой. Мировая библиотека иностранной журналистики и публицистики станет уникальным архивом текстов и отражением основных этапов и тенденций развития мировой журналистики от ее истоков до современного состояния. Ее ключевая задача – помочь осознать своеобразие каждого этапа развития журналистики, осмыслить ее современное состояние и проанализировать перспективы развития с опорой на исторические закономерности. Главная задача исследования – систематизация большого материала по истории журналистики, оцифровка архива и создание максимально полной мировой библиотеки иностранной журналистики и публицистики от истоков и до наших дней.

В планах кафедры подготовка и издание учебника по истории международной журналистики и возобновление кафедрального альманаха. Таким образом, кафедра зарубежной журналистики и литературы, сохраняя лучшие традиции прошлых десятилетий, ведет активную преподавательскую и научно-исследовательскую деятельность, которая позволит выполнить задачи развития на ближайшие годы.

* * *

В этом выпуске Альманаха мы переиздаем статьи сотрудников кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, в обязательном порядке указывая места их первых публикаций. Мы не вносили в статьи свою редакторскую правку, за исключением исправлений, связанных с современными нормами орфографии и пунктуации и принятыми правилами оформления библиографических данных.

Искренне благодарим научные издания, давшие нам разрешение на публикацию статей в книжном формате нашего Альманаха, а также наших сотрудников, воплотивших в жизнь реализацию данного проекта.

Библиография

Андрунас Е. Ч. Бизнес и пропаганда: система контроля крупного капитала США над средствами массовой информации / под ред. *Я. Н. Засурского*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.

Андрунас Е. Ч. Информационная элита: корпорации и рынки новостей. М.: МГУ 1991. 214 с.

Аникеев В. Е. История французской прессы (1830–1945). М.: Фак. журн. МГУ, 1999.

Аникеев В. Е., Захарова М. В., Шарончикова Л. В. Создатели французских газет (XIX в.). М.: Фак. журн. МГУ, 2012. 149 с.

Батурин Ю. М. Феномен Интернета: веер правовых идей // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2020. № 4. С. 106–111.

Беглов С. И. Британская печать на исходе века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995.

Беглов С. И. Империя меняет адрес. Британская печать на рубеже тысячелетий. М.: ИМПЭ, 1997. 136 с.

Беглов С. И. Четвертая власть: британская модель. История печати Великобритании от «новостных писем» до электронных газет. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002.

Буржуазные теории журналистики (колл. авт.) / под ред. *Я. Н. Засурского*. М.: Мысль, 1980. 253 с.

Ванникова Н. И. Избранные лекции. Зарубежная литература Средних веков и Возрождения и XVII–XVIII веков: учеб. пособие / соред. и сост. *Н. Э. Микеладзе, М. Ю. Игнатьева (Оганисян)*. М.: ИКАР, 2020.

Ванникова Н. И. Канадская литература на французском языке (1945–1965). М.: Высш. шк., 1969.

Вартанова Е. Л. Северная модель в конце столетия. Печать, ТВ и радио стран Северной Европы между государственным и рыночным регулированием. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. 184 с.

Вартанова Е. Л. Финская модель в конце на рубеже столетий. Информационное общество и СМИ Финляндии в европейской перспективе. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. 288 с.

Вартанова Е. Л. Медиаэкономика зарубежных стран. М.: Аспект Пресс, 2003. 336 с.

Власов Ю. М. Основные черты буржуазной журналистики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.

Вороненкова Г. Ф. Путь длиною в пять столетий: от рукописного листка до информационного общества. Национальное своеобразие средств массовой информации Германии. 2-е изд. – доп. и испр.: М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. 640 с. (1-е изд. – 1999).

Вороненкова Г. Ф. История и культура германоязычных стран Европы: уч.-метод. пособие по страноведению для студентов факультетов и отделений журналистики. Ч. 1 и ч. 2 (от Римской империи до капитуляции третьего рейха в 1945 г.). М.: Фак. журн. МГУ, 2008 (2009, 2013).

Вороненкова Г. Ф., Вороненков М. Ю. Электронные СМИ Германии: прошлое и настоящее. М.: Фак. журн. МГУ, 2008.

Вороненкова Г. Ф. СМИ Германии в XX веке: крутые виражи истории. М.: Фак. журн. МГУ, 2008.

Вороненкова Г. Ф. Средства массовой информации Германии в 90-е годы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 196 с.

Вороненкова Г. Ф., Чесанов А. А. Периодическая печать Германии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 220 с.

Вороненкова Г. Ф. Печать ГДР. 1981–1984. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. 40 с.

Вороненкова Г. Ф., Гапонова Е. М., Маслина М. Г., Христенко А. В. Массмедиа объединенной Германии: основные векторы

развития // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2020. № 6. С. 182–208.

Вороненкова Г. Ф., Гапонова Е. М. 30-летие падения Берлинской стены и российско-германские отношения в зеркале СМИ // Вопросы теории и практики журналистики. Изд-во Байкальского гос. ун-та (Иркутск), 2020. Т. 9. № 2. С. 264–281.

Выборы в новом медийном пространстве / под ред. *Я. Н. Засурского*. М.: ИКАР, 2015. 388 с.

Галушко Р. И. Западное телевидение и массовая культура. М.: Фак. журн. МГУ, 2017. 352 с.

Голованова Г. А. Печать США в начале 90-х годов / под ред. *Я. Н. Засурского*. М.: Фак. журн. МГУ, 1996. 105 с.

Гуревич С. «Новая Рейнская газета» К. Маркса и Ф. Энгельса. М.: Госполитиздат, 1958. 192 с.

Евсеева Л. П. Медиа Польши на рубеже XX–XXI веков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014.

Евсеева Л. П. СМИ Польши в 1976–2000 гг. М.: Фак. журн. МГУ, 2001.

Журналистика в буржуазном обществе (Колл. авт.) / под ред. *Я. Н. Засурского*. М.: Наука, 1976. 261 с.

Жак Сегела, Татьяна Лебедева. Ностальгия по будущему. Из истории и практики международной рекламы. М.: Изд-во Моск. ин-та публич. релейшнз: Изд-во Моск. ун-та, 2005. 125 с.

Зарубежные еженедельники: история и современность / под ред. *Я. Н. Засурского*. М.: Фак. журн. МГУ, 2018.

Засурский Я. Н. Американская литература XX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

Засурский Я. Н. Жизнь и творчество У. Уитмена. М.: Знание, 1955.

Засурский Я. Н. Коммуникация в обществе знаний. М.: МедиаМир, 2013.

Засурский Я. Н. Теодор Драйзер. Жизнь и творчество. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977.

Засурский Я. Н., Микеладзе Н. Э., Ванникова Н. И. Зарубежная литература XX века (1914–2000). М.: Фак. журн. МГУ, 2008.

Захарова М. В. Концентрация СМИ во Франции в начале XXI века // Меди@льманах. 2017. № 3. С. 107–121.

Землянова Л. М. Современная американская коммуникативистика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995.

Землянова Л. М. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества. Толковый словарь терминов и концепций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. 301 с.

Землянова Л. М. Коммуникативистика и средства массовой информации: англо-русский толковый словарь концепций и терминов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 416 с.

Ибрагимов А. Х.-Г. Печать Турции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965.

Ибрагимов А. Х.-Г. Коммунистическая и революционно-демократическая печать освободившихся стран Азии и Африки: становление и основные этапы развития. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.

История зарубежной коммунистической и рабочей печати. Хрестоматия / под ред. *Я. Н. Засурского*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 454 с.

К мобильному обществу: утопии и реальность / под ред. *Я. Н. Засурского*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. 304 с.

Качественная пресса в медийных структурах / под ред. *Я. Н. Засурского*. М.: Фак. журн. МГУ, 2015.

Киселева Е. Б. Особенности развития британских национальных новостных брендов в сфере печати в 2020-2021 гг. // Меди@льманах. 2022. № 5.

Константинова Т. П. Коммунистическая печать Франции 1944–1947 гг. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973.

Константинова Т. П. Коммунистическая печать Франции в годы Пятой республики (1959–1975 гг.): лекции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.

Корнилова Е. Н. Англо-американский романтизм в контексте европейской литературной традиции. М.: ГОУ ВПО МГУЛ, 2009.

Корнилова Е. Н. Риторика – искусство убеждать. Своеобразие публицистики античной эпохи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. 208 с.

Котенок Р. Я. Телевидение ФРГ в двух измерениях. М.: Искусство, 1978.

Круглов Е. В. Массовая коммуникация в Восточной и Юго-Восточной Азии: тенденции и особенности развития накануне XXI века // От Книги до Интернета: Журналистика и литература на рубеже нового тысячелетия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. С. 185–193.

Круглов Е. В. На пути к информационному обществу: индийский вариант // К мобильному обществу: утопии и реальность / под ред. Я. Н. Засурского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009.

Круглов Е. В. Пресса Южной Кореи. М.: ИКАР, 2005.

Кумылганова И. А. Профессиональная этика журналиста в США. М.: Фак. журн. МГУ, 2003.

Кумылганова И. А. Профессиональная этика журналиста: зарубежный опыт. М.: Фак. журн. МГУ, 2012.

Кумылганова И. А. Этические вызовы и возможности саморегулирования интернет-пространства // Правовые и этические аспекты журналистики. М.: Фак. журн. МГУ, 2007.

Кумылганова И. А. Этические основы информационных коммуникаций: зарубежные подходы и традиции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013.

Кустова Л. С. Литературная журналистика США и основные тенденции развития современной журнальной новел-

лы: на материалах журналов «Сатердей ивнинг пост», «Нью-Йоркер», «Космополитен» и «Эсквайр» 1963–1967 годов: дис ... канд. филол. наук. М., 1969.

Кустова Л. С. Теория и практика изучения национально-го характера. М.: Фак. журн. МГУ, 2015. 126 с.

Кучборская Е. П. Творчество Бальзака. М.: Высш. шк., 1970.

Кучборская Е. П. Эмиль Золя – литературный критик: К истории реалистического романа во Франции XIX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.

Лебедева Т. Ю. Геобрендинг: практическая коммуникация в продвижении территорий. Париж: L'Harmattan, 2014.

Лебедева Т. Ю. Паблик рилейшнз. Корпоративная и политическая режиссура. Модели, система ценностей, каналы СМК. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.

Лысенко А. В. Голос изгнания. Становление газет русского Берлина и их эволюция в 1919–1922 гг. М.: Рус. кн., 2000.

Любимов Б. И. Общественное вещание: британская модель / под ред. *Я. Н. Засурского*. М.: ВК, 2006. 280 с.

Любимов Б. И. Семьдесят лет Британского вещания (Краткая история радиовещания и телевидения Великобритании) / под ред. *Я. Н. Засурского*. М.: Фак. журн. МГУ, 1995. 70 с.

Маслина М. Г. К самобытности и многоязычию: история журналистики Великого Герцогства Люксембург. М.: Фак. журн. МГУ, 2020. 276 с.

Микеладзе Н. Э. Милосердие сильнее мести. Время и вечность в театре Шекспира. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018.

Микеладзе Н. Э. Шекспир и Макиавелли: тема макиавеллизма в шекспировской драме. М.: ВК, 2005.

Мифы буржуазной журналистики (Колл. авт.) / под ред. *Я. Н. Засурского*. М.: Наука, 1979. 288 с.

Михайлова Л. Г. Пути установления системы коммуникации в культуре США: 42-я конференция Общества по изучению культуры США в МГУ // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика.* 2017. № 3. С. 191–199.

Мулярчик А. С. Американская новелла XX века. М.: Худ. лит., 1976.

Мулярчик А. С. Послевоенные американские романисты. М.: Худ. лит., 1980.

Мулярчик А. С. Современный реалистический роман США, 1945–1980. М.: Высш. шк., 1988.

Мулярчик А. С. Творчество Джона Стейнбека. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963.

На службе монополий: информационно-пропагандистский комплекс стран капитала / под ред. *Я. Н. Засурского.* М.: Мысль, 1977.

Национальные модели информационного общества / отв. ред. и сост. *Е. Л. Вартанова,* науч. ред. *Н. В. Ткачева.* М.: ИКАР, 2004. 412 с.

Нечаева И. Ю. Африканские телекоммуникации накануне XXI века // *От Книги до Интернета: Журналистика и литература на рубеже нового тысячелетия.* М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. С. 166–184.

Николайчук И. А., Якова Т. С., Янгляева М. М. Потребление смыслов. Массмедиа, идеология, политика. М.: ИКАР, 2021.

Новицкая И. Я. Становление художественного мира Астрид Линдгрэн. Монография. М.: Изд-во «ВК», 2004.

Новицкая И. Я. Шведская литературная критика и журналистика о становлении детской и юношеской литературы Швеции: от истоков до «первого золотого века». Монография № 1. М.: Фак. журн. МГУ, 2021.

Новые технологии и развитие СМИ в России и Германии / *Neue Technologien und die Entwicklung der Medien in Russland und Deutschland* / под ред. *Вороненковой Г. Ф., Ратцке Д.* (на русск. и нем. яз.). Франкфурт-на-Майне. 1998. 176 с.

Орлов Ю. Я. Печать ФРГ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 280 с.

Орлов Ю. Я. Крах немецко-фашистской пропаганды в период войны против СССР. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. 176 с.

Паусова А. А. Переход к демократии как фактор возникновения и развития новых испанских СМИ // История. 2017. № 7. DOI: 10.18254/S0001996-4-1

Панкина О. Г. Публицистическая деятельность К. Маркса и Ф. Энгельса в период европейских революций 1848 г. (Лекции). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 65 с.

Попов Ю. В. Публицисты Великой французской революции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989.

Привалова Е. А. «Русский эксперимент»: комитет общественной информации и внешняя политика США». М.: ВК, 2006. 156 с.

Привалова Е. А. «История американской журналистики XVII-XVIII веков». М.: Фак. журн. МГУ, 2009. 132 с.

Пруцков Г. В. Медиа Каталонии в борьбе за национальную идентичность и независимость. Монография. М.: ИКАР, 2022. 296 с.

Пруцков Г. В. История зарубежной журналистики: от Античности до современности. М.: Аспект Пресс, 2016.

Пруцков Г. В. История зарубежной журналистики. Хрестоматия. М.: Аспект Пресс, 2008. 222 с.

Пруцков Г. В. Введение в мировую журналистику. Антология в двух томах. М.: Омега, 2003.

Раскин А. В. Освещение кризисных явлений американской политики на начальном этапе президентской избирательной кампании // Медиаскоп. 2008. Вып. 3. Режим доступа: <http://mediascope7.mediascope.ru/?q=node/46>.

Рожновский С. В. Генрих Белль. М.: Высш. шк., 1965.

Рожновский С. В. Развитие теории социалистического реализма в немецкой литературе: дис. ... канд. филол. наук. М., 1964.

Техника дезинформации и обмана / под ред. Я. Н. Засурского. М.: Мысль, 1978.

Ткачева Н. В. «Индия: медиасистема в условиях либерализации экономики». М.: МедиаМир. 2009. 152 с.

Трубицына И. В. Английская журналистика XVII века – от рукописных листков к печатной газете // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 1978. № 2.

Урина Н. В. Журналистика и политика: итальянский опыт взаимодействия. М.: ВК; Фак. журн. МГУ, 2010. 416 с.

Урина Н. В. Итальянская журналистика в 1945-1990 гг. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. 110 с.

Урина Н. В. Очерки истории итальянской журналистики. М.: Фак. журн. МГУ, 2018.

Урина Н. В. Средства массовой информации Италии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 108 с.

Филаткина Г. С. Бразилия (Федеративная Республика Бразилия) // Энциклопедия мировой индустрии СМИ. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 55–81.

Филаткина Г. С. Бразильские медиа в условиях политических и экономических вызовов // Медиасистемы стран БРИКС: исторический генезис, особенности функционирования. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 21–45.

Филаткина Г. С. Инструменты речевого манипулирования в политическом дискурсе Уго Чавеса (1999–2012) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21: Управление (государство и общество). 2015. № 1. С. 14–29.

Халин Н. И. Аргентинская печать: возникновение, эволюция и современное положение: дис. ... канд. ист. наук. М., 1973.

Халин Н. И. Средства массовой информации Республики Куба в период строительства социализма // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 1983. № 1. С. 35–54.

Шарончикова Л. В. Буржуазные средства массовой информации Франции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. 56 с.

Шарончикова Л. В. «Монд» в меняющемся мире. М.: Медиа-Мир, 2014.

Шарончикова Л. В. Пресса Франции в меняющемся мире. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006. 438 с.

Шарончикова Л. В. Радиовещание и телевидение Франции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011.

Шведов Ю. Ф. Исторические хроники Шекспира. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964.

Шведов Ю. Ф. Эволюция шекспировской трагедии. М.: Искусство, 1975.

Якова Т. С., Янгляева М. М. Медиагеография. М.: ИКАР, 2019.

Якова Т. С., Янгляева М. М., Николайчук И. А. Управление прошлым. Массмедиа, мифотворчество, идентичность. М.: ИКАР, 2020.

Якова Т. С., Янгляева М. М., Николайчук И. А. Цифровое обществоведение. Медиа, метасмыслы, наука. М.: ИКАР, 2023.

ЗАРУБЕЖНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

НЕЙРОЦЕНзуРА ПРОТИВ КОГНИТИВНОЙ СВОБОДЫ

***Аннотация.** В статье рассматриваются новые виды цензуры с использованием информационных технологий. Основное внимание уделяется методам чтения простых мыслей по «образам» (имиджам) реакций мозга с помощью функциональной магнитно-резонансной компьютерной томографии. Отмечается, что в ближайшем будущем развитие этой технологии приведет к возможности цензурирования мыслей. В этой связи обсуждается проблема когнитивной свободы. Указывается, что перспективы преодоления рубежа неприкосновенности ментальной сферы не только ставит вопрос о необходимости переформулирования некоторых конституционных норм о правах личности, но и требует изменений в ряде отраслей права.*

***Ключевые слова:** нейроинформационные технологии; нейронаука; нейросетевая цензура; нейроцензура; цензура; конституция; мозг человека; когнитивная свобода; электроэнцефалография; функциональная магнитно-резонансная томография.*

Возможности информационных технологий быстро растут, постоянно возникают новые способы нарушения частной сферы жизни – от нарушения законодательства о персональных данных до распознавания лиц по особенностям вашей мимики при проявлении тех или иных эмоций.

Широкий круг приложений приобретают нейросети как продукты информационных технологий (так называемый «слабый» искусственный интеллект). Для СМИ представля-

ют потенциальную опасность нейросетевые способы контроля за содержанием контента. Появляются сообщения об экспериментальном использовании нейросетей как фильтра фейков¹ и «языка вражды» («*hate speech*»)². Роскомнадзор начал применять нейросети для борьбы с незаконным контентом³. Техническое выполнение подобной фильтрации ничем не отличается от функционирования нейросетевой цензуры, которую можно настроить на любые группы слов⁴. Однако в ближайшей перспективе нейросети уступят по своей эффективности нейроинформационным технологиям работы непосредственно с мозгом человека.

Все-таки искусственный интеллект как техническое средство проигрывает техническому устройству, которое имеет возможность «подглядывать» в естественный интеллект, точнее говоря, в мозг человека. Такой качественный научно-технический скачок имеет серьезные последствия для права.

Теоретически полное описание всех нейронов мозга и характера связей между ними должно дать достаточно точную характеристику сущности человека, его личности. Такая гипотетическая карта нейронов и их связей называется «*connectome*». Сегодня уже ведутся работы по картированию

¹ Как нейросеть ловит фейки. – «Российская газета», 2021, 20 янв. № 9. С.13.

² ВКонтакте тестирует нейросеть для борьбы с языком вражды. Режим доступа: <http://www.advertology.ru/article149869.htm> (дата обращения 24.01.2021).

³ Роскомнадзор начал применять нейросети для борьбы с нелегальным контентом. Режим доступа: <https://rns.online/internet/Roskomnadzor-nachal-primenyat-neiroseti-dlya-borbi-s-nelegalnim-kontentom-2020-12-30/> (дата обращения 25.01.2021).

⁴ См.: Подшибякина Т. А. Медиаэффекты в структуре диффузионных сетей: технологии когнитивного сетевого контроля // Вестн. Томского гос. ун-та, 2020, № 456. С. 128–135.

коннектома. С помощью такого картирования визуализируют мыслительные процессы и уже научились «читать» (точнее – истолковывать) определенные реакции. Небольшие пока достижения уже использует – и это не удивительно – полиция.

«Дактилоскопия» мозга

В США с помощью электроэнцефалографии (*EEG*) и функциональной магнитно-резонансной компьютерной томографии (*fMRI*) полицейские уже успешно «читают» по «образам» реакций мозга цифровые пароли и получают «молчаливые ответы» на простые вопросы: «да, я там был», «нет, я его не видел» и др., которые возникают в мозге опрашиваемого «автоматически», без его сознательных усилий, даже если он и отказывается отвечать⁵. Такие «образы» получили в полицейской практике Соединенных Штатов и других англоязычных стран название «"Дактилоскопия" мозга» (*Brain Fingerprinting*). «Молчаливые ответы» могут возникать и без заданных вопросов при взгляде на фотографии, вещи, документы...

С помощью технологии «*Brain Fingerprinting*» (прохождение электрохимического импульса по нейронам мозга фиксируется как волна и предъявляется пользователю с помощью методов нейровизуализации) регистрируется наличие связи между фактами и устанавливается, было ли подвергнутое нейроисследованию лицо вовлечено в то или иное событие⁶.

Уже сегодня нейродоказательства принимаются и рассматриваются в судах зарубежных стран как допустимые.

⁵ Farahany N.A. (2012) Incriminating Thoughts. *Stanford Law Review*. 64:351. February. P. 394.

⁶ Указ. соч. С. 381–383.

И классическую фразу: «Вы можете соблюдать молчание, поскольку любая ваша фраза может быть использована против вас в суде»⁷ следует заменить на следующую: «Вам лучше не молчать, поскольку при чтении вашего мозга мы можем узнать гораздо больше опасного для вас». В самом деле, в США провели обучение нейросети на большом объеме видеозаписей (18 млн сек.). По усредненным видеоклипам нейросеть с поразительной точностью восстановила видеоизображения (не из обучающей выборки), которые показывали испытуемым. Это говорит о том, что скоро можно будет считывать из мозга целые сцены, которые запомнили опрашиваемые⁸. В недалеком будущем методы визуализации активности мозга могут также позволить расшифровывать мысли, обнаруженные путем измерений физиологических изменений в мозге.

Рядовой в США стала внедряемая по всем полицейским департаментам страны техника оценки эмоционального состояния человека без его ведома путем дистанционного измерения его пульса, давления, температуры. Для этой цели были разработаны специальные солнцезащитные очки, незаметным проводом соединенные с небольшим компьютером размером со смартфон. Встроенная камера отслеживает двадцать четыре точки на лице наблюдаемого человека, а специальное программное обеспечение декодирует изменения в лице и интерпретирует их. Другая программа с помощью веб-камеры, анализируя изменения в окраске лица и микрорефлексы, помогает сделать вывод об эмоциональном состоянии.

⁷ Так называемое правило Миранды – юридическое требование по законодательству США, согласно которому любая информация, полученная от задержанного в ходе допроса до того, как ему были зачитаны его права, является недопустимым доказательством.

⁸ Указ. соч. С. 396.

Таким образом, наблюдатель, надев очки, через наушники слышит комментарии и делает свои выводы, как если бы он пользовался в автомобиле обычным навигатором⁹.

Воспоминания и такие реакции мозга, как ответы (молчаливые или вслух) на заданные вопросы, – физиологические процессы. Пока добывание полицией доказательств осуществляется на уровне нейродетектора лжи (электроэнцефалография регистрирует электрическую активность мозга как ответ на определенные раздражители – слова или изображения, а функциональная магнитно-резонансная томография контролирует динамику кровотока, насыщение крови кислородом и некоторые другие параметры). Но в будущем любые правительственные ведомства, осуществляющие надзорные или полицейские функции, смогут легко получать скрытое содержание ваших мыслей из физиологических параметров и эмоций.

Следующий шаг, логически вытекающий из уже достигнутого, «считывание» из мозга не только фактов типа «видел» – «не видел», но и авторефлексии личности по поводу увиденного, услышанного, совершенного, когда человек не только анализирует событие, но и оценивает их, включая и самооценку.

Таким образом, куда быстрее, чем на Марсе, скорее уже в начавшемся десятилетии, мы окажемся в мире нейроцензуры и ментальных обысков. Столь быстрые успехи нейронауки и нейроинформационных технологий стремительно приближают человечество к новому опасному миру.

Проблема когнитивной свободы

Но сама проблема значительно глубже, чем использование новейших методов для добывания доказательств в по-

⁹ Farahany N. A. (2012) Incriminating Thoughts. *Stanford Law Review*. 64:351. February. P. 402.

лицейской практике. Ее можно назвать проблемой когнитивной свободы. Этот термин придумали нейроэтик Р. Сентентия и юрист Р. Г. Буар, основавшие в США неправительственный Центр когнитивной свободы.

Трудности начинаются уже с самого определения этого понятия. Так, согласно Р. Сентентия и Р. Г. Буару, когнитивная свобода – это «свобода личности контролировать свои собственные психические процессы, познание и сознание»¹⁰. Целесообразно уточнить это определение, пояснив, что речь идет только о людях, обладающих психическим здоровьем. А если воспользоваться определением неправительственной организации – Центра когнитивной свободы и этики: «право каждого мыслить независимо и автономно, использовать все способности своего ума и испытывать любые формы мыслительного процесса»¹¹, то настоятельно необходимо дополнить его: «если он не подвергается воздействию психоактивных веществ, способных вызывать изменения в процессах мышления, например галлюциногенов». (Хотя, возможно, именно ради психоактивных веществ Центр когнитивной свободы и этики и формулировал свое определение.)

Когнитивная свобода частично признана в США и Великобритании (экспертные заключения по когнитивной свободе рассматривались в судах), но не на международно-правовом уровне.

Поскольку, как теперь ясно, с когнитивной свободой следует обращаться осторожно, подойдем к толкованию этого понятия без намерения предложить универсальное опреде-

¹⁰ Boir R.G. (2001) On Cognitive Liberty. *Journal of Cognitive Liberties*. № 2 (1), pp. 7–22.

¹¹ Когнитивная свобода. Режим доступа: <https://kartaslov.ru/карта-знаний/Когнитивная+свобода> (дата обращения: 26.01.2021).

ление, но выработать такое его понимание, которое поможет решению рассматриваемых в настоящей статье проблем.

Будем понимать когнитивную свободу как расширение понятия «свобода мысли», т. е. как право человека думать или не думать без вмешательства извне в мыслительный процесс средствами нейроинформационных технологий (включая и бесконтактные). Как было показано выше, фактически такое вмешательство означает измерение тех или иных физиологических процессов.

Если допустить правильность квантово-механических моделей мозга (квантовая гипотеза состоит в том, что одиночные квантовые события, возникающие спонтанным образом, представляют собой «строительные блоки» для синаптических потенциалов, вызванных стимуляцией¹²), то измерение в квантово-механической системе изменяет состояние объекта, а это не только означает нарушение естественных процессов в мозге, но и ставит под сомнение истинность полученных с помощью нейроинформационных технологий данных.

Сделанное таким образом расширение понятия «свобода мысли» до понятия «когнитивная свобода» – операциональное, т. е. оно направлено на решение практической задачи ограничения использования нейроинформационных технологий, а не на развитие общей теории. Для теоретического определения понятия «когнитивная свобода» потребуются найти общее (логическое пересечение) понятий «свобода мысли» (ст. 18 Всеобщая декларация прав человека ООН от 10 декабря 1948 г.; ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 16 декабря 1966 г. и вступившего

¹² Николлс Дж. Г., Мартин А. Р., Валлас Б. Дж., Фукс П. А. От нейрона к мозгу. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 220.

в силу 23 марта 1976 г.), «свобода совести» (там же), («свобода религии» (там же), «свободное выражение убеждений» (ст. 19 Всеобщей Декларации прав человека), «свободное выражение своего мнения» (ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах), «личная неприкосновенность» и запрет «произвольного вмешательства в личную жизнь» (ст. 3 и ст. 12 Всеобщей Декларации прав человека; ст. 9 и ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах).

Классическая формула «Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи» (ст. 19 Всеобщей Декларации прав человека и ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах) должна быть дополнена: «...и воздерживаться от какого бы то ни было ознакомления других с ними». Указанное дополнение делает неверным утверждение Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение Франком Ла Руе в соответствии с резолюцией 7/36 (28 марта 2008 г.) Совета по правам человека: «право на свободу выражения мнений не может осуществляться пассивно» (п. 41 Доклада)¹³.

Правда, Специальный докладчик рассматривал вопрос о свободном выражении мнений журналистами в СМИ. Десять лет назад обсуждаемая сегодня нами проблема еще не стояла в ряду актуальных.

¹³ Поощрение и защита всех прав человека, гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав, включая право на развитие. Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение Франка Ла Руе. ГА ООН. Совет по правам человека. Одиннадцатая сессия. 30 апреля 2009 г. В кн.: Документы Европейского сообщества о СМИ. Институт проблем информационного права [б. г.] С. 454.

«Личная неприкосновенность» удачно трактуется Хартией основных прав Европейского Союза (Ницца, 7 декабря 2000 г.) как неприкосновенность физическая и неприкосновенность психики (ст. 3). «Неприкосновенность психики» в англоязычной литературе называется «*Mental Privacy*»¹⁴, то есть относится к частной сфере жизни. И тут возникает вопрос: есть ли в юридическом смысле разница между «психической неприкосновенностью» как конфиденциальностью слов, намерений и поступков и как внутреннего душевного уединения?

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1975 г. призвала все государства защищать людей от «возможных пагубных последствий злоупотребления научно-техническим прогрессом, включая злоупотребление им с целью ущемить права отдельного лица или группы лиц, особенно в том, что касается уважения приватности и защиты человеческой личности и ее физической и умственной неприкосновенности» (п. 6)¹⁵.

В самом общем виде понятие «когнитивная свобода» целесообразно выводить из понятия «достоинство». Как справедливо сказано в преамбулах Всеобщей Декларации прав человека и Международного пакта о гражданских и политических правах, соответственно, «признание достоинства является основой свободы» и «права вытекают из присущего человеческой личности достоинства».

Таким образом, международно-правовые основы для разработки проблемы когнитивной свободы существуют,

¹⁴ Shen F.X. (2013) Neuroscience, Mental Privacy, and the Law. *Harvard Journal of Law & Public Policy*. 36 (2): 653–713.

¹⁵ Declaration on the on the use of Scientific and Technological Progress in the Interests of Peace and for the Benefit of Mankind (1975). G.A. Res. 3384 (XXX)б 30 U.N. GAOR Supp. (No.34) at 86, U.N. Doc. A/10034 (1975). In: Human Rights Sourcebook. Ed. By A.P. Blaustein, R.S. Clark, J.A. Sigler. New York, Paragon House Publishers, 1987. P. 274.

что, несомненно, поможет тем, кто за нее возьмется. Проблема когнитивной свободы открывает дверь в будущее, в котором скрытое содержимое разума человека перестает быть скрытым, а государство получает доступ к человеческим мыслям и эмоциям.

Конституционные гарантии когнитивной свободы

Стоит уже сегодня задуматься о конституционных гарантиях когнитивной свободы, о конституционных ограничениях нейроцензуры и иных вмешательств в металлическую сферу человека. По крайней мере, для того, чтобы ответить на философские вопросы завтрашнего дня: «Существует ли еще частная жизнь?». И даже: «Существует ли еще внутреннее “я”?»

Представляется, что общество, заинтересованное в надежно защищенной когнитивной свободе, захочет уберечь граждан от незаконных «обысков» мозга и добывания в нем доказательств чего-либо. Тот факт, что действующее законодательство этого сделать не в состоянии, должен заставить нас серьезно задуматься. Личные мысли, личные воспоминания и скрытые творческие замыслы пока помогают нам чувствовать автономию личности и неприкосновенность разума.

Ментальная сфера имеет существенное значение для фундаментальных концепций свободы мысли, свободы выражения, свободы воли, свободы творчества и автономии личности. Хотя комплекс существующих конституционных гарантий (ст. ст. 17, 18, 21, 22, 23, 28, 29, 44, 45 и 51) может в определенной мере обеспечивать защиту когнитивной свободы, маловероятно, что действующие конституционные нормы смогут обеспечить сферу ментальной уединенности человека. Так, статья 51 Конституции РФ предусматривает скорее процессуальную гарантию, но нет нормы материаль-

ного права, адекватно защищающей ментальную автономию личности.

Поскольку глава 2 Конституции РФ защищена от поправок, видимо, целесообразно ввести поправки в ст. 71 пункт «и»: «информационные *и нейроинформационные* технологии» и в пункт «м»: «информационных *и нейроинформационных* технологий». (Курсивом выделены предлагаемые добавления.)

Что же касается законодательного регулирования отношений по использованию нейроинформационных технологий, то напрашивается прямая аналогия с полиграфом (т. н. «детектором лжи»), принцип применения которого сводится к анализу эмоциональных реакций при ответе на вопросы, которые фиксируются и измеряются путем регистрации ряда физиологических показателей (артериальное давление, пульс, частота дыхания и его ритм, потоотделение и др.).

Однако единого законодательного акта о применении полиграфа до сих пор нет, хотя об этом писали многие авторы¹⁶. Нормы о полиграфе разбросаны по ряду законов и подзаконных актов и, в основном, сводятся к требованию получения согласия испытуемого.

Между тем полиграф широко используется в России не только в процессе расследования уголовных дел и раскрытия преступлений, при приеме на работу, прежде всего в правоохранительные органы и органы безопасности, но и при психофизиологических исследованиях работающего персонала, в том числе, в финансовых и коммерческих организациях для обеспечения безопасности их деятельности.

На первом этапе был бы достаточен закон «О прикладных психофизиологических исследованиях человека», кото-

¹⁶ См., напр.: *Дамаскин О. В., Полубинская С. В.* Правовые аспекты использования полиграфа. *Союз криминалистов и криминологов*, 2019. № 1. С. 7–11. DOI 10.31085/2310-8681-2019-1-204-7-13

рый охватил бы применение и полиграфа, и нейроинформационных технологий.

Однако впоследствии, несомненно, для защиты когнитивных функций личности потребуется отдельный закон «О нейроинформационных технологиях» по отдаленной аналогии с Федеральным законом от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации». При его создании могут помочь отдельные конструкции Федерального закона от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности».

В проектируемом законе должен быть предусмотрен запрет на осуществление нейроцензуры. Задача предлагаемого закона о нейроинформационных технологиях – установить разумный баланс между когнитивными свободами личности и интересов общества в правоохранительной сфере и в области безопасности. Но при той скорости, с которой совершенствуются нейроинформационные технологии, установить и поддерживать этот баланс чрезвычайно трудно. Так, уже внедряется новая технология нейровизуализации – функциональная ближняя инфракрасная спектроскопия (*functional near-infrared imaging – fNIRI*), с помощью которой активность мозга измеряется через гемодинамические реакции, связанные с нейроактивностью. *fNIRI* доступнее *fMRI* (магнитно-резонансной компьютерной томографии) и не имеет ограничений по среде использования.

Конечно, готовить новый закон и изменения в законодательстве, регулирующие отношения, которые только начинают складываться, в определенной мере противоречит традиции права, согласно которой законодательно регулируются уже установившиеся отношения. Но ввиду особо опасных последствий, которые могут вызвать нейроинформационные технологии (в этом отношении их можно сравнить с исследованиями по расщеплению атомного ядра,

приведшими к появлению ядерного и термоядерного оружия), видимо, придется законопроектную работу строить на основе научных прогнозов и оценок экспертов.

Пока законодательство не обеспечивает адекватной защиты от вторжений в ментальную сферу человека. Масштабы проблемы и развитость информационных технологий, получивших в последнее время нейроинформационное ответвление, говорят как об их опасности, так и о своевременности и важности разработки соответствующего законодательства.

И вместе с тем, нет уверенности, что разрабатывать закон нужно именно сегодня, потому что результат будет зависеть от нравственного уровня общества и избыточного полицейского крена государства. Хотя граждане, безусловно, заинтересованы в защите своей когнитивной свободы, сейчас они не могут удерживать баланс с достаточно мощными государственными интересами.

Даже если закон о нейроинформационных технологиях будет в ближайшем будущем принят, то его практически нейтрализует простая поправка, полностью аналогичная ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»: «Обработка (снимается: биометрических персональных) данных (добавляется: полученных с помощью нейроинформационных технологий) может осуществляться без согласия субъекта (снимается: персональных данных) в связи с реализацией международных договоров Российской Федерации о реадмиссии, в связи с осуществлением правосудия и исполнением судебных актов, в связи с проведением обязательной государственной (дактилоскопической заменяется на: экгефалоскопической¹⁷) реги-

¹⁷ Экгефалоскопия – авторский термин, образованный по аналогии с «дактилоскопией» (*εγκέφαλος* – греч. мозг и *σκοπέω* – греч. смотрю, наблюдаю). В работах других авторов не использовался.

страции, а также в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации об обороне, о безопасности, о противодействии терроризму, о транспортной безопасности, о противодействии коррупции, об оперативно-розыскной деятельности, о государственной службе, уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации, законодательством Российской Федерации о порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию, о гражданстве Российской Федерации, законодательством Российской Федерации о нотариате».

Может быть, и стоит пока оставить эту проблему юридической науке без передачи каких-либо связанных с ней проектов в законодательные органы, кроме самых неотложных (видимо, из уголовно-процессуального законодательства).

Веер новых вопросов для юридической науки

Формула части 1 статьи 51 Конституции РФ «Никто не обязан свидетельствовать против себя самого» является гарантией недопустимости принуждения к даче показаний (ст. 302 УК РФ) в рамках уголовного процесса. А что такое «принуждение» при использовании нейроинформационных технологий, особенно в случае применения бесконтактных методов?

Законное право подозреваемого или обвиняемого не давать показания предусмотрено законодателем в п. 2 ч. 4 ст. 46 и п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, согласно которым указанные лица вправе отказаться от дачи объяснений и показаний. Также вправе отказаться свидетельствовать против самого себя и свидетель (п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ). А может ли он отказаться свидетельствовать в свою пользу? Вопрос, не имеющий смысла при традиционных методах ведения дознания и следствия, но становящийся актуальным при использовании нейроинформационных технологий, когда свидетель

не знает, как будут интерпретированы образы реакций его мозга.

А если речь вообще не идет об уголовном, административном, гражданском или арбитражном процессе? Если это «всего лишь» рутинная проверка служащего или претендента при устройстве на работу – и не только в ФСБ, МВД, Прокуратуру, Следственный комитет, но, например, в редакцию средства массовой информации?

И более общий вопрос: что означает понятие «свидетельствовать»? Включает ли оно экгфалоскопию, даже при согласии опрашиваемого? Так, ч. 1 статьи 69 ГПК РФ устанавливает, что «не являются доказательствами сведения, сообщенные свидетелем, если он не может указать источник своей осведомленности». Являются ли сообщением визуализированные образы мозга? Может ли опрашиваемый в принципе знать и указать источник появления этих образов? Под показаниями свидетеля всегда подразумевается его устная речь, но не письменные объяснения. Образы мозга – это не устная речь, но и не письменная, потому что на бумаге оказывается только результат распечатки.

Каково же процессуальное положение «молчаливых ответов»? Может быть, относить их не к свидетельским показаниям, а к вещественным доказательствам, учитывая, что фактически фиксируются материальные физико-химические процессы?

Однако ст. 81 УПК РФ «Вещественные доказательства» признает таковыми только предметы или документы. Заключение эксперта или специалиста об интерпретации образов мозга (документ!) отнесено ст. 74 УПК РФ к доказательствам. Если это так, то есть ли какое-либо различие между доказательственным значением пароля к сейфу или компьютеру, считанного экгфалоскопически, и его же, найденного записанным в блокноте?

С другой стороны, та же ст. 74 УПК устанавливает, что доказательствами являются «любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств...». Однако ни УПК РФ, ни ГПК РФ не знают понятия нейродоказательства и, соответственно, не определяют порядок работы с ними. Если признать образы мозга, интерпретированные экспертом или специалистом, вещественным доказательством, то на опрашиваемого перестает распространяться ст. 51 Конституции РФ, ибо по логике считаются не его «молчаливые» свидетельские показания, а ищутся вещественные доказательства. Возникают вопросы и о допустимости доказательств, полученных с помощью нейровизуализации (нейроинформационных технологий).

Судебные доказательства – это всегда информация о фактах. Но экгефалоскопия сообщает не столько о факте события, сколько о факте его нейроинтерпретации. Иначе говоря, мы все же имеем дело не с реальным воспоминанием, о котором можно рассказать, а с его нейробиологическим коррелятом (который оказывается точнее, чем такой биологический коррелят как генотипирование¹⁸). Последнее неудивительно, поскольку функции мозга в гораздо большей степени определяют человеческое поведение, чем наследственность.

В уголовном праве есть категория «умысел», под которым понимается отношение человека к преступному деянию, а также к последствиям на уровне его психики. Казалось бы, вот типичный случай использования нейроинформационных технологий. И действительно, есть сообщения,

¹⁸ Farah M. J., Smith M. E., Gawuga C., Lindsell D. et al. (2010) *Brain Imaging and Brain Privacy: A Realistic Concern?* Режим доступа: http://repository.upenn.edu/neuroethics_pubs/63 (дата обращения: 26.01.2021).

что это уже научились делать и используют в западной практике. Но квалификация преступления – очень четкий алгоритм. Как в него впишется нейросвидетельство? Не станет ли тогда четко выверенная и проверенная практикой теория аналогом подгонки решения задачи под известный уже ответ в конце учебника (кстати, не обязательно верный). Но более волнующие вопросы возникают в обыденной жизни. Где баланс между интересами общества в сфере безопасности и правом личности на внутреннюю конфиденциальность? Останется ли у человека хоть какая-то ментальная автономия?

Свободный человек будущего

Конечно, получение и использование данных исследования мозга конкретных людей не представляют ничего нового. Их применяют для определения последствий черепно-мозговых травм и при диагностике эпилепсии. Данные электроэнцефалографии используются в судах США с 1950-х гг., и позднее – в других странах. В тех же целях с 1970-х гг. использовалась компьютерная томография. Эта же техника давно используется для подтверждения психических и поведенческих расстройств (по классификации Всемирной организации здравоохранения)¹⁹. Однако сегодня мы приблизились к такому уровню развития нейроинформационных технологий, который начинает становиться опасным, а потому требует соответствующего правового регулирования и ограничений.

Вместе с тем мы не имеем достаточной информации о чувствительности, точности и эффективности нейроинфор-

¹⁹ Всемирная организация здравоохранения. Международная классификация болезней (10-й пересмотр). Классификация психических и поведенческих расстройств. Клинические описания и указания по диагностике. СПб.: «АДИС», 1994.

мационных технологий, равно как и данных о том, насколько их применение устойчиво к контрмерам. Мы еще не смогли оценить позитивные стороны нейроинформационных технологий и слабо представляем их корректное правовое регулирование. На этом фоне уверенность в том, что научно-технический прогресс приносит только блага, столкнулась с личным психологическим кризисом каждого человека, частная сфера жизни которого внезапно почти исчезла.

Будущее, где мысли и воспоминания, подсознательные эмоции и сознательные намерения человека могут быть обнаружены без каких-либо правовых ограничений, вызывает серьезную тревогу. От того, сохраним ли мы неприкосновенной ментальную сферу или нет, зависит, каким обществом мы станем. Более того, от этого зависит, каким будет человек. Естественно предположить, что человек начнет эволюционировать в сторону уменьшения пределов личного мира, пытаясь научиться выключать свою память или создать ложную, вырабатывать в себе способность ментально блокировать внешние вторжения, создать в своем мозге закрытую зону, в которой и концентрировать, прятать свою личность.

Как это скажется и на самом человеке, и на его взаимодействии со своей «спрятанной личностью», на его творческом потенциале и его когнитивной свободе, пока никто не знает. Несомненно, будут развиваться нейроинформационные технологии, которые ставят помехи для вторжения в ментальную сферу, точно так же, как сейчас у многих водителей в автомашине имеется компактная аппаратура, предупреждающая о видеокамерах и радарх на дороге. Но подобные защитные средства сами должны будут осуществлять вторжение в защищаемый мозг. Как вносимые в мозг помехи с целью защиты когнитивной свободы отразятся на умственных способностях человека и его сознании?

Не приведут ли постоянные сражения в мозге между «щитом» и «мечом» к постепенной деградации человека? Вопросов больше, чем ответов.

Будущее уже здесь. Не опоздают ли юристы с правовыми решениями?

Библиография

ВКонтакте тестирует нейросеть для борьбы с языком вражды. Режим доступа: <http://www.advertology.ru/article149869.htm> (дата обращения: 24.01.2021).

Всемирная организация здравоохранения. Международная классификация болезней (10-й пересмотр). Классификация психических и поведенческих расстройств. Клинические описания и указания по диагностике. СПб.: «АДИС», 1994.

Дамаскин О. В., Полубинская С. В. Правовые аспекты использования полиграфа. Союз криминалистов и криминологов, 2019, № 1. С. 7–11. DOI 10.31085/2310-8681-2019-1-204-7-13

Как нейросеть ловит фейки / «Российская газета», 2021, 20 янв., № 9. С. 13.

Когнитивная свобода. Режим доступа: <https://kartaslov.ru/карта-знаний/Когнитивная+свобода> (дата обращения: 26.01.2021).

Николлс Дж. Г., Мартин А. Р., Валлас Б. Дж., Фукс П. А. От нейрона к мозгу. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

Подшибякина Т. А. Медиаэффекты в структуре диффузионных сетей: технологии когнитивного сетевого контроля. Вестн. Томского гос. ун-та, 2020. № 456 С. 128–135.

Поощрение и защита всех прав человека, гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав, включая право на развитие. Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение Франка Ла Руе. ГА ООН.

Совет по права человека. Одиннадцатая сессия. 30 апреля 2009 г. – В кн.: Документы Европейского сообщества о СМИ. Институт проблем информационного права [б. г.] С. 454.

Роскомнадзор начал применять нейросети для борьбы с нелегальным контентом. Режим доступа: <https://rns.online/internet/Roskomnadzor-nachal-primenyat-neiroseti-dlyaborbi-s-nelegalnim-kontentom-2020-12-30/> (дата обращения: 25.01.2021).

Boir R. G. (2001) Om Cognitive Liberty. *Journal of Cognitive Liberties*. 2 (1): 7–22.

Declaration on the on the use of Scientific and Technological Progress in the Interests of Peace and for the Benefit of Mankind (1975). G.A. Res. 3384 (XXX)6 30 U.N. GAOR Supp. (No.34) at 86, U.N. Doc. A/10034 (1975). In: Human Rights Sourcebook (1987) Ed. By A.P. Blaustein, R.S. Clark, J.A. Sigler. New York, Paragon House Publishers, p. 274.

Farah M. J., Smith M. E., Gawuga C., Lindsell D. et al. (2010) *Brain Imaging and Brain Privacy: A Realistic Concern?* Режим доступа: http://repository.upenn.edu/neuroethics_pubs/63 (дата обращения: 26.01.2021).

Farahany N. A. (2012) Incriminating Thoughts. *Stanford Law Review*. 64: 351. February. P. 394.

Shen F. X. (2013) Neuroscience, Mental Privacy, and the Law. *Harvard Journal of Law & Public Policy*. 36 (2): 653–713.

Публикуется по: Труды по интеллектуальной собственности. Научный журнал кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам. 2020. Том XXXVI. № 3–4. С. 5–23.

**ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
И МЕНТАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ
ВОСТОЧНЫХ НЕМЦЕВ
ПОСЛЕ ВОССОЕДИНЕНИЯ ГЕРМАНИИ**
(по материалам журнала «Шпигель» за 1990-1995 гг.)

***Аннотация.** В статье анализируются публикации немецкого общественно-политического еженедельника «Шпигель», опубликованные в первые пять лет после воссоединения Германии и посвященные экономической и ментальной интеграции восточных немцев. Целью работы было выявить трудности, связанные с этими двумя направлениями интеграции, и проследить развитие ситуации на протяжении первого пятилетия существования объединенной страны. Всего было изучено 313 выпусков «Шпигеля» за 1990–1995 гг.*

***Ключевые слова:** ГДР, ФРГ, воссоединение Германии, осси, весси.*

Историческая обстановка

В 2020 году исполнилось 30 лет германского единства. Процесс объединения был очень сложным, так как произошло объединение не двух частей одного государства, а двух государств, которые ООН в 1973 году признала самостоятельными и которые имели различный социально-политический строй. Сложным был этот процесс преобразований и в области СМИ.

1990-й год принес Германии официальное завершение долгого и сложного объединительного процесса. После многочисленных переговоров ГДР и ФРГ 31 августа заключили Договор об объединении Германии, согласно которому ГДР

должна была быть ликвидирована как самостоятельное государство и войти в состав ФРГ (в Договоре была установлена дата объединения – 3 октября). 12 сентября ГДР, ФРГ, Великобритания, США, СССР и Франция подписали Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии (по формуле «2+4»), а 3 октября государственные институты ГДР официально были упразднены. С тех пор этот день ежегодно отмечается как национальный праздник – День германского единства.

Воссоединение Германии сопровождалось как всеобщим воодушевлением, так и многочисленными трудностями, которые неоднократно обсуждались в прессе того периода, в том числе в журнале «Шпигель» (*Der Spiegel* – «Зеркало»). Одной из главных проблем как пред-, так и послеобъединительного периода был экономический кризис в ГДР, что значительно осложняло интеграцию восточногерманского населения. «Первые восторги по поводу открытия границ стихают, слезы радости сменяются трезвым размышлением о том, сколько германо-германская свобода передвижения будет стоить богатому западному государству» (*Der Spiegel* 4/1990: 29. Здесь и далее перевод с немецкого заголовков статей и текстовых фрагментов наш – авт.), – говорилось в статье «Предохранитель сгорает» (*Da brennt die Sicherung durch*), опубликованной в выпуске от 22 января 1990 г. – еще до официального воссоединения страны – и посвященной проблеме социальных выплат для восточных немцев, а также для выходцев из социалистических стран (в том числе СССР), в массовом порядке приезжавших в ФРГ. «Растут опасения, что те, кто сейчас беспрепятственно пересекает границы, истощают силы даже богатой Федеративной Республики; что социальные системы, рынок жилья и труда под натиском не расширяются; что опасность угрожает с трудом заработанному благосостоянию». Массовый приток имми-

грантов с востока стал причиной роста уровня безработицы, нехватки жилья, причиной сильнейшей нагрузки на сферу социального обеспечения. Ситуация осложнялась и разницей валют: марка ГДР была в семь раз дешевле марки ФРГ (марка ГДР упразднена 1 июля).

Экономическая интеграция Восточной Германии

Тема экономического отставания ГДР от ФРГ (а после воссоединения – восточных федеральных земель от западных) была одной из наиболее актуальных в те годы. В номере от 5 февраля 1990 года было опубликовано интервью «Шпигеля» с председателем ХДС в Восточной Германии Лотаром де Мэзьером (Lothar de Maizière). Журнал спросил, почему глава правительства ГДР Ханс Модров (Hans Modrow) торопится с воссоединением («Настолько ли плохо экономическое положение ГДР, настолько ли сильно давление со стороны населения, что он [Модров – *авт.*] вынужден бежать вперед, бежать к единству?». Мэзьер ответил так: «Я думаю, что это связано. Экономика ГДР не только находится в кризисе, ситуация настолько нестабильна, что нельзя исключать коллапса... У нас все не так, как в Федеративной Республике». По его словам, «господин Модров признал, что восстановление нашей экономики возможно только вместе с Федеративной Республикой и экономическая интеграция также постепенно приведет к одному государственному строю» (Der Spiegel 6/1990: 20).

Однако ожидаемого подъема восточногерманской экономики после воссоединения ГДР и ФРГ не произошло. «В настоящее время нет никаких доказательств перемен на востоке, – констатировал «Шпигель» в номере от 15 апреля 1991 года. – Кто дает прогнозы о сроках подъема на новых территориях [в новоприсоединенных восточных федеральных землях – *авт.*], пребывает в области гаданий. Пока что

нет сомнения только в том, что экономический спад идет все более быстрыми темпами. То, что происходит в настоящее время в восточной Германии, в мирные времена еще никогда не происходило: разрушается целый промышленный регион. Будь то верфи или текстильные фабрики, металлургические заводы или компьютерные предприятия – с их продукцией и ценами они все безнадежно уступают западному конкуренту» (*Der Spiegel* 16/1991: 126).

Кризис предприятий сопровождался безработицей и бедностью среди восточного населения. «Шпигель» с тревогой отмечал, что экономический кризис на востоке может негативно сказаться на экономике запада: «В течение многих лет суммы в сотни миллиардов каждый год будут перетекать с запада на восток, затраты на восстановление восточной экономики будут исчисляться триллионами. Возникают тревожные вопросы. Разве банкротство на востоке не угрожает благосостоянию на западе? Может ли объединенная страна взять на себя бремя на востоке? Потянет ли в конечном итоге экономическая катастрофа в бывшей ГДР всех вниз?» (*Der Spiegel* 16/1991: 126). Политик от партии СДПГ Клаус фон Донаньи (*Klaus von Dohnanyi*) в сентябре 1990 года охарактеризовал ситуацию так: «Экономический сценарий германского риска – это передача благосостояния из ФРГ в ГДР в беспрецедентных масштабах» (*Der Spiegel* 16/1991: 136). По расчетам экономистов, наиболее реалистичным сроком для изменений в лучшую сторону представлялись 20–30 лет, то есть целое поколение.

Не улучшились прогнозы и спустя год. В статье «Эта страна становится неуправляемой» (*Dieses Land wird unregierbar*), опубликованной 14 сентября 1992 года, говорилось о потерянности властей перед опасностью полного экономического упадка: «Финансовое уравнивание между богатыми западными и бедными восточными федеральными землями

должно быть коренным образом преобразовано, но правительство не знает как. Пока ясно одно: и здесь разрыв увеличивается по всей Германии. На востоке требуют все громче, на западе дают все неохотнее» (Der Spiegel 38/1992: 20).

Производство в восточных федеральных землях, несмотря на огромную помощь с запада, сокращалось, увеличивалось социальное неравенство. Каждый десятый немец жил за чертой бедности при значительном росте числа миллионеров (Der Spiegel 38/1992: 21). В обществе росло недовольство канцлером Гельмутом Колем (Helmut Kohl) и его политикой: «Вера в Коля рассеялась. Только каждый четвертый восточный немец все еще считает его компетентным в экономических вопросах», «Личная популярность Коля упала как никогда» (Der Spiegel 38/1992: 21), «Правительство Коля беспомощно» (Der Spiegel 38/1992: 24). По мере возрастания участия западногерманской экономики в восточногерманской появился риск полного вытеснения восточного производства западным. 27 сентября 1993 года «Шпигель» опубликовал статью под заголовком «Мерцание в пустыне» (*Das Glitzern in der Wüste*), вновь поднимавшую проблемы запустения новых федеральных земель, повальной безработицы, а также невероятного демографического кризиса. «Эта ГДР – германская рана, которая не заживет еще долго» (Der Spiegel 39/1993: 47), – приводит журнал высказывание литературоведа, преподавателя Лейпцигского университета Ханса Майера (Hans Mayer). Контраст между запыленными, растрескавшимися и заржавевшими остатками восточной промышленности и чистотой и пестротой ультрасовременных торговых центров, построенных западными силами, – такова была даже визуально проявлявшаяся победа запада над востоком. Однако, как отмечал автор статьи Вильгельм Битторф (*Wilhelm Bittorf*), «поражение и проигравшие начали угрожать победе и победителям, потому что триумфаль-

ные рыночные силы запада явно не в состоянии создать новые предприятия и рабочие места взамен разрушенной восточной промышленности. Они делают противоположное: компании больше, чем когда-либо, наводняют восток товарами западного производства и душат свои собственные производственные начинания в новых землях (будь то скромная попытка запустить местный мед в чужие храмы покупок)» (Der Spiegel 39/1993: 45). Итог – рост безработицы: «...с 1989 года по настоящее время три четверти всех рабочих мест в промышленности были ликвидированы (в абсолютном выражении 2,4 млн из первоначальных 3,2 млн)» (Der Spiegel 39/1993: 49). К этому добавился спад рождаемости, сравнимый с демографической ситуацией в период Первой мировой войны: «От ровно двенадцати рождений на тысячу жителей в 1989 году коэффициент рождаемости в бывшей ГДР к июню 1993 снизился более чем наполовину – до 5,3 на тысячу. В то же время в старой Федеративной Республике на тысячу жителей приходилось 11,7 новорожденных с незначительной тенденцией к росту» (Der Spiegel 39/1993: 49).

Помимо снижения рождаемости, в восточных федеральных землях снизились и процент заключения браков, и процент разводов, то есть снизился уровень любых изменений в личной жизни восточных немцев. «Положение восточных немцев хуже, чем в войну? Являются ли спады выражением социальной аномии (потрясения, кризиса), которая сильнее, чем в период мирового экономического кризиса и в голодные годы после 1945?», – такими вопросами задавались исследователи Вольфганг Цапф (Wolfgang Zapf) и Штеффен Май (Steffen Mau) из Берлинского научного центра социальных исследований.

Вскоре выявилась еще одна серьезная проблема – проблема контроля финансовых потоков. Города бывшей ГДР постепенно оживали, обновлялись, приобретали современ-

ный облик, но вопрос о том, все ли деньги, выделяемые из государственного бюджета, используются надлежащим образом, становился все более острым. «...В Восточной Германии восточники, как и западники, тратят впустую и присваивают государственные деньги в немыслимых доселе масштабах, – писал «Шпигель» в номере от 13 февраля 1995 года. – Дело века, германское единство, – рискует войти в учебники по истории и как жульничество века» (Der Spiegel 7/1995: 46). Несмотря на то что «города, такие как Лейпциг, сияют в блеске прекрасно отреставрированных фасадов в стиле модерн и недавно построенных офисных дворцов», а «до самых дальних уголков Мекленбурга Передней Померании на севере или Фогтланда на юге многие проселочные дороги теперь на западном уровне», «Восточная Германия превращается в могилу миллиардов» (Der Spiegel 7/1995: 47). «Шпигель» приводит следующие цифры: к концу 1994 года около 514 млрд марок из налоговых денег было выделено только для экономического и административного развития восточных земель, плюс 20 млрд марок из европейских бюджетов (Der Spiegel 7/1995: 50). Однако, по оценкам экспертов, треть всех средств предположительно была потрачена «без всякого контроля со стороны надзорных органов». «Где точно осели деньги, сколько из них с большой криминальной энергией было перенаправлено на частные счета, сколько – вполне законно – было просто растрчено из-за чрезмерных расходов или из-за отсутствия бухгалтерского учета, достоверно никто не знает» (Der Spiegel 7/1995: 50).

Тем не менее, к тому времени в экономике бывшей ГДР стала прослеживаться явная положительная динамика. В 1995 году специально для журнала «Шпигель» было проведено обширное исследование условий жизни в Восточной Германии, результаты которого были опубликованы в номере от 4 сентября 1995 года. Результаты эти позитивны:

«...доходы растут, компании становятся более конкурентоспособными, граждане обретают новое самосознание» (Der Spiegel 36/1995: 118), несмотря на то, что многие проблемы не ушли. По-прежнему оставался разрыв между востоком и западом (однако в некоторых сферах, например в обеспечении местами в детских садах и энергосбережении, восток даже опережал запад), экономическая мощь новых федеральных земель была существенно ниже западного уровня (вклад восточных немцев в общий ВВП составлял лишь около 10%), сохранялась безработица, особенно среди женщин (однако при этом доля семей с двойным доходом на востоке в 1994 году была значительно выше, чем на западе, – 44% и 39% супружеских пар соответственно). И все же, несмотря на все это, эксперты заключали: «Уравнивание условий жизни по сравнению с западом далеко продвинулось» (Der Spiegel 36/1995: 119).

Ментальная интеграция «осси»

Как тонко подметил писатель и поэт Рольф Шнайдер (Rolf Schneider), одна из причин экономического отставания Восточной Германии кроется в ментальности восточных немцев. В статье «Благотворная отчужденность» (*Die heilsame Entfremdung*), опубликованной в «Шпигеле» накануне воссоединения, 24 сентября 1990 года, и посвященной отношениям между восточными и западными немцами, он отмечал, что западный немец для жителей ГДР представляется как «наделенный характером... акулы: как виновник повышения арендной платы и решений о выселении, как высокомерный всезнайка, как красноречивый продавец» (Der Spiegel 39/1990: 54). В противоположность западникам, как выразился премьер-министр ГДР Лотар де Мэзьер «в то время, когда к нему еще можно было относиться политически серьезно», его соотечественников отличают «специфиче-

ская способность страдать», а также пассивность. «В течение 40 лет собственная инициатива в ГДР была бессмысленной, если не самоубийственной, – писал Шнайдер. – Приспособлялись. Культивировалась та социальная летаргия, которая гарантировала выживание. В конце концов она привела экономику ГДР к своему заслуженному разорению, но результатом для пострадавших было и то, что она безвозвратно сгубила полезные для экономической конкуренции навыки». Тем не менее в отношении будущего жителей ГДР после грядущего воссоединения Шнайдер был настроен довольно оптимистично: «Примерно через пять лет положение и чувства восточногерманской неполноценности будут всего лишь мрачным воспоминанием. Начиная примерно с 1993 года объединенное отечество и в душе своих жителей сможет стать тем, чем оно мнимо будет уже после 3 октября 1990: великой державой» (Der Spiegel 39/1990: 55).

Той же проблеме – проблеме германо-германских взаимоотношений – была посвящена и другая статья, опубликованная в этом же номере: «Это другая страна» (*Es ist ein anderes Leben*) Вольфганга Бикериха (Wolfgang Bickerich). «Бледное лицо, жирные волосы, взгляд вниз, склоненная поза, короткие стеганные куртки, застиранные, бесформенные джинсы, бежево-серые ботинки, смятые полиэтиленовые пакеты в руке. Если они говорят, то на странном наречии. Некоторые пахнут, а некоторые крадут, как вороны, – таков портрет «осси» глазами автора. – Они... растрачивают рабочее время в ожидании работы и в ленивой болтовне... Они копошатся дальше, как копошились 40 лет, и ожидают, что небо расколется, что появится чудо: что их страна в один момент заработает». «Весси» же – полная противоположность «осси»: «каждый раз в модной одежде, более шикарной, чем того хочет реклама, от укладки волос до обуви от Гуччи или Балли, всегда со свежим загаром после отпуска или солярия

<...> в бумажнике золотая карта, в сердце – непоколебимая уверенность в себе». Итог: «Восточные немцы ведут себя как немцы второго сорта – и с ними так и обращаются» (*Der Spiegel* 39/1990: 34).

Еще одним ментальным препятствием в движении к полному единству было то, что значительная часть жителей ГДР ставила свою восточногерманскую идентичность выше общегерманской. В статье приводятся результаты опроса, проведенного в июле восточноберлинским Фондом общественного анализа, согласно которым только 48% (из 1058 респондентов) считали себя «немцами», другие же осознавали себя больше как граждане ГДР или немцы ГДР. По мнению исследователя Фонда Гельмута Майера (Helmut Meier), гражданам ГДР нужно «еще десять лет, чтобы обрести новую идентичность в новой Германии» (*Der Spiegel* 39/1990: 35).

Время шло, но ситуация только обострялась. «Глубокая депрессия на востоке, равнодушие на западе давно вытеснили чувство счастья по поводу германского единства, – писал «Шпигель» в статье «Дистанция, разочарование, ненависть» (*Distanz, Enttäuschung, Haß*) в номере от 17 августа 1992 года. – Когда встречаются граждане с востока и с запада, они наносят друг другу раны, стена в их головах растет. Политики беспомощны – безысходность вместо радости в воссоединенном германском отечестве» (*Der Spiegel* 34/1992: 30). В Берлине, где восток и запад сталкивались напрямую, ментальное отчуждение чувствовалось наиболее сильно. Ноябрьской ночью 1989 года, когда рухнула Берлинская стена, тогдашний бургомистр Вальтер Момпер (Walter Momper) назвал немцев «счастливейшим народом в мире» (*Der Spiegel* 34/1992: 30), однако теперь, спустя два года после воссоединения, «вряд ли что-то такое уже чувствуется»; восточные и западные немцы относятся друг к другу так, «как будто стена никогда не падала».

В статье приводятся многочисленные примеры германо-германских столкновений на самых разных уровнях – от бытового до политического. 20-летний Даниэль, выросший в восточном Берлине, старается избегать кафе, баров, культурных центров и других точек, построенных по западному типу: все это действует отталкивающе на молодого человека, привыкшего к заведениям «со старым гэдээровским очарованием». Западные посетители потсдамского дворца Сан-Суси жалуются на «старую недалекость ГДР», а сотрудники Сан-Суси возмущаются тем, что их называют «коммунистическими свиньями». Восточногерманские спортсмены жалуются, что западные спортивные чиновники, «подобно колонизаторам», эксплуатируют их ради собственной славы и обращаются с ними, «как со своими неграми».

Кто виноват в сложившейся ситуации – запад или восток? Мнения были не столь однозначны. Например, политик из ХДС Арнольд Ваатц (Arnold Vaatz), который во времена ГДР был оппозиционером, считал, что напряженность в отношениях между востоком и западом «также обусловлена дефицитом благодарности со стороны восточных немцев» (Der Spiegel 34/1992: 32), а восточногерманская писательница Моника Марон (Monika Maron), падчерица министра внутренних дел ГДР, проживающая на западе с 1988 года, один из наиболее ярких критиков востока, открыто выражала свое «непреодолимое отвращение» к востоку. Но были и те, кто критиковал запад: Ангела Меркель (Angela Merkel), на тот момент заместитель председателя ХДС и одна из немногих восточногерманских политиков, занимавших высокий пост, жаловалась, что западные немцы еще не поняли, что 3 октября 1990 года изменило и их общество тоже: «Старой Федеративной Республики больше нет» (Der Spiegel 34/1992: 31), – утверждала она.

Как бы то ни было, в массовом сознании и общественном дискурсе прочно закрепились клише: «всезнайки вессии» (*Besserwessis* – от *Besserwisser*) и «нытики осси» (*Jammerossis*).

Пессимистические настроения среди восточных немцев все больше усиливались: согласно результатам опроса в ноябре–декабре 1992 года, опубликованным в номере «Шпигеля» от 18 января 1993 года, более трети взрослого населения бывшей ГДР (36%, или почти 4,5 млрд человек) считали, что они «в этом обществе больше не нужны» (*Der Spiegel* 3/1993: 53), причем ощущение собственной ненужности было сильно как у старшего поколения (людей в возрасте 50–60 лет), так и у молодых в возрасте до 30 лет. Еще один тревожный показатель: каждый год росло количество тех, кто испытывает «страх перед будущим», за два года оно увеличилось с 33% в 1990 году до 45% в 1992 году. Среди западных немцев две трети «хотели бы жить так, как будто воссоединения вообще не было», для многих «новые федеральные земли» остались такими же чужими и далекими, какой была ГДР (*Der Spiegel* 3/1993: 56).

Любопытна статистика восприятия восточными и западными немцами понятий «осси» и «вессии»: на вопрос об отношении к использованию этих понятий ответы тех и других разделились практически пополам между «плохо» и «мне все равно» (*Der Spiegel* 3/1993: 56).

Также любопытно было отношение восточных немцев к социализму как системе: согласно опросу 1994 года, 21% считали социализм системой, ведущей к краху, 71% положительно относились к социализму как идее, а вину в ее неправильном воплощении возлагали на некомпетентных политиков (*Der Spiegel* 33/1994: 111). И если в 1990 году большинство восточных немцев ощущали себя скорее гражданами ГДР, чем немцами, то спустя четыре года их восприятие собственной идентичности стало меняться, и в августе

1994 года немцами ощущали себя уже 61% респондентов, в то время как восточными немцами – 36% (Der Spiegel 33/1994: 111).

В последующих опросах касательно социализма разрыв в цифрах несколько увеличился. По данным исследования, опубликованного в «Шпигеле» в номере от 3 июля 1995 года, лишь 19% восточных немцев считали социализм «системой, обреченной на провал», 73% считали социализм хорошей идеей, которую политики не смогли воплотить в жизнь, а 15% хотели бы вернуть ГДР. Таким образом, отмечалась переоценка восточными немцами своего прошлого, все возрастающая ностальгия. В вопросах об отрицательных и положительных сторонах ГДР, где требовались развернутые ответы, респонденты отмечали: невозможность путешествовать и лучше одеваться, ограниченный ассортимент продукции, очереди, низкие зарплаты, но вместе с тем – чувство безопасности, отсутствие опасений остаться без работы, забота о детях в детском саду и в школе, социальное обеспечение, высокая сплоченность среди друзей, соседей, коллег, дешевые кинотеатры и транспорт и так далее (Der Spiegel 27/1995: 40).

На давний вопрос о том, ощущают ли респонденты «стену в своих головах», 67% ответили «согласен», и только 31% – «не согласен» (Der Spiegel 27/1995: 41). А на вопрос, оправдались ли ожидания после воссоединения Германии, восточные и западные немцы ответили примерно одинаково: большинство – 53% и 43% соответственно – выбрали вариант «стало хуже, чем я ожидал», 33% и 28% – «так, как я ожидал», и только 13% и 25% – «лучше, чем я ожидал».

В объединенной Германии, отмечали восточные немцы, «гораздо больше, чем раньше, зависит от каждого, устроится ли он в жизни», и 77% считали, что это не всегда признак прогресса, поскольку, заботясь исключительно о себе, чело-

век почти не думает о других (Der Spiegel 27/1995: 46–49). Поэтому большинство опрошенных – 89% – убеждены, что «сплоченность между людьми в ГДР была сильнее, чем сейчас». Западные же немцы, считают восточные немцы, лучше понимают, как самоутвердиться, потому что «с детства научены пробиваться», они «безжалостны, предприимчивы, уверены в себе, решительны и независимы», чего не хватает восточникам, как сами они признаются.

Таким образом, в первой половине 1990-х гг. эйфория после воссоединения Германии быстро сменилась неудовлетворенностью настоящим и страхом перед будущим, и главной причиной этому была болезненная экономическая и ментальная интеграция восточных немцев в западногерманское общество. Тон журнала в публикациях, посвященных вопросам интеграции и связанным с ней проблемам, в целом можно охарактеризовать как нейтральный, однако в частных случаях имели место проявления симпатии/антипатии по отношению к восточным немцам.

Реакция исследователей на переходный этап

Исследователи придерживаются неоднозначных оценок как воссоединения двух германских государств, так и перемен, произошедших в области СМИ. Все случилось, по сути, так, как предполагал в своих исследованиях известный немецкий социолог и философ, один из авторов теории коммуникации Никлас Луман (Niclas Luhmann, 1927–1998). Он акцентировал внимание на взаимосвязи процессов распада и самовоспроизводства систем. Обосновывая распад системы, Луман считал, что он предопределен мгновенным характером ее элементов, то есть событий, а фактором распада системы называл время. По мнению Лумана, самообновление системы предполагает предшествующее ее разложение, что

и доказывает ситуация на медиарынке ГДР в конце 1990-х гг. [Луман 2005].

Американская исследовательница и журналистка Дороти Дж. Розенберг, проходившая в то время стажировку в Свободном университете Западного Берлина и посещавшая ГДР, отмечала: «До недавнего времени западные исследования делали упор на утверждении, что никакого восточногерманского идентитета не существует и что общие культурные корни берут верх над любыми малозначимыми структурными различиями между двумя немецкими государствами. Теперь, когда политическое объединение завершено и проведены совместные выборы, жизнь в Германии не вернулась в спокойное русло. Описания процесса объединения Германии переключились с реальной действительности на усиливающееся осознание существования едва скрытого кризиса» [Розенберг 1992: 33].

В подготовленном в 1993 году Институтом прикладных социальных исследований обзоре указывалось, что «83% граждан бывшей Западной Германии (ФРГ) оценивают ситуацию в пяти новых землях как «драматическую». Кроме того, 62% восточных немцев и 59% западных заявили, что они «в большой степени» или «очень» не удовлетворены развитием событий после объединения» [Розенберг 1992: 33–50].

Ввиду социальной значимости и масштабности отмеченных выше вопросов они активно освещались на страницах информационного общественно-политического еженедельного журнала «Шпигель» в течение всех 30 лет, прошедших после воссоединения двух германских государств. Богатая история издания и принципы его работы позволяют нам относить журнал к категории качественной прессы, считать передовым изданием в нише немецких общественно-политических еженедельников, а также надежным и объективным источником социальной информации. В материалах

«Шпигеля» уделяется большое внимание многим аспектам как внутренней, так и внешней политики. Следует отметить, что сегодня лидирует его онлайн-версия. В целом анализируемые материалы «Шпигеля» за весь исследуемый период характеризуются высоким качеством и разносторонней подачей информации, наличием дискуссии и большой долей аналитики.

Библиография

Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Антоновского. М.: Праксис, 2005.

Розенберг Д. Дж. Колонизация Восточной Германии // Альтернативы. 1992. 2: 33–50.

Публикуется по: Век информации. 2020. Т. 8. № 3. С. 49–57.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ БРИТАНСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ НОВОСТНЫХ БРЕНДОВ В СФЕРЕ ПЕЧАТИ В 2020–2021 гг.

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются основные тенденции развития британских национальных новостных брендов в сфере печати в 2020–2021 гг., предпринимается попытка проанализировать ключевые аспекты их формирования в последние годы в контексте пандемии COVID-19. Акцент сделан на исследовании эволюции привычек медиапотребления, а также способов и мер решения медиаигроками экономических проблем.*

***Ключевые слова:** новостные бренды, медиаиндустрия, национальная пресса Великобритании, COVID-19, медиапотребление.*

Стремительное развитие Интернета, прогресс информационно-коммуникационных технологий и другие факторы оказали большое влияние на структуру медиарынка и медиапотребления в последние десятилетия. Пандемия COVID-19 внесла существенные коррективы в обыденную жизнь людей, в деятельность медиаигроков в частности и организацию медиaprостранства в целом, ускорив наметившиеся процессы трансформации.

В статье предпринимается попытка проанализировать ключевые особенности развития сегмента ежедневных национальных газет (новостных брендов в сфере печати) в Великобритании в контексте пандемии COVID-19. Понятие «новостные бренды» (от англ. *news brands*) входит в терминологический аппарат медиаэкспертов Великобритании

в последнее десятилетие и связано с трансформацией традиционных СМИ в цифровом мире¹.

В нашей статье мы уделяем особое внимание национальным новостным брендам в сфере печати (*The Guardian, The Times* и др.). Этот сектор медиаиндустрии значительно пострадал во время пандемии *COVID-19*: отмечались падение тиражей, сокращение доходов от рекламы, увольнения журналистов и т. п. В то же время для иллюстрации важных, на наш взгляд, явлений в развитии британской медиаиндустрии мы используем показательные кейсы из практики региональных и местных изданий, а также национальных вещательных массмедиа. Нас интересует рассмотрение двух параметров: эволюция привычек медиапотребления в Великобритании, а также способы и меры решения медиаигроками новых и старых экономических проблем.

Эмпирическую базу исследования составили данные медиаметрических организаций (ABC, PAMCo), социологических институтов и служб, консалтинговых компаний (*YouGov*); отраслевая аналитика *Digital News Report (Reuters Institute for the Study of Journalism at Oxford University)*, *News Consumption in the UK (Ofcom)*, *Online Nation (Ofcom)*; отчеты медиакомпаний и аналитические публикации в СМИ.

В последние годы не так много отечественных исследований было посвящено анализу и комплексному рассмотрению медиаландшафта Великобритании (Вартанова, 2019; Любимов, 2007; Беглов, 2002) или его отдельных сегментов (Вартанова, 2019; Захарова, Gladkova, Kiseleva, 2018; Пустовалов, 2013; Бодрунова (а, б), 2013; Засурский, 2011 и др.). В то же время достаточно часто встречаются статьи, в центре внимания которых особенности освещения какой-либо темы или

¹ Пресса сегодня – это не только газета и журнал на физическом носителе, но и сайт, тематические приложения, аккаунты в соцсетях и пр.

проблемы в британских массмедиа (Кумылганова, Куцепалова, 2021; Филаткина, Киреева, 2021; Якова, 2019; Прутцков, 2019 и др.). Наше исследование представляет собой попытку анализа актуальных тенденций развития британских новостных брендов в сфере печати, которые в последнее время не попадали в фокус внимания российских медиаэкспертов.

Рост медиапотребления на фоне пандемии *COVID-19*

Небывалый всплеск интереса со стороны населения к информации, связанной с развитием пандемии *COVID-19* и всех смежных с ней тем, наблюдался практически на протяжении всего первого года пандемии² (в особенности во время первого локдауна). Трансляция на *BBC*³ заявления премьер-министра Великобритании Б. Джонсона от 10 мая 2020 г. о послаблении карантинных мер⁴ стала самой просматриваемой программой года, собрав аудиторию в 18,7 млн зрителей⁵ (население страны составляет 67,5 млн человек⁶).

² В Великобритании было три национальных локдауна: в марте–июне 2020 г., в ноябре–декабре 2020 г., январе–феврале 2021 г. В разных административно-территориальных единицах временные рамки локдаунов могли незначительно отличаться. Режим доступа: <https://www.instituteforgovernment.org.uk/charts/uk-government-coronavirus-lockdowns>; <https://www.standard.co.uk/news/uk/boris-johnson-hancock-prime-minister-downing-street-dominic-cummings-b925459.html> (дата обращения: 18.09.2022).

³ Доступ ограничен в соответствии со статьей 15.3 Федерального закона № 149-ФЗ.

⁴ Выступление Б. Джонсона об объявлении начала первого локдауна от 23 марта 2020 г. смотрело по телевизору 14,6 млн зрителей.

⁵ Sandle P. (2022) TV Viewing Surges During Britain's Lockdown, Led by Streaming Services. *Reuters*. 5 Aug. Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-britain-tv-lockdownidUSKCN250310> (дата обращения: 18.09.2022).

⁶ UK Population 2022. Режим доступа: <https://www.ukpopulation.org> (дата обращения: 18.09.2022).

Согласно бюллетеню *Ofcom* за январь–март 2021 г., в поисках в Интернете информации о коронавирусной инфекции 35% британцев обращались к социальным сетям, 26% – к *BBC* и 22% – к сайтам национальных изданий. Предпочтение тех или иных медиа варьировалось в зависимости от возраста респондентов. В то время как социальные сети привлекали в значительной степени молодежь (от 15 лет до 24), сайты национальных изданий пользовались почти одинаковым спросом среди британцев всех возрастов⁷.

Во время локдаунов в Великобритании национальные бренды в сфере печати отмечали значительный прирост пользователей в Сети. Так, трафик на портале *www.ft.com* увеличился за год (с марта 2019 г.) на 250%. Во время пандемии коронавируса был побит рекорд посещаемости сайта, установленный во время референдума о выходе страны из Евросоюза⁸. В свою очередь, количество уникальных посетителей сайта *The Guardian* с февраля по март 2020 г. практически удвоилось – с 191 до 366 млн; около 70% всех просмотров связано с темой *COVID-19*⁹. Количество пробных подписок у этих двух изданий в первые недели локдауна выросло в десять раз. Согласно данным РАМСо, ежедневная аудитория национальных новостных брендов в сентябре 2020 г. по сравнению с данными годичной давности увеличилась на 3 млн, достигнув 21,5 млн человек. Сегмент цифровых новостных медиа, включая сайты националь-

⁷ Online Nation. 2021. Report. P. 163. Режим доступа: https://www.ofcom.org.uk/_data/assets/pdf_file/0013/220414/online-nation-2021-report.pdf (дата обращения: 18.09.2022).

⁸ Mayhew F. (2020) News Publishers Hit New Online Records with Coronavirus Coverage. *Press Gazette*. 7 April. Режим доступа: <https://pressgazette.co.uk/ft-and-reach-titles-hit-new-online-records-with-coronavirus-coverage/> (дата обращения: 18.09.2022).

⁹ Там же.

ных и региональных изданий, охватил 32 млн читателей (в день)¹⁰.

В рассматриваемый период повысилась ценность и значимость надежных источников информации. Согласно исследованию *The World Without News*, после начала пандемии 66% респондентов стали больше ценить работу журналистов по сбору достоверной информации. Хотя 42% респондентов в возрасте до 35 лет использовали в разгар пандемии *COVID-19* чаще социальные сети, 70% из них чувствовали меньшую тревогу по поводу историй из *Facebook*^{*11} или *Twitter* после их подтверждения в массмедиа¹². Наибольшим уровнем доверия к информации о *COVID-19* среди британских средств массовой информации пользовались *BBC Online* (78%) и сайты качественной прессы (73%). У изданий промежуточного типа и таблоидов, несмотря на большой охват аудитории, уровень доверия оказался достаточно низким (34 и 29% соответственно)¹³.

Как мы отмечали ранее, основной всплеск потребления новостей пришелся на объявленный в стране первый локдаун: значительно выросло количество приобретенных

¹⁰ Tobitt C. (2020) Pamco Audience Data: The Sun is Most-Read UK News Brand as Sector Sees Strong Year on Year Growth. *PressGazette*. 9 Dec. Режим доступа: <https://pressgazette.co.uk/pamco-uk-national-news-websites-strong-growth-post-covid/> (дата обращения: 18.09.2022).

¹¹ Принадлежит компании *Meta Platforms*, которая признана в России экстремистской организацией и запрещена.

¹² Tobitt C. (2020) Two-Thirds of Brits Say *COVID-19* Pandemic has Made Them Appreciate Journalism More. *Press Gazette*, 7 Oct. Режим доступа: <https://pressgazette.co.uk/two-thirds-of-brits-say-covid-19-pandemic-has-made-them-appreciate-journalism-more/> (дата обращения: 18.09.2022).

¹³ Online Nation. 2021 Report. P. 170. Режим доступа: https://www.ofcom.org.uk/_data/assets/pdf_file/0013/220414/online-nation-2021-report.pdf (дата обращения: 18.09.2022).

подписок и увеличился трафик на сайтах массмедиа, в том числе национальных изданий. Однако постепенно вместе с увеличением интереса к новостям у аудитории стала формироваться тенденция их игнорирования. Уже в июле 2020 г. 22%¹⁴ респондентов сообщали, что они часто или всегда стараются избегать новости (в первом информационном бюллетене таковых было 15%). Две трети опрошенных британцев утверждали, что отстраняются от новостей в зависимости от того, как они влияют на их настроение¹⁵. Несмотря на общее увеличение потребления новостей проблема переизбытка и недостоверности информации стала важной помехой на пути к поддержанию медиапотребления на уровне, достигнутом во время первого локдауна.

Изменение способов потребления информации на фоне пандемии

Во время пандемии *COVID-19*, на фоне увеличения потребления новостного контента в Интернете, традиционные медиа стали уделять все большее внимание распространению в онлайн-среде. В то же время действовавшие во время локдаунов ограничения лишили печатные СМИ традиционных мест дистрибуции. Тысячи независимых газетных киосков были закрыты, пригородное движение отсутствовало, а супермаркеты сократили продажу изданий из-за снижения

¹⁴ News Avoidance in the UK Remains High as Lockdown Restrictions Are Eased. 2020. *Factsheet*. 28 July. Режим доступа: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/news-avoidance-uk-remains-high-lockdown-restrictions-are-eased> (дата обращения: 18.09.2022).

¹⁵ Most in the UK Say News Media Have Helped Them Respond to COVID-19, but a Third Say News Coverage Has Made the Crisis Worse. 2020. *Factsheet*. Aug. Режим доступа: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/most-uk-say-news-media-have-helped-them-respond-covid-19-third-say-news-coverage-has-made-crisis> (дата обращения: 18.09.2022).

посещаемости. Первый локдаун привел к самому резкому снижению тиражей за последние 20 лет. В среднем падение составило порядка 20%, в то же время некоторые лидеры антирейтинга зафиксировали сокращение тиражей более чем на 35%¹⁶. С наиболее сильным падением столкнулись бесплатные информационные газеты, потерявшие своих читателей с введением в стране жестких ограничений (так, тираж газеты *Metro* опустился с 1,4 млн экз. до 320 тыс. экз.)¹⁷. Бесплатная лондонская деловая газета *City A. M.* и вовсе приостановила выход печатной версии, сконцентрировавшись на развитии сайта.

В результате пандемии произошли изменения в рейтинге лидеров по тиражу. В мае 2020 г. газета *The Sun*, возглавлявшая в течение 42 лет список самых высокотиражных платных газет, уступила пальму первенства *The Daily Mail*¹⁸.

В это же время бюро тиражного аудита позволило издателям по желанию отказаться от публикации в общем доступе данных о тираже. Многие газеты (*The Guardian*, *The Observer*, *The Times*, *The Sun* и др.) предпочли этой возможностью воспользоваться.

¹⁶ Tobitt C., Majid A. (2022) National Press ABCs: FT, Metro, City AM and Sunday Mail Report Growth in May. *Press Gazette*. 22 June. Режим доступа: <https://pressgazette.co.uk/most-popular-newspapers-uk-abc-monthly-circulation-figures/2/> (дата обращения: 18.09.2022).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Sweney M. (2020) Daily Mail Eclipses the Sun to Become UK's Top-Selling Paper. *The Guardian*. 19 June. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/media/2020/jun/19/daily-mail-eclipses-the-sun-to-become-uks-top-selling-paper> (дата обращения: 18.09.2022); Wood V. (2020) Daily Mail Takes Title of UK's Most Read Paper From The Sun After 42-Year Run. *The Independent*. 20 June. Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/news/media/daily-mail-the-sun-circulation-most-read-newspaper-uk-a9576761.html> (дата обращения: 18.09.2022).

После снятия ограничений, связанных с первым локдауном, тиражи газет стали постепенно восстанавливаться. Уже через год практически все издания превысили свои показатели¹⁹.

В поиске новых источников финансирования

В 2020 г. на фоне ограничений из-за пандемии *COVID-19* было зафиксировано снижение доходов от рекламы во всех сегментах медиаиндустрии, в том числе в социальных медиа и на платформах платного поиска, где до начала года отмечался стабильный прирост²⁰. Поступления от рекламы в 2020 г. сократились на 24% у национальных и на 35% у региональных новостных брендов²¹. В 2021 году рынок «ожил», продемонстрировав постепенное приближение к допандемийным показателям. Так, местные и региональные издатели получили в 2021 г. даже более высокие, чем ожидалось в начале года, доходы от цифровой рекламы²².

Однако, несмотря на положительную динамику, все более шатким выглядит положение тех средств массовой информации, которые продолжают сильно зависеть от рекламных поступлений. В поисках альтернативы рекламе как источнику доходов еще в конце 2000-х гг. некоторые британские новостные бренды ввели платный доступ (*paywall*).

¹⁹ У большинства печатных изданий к концу первого локдауна были зафиксированы самые низкие тиражи.

²⁰ Advertising Media Owners Revenue in the United Kingdom (UK) from 2014 to 2027, by Medium (in Million GBP). Режим доступа: <https://www.statista.com/statistics/248766/advertising-spending-in-the-uk-by-media/> (дата обращения: 18.09.2022).

²¹ Tobitt C. (2021) Charted: UK Media ad Revenue Collapsed in 2020 for Everyone Except the Tech Platforms. *Press Gazette*. 29 April. Режим доступа: <https://pressgazette.co.uk/uk-advertising-market-spend-uk-20/> (дата обращения: 18.09.2022).

²² Digital News Report 2022, p. 62. Режим доступа: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/digital-news-report/2022> (дата обращения: 18.09.2022).

Массмедиа *News Corp* первыми сделали платным весь свой контент в Интернете в 2010 г. Сегодня *paywall* введен такими британскими национальными газетами, как *The Times*, *The Daily Telegraph*²³, *The Financial Times*. Во время пандемии *COVID-19* некоторые издания бывшей *JPI Media*²⁴ пошли по тому же пути. Однако были и прецеденты, когда, объяснив свое решение социальной необходимостью, местные СМИ вновь делали содержание для пользователей бесплатным.

В то же время в Великобритании остается большое количество массмедиа в Интернете в свободном доступе. Так, *The Daily Mail*, *The Guardian* и ряд других национальных изданий, при условии сохранения бесплатного доступа к контенту сайта, предлагают оформить цифровую подписку на электронную публикацию (*e-paper*).

Альтернативой полномасштабному платному доступу является подход с оплатой по мере использования (*Pay-as-you-read*), микроплатежами, позволяющий читателям платить за конкретную статью, а не за ежемесячный доступ ко всему контенту сайта. Эту модель в Великобритании продвигает молодая компания *Axate*, которая в основном работает с издателями местных новостных сайтов²⁵. Национальные новостные бренды эту модель не используют.

²³ Доступ ограничен в соответствии со статьей 15.3 Федерального закона № 149-ФЗ.

²⁴ Mayhew F. (2020) Paywalls, Micropayments and Donations: How Regional Press Giants Are Trying to Make News Pay. *Press Gazette*. 19 Oct. Режим доступа: <https://pressgazette.co.uk/paywalls-micropayments-and-donations-how-regional-press-giants-are-trying-to-make-news-pay/> (дата обращения: 18.09.2022).

²⁵ Carrick A. (2021) Would You Pay 20p to Read a Story Rather Than Take Out a Subscription? *Axate* Wants to Support Journalism and Make News Easier to Read. *This is Money*. 13 October. Режим доступа: <https://www.thisismoney.co.uk/money/smallbusiness/article-10083797/Axate-pay-20p-read-article-subscribe.html> (дата обращения: 18.09.2022).

Краудфандинг/пожертвования на новости появился относительно недавно. В Великобритании этот способ финансирования охватывает лишь 1% населения. Основными получателями отчислений являются сайты местных общин, *The Guardian*, YouTube-каналы, проекты исследовательской журналистики, политически ангажированные новостные сайты (*The Canary* и *Novara Media*). Во время пандемии COVID-19 некоторые местные издания (*The Yorkshire Post*, *The Liverpool Echo*) также обратились за помощью к своей аудитории. Явный лидер по привлечению пожертвований – сайт *The Guardian*, на долю которого приходится почти половина всех отчислений в Великобритании (42%), растут и разовые пожертвования читателей сайта (530 тыс. в 2020 г. и 585 тыс. в 2021 г.)²⁶.

Читатели могут поддержать издателей, став частью организации. В этой категории также лидирует *The Guardian*. Членство в *The Guardian Patrons* предполагает ежегодный взнос участника в размере от 1200 ф. ст. и предоставление ряда преимуществ: посещение мероприятий *The Guardian* и удаленное присутствие на утренних редакционных конференциях с шеф-редактором газеты и т. п. Есть и другие формы членства, предполагающие более активное участие в жизни медиаорганизации. Например, сайт местной общины *Bristol Cable* на 100% принадлежит местным жителям, членам организации *Bristol Cable*. Любой, кто вносит не менее 1 ф. ст. в месяц, становится ее участником. На ежегодном

²⁶ GNM Press Occe (2020) Guardian Sees Digital Reader Support Grow by 43% in a Year. *The Guardian*. 17 December. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/gnm-press-occe/2020/dec/17/guardian-sees-digital-reader-support-grow-by-43-in-a-year> (дата обращения: 18.09.2022); GNM Press Occe (2021) The Guardian Reaches One Million Digital Subscriptions Milestone. *The Guardian*. 14 December. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/gnm-press-occe/2021/dec/14/the-guardian-reaches-one-million-digital-subscriptions-milestone> (дата обращения: 18.09.2022).

общем собрании акционеры избирают совет директоров, утверждают бюджет и голосуют по таким темам, как редакционные кампании *Cable*, типы рекламы, которую она должна принимать и пр.

The Guardian демонстрирует успешную модель по привлечению доходов непосредственно от читателей. За возможность читать материалы журналистов британской газеты готовы платить уже свыше 1 млн человек (учитываются цифровые подписки и пожертвования), однако стоит принять во внимание тот факт, что около половины из них в настоящее время находится за пределами Великобритании²⁷. И если *The Guardian* уже удалось наладить поступление отчислений от своей аудитории, то остальным издателям еще только предстоит убедить клиентов платить за контент в Интернете.

В попытке привлечения новой аудитории

По мере распространения коронавирусной инфекции эта тема постепенно становилась все более востребованной. Новые рубрики со статистикой и информацией о пандемии *COVID-19* привлекали большое количество пользователей. *Coronavirus Tracker* на сайте *The Financial Times*, который отслеживал ежедневный рост числа случаев и смертей в ре-

²⁷ Количество британцев, имеющих платные цифровые подписки или делающих взносы, растет крайне медленно (9% в 2019 и 2022 гг., 8% в 2020–2021 гг.) При этом, как и во многих других странах, внушительная часть этих поступлений приходится на несколько крупных медиаигроков. Режим доступа: https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2020-06/DNR_2020_FINAL.pdf (дата обращения: 18.09.2022); Digital News Report 2021. Режим доступа: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/digital-news-report/2021> (дата обращения: 18.09.2022); Digital News Report 2022. Режим доступа: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/digital-news-report/2022> (дата обращения: 18.09.2022).

зультате *COVID-19*, стал самой просматриваемой страницей за всю историю существования сайта. Издание, находящееся в платном доступе, сделало этот контент бесплатным. В результате диаграммы и графики *The Financial Times* активно распространялись в социальных сетях.

Во время локдаунов сократилось на 20% прослушивание некоторых подкастов²⁸, что было связано с изменением ритма жизни британцев. Однако появились новые продукты, посвященные теме коронавируса, привлечшие дополнительную аудиторию. Так, запущенный *The Daily Telegraph* в марте 2020 г. подкаст *Coronavirus – The Latest* стал самым популярным за всю историю сайта. В свою очередь, *The Guardian* сообщило об увеличении числа обращений к своим подкастам в среднем на 48% в период с мая по октябрь 2020 г. *Today in Focus* ежедневно слушали сотни тысяч людей – больше, чем покупали печатную версию газеты.

В то время как подкасты в основном представляют интерес для более молодой аудитории, рассылка информационных бюллетеней рассчитана на привлечение пользователей старшего возраста. *The Daily Mail* предлагает различные возможности формирования рассылки: позволяет выбирать основные темы, время получения письма, настраивать и другие опции. Рассылка новостей по электронной почте является предпочтительным вариантом для удержания подписчиков, позволяет привлекать новых пользователей и дополнительный трафик на сайт. Однако в Великобритании не так много пользователей получают новости по электронной почте, что значительно ослабляет связь между редакцией и читателем. Мобильные уведомления также не пользуются спросом – на них подписано лишь 16% британцев²⁹.

²⁸ Digital News Report 2020. P. 26.

²⁹ Digital News Report 2020. Pp. 40–41.

Улучшение условий приобретения пробных подписок можно отнести к одному из способов привлечения новой аудитории. Многие издания, находящиеся в платном доступе, сообщали о рекордном числе абонементов с момента введения первого локдауна. Связано это было не в последнюю очередь с акциями, которые устраивали медиа: например, предлагая оформить пробную подписку на три месяца всего за 1 ф. ст. (*The Daily Telegraph, The Daily Mail*) или на 1 месяц за 1 долл. (*The Financial Times*).

С введением первого локдауна популярностью стала пользоваться услуга бесплатной доставки газеты на дом. Второе дыхание обрел проект *Deliver My Newspaper*, запущенный еще в 2018 г. С началом пандемии *COVID-19* у него появилось более 200 тыс. новых клиентов. Британцы преклонного возраста или с серьезными проблемами со здоровьем получили возможность оформить бесплатную доставку национальных газет на дом при условии их абонирования минимум на десять недель. Региональные издатели пошли по такому же пути, решив взять на себя оплату почтовых услуг ради сохранения привычки чтения и поддержания интереса к печатной версии своих изданий.

В связи с резким сокращением аудитории серьезные коррективы в схему распространения тиража вынуждены были вносить и бесплатные информационные газеты. Активнее всего в поиске новых читателей действовала *Metro*: в некоторых районах Лондона экземпляры издания стали доставлять до порогов домов, появились новые точки распространения, в том числе расположенные ближе к госпиталям и больницам. В результате активных действий *Metro* смогла достаточно быстро, по сравнению со своими конкурентами, справиться со сложностями.

В 2020–2021 гг. усугубились и без того серьезные проблемы, наметившиеся в медиаиндустрии Великобритании в последнее десятилетие: сокращение тиражей, снижение объемов печатной рекламы, увольнение персонала и т. д. В то же время резко возрос интерес аудитории ко всей информации о пандемии *COVID-19* и смежных темах. Именно в этот период стало ясно, какую важную роль в информировании общества призваны играть СМИ, выполняя роль аналитика, эксперта и просто надежного источника информации.

Происходящие в британской медиаиндустрии изменения оказали влияние на особенности медиапотребления: с одной стороны, привели к значительному скачку интереса к новостям, но с другой – к сокращению печатных тиражей изданий и перемещению людей в Сеть.

На фоне падения доходов от рекламы, издатели стали активнее обращаться к альтернативным источникам финансирования, все больше вовлекая в этот процесс свою аудиторию. Ряд британских новостных брендов в период пандемии впервые обратился к читателям за финансовой поддержкой, предложив услугу краудфандинга или введя платный доступ (частично или полностью) к своему сайту.

На данный момент издатели далеки от восполнения потерянного дохода. При этом сами британцы, как показывают исследования, имеют весьма туманное представление о тех трудностях, с которыми сталкивается печатная медиаиндустрия. Это подтверждают данные опроса, проведенного Институтом Рейтер³⁰ в 2021 г. Несмотря на очевидные проблемы у ряда массмедиа, более половины опрошенных (53%) высказались за то, что правительство не должно помогать

³⁰ Digital News Report 2021. P. 49.

коммерческим новостным организациям, которые сами не могут обеспечить свое существование. И лишь 11% посчитали такую помощь своевременной и необходимой. Из этого следует, что население в большинстве случаев имеет весьма поверхностное представление об истинном положении вещей и не готово принимать более активное участие в финансировании прессы³¹. В такой ситуации необходимо объяснить роль прессы в жизни общества и повышать уровень медиаграмотности британцев.

Библиография

Беглов С. И. Четвертая власть: британская модель. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002.

Бодрунова С. С. (а) Британские таблоиды в электоральном процессе: пример медиакратии или «слабая сила»? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2013. № 4. С. 55–74.

Бодрунова С. С. (б) Британский рынок прессы и политический процесс: символический и медиакратический смысл «Таблоидных поворотов» // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Сер. 9. 2013. № 1. С. 188–206.

Вартанова Е. Л. Великобритания // Энциклопедия мировой индустрии СМИ: учеб. пособие для вузов / под. ред. Е. Л. Вартановой. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 82–114. Засурский Я. Н. Колонка редактора: английская пресса модернизируется // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2011. № 2. С. 3–7.

Захарова М. В., Gladkova A. A., Kiseleva E. B. Влияние дигитализации на ежедневную прессу Франции, Нидерландов и Великобритании: основные тенденции // Меди@льманах. 2018. № 4. С. 82–94. DOI: 10.30547/mediaalmanah.4.2018.8294

³¹ Речь идет о приобретении платных онлайн-подписок, внесении пожертвований, осуществлении микроплатежей и т.д.

Кумылганова И. А., Куцепалова Н. К. Brexit в контексте основных британских ценностей // Меди@льманах. 2021. № 2. С. 103–111. DOI: 10.30547/mediaalmanah.2.2021.103111

Любимов Б. И. СМИ Великобритании в 2006 г. // Медиа-скоп. 2007. Вып. 2. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/сми-великобритании-в-2006-г> (дата обращения: 18.09.2022).

Прутков Г. В. Особенности освещения референдума о независимости Каталонии в прессе США и Великобритании // Меди@льманах. 2019. № 1. С. 147–160. DOI: 10.30547/mediaalmanah.1.2019.147160

Пустовалов А. В. Пресса Великобритании: между «бумажным» прошлым и цифровым будущим // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 3 (23). С. 191–204.

Филаткина Г. С., Киреева П. А. Трансформация медиа-образа России в британской качественной прессе («дело Скрипалей» и чемпионат мира по футболу 2018 г.) // Меди@льманах. 2021. № 2. С. 112–121. DOI: 10.30547/mediaalmanah.2.2021.112121

*Якова Т. С. Теория мирной журналистики в практике зарубежных СМИ: медиагеографический фокус (на примере *The Guardian, The Independent, The Washington Times*) // Меди@льманах. 2019. № 2. С. 104–117. DOI: 10.30547/mediaalmanah.2.2019.104117*

Публикуется по: Меди@льманах. 2022. №5 (112). С. 86–94.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ГЛАВНАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ В КАЧЕСТВЕННОЙ ПРЕССЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

***Аннотация.** Данная статья посвящена роли толерантности в процессе конструирования официальной формулировки «основных британских ценностей». Авторы исследования анализируют содержание материалов, опубликованных в качественных изданиях *The Telegraph* и *The Guardian*, придерживающихся противоположных политических взглядов. Анализ отобранного массива текстов показал, что толерантность, в первую очередь благодаря *The Guardian*, стала неотъемлемой частью дискуссий о национальных ценностях.*

***Ключевые слова:** качественная пресса, «основные британские ценности», толерантность, мультикультурализм, Великобритания и кризис национальной политики.*

Вопрос национальных ценностей не теряет своей актуальности, особенно в многокультурных странах, таких как Россия или Великобритания. Дискуссии об определении ценностей конкретной нации не утихают, ведь предполагается, что именно общность ценностей должна обеспечивать сплоченность и, следовательно, безопасное развитие государства. Однако объединение отдельных ценностей в одну группу неизбежно влечет его противопоставление другим группам ценностей, что представляет опасность в условиях многокультурных обществ. Поэтому особый интерес в рамках данного исследования представляет отношение журналистов к феномену толерантности как объединяющей национальной ценности.

Кембриджский словарь определяет толерантность как «способность и желание человека принимать поведение и убеждения, отличающиеся от его собственных, даже если они вызывают несогласие или неодобрение»¹. Понятие «толерантность» существует как в естественных, так и гуманитарных науках. Так, в биологии, психологии и медицине под толерантностью понимают способность организма не реагировать на определенный диапазон чужеродного воздействия в ограниченный период (Миронов, Миронова, 2017). Иными словами, оставаться безразличным к раздражителю на протяжении определенного времени. Подчеркнем, что этот же принцип работает в отношении общества. Однако сложное строение общества делает расширение диапазона толерантности губительным, способным расшатать общественные базовые структуры, а временные границы воздействия раздражителя более размытыми: «“формальная” толерантность [преобладающая в современном мире. – И. К., Н. К.] есть не что иное, как “цивилизованная” форма безразличия к Другому, а это неизбежно влечет за собой принижение ценности личности». Толерантность не может быть постоянным убеждением, но только временным, т. к. «толерантность как социальный принцип требует завершения в признании Другого в качестве равноправного себе» (Миронов, Миронова, 2017: 25).

Тем не менее именно толерантность как основное и постоянное убеждение лежало в основе политики мультикультурализма, которой придерживались власти Великобритании до 2005 г. Последовавшее затем зарождение политики «основных британских ценностей» вызвало большую тревогу по поводу судьбы «толерантной» Британии и спрово-

¹ Cambridge Dictionary. Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 30.09.2020).

цировало обсуждения этого явления в качественных СМИ. В этот процесс активно включились газеты *The Guardian* и *The Telegraph*.

В статье исследуется, какое место журналисты этих изданий отводят толерантности в контексте конструирования понятия «основные британские ценности» в период с 2005 г. по 2017 г., когда власти Великобритании для обеспечения безопасности и сохранения целостности государства попытались искусственно сконструировать «основные британские ценности». Показательно, что до сегодняшнего времени все обсуждения национальных ценностей связаны с событиями и темами материалов этого периода.

Анализ материалов и его результаты предваряются обзором научной разработанности проблематики в контексте объяснения роли толерантности в политике мультикультурализма Великобритании до 2005 г., выделением основных этапов формирования государственной версии «британских ценностей» и характеристикой дискуссии о национальных ценностях в публичном пространстве.

Теория и история вопроса

Великобритания – поликультурная страна по ряду признаков: особенностям административного деления, языковому и религиозному многообразию, большому количеству мигрантов из стран – бывших колоний. Одной из самых частых причин проявления нетерпимости становится принадлежность к отличающейся культуре и, как следствие, разным наборам ценностей.

В гуманитарных науках существует множество трактовок термина «ценность». Объединяет их то, что ценность приравнивается к отношению человека к явлению или предмету, приданию значимости этому явлению/предмету в зависимости от потребностей человека, целей, его веры

в эстетическую, религиозную или какую-либо другую идею, являющуюся «целью самой по себе» и др. Отталкиваясь от рассуждений социологов Ф. Знанецкого (1971) и П. Штомпки (2013), под ценностями мы подразумеваем одобряемые личностью и/или социумом идеи, лежащие в основе выбора целей, принимаемых людьми решений и, следовательно, задающие вектор развития всего общества в целом.

Исследовательский проект Всемирный обзор ценностей (руководитель – Р. Инглхарт) рассматривал ценности как меру измерения мировоззрения представителей разных стран. Так, исследование позволило выявить сдвиг отношения к ценностям постмодерна, базирующимся на чувстве безопасности – например, экономические достижения и социальная мобильность (Инглхарт, 1997: 12). Превращение социальной мобильности в современном обществе в ценность во многом объясняет обострение обсуждаемой нами проблемы толерантности.

Заметим, «демаркационные линии» могут проходить не только по культурноэтническим границам, а термин «поликультурность» не исчерпывается лишь этническими культурами. Однако в связи с тем, что процесс конструирования «основных британских ценностей» в общественном диалоге был инициирован именно в связи с конфликтом между представителями разных этнических и религиозных групп, мы сконцентрируемся на теме межэтнической и межкультурной толерантности.

Существующие научные представления о том, как влияет поликультурность общества на его развитие, неоднозначны. Оптимистичный взгляд на соседство представителей разных культур в одном государстве представлен в теории контакта. Согласно этой теории, проживание на одной территории вынуждает членов разных групп вступать в коммуникацию, узнавать лучше другую культуру и, как следствие,

испытывать доверие друг к другу. Появление доверия способствует благополучию общества в целом (Allport, 1979; Pettigrew, Tropp, 2006).

Противоположные взгляды изложены в теориях притеснения и конфликта. Теория притеснения (Putnam, 2009) основана на том, что: люди, придерживающиеся разных систем ценностей, не могут соперничать или доверять друг другу, что существенно тормозит экономическое и политическое развитие. Теория конфликта (Coser, 1956; Blalock, 1967; Bobo, 1999) концентрируется на том, что проживание на одной территории спланирует представителей разных этнических групп в противостоянии с другими группами за ограниченные ресурсы (например, рабочие места). Этот процесс укрепляет связи внутри каждой этнической группы, но губителен для развития общества в целом.

Можно констатировать, что большое количество ежегодно выходящих статей о толерантности и мультикультурализме в мире, указание на обязательное терпимое отношение к носителям отличающихся ценностей и разнообразие при наборе сотрудников крупных компаний свидетельствуют о гораздо большей популярности теории контакта, нежели теорий притеснения и конфликта. На наш взгляд, этот мировой тренд объясняется не абсолютной истинностью теории контакта, но тем, что она единственная показывает благоприятную перспективу. Процесс глобализации и сближения (территориального) разных культур невозможно повернуть вспять без угрозы серьезного конфликта, поэтому настойчивые попытки сделать толерантность связующим звеном очевидны и объяснимы. Однако наполнение самого понятия «толерантность» активно трансформируется, что мы подробно рассмотрим в дальнейшем анализе материалов.

Противоречия общечеловеческого и локального в развитии культуры привлекали внимание многих отечествен-

ных и зарубежных исследователей. Так, Д. С. Лихачев, с одной стороны, определял локальные культуры как закрытые образования, основывающиеся на особых ценностях, отличающих носителей этой культуры от других. С другой стороны, подчеркивал, что замкнутость культуры ведет к ее обеднению и исчезновению (Лихачев, 2006:14). В. В. Миронов и Д. В. Г. Миронова отмечали, что сегодня под воздействием глобализации границы локальных культур размываются, а это приводит к деформации межкультурного диалога и необходимости создания нового языка общения (Миронов, Миронова, 2017: 17). Об этом же пишет М. Кастельс, упоминая «протокол коммуникации» глобальных и локальных культур как важнейшую проблему сетевого общества (Кастельс, 2020: 5).

Поиски новых условий для благополучного развития многокультурного общества ведутся не только в традиционно многонациональных государствах, но во всем мире (Chtatou, 2021). Часто при обсуждении толерантности и мультикультурализма в научных работах особое внимание уделяется сосуществованию на одной территории приверженцев разных религий, что мы наблюдаем, например, в публикации, посвященной Великобритании в рамках общеевропейского анализа (Modood, Dobbernack, Meer, 2012).

Очевидными сторонниками теории контакта выступали создатели «нового лейборизма» во главе с Т. Блэром, придерживавшиеся этого курса с 1997 по 2005 г. «Новый лейборизм» уделял особое внимание национальной политике и следовал конструкционистскому подходу к национальной идентичности.

Именно в этот период слово «британский» стало широко употребляться по отношению к населению Великобритании в целом. Ранее принадлежность к Великобритании и термины «британскость, британский» использовали в основном

на территориях бывших колоний – как правило, в контексте обсуждения территориальных вопросов. Приход лейбористов к власти в конце 1990 гг. не только запустил процесс деволуции на территории Соединенного королевства, но и сделал обсуждение «британскости» обязательной частью политического дискурса.

Лейбористы традиционно обвиняют консерваторов в излишней озабоченности судьбой Великобритании и в противовес ей выступают «партией Союза». Под этим подразумевается видение британской нации как союза представителей разных культур, толерантность в котором играет ключевую роль. Приверженность же мультикультурализму является обязательным условием принадлежности к британской нации. «Слоганы, техники по созданиям брендов, рекламные кампании, фестивали, выступления и торговые ярмарки» стали новыми инструментами по созданию «Объединенных цветов Великобритании» (*United Colours of Britain*, по аналогии с известным итальянским брендом *United Colors of Benetton*) (Leonard, 1997: 52).

Таким образом, Великобритания пошла по пути внедрения «жесткого» мультикультурализма – полного отказа от социальной интеграции мигрантов. В стране широко поддерживали национальные меньшинства с целью сохранения их самобытности и приняли «целый ряд законов, направленных на недопущение любых форм дискриминации по национальному или расовому признаку. Толерантность по существу превратилась в догму, требовавшую от британцев неукоснительного соблюдения (Кондратьева, 2011). Политику мультикультурализма, впервые возникшую в 1960-х гг., в период развала империй, исследователи считают следствием постколониального развития (Карнаухова, 2007).

Подчеркивая неоднозначность мультикультурализма, необходимо отметить, что, по некоторым оценкам, он не

столько объединяет, сколько разделяет общество. Рассматривая мультикультурализм как политический инструмент, некоторые специалисты акцентируют внимание на том, что он не только является ответом на многообразие, но и используется как средство сдерживания этого многообразия: «Политика мультикультурализма принимает как данность разносторонность общества, но предполагает, что оно заканчивается на границах общины меньшинства. Предпринимаются попытки институционализировать многообразие, поставив людей в этнические и культурные рамки – например, отдельную, однородную мусульманскую общину – и соответствующим образом определить их нужды и права» (Малик, 2015). Эксперт приходит к недвусмысленному выводу, что эта политика способствует разделению общества, на преодоление которого она и была направлена.

Часть критиков настроены более решительно, считая мультикультурализм «ханжеским проектом», сфокусированным на проявлении толерантности белых британцев к представителям остальных этнических групп (Pitcher, 2007: 84). Более того, по сути, они рассматривают мультикультурализм как продолжение националистической политики.

Теракты в Лондоне в 2005 г., произведенные исламистами, родившимися и получившими образование на территории Великобритании, снизили доверие к политике мультикультурализма. На смену мультикультурализму «новых лейбористов» пришла политика «новых консерваторов», одним из главных инструментов которой стали «основные британские ценности». Т. Блэр по аналогии с терактами 11 сентября 2001 г. в США назвал лондонские взрывы «атакой на британские ценности». И хотя в дальнейшем журналисты подчеркивали, что эти события были реакцией на внешнюю политику страны, консерваторы получили возможность обвинить своих политических противников в неспо-

способности защитить национальные ценности. Именно это во многом определило закат лейбористской партии: отношение к иммиграции как политической проблеме повлияло на избирателей, включая тех, кто традиционно поддерживал лейбористов. «Лейбористская партия, по их мнению, защищает “интересы иммигрантов, а не коренных британцев”» (Кондратьева, 2011). Такой сдвиг в настроениях аудитории способствовал развитию неоконсервативной «идеи продвижения британских ценностей». Традиционно голосующие за лейбористов британские мусульмане также отвернулись от партии из-за участия страны в войне в Ираке.

В 2011 г. на Мюнхенской конференции по безопасности Д. Кэмерон объявит окончательный крах мультикультурализма, беря курс на «мускулистый либерализм» – политическое направление, провозглашенное бывшим премьер-министром Великобритании. В то время как политика мультикультурализма предполагала принятие отличающихся культур, несмотря на их возможную враждебность, «мускулистый либерализм» боролся за толерантность в отношении британской культуры. Был введен контроль над пропагандой экстремизма в учебных заведениях, запрет на въезд проповедников ненависти, деятельность религиозных организаций проверялась на соответствие правам человека, ограничивалось финансирование подобных организаций. В рамках этого направления и развивалась идея «основных британских ценностей» и их пропаганды в детских садах, школах и университетах. Этот политический курс лучше всего вписывается в рамки теории притеснения, которая указывает на отсутствие эмпатии между носителями разных наборов ценностей, но также утверждает возможность конструирования новых объединяющих ценностей (Putnam, 2009: 3).

В публичном пространстве началось обсуждение содержания понятия «британские/национальные ценности». Особенно

активные дискуссии новая политика консерваторов вызвала в качественных СМИ – в частности, в *The Guardian* и *The Telegraph*.

Методика исследования

В сплошную выборку исследования вошли материалы *The Guardian* и *The Telegraph*, опубликованные в 2005, 2011, 2014, 2017 гг. и содержащие слова *British values* («британские ценности») и *Tolerance* («толерантность»). Выбор данных временных периодов, как уже указывалось, объясняется основными этапами развития дискуссии о национальных ценностях Великобритании.

Акцент на исследуемые издания обусловлен их принадлежностью к качественным СМИ, большой читательской аудиторией, активной позицией в процессе конструирования «основных британских ценностей» и противоположными политическими взглядами.

Для аргументации качественного анализа отобранного материала были привлечены количественные методы исследования с использованием сплошной выборки. На первом этапе исследования было отобрано 228 материалов *The Guardian* и 209 публикаций *The Telegraph*, содержащих словосочетание *British values*. В выборку попали материалы следующих жанров: новостные заметки, передовицы, аналитические статьи, авторские колонки, комментарии, расследования, а также дословная перепечатка выступлений политиков. Первые два жанра преобладают среди материалов *The Telegraph*, остальные – в *The Guardian*. Это позволило нам сформировать представление о процессе конструирования национальных ценностей в целом.

На втором этапе мы отобрали 90 материалов *The Guardian* и 80 – *The Telegraph*, в которых упоминалось слово *Tolerance* (см. табл.). Каждое упоминание было проанализировано по следующим критериям:

- контекст упоминания;
- наличие/отсутствие отождествления толерантности с национальной ценностью;
- позитивное/негативное отношение автора материала/комментария к толерантности.

Процесс конструирования «основных британских ценностей» в медиапространстве Великобритании

Общественный диалог по вопросу конструирования «британских/национальных ценностей» инициировали именно власти – Консервативная партия и претендовавший в 2005 г. на место лидера Д. Кэмерон. СМИ оказались перед выбором: поддержать идеи консерваторов или оспорить их. Качественный анализ отобранных материалов показал, что британские издания заняли отличающиеся друг от друга позиции в соответствии со своими традиционными политическими взглядами. Вслед за партиями издания продемонстрировали себя яркими сторонниками теории притеснения (*The Telegraph*) и теории контакта (*The Guardian*).

Так, *The Telegraph* – сторонница консерваторов – ожидаемо поддержала идею конструирования понятия «британские ценности». Газета заняла проактивную позицию, попыталась стать участником создания этой формулировки, дополняя идеи властей. Редакция предлагала варианты ценностей самостоятельно и привлекала к этому процессу читателей: журналисты публиковали свои версии в серии статей-списков, передовицах, а также в статьях на отвлеченные темы (например, о королевской свадьбе).

The Guardian выступила противницей идеи конструирования «британских ценностей». Тем не менее журналисты этого издания проявили не меньшую активность в общественном обсуждении этого понятия. Однако если *The*

Telegraph писала непосредственно о конкретных предполагаемых «национальных ценностях», то *The Guardian* сфокусировалась на «британских ценностях» как на политическом курсе. Обсуждение «основных британских ценностей» в 2005–2011 гг. на страницах *The Guardian* превратилось в защиту мультикультурализма (но не самих лейбористов) от идей «новых консерваторов».

The Telegraph вслед за представителями Консервативной партии утверждала, что именно «британские ценности» позволяют обществу сохранять толерантность. В то же время *The Guardian*, напротив, негодовала, что само обсуждение «британских» ценностей имеет националистический подтекст и ставит под угрозу существование «толерантной» Британии. Из этих рассуждений на страницах СМИ мы заключаем, что толерантность в этот период не отождествляется с «британскими ценностями», но отделяется от них.

Таблица

Динамика употребления словосочетаний *British values* и *Tolerance* в онлайн-версиях *The Guardian* и *The Telegraph* в 2005, 2011, 2014, 2017 гг. (кол-во упоминаний)

Газета	Год	British values	Tolerance
The Guardian	2005	44	18
	2011	26	8
	2014	69	33
	2017	89	31
The Telegraph	2005	24	12
	2011	27	6
	2014	107	47
	2017	51	15

Творческое участие СМИ в конструировании «основных британских ценностей» заканчивается в 2011–2014 гг., когда в Антитеррористическом акте о безопасности появляется формулировка экстремизма², включающая в себя закрытый перечень национальных ценностей, а затем образовательные учреждения обязывают преподавать эти ценности ученикам и студентам³. Экстремизм определяется как «артикулированная и активная оппозиция фундаментальным британским ценностям, включающим демократию, индивидуальную свободу, главенство закона и взаимоуважение, толерантность по отношению к другим вероисповеданиям и убеждениям»⁴. Как мы можем констатировать, с этого момента толерантность является принятой на государственном уровне национальной ценностью. Журналистам же остается лишь обсуждать государственную политику пространства документально закрепленного термина.

Так продолжалось до 2016 г., когда Соединенное королевство принимает решение выйти из состава Евросоюза. С началом *Brexit* «британские ценности» становятся частью обсуждения международной политики и теряют свою жесткую формулировку как в выступлениях политиков, так и в материалах журналистов. Позиции изданий меняются: *The Guardian* больше не ведет спор в авторских колонках и комментариях о справедливости термина «британские ценности», но отстаивает их общность с европейскими ценностями.

² Counter-Terrorism and Security Act. 2015. Режим доступа: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2015/6/section/29/enacted> (дата обращения: 30.09.2020).

³ School Inspection Handbook. 2015. Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/publications/school-inspection-handbook-from-september-2015> (дата обращения: 30.09.2021).

⁴ Prevent Duty Guidance. Режим доступа: http://www.legislation.gov.uk/ukdsi/2015/9780111133309/pdfs/ukdsiod_9780111133309_en.pdf (дата обращения: 30.09.2021).

ми. *The Telegraph* же не поддерживает идею консерваторов о выходе и сбавляет степень своей активности в обсуждении ценностей и открытого выражения своего мнения в целом в передовицах.

Феномен толерантности в контексте обсуждения «британских ценностей»

Толерантность указывалась политиками как национальная ценность, когда сам термин «основные британские ценности» не имел четкой формулировки. Упоминание толерантности мы находим в выступлениях политиков обеих партий. До 2005 г. о ней активно говорят лейбористы. Т. Блэр определяет «британскость» «не только кровью», то есть через этническое происхождение, но через общие ценности: «...толерантность, открытость, гибкость, работа и самосовершенствование, сильное сообщество и семьи, честные правила игры, права и обязанности, прогрессивный взгляд на мир – все это является следствием нашего уникального географического положения и истории. Защищать единство нашей страны значит защищать ключевые британские ценности: честную игру, созидательность, толерантность и прогрессивный взгляд на мир»⁵.

Его последователь Г. Браун разделял те же идеи. Однако в 2005 г., еще находясь в должности канцлера казначейства, Г. Браун вызвал критику *The Guardian* в свой адрес. Отправившись в Африку, он предложил британцам «перестать стыдиться своего имперского прошлого»: «Мы должны говорить о британских ценностях, потому что за ними стоят величайшие идеи в истории, родившиеся в Великобрита-

⁵ Blair defines “British Values” (2000) BBC, 28 March. Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_politics/693591.stm (дата обращения: 30.09.2021).

нии и повлиявшие на весь мир: толерантность, демократия, гражданский долг. Наши сильные традиции честной игры, открытости, интернационализма – вот великие британские ценности»⁶. Мы видим, что политик отделяет толерантность от непосредственно национальных ценностей и утверждает, что как раз сохранение ценностей и гарантирует толерантность. Похожие идеи впоследствии выскажет Д. Кэмерон, признанный журналистами главным создателем политики национальных ценностей⁷.

Редактор *The Guardian* обличает слова Г. Брауна о британских ценностях в качестве гаранта толерантности как ханжеские и националистические. Во многом это связано с обстоятельствами, при которых Браун произнес свою речь. Накануне этого выступления были опубликованы фотографии издевательств британских солдат над пленными иракцами. Редактор *The Guardian* обвинил Г. Брауна в том, что пока тот «прощает грехи колониального прошлого», иракцы сталкиваются с «колониальным настоящим»⁸. Интересно, что этот случай предвосхищает инициативу консервативной партии по конструированию «основных британских ценностей» и демонстрирует, что идея особых «основных британских ценностей» (вне зависимости от того, кто их транслирует – лейбористы или консерваторы) всегда оценивалась *The Guardian* как противоречие идеям мультикультурализма. Для сравнения: *The Telegraph* в этот период

⁶ Younge G. (2005) Cruel and Usual. *The Guardian*. 01 March. Режим доступа: [https:// www.theguardian.com/uk/2005/mar/01/military.iraq](https://www.theguardian.com/uk/2005/mar/01/military.iraq) (дата обращения: 30.09.2021).

⁷ Bunting M. (2005) Fear and Loathing. *The Guardian*. 29 August. Режим доступа: [https:// www.theguardian.com/uk/2005/aug/29/july7.terrorism](https://www.theguardian.com/uk/2005/aug/29/july7.terrorism) (дата обращения: 30.09.2021).

⁸ Younge G. (2005) Cruel and Usual. *The Guardian*. 1 March. Режим доступа: [https:// www.theguardian.com/uk/2005/mar/01/military.iraq](https://www.theguardian.com/uk/2005/mar/01/military.iraq) (дата обращения: 07.10.2019).

полностью поддерживает идею переоценки колониального прошлого.

В начале процесса конструирования «основных британских ценностей» *The Telegraph* выдвигает свои варианты, необходимые для поддержания условий, в которых британцы могли бы себе позволить толерантность. Газета предлагает разнообразные виды национальных ценностей – от истории до английского языка⁹. В тот же период *The Guardian* противопоставляет толерантность британским ценностям: «Что объединяет нас и делает нас британцами, не имеет ничего общего с какими-либо психологическими или поведенческими характеристиками, равно как и с абстрактными, плохо определенными общими ценностями, но сводится к уважению различий и наведению мостов в цивилизованном диалоге»¹⁰. Объединяет *The Telegraph* и *The Guardian* в 2005 г. то, что ни одно из них не отождествляет толерантность с национальными ценностями.

Этот год ознаменован двумя важными изменениями:

- развенчанием мультикультурализма и, как следствие, изменением в понимании толерантности на уровне государства;
- включением толерантности в перечень британских ценностей на государственном уровне.

Мы уже упоминали, что в 2011 г., на Мюнхенской конференции по безопасности премьер-министр Д. Кэмерон объявляет провал политики мультикультурализма и презенту-

⁹ Ten Core Values of the British Identity (2005) *The Telegraph*. 27 July. Режим доступа: <https://www.telegraph.co.uk/comment/telegraph-view/3618632/Ten-core-values-of-the-British-identity.html> (дата обращения: 07.02.2019).

¹⁰ Parekh B. (2005) Multiculturalism is a Civilised Dialogue. *The Guardian*. 21 March. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/uk/2005/jan/21/islamandbritain.comment9> (дата обращения: 30.09.2021).

ет Стратегию предотвращения, принципиально важную в контексте данного исследования, т. к. толерантность впервые указана как документально закреплённая британская ценность. В этой же речи Д. Кэмерон вносит изменения в само понимание термина «толерантность». Они позволяют смягчить переход от толерантного мультикультурализма к политике британских ценностей. «Нам нужно сократить уровень пассивной толерантности, доминировавшей в последние годы [годы правления лейбористов. – прим. авт.] в нашем обществе, и сосредоточиться на активном, мускулистом либерализме»¹¹. В ряде своих высказываний премьер-министр обличает толерантность лейбористов как опасную для британской культуры из-за своей пассивности и объявляет необходимость продвигать национальные ценности, требуя проявления толерантности с обеих сторон.

The Guardian крайне негативно отнеслась к выступлению Д. Кэмерона на Мюнхенской конференции. Одним из основных поводов для недовольства стал тот факт, что премьер-министр никак не прокомментировал прошедший накануне в Лутоне марш националистической Лиги английской обороны, провозглашающей себя борцами с джихадистами. В своей речи Кэмерон упоминал только исламистов, в чем авторы *The Guardian* увидели искажение понятия толерантности¹².

The Telegraph, как и раньше, поддержала Консервативную партию и текст Стратегии по предотвращению, воз-

¹¹ PM's Speech at Munich Security Conference (2011) 5 February. Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/speeches/pms-speech-at-munich-security-conference> (дата обращения: 30.09.2021).

¹² Wintour P. (2011) David Cameron tells Muslim Britain: Stop Tolerating Extremists. *The Guardian*, 5 February. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/politics/2011/feb/05/david-cameron-muslim-extremism> (дата обращения: 30.01.2020).

державшись от критики Д. Кэмерона. Тем не менее проигнорировать вопрос Лиги английской обороны и жесткой критики в адрес премьер-министра газета не смогла. Издание опубликовало материал, начинающийся с того, что консерваторы потребовали извинений за обвинения в национализме в адрес премьер-министра. Подав новость таким образом, газета в очередной раз продемонстрировала свою лояльность к Консервативной партии и ее видению толерантности.

Однако мы не можем утверждать, что *The Telegraph* в 2011 г. использует «британские ценности» как разграничитель между «своими» и «чужими», вслед за властями. В этот же период издание публикует несколько материалов, сглаживающих впечатление от жесткой позиции редакции (о расизме среди коренных британцев как свидетельстве падения уровня культуры¹³ и невозможности запрета на бурки в такой толерантной стране, как Великобритания¹⁴).

С 2014 г. конструирование «британских ценностей» в основном обсуждается в контексте образования, т. к. в этом году все образовательные учреждения были обязаны представлять новую официальную версию национальных ценностей. Издания меньше дискутируют о реальных национальных ценностях, а также о толерантности как таковой, но переключаются на критику государственной формулировки и методов ее продвижения в массы.

¹³ McCartney J. (2011) The 'Tram' Video is Horrible, but 'My Britain' is Not Like That for Most of Us. *The Telegraph*, 3 December. Режим доступа: <https://www.telegraph.co.uk/comment/columnists/jennymccartney/8933268/The-Tram-video-is-horrible-but-my-Britain-is-not-like-that-for-most-of-us.html> (дата обращения: 30.09.2021).

¹⁴ Collins N. (2011) Damian Green Rules out Ban on Burkas in Britain. *The Telegraph*, 14 May. Режим доступа: <https://www.telegraph.co.uk/news/uknews/immigration/8451707/Damian-Green-rules-out-ban-on-burkas-in-Britain.html> (дата обращения: 30.09.2021).

В публикациях *The Telegraph* обнаруживается еще более высокий уровень консерватизма, чем тот, который проявляет Консервативная партия. При этом наиболее критикуемой ценностью оказывается толерантность. Издание, как и политики, не отказывается от этой ценности, т. к. населением страны это было бы воспринято крайне негативно – толерантность априори считается частью британского характера. Но в то же время газета вслед за выступлением Д. Кэмерона трансформирует наполнение термина «толерантность» и переходит от «пассивной толерантности» к «мускулистой», предполагающей не только спокойное принятие чужих убеждений и традиций, но и защиту собственных интересов – обеспечение аналогичного отношения к национальной культуре.

Так, с одной стороны, религиозные деятели на страницах *The Telegraph* (газета – единственная, кто часто дает им слово) высказывают опасения по поводу пропаганды толерантности во всех школах, включая религиозные. Авторов комментариев беспокоит, что обязанность пропагандировать толерантность приведет к запрету на использование слов «жена» и «муж», распаду традиционного брака как института¹⁵, который, как продемонстрировал анализ материалов 2011 г., издание также считает одной из главных британских ценностей. По мнению издания, любая толерантность должна иметь свои границы. «Когда наша приверженность толерантности по отношению к другим культурам превратилась в принятие репрессивных отношений в обществе? [речь идет о положении женщины в исламе. – прим. авт.]»¹⁶.

¹⁵ Daley J. (2014) Don't 'Teach' British Values – Demand them. *The Telegraph*, 14 June. Режим доступа: <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/immigration/10899904/Dont-teach-British-values-demand-them.html> (дата обращения: 30.09.2021).

¹⁶ Там же.

С другой стороны, *The Telegraph* утверждает, что недостаточно учить детей британским ценностям, необходимо требовать их принятия, особенно от мигрантов. В качестве примера журналисты приводят американскую систему образования, где школа призвана «превратить мигранта в американца»¹⁷, хотя и признают, что такой агрессивный подход не идеален для Великобритании, т. к. противоречит толерантности как основной британской ценности.

The Guardian в 2014 г. также проявляет последовательность в своей позиции, сохраняя неизменным свое отношение как к британским ценностям, так и к толерантности. Газета продолжает настаивать, что само намерение определить «основные британские ценности» противоречит принципу толерантности. «Ценности страны не обязательно должны быть уникальными в мире. Их цель связать население, а не противопоставить другим»¹⁸, – пишет газета и предлагает преподавать в школе не британские ценности, а общеевропейские, общечеловеческие, гуманистические.

Основываясь на содержании публикаций 2014 г., мы заключаем, что *The Guardian* продолжает начавшийся в 2005 г. спор о преимуществах мультикультурализма. При этом издание упоминает не сам термин «мультикультурализм», а его главный элемент – «толерантность». Открытость по отношению к другим культурам газета объявляет лучшей формой защиты и сравнивает страх британцев перед исламом (по сути, подтолкнувший развитие политики «ос-

¹⁷ Daley J. (2014) Don't 'Teach' British Values – Demand them. *The Telegraph*, 14 June. Режим доступа: <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/immigration/10899904/Dont-teach-British-values-demand-them.html> (дата обращения: 30.09.2021).

¹⁸ Freedland J. (2014) England's Footballers are as Confused as England Itself. *The Guardian*, 20 July. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/jun/20/england-footballers-confused-as-england-itself> (дата обращения: 30.09.2021).

новых британских ценностей») со страхом саудитов перед атеизмом. *The Guardian* считает пагубным выстраивание стратегии действий, исходящее из чувства страха и основанное на запретах и ограничениях¹⁹. Все запретное привлекает, что означает нецелесообразность и абсурдность попыток бороться с исламом, закрывая обществу доступ к информации о нем и исламской культуре в целом.

Вопрос толерантности играет значительную роль в диалоге изданий по поводу британских ценностей в эти годы. *The Telegraph* вслед за Консервативной партией пытается понять, где должны проходить границы толерантности, чтобы это способствовало мирному сосуществованию разных культур в границах одного государства, но при этом позволило сохранить национальную идентичность коренных народов, особенно англичан. В отличие от сторонников мультикультурализма *The Guardian*, *The Telegraph* не столько говорит о необходимости принимать другие культуры, сколько концентрируется на создании системы, которая бы позволила представителям этих культур влиться в британскую²⁰. В большинстве случаев газета очень аккуратно высказывает свои идеи, не желая столкнуться с негативным отношением аудитории.

The Guardian, напротив, стремится к абсолютной толерантности, не опасаясь за сохранность национальной

¹⁹ Whitaker B. (2014) British Fear of Islamists and Saudi Fears about Atheists are Two Sides of the Same Coin. *The Guardian*, 24 November. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/comment-is-free/2014/nov/24/british-fear-islamists-saudi-fear-atheists-jihadism-schools> (дата обращения: 30.09.2021).

²⁰ Cante T. (2014) Muslim Schoolchildren are Still Leading Parallel Lives to the Mainstream. *The Telegraph*, 11 June. Режим доступа: <https://www.telegraph.co.uk/education/10889897/Muslim-school-children-are-still-leading-parallel-lives-to-the-mainstream.html> (дата обращения: 31.01.2020).

идентичности. Идеал этой редакции – человек мира, разделяющий общечеловеческие гуманистические ценности. Ни в одном из изученных материалов за 2014 г., как и за весь исследуемый период, мы не встретили сомнений в том, что ценности Великобритании, по сути, являются общечеловеческими, европейскими, основанными на идеях эпохи Просвещения²¹. Абсолютная приверженность журналистов к одобряемой обществом толерантности позволяет изданию открыто, уверенно и оттого более убедительно транслировать свои идеи.

Таким образом, после более чем десятилетнего правления «новых лейбористов» толерантность становится обязательным элементом британского общества в массовом сознании. Ни политики, ни большинство СМИ не могут открыто отказаться от этого слова, и для выражения своих идей они вынуждены наполнять его новыми смыслами, как это случилось с осуждением «пассивной толерантности» и переходом к «мускулистому либерализму».

В 2017 г. контекст конструирования «основных британских ценностей» на страницах *The Telegraph* и *The Guardian* смещается в сторону обсуждения угрозы терроризма и перспектив страны и ее ценностей на международной арене после *Brexit*. Вопрос толерантности как самостоятельной ценности редко поднимается в материалах этого периода.

Первый раз *The Telegraph* упоминает толерантность, когда ведет речь о способах пропаганды ценностей в школах и «дискомфорте» преподавателей из-за того, что «толерант-

²¹ Hutton W. (2017) Leftie? Yes, and Proud to be Among Those Upholding Enlightenment Values. *The Guardian*, 28 October. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/oct/28/leftie-yes-and-proud-to-be-upholding-enlightenment-values> (дата обращения: 10.02.2020).

ность» подается как «уникально британская ценность»²². В остальных публикациях толерантность упоминается лишь в выступлениях политиков. Т. Мэй провозглашает курс на снижение уровня толерантности, что является логичным продолжением «мускулистого либерализма» консерваторов²³. В случае Т. Фэррона, ушедшего с поста лидера Либеральных демократов из-за невозможности совмещать этот статус с ролью активного христианина, толерантность обсуждается косвенно. Бывший политик, объясняя причины своего ухода, делает серьезное замечание по поводу характера толерантности: «Люди сегодня много говорят об общих ценностях. Но когда они это делают, они имеют в виду следующее: “Это – мои ценности, и я буду вести себя так, как будто они и твои. И если ты отделишься от них, то я выражу тебе свое презрение”»²⁴.

Следует заметить, что редакция самой газеты в этот период редко напрямую высказывает свою позицию, как раньше. Вывод, что отношение газеты к «британским ценностям» изменилось в связи с результатами *Brexit*, можно сделать лишь по подбору материалов и цитат.

²² Farmer B., Yorke H. (2017) Teachers fear Muslim Students are Stigmatised by Antiradicalisation Prevent Scheme. *The Telegraph*, 3 July. Режим доступа: <http://www.telegraph.co.uk/news/2017/07/03/teachers-fear-muslim-students-stigmatised-antiradicalisation/> (дата обращения: 30.09.2021).

²³ Rayner G. (2017) Theresa May says ‘Enough is Enough’ in Wake of London Bridge Terror Attack as She Confirms General Election Will Go Ahead. *The Telegraph*, 4 July. Режим доступа: <https://www.telegraph.co.uk/news/2017/06/04/theresa-may-says-enough-enough-fight-against-terror-confirms/> (дата обращения: 30.09.2021).

²⁴ Horton H. (2017) Christians are Deemed ‘Dangerous and Offensive’ says Tim Farron. *The Telegraph*, 28 November. Режим доступа: <https://www.telegraph.co.uk/news/2017/11/28/christians-deemed-dangerous-offensive-says-tim-farron/> (дата обращения: 30.09.2021).

The Guardian также фокусирует в 2017 г. внимание на терроризме, *Brexit* и образовании, редко упоминая непосредственно толерантность. Но в отличие от своего оппонента, газета продолжает открыто и активно выражать свое мнение. Так, издание детально разобрало предложение Т. Мэй снизить уровень толерантности по отношению к терроризму и расширить понятие «экстремизм», дополнив его видами неагрессивного экстремизма. Это решение, по мнению сотрудников издания, противоречит свободе слова, которая хотя и не упоминается среди официальных национальных ценностей, но в действительности ею является²⁵. Любые взгляды имеют право на существование, если их высказывание не угрожает безопасности других людей – подобное определение близко к понятию толерантности. «Не важно, что говорит премьер-министр про “британские ценности”, экстремальные взгляды допустимы законом в демократической стране до той поры, пока они не ведут к страданиям других людей»²⁶.

Объединяет обе газеты беспокойство по поводу возможности Великобритании руководствоваться провозглашенными ценностями после выхода страны из состава Евросоюза. В обоих изданиях активно обсуждается визит Д. Трампа в страну и приглашение его в Букингемский дворец. Его приезд вызвал общественный резонанс – ряд протестов бри-

²⁵ Townsend M. (2017) Theresa May's Counter-Terrorism Bill Close to 'Sinking without Trace'. *The Guardian*, 29 January. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/politics/2017/jan/29/theresa-may-counter-terrorism-bill-sinking-without-trace-extremism-british-values> (дата обращения: 10.10.2020).

²⁶ Jones J. (2017) Secretive Anti-Subversion Police Units are No Way to Combat Britain's Far Right. *The Guardian*, 10 February. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/feb/10/anti-subversion-police-britains-far-right> (дата обращения: 30.09.2021).

танских подданных и возмущение журналистов, особенно исследуемых нами изданий. Наибольшее негодование спровоцировал репост президента США в *Twitter* нетолерантных взглядов крайне правой организации *BritainFirst*²⁷.

Газета *The Telegraph* крайне скупой выразила свою позицию по поводу конфликтной ситуации вокруг американского президента, в то время как *The Guardian* постаралась продемонстрировать разные взгляды на этот счет²⁸. Тем не менее очевидно: обе газеты рассматривают этот случай в целом как тревожный знак того, что, принимая внешнеполитические решения, страна не сможет в будущем отстаивать свои национальные ценности и в первую очередь – толерантность.

Процесс конструирования «основных британских ценностей», инициированный политиками и подхваченный СМИ в 2005 г., прошел несколько этапов и на каждом из них толерантность играла важную роль. В начале этого процесса толерантность не отождествлялась с ценностями, а в случае *The Guardian* даже противопоставлялась им. Если *The Telegraph* видела в конструировании национальных ценностей гарант сохранения толерантной Великобритании, то *The Guardian* писала о «британских ценностях» преиму-

²⁷ Emmanuel. L., Allen N. (2017) Donald Trump Hits Back at Theresa May after Re-tweeting British Far-Right Group's Anti-Muslim Videos. *The Telegraph*, 29 November. Режим доступа: <https://www.telegraph.co.uk/news/2017/11/29/trump-shared-muslim-crimes-videos-tweeted-british-far-right/> (дата обращения: 06.10.2017).

²⁸ Williams Z. (2017) Britain has Values. We Can't Cosy up to a Nation that Scorns them. *The Guardian*, 30. January. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/jan/30/theresa-may-article-50-fails-national-interest-brexit> (дата обращения: 10.10.2020).

щественно как о политике консерваторов, приходящей на смену мультикультурализма лейбористов, главной чертой которого был как раз акцент на толерантность. Тем самым издания с самого начала обнаружили себя сторонниками разных подходов к вопросу – теории притеснения и теории контакта, соответственно.

Оба издания продемонстрировали, что невозможно дискутировать о национальных ценностях, не затрагивая вопрос толерантности. С 2011–2014-х гг. «толерантность» вошла в документально закреплённое определение «основных британских ценностей», а артикулированная оппозиция ей превратилась в форму экстремизма. Тем не менее из содержания выступлений политиков и публикаций *The Telegraph* мы заключаем, что само понятие толерантности претерпело изменения и было адаптировано под новую политику консерваторов. Развенчание «пассивной толерантности», курс на «мускулистый либерализм» и начало борьбы с новой категорией «неагрессивного» экстремизма демонстрируют трансформацию этого понятия. Позиция журналистов *The Telegraph*, полностью поддерживавших политику Консервативной партии до 2016 г., сводится к рассуждениям о том, где проходят границы толерантности и как добиться толерантного отношения друг к другу у представителей всех культур, проживающих на территории Великобритании.

The Guardian же однозначно придерживается идей мультикультурализма на протяжении всех рассмотренных нами периодов и, как следствие, не вносит коррективы в понятие «толерантность». Газета стоит на позиции необходимости абсолютной толерантности, не видя в ней угрозы национальной идентичности британцев.

На сегодняшний день очевидно, что в попытках решить национальные проблемы оба направления политики – мультикультурализм и политика «основных британских цен-

ностей» – поставили новые вопросы перед обществом. В то время как мультикультурализм, сконцентрированный сугубо вовне на интересах соседствующих культур, не смог защитить британское общество физически, политика «основных национальных ценностей», сосредоточенная исключительно внутри, привела к *Brexit*. Начиная с 2017 г. в обоих исследуемых изданиях тема толерантности растворяется в обсуждении свободы слова, пропаганды национальных ценностей в многокультурных школах. Главное беспокойство качественной прессы вызывает возможность страны придерживаться своих ценностей в принятии внешнеполитических решений.

Библиография

Знаецкий Ф. Науки о культуре. Варшава: PWN, 1971.

Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 6–23.

Карнаухова О. С. Мультикультурализм как парадигма постколониального развития (британская модель) // Личность. Культура. Общество. 2007. Вып. 4 (39). С. 196–204.

Кастельс М. Власть коммуникации: учеб. пособие. 3-е изд. / пер. с англ. *Н. М. Тылевич*; науч. ред. *А. И. Черных*. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2020.

Кондратьева Т. С. Великобритания в ловушке мультикультурализма // Перспективы. 2011. Режим доступа: https://www.perspektivy.info/book/velikobritaniya_v_lovushke_multikulturalizma_2011-10-07.htm (дата обращения: 16.02.2022).

Лихачев Д. С. Избранное. Мысли о жизни, истории, культуре. М.: Рос. фонд культуры, 2006.

Малик К. Крах мультикультурализма // Россия в глобальной политике. 2015. № 2. Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/krah-multikulturalizma/> (дата обращения: 16.02.2022).

Миронов В. В., Миронова Д. В. Г. Мультикультурализм: толерантность или признание? // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 16–28.

Штомпка П. Социология: анализ современного общества. М.: Логос, 2013.

Allport G. (1979) *The Nature of Prejudice*. New York: Basic Books.

Blalock H. (1967) *Toward a Theory of Minority Group Relations*. New York: John Wiley and Sons.

Bobo L. (1999) Prejudice as Group Position: Microfoundations of a Sociological Approach to Racism and Race Relations. *Journal of Social Issues*. 55: 445–472.

Chtatou M. (2021) *Al-Andalus: Multiculturalism, Tolerance and Convivencia*. Madrid: Islamic Culture Foundation.

Coser L. (1956) *The Function of Social Conflict*. Illinois: Free Press, Glencoe.

Leonard M. (1997) *Britain™ Renewing Our Identity*. London: Demos.

Modood T., Dobbernack J., Meer N. (2012) *Great Britain*. In: Zapata-Barrero R., Triandafyllidou A. (eds.) *Addressing Tolerance and Diversity Discourses in Europe: A Comparative Overview of 16 European Countries*. Barcelona: Barcelona Centre for International Affairs, pp. 151–177.

Pettigrew T., Tropp L. (2006) A Meta-Analytic Test of Intergroup Contact Theory. *Journal of Personality and Social Psychology*. 90: 751–783.

Pitcher B. (2007) *Multicultural Nationalism. New Labour and the Politics of Race and State*. London: Palgrave Macmillan.

Putnam R. (2009) Diversity, Social Capital, and Immigrant Integration. *National Civic Review*. 98 (1): 3–5.

**ИЗ ЛОВУШКИ АНАХРОНИЗМА.
ДЕЛО «ОБ ОСКОРБЛЕНИИ СОВЕТСКОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА ЭМИГРАНТСКОЙ ГАЗЕТОЙ
“РУЛЬ” В БЕРЛИНЕ (1927–1936)»**

***Аннотация.** В статье анализируются архивные документы, связанные с арестом тиража номера выходившей в Берлине газеты «Руль» в сентябре 1927 г., требованием Советского правительства от германского МИДа закрыть самую авторитетную на тот момент русскую эмигрантскую газету Германии и выслать редактора из страны. Благодаря усилиям дипломатов, юристов, журналистов дело против газеты было прекращено в 1929 г. по амнистии, объявленной правительством Гинденбурга для политических преступников. Материалы проливают свет на специфику работы журналистов-эмигрантов в условиях поздней Веймарской республики и ее сотрудничества с Советским Союзом¹.*

***Ключевые слова:** газета «Руль», русскоязычная пресса Германии, русский Берлин, пресса русской эмиграции, пресса Веймарской республики.*

**Дело «Яна Беммерманна» 2016–2017 гг.
и процесс против газеты «Руль»**

Недавнее событие подтолкнуло депутатов бундестага Германии поставить окончательную точку в затянувшейся на полтора века истории. Первого января 2018 г. в этой

¹ Статья написана по результатам работы в Университете им. Гумбольдта и Федеральном архиве Германии в рамках совместной программы МГУ имени М. В. Ломоносова и Германской службы академических обменов (DAAD).

стране перестала действовать ст. 103 Уголовного кодекса «Оскорбление органов и представителей иностранных государств»². Поводом к упразднению, последней каплей послужило широко обсуждавшееся в прессе выступление в 2016 г. немецкого сатирика и журналиста Яна Беммерманна в передаче *extra drei* по каналу *NDR* общественно-правового телевидения Германии со стихотворением в адрес президента Турции³. За ним последовало требование правительства Турции и лично Реджепа Тайипа Эрдогана об уголовном разбирательстве. Процедура предполагала участие в нем германского правительства. Событие, его последствия, форма исполнения явно устаревшей, но действовавшей статьи шокировали общественность, экспертов, политиков самого высокого уровня и привели к единодушному устранению юридического анахронизма. «В правовом государстве регулирование соотношения прав личности, свободы слова и искусства – задача не правительства, а адвокатов и судов», – сказала Федеральный канцлер Германии Ангела Меркель на пресс-конференции в связи с «Делом Яна Беммерманна»⁴.

² Paragraf zu Majestätsbeleidigung ist abgeschafft. Режим доступа: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Artikel/2017/01/2017-01-25-abschaffung-paragraf103-stgb.html> (дата обращения: 05.05.2018). Зд. и далее пер. с нем. яз. наш.

³ См. подр.: Per H. (2018) Böhmermanns Schmähedicht bleibt wohl teilweise verboten. *Welt*, Februar 27. Режим доступа: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article174025781/Schmaehgedicht-ueber-Erdogan-Jan-Boehmermann-wird-wohlauch-Berufungsverlieren.html> (дата обращения: 15.04.2018).

⁴ Erklärung von Bundeskanzlerin Merkel zum Vorgehen der Bundesregierung nach der türkischen Verbalnote an das Auswärtige Amt am 15. April 2016 in Berlin. Режим доступа: <https://www.bundeskanzlerin.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2016/04/2016-04-15-erklaerung-bkin.html> (дата обращения: 15.04.2018).

Давняя история этой уголовной статьи хранит пример, когда ее жертвами должны были оказаться российские журналисты. Чуть более 90 лет назад, в 1927 г., реальная угроза зависла над газетой «Руль» – самым влиятельным русскоязычным эмигрантским средством массовой информации в Германии на тот момент⁵.

Инициатором процесса, растянувшегося на несколько лет, стало советское правительство. А началу конфликта положила первополосная публикация в «Руле» от 8 сентября 1927 г. Ссылаясь на польскую демократическую газету «Курьер Поранный» (*Kurier Poranny*), «Руль» в корреспонденции «Западня в полпредстве» рассказал об убийстве русского эмигранта с польским паспортом Трайковича на территории советского полномочного представительства в Польше. Незнакомый свидетель утверждал: «С некоторых пор я решил вернуться в Россию и хлопотал в полпредстве о возвращении. В день убийства я должен был увидеться с поверенным в делах Ульяновым и получить от него паспорт. Пока мы находились в полпредстве, в приемную быстрым шагом вошел Трайкович. Когда сказал, что он – польский гражданин русской национальности, Шлецер ответил: “Польская свинья”. В ответ на это Трайкович сказал что-то резкое о большевиках. Шлецер поднялся со своего места и ударил Трайковича,

⁵ «Руль» – ежедневная газета, выходившая в Берлине с 16 ноября 1920 г. до 14 октября 1931 г. Издавалась при участии И. В. Гессена, А. И. Каминки, В. Д. Набокова. В 1927 г. – единственная крупная эмигрантская газета Германии. Расцвет газетного дела в Берлине приходился на первую половину 1920 гг. Усложнившаяся экономическая ситуация в Германии, сокращение русскоязычной общины и постепенный переезд выходцев из России в другие страны (Францию, Чехословакию, США и т. д.) привели в середине 1920 гг. к закрытию большинства изданий или их переезду в другие страны. «Руль» прекратил выпуск последним.

затем отскочил и вынул из кармана револьвер. Я отказался от поездки в Россию и явился дать показания властям»⁶.

Раздраженные публикацией или нашедшие в ней признаки оскорбления «органов и представителей иностранных государств», дающие право, по законам Веймарской республики, на преследование, советские власти решительно потребовали от германского руководства немедленных действий: закрыть газету и выслать из страны ее ответственного редактора.

Эта тяжба осталась одним из не до конца проясненных эпизодов в истории прессы русского Берлина, она не удостоилась сколько-нибудь серьезного внимания ни в германской, ни в российской специальной литературе. Может быть, это объясняется тем, что инцидент в конце концов не принес истцу видимых результатов: газету не закрыли, а редактора не выслали. Между тем в Федеральном архиве Германии хранятся материалы дела под громким названием «Об оскорблении советского правительства эмигрантской газетой “Руль” в Берлине»⁷, и они отчасти проливают свет не только на эти события, но и на специфику работы эмигрантской прессы в Германии конца 1920 гг. и условия ее существования. Вокруг «дела», которое могло стать решающим в истории газеты русского зарубежья, завязался узел отношений между журналистами, дипломатами Веймарской республики и Советской России, германскими судами и советским правительством. Несмотря на грозные требования из Москвы, стороны в самом Берлине действовали прагматично, были скорее склонны к компромиссам, к мягкому улаживанию конфликта и в конце концов нашли возможность, к взаимному согласию, утопить в очевидных уже тогда противоречиях закона дело против эмигрантской газеты.

⁶ Западня в полпредстве // Руль. 1927. Сент., 8. С. 1.

⁷ Bundesarchiv: BArch R 901/26402.

Поздняя Веймарская республика и положение русских журналистов-эмигрантов

Что необычного содержалось в публикации? Она отражала напряженную международную обстановку, тревожное время между мировыми войнами. Жертвами становились как сторонники, так и противники советской власти. Громкие убийства не были редкостью. За три месяца до описываемых событий, например, в той же Варшаве на вокзале террористом был убит поверенный в делах СССР в Польше П. Л. Войков⁸, получило широкую огласку убийство министра иностранных дел Веймарской республики В. Ратенау в Берлине 1922 г. и т. д. Но и факт, о котором повествовалось в «Руле», судя по материалам прессы того времени, тоже вписывался в картину эпохи, определенным образом характеризовал поведение большевиков как в России, так и за рубежом. Та же газета «Руль» систематически писала об опасности возвращения эмигрантов на родину. К упоминаемой статье на полосе примыкала, например, постоянная рубрика «Смертные казни». Газета на протяжении многих лет рассказывала о многочисленных приговорах в России, в том числе бывшим политикам и вернувшимся на родину эмигрантам.

Корреспонденция, на первый взгляд, имела все шансы остаться незамеченной, как и многие другие, однако именно она послужила предметом судебного разбирательства. Масла в огонь добавила публикация «Будьте осторожны!» в том же номере: «Ни для кого не секрет, что в каждом заграничном советском полпредстве, торгпредстве есть чекисты, вооруженные до зубов и, надо полагать, скучающие от отсутствия ежедневной практики в убийстве. В каждом таком доме обязательно существует подвал, розыск в котором попавшего в него человека будет нелегко полиции,

⁸ Убийство полпреда // Руль. 1927. Июнь, 8. С. 1.

ограниченной договорной неприкосновенностью советских застенков»⁹.

Но и в этом пассаже не содержалось принципиально новой тональности по отношению к большевикам. На десятом году истории русского изгнания, как и раньше, почти вся его пресса ежедневно сообщала об ужасах большевистских порядков и неприятии революции. Отношения сторон к тому времени давно определились. Например, 5 июля 1921 г. газета «Правда» транслирует мнение Ленина об эмигрантах: «В некоторых отношениях мы должны учиться у этого врага. Эти контрреволюционные эмигранты очень осведомлены, великолепно организованы, хорошие стратеги, и я думаю, что систематическое сравнение, систематическое изучение того, как они организуются и как пользуются тем или иным случаем, может оказать сильное воздействие на рабочий класс»¹⁰. Представить, чтобы Советская Россия в те годы могла диктовать какие-то условия Германии (закрывать выходящую в Берлине русскоязычную газету, выслать ее редактора), было невозможно. Веймарская республика с самого начала 1920-х гг. оставалась основным издательским центром русской эмиграции, в Берлине находилась крупнейшая в мире колония беженцев из России, которые в политическом плане чувствовали там свою защищенность (подр. см.: Schlögel, 1995).

Между тем внешнеполитическая обстановка менялась, Веймарская республика и СССР вступали в период подъема политического, экономического и военного сотрудничества. Началом постепенного налаживания официальных межгосударственных связей послужил Рапалльский договор 1922 г.,

⁹ Будьте осторожны! // Руль. 1927. Сент., 8. С. 4.

¹⁰ Ленин В. И. Доклад о тактике РКП 5 июля // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 44. С. 40.

открывший дипломатические отношения между двумя странами. Локарнские соглашения 1925 г., последовавший за ними Берлинский договор 1926 г. последовательно укрепляли и расширяли уже существовавшее торговое и тайное военное сотрудничество.

Генри Киссинджер в книге «Дипломатия» отмечает: «Тайное перевооружение Германии шло ускоренными темпами. Еще в 1920 г. тогдашний министр промышленности Вальтер Ратенау успокоил германских военных заявлением о том, что, согласно условиям Версальского договора, предусматривавшего ликвидацию тяжелых германских вооружений, будет в первую очередь демонтировано как раз то вооружение, которое само по себе вскоре устареет. Тем более, утверждал он, не существует никаких помех на разработку современного оружия или создание промышленных мощностей, которые позволили бы быстро его изготовить. Присутствуя на военных маневрах в 1926 г., вскоре после ратификации "пакта Локарно"» фельдмаршал фон Гинденбург, командующий германской армией в последние три года войны, только что избранный президентом Германии, заявил: "Сегодня я увидел, что германская армия сохранила свой традиционный морально-профессиональный уровень"» (Киссинджер, 1994).

Публично беспокойство в связи с этой тенденцией в политике Германии впервые высказывается уже в 1926 г. на страницах британской «Манчестер Гардиан» (*The Manchester Guardian*)¹¹. Позднее она публикует серию материалов о тайном сотрудничестве Германии с Россией. Однако эта тема еще долго не попадала в центр внимания европейской прессы, хотя давно определяла характер отношений обеих стран. В частности, повлияла и на возникновение «Дела газеты "Руль"».

¹¹ Military Control in Germany. *Manchester Guardian*, 1926, December 3. P. 8.

Главный редактор издания И. В. Гессен¹² в мемуарах вспоминал это время: «Как только результаты [Рапалльского. – А.Л.] договора¹³ стали сказываться в непрерывных трениях с советской властью, русский отдел министерства иностранных дел утратил основания придирааться к нашим разобла-

¹² Иосиф Владимирович Гессен (1865–1943), журналист, юрист, деятель Конституционно-демократической партии (партии кадетов). В России вместе с П.Н. Милюковым редактировал газеты «Народная свобода» (1905), «Речь» (1906–1917), в 1920–1931 гг. – главный редактор газеты «Руль» (Берлин). С 1936 г. жил в Париже, с 1941 г. – в США.

¹³ Рапалльский договор между Германией и Советской Россией был подписан в 1922 г. в итальянском городе Рапалло. Стороны отказались от взаимных претензий, возникших во время Первой мировой войны, и договорились о возобновлении дипломатических отношений. Болезненное многих на заключение договора отреагировали русские эмигранты в Германии и их пресса, ставшие, как тогда казалось, заложниками этого поворотного события. «Руль» последовательно критиковал договор и саму возможность сотрудничества с большевистским режимом (подр. см.: Лысенко, 2017). В передовой статье газеты, посвященной подписанию договора, читаем: «И когда перед лицом этого неизбежного поистине страшного суда Европа заключает договоры и обманывает себя надеждой, что она стоит на пути к решению запутавшейся мировой проблемы, то становится еще страшнее за завтрашний день» (Руль. 1922. Апр., 19. С. 1). В частности, по словам госсекретаря МИДа фон Мальцана (он подписывал Рапалльский договор с германской стороны), переговоры о последующем расширении договора в 1923 г. с самого начала со стороны советской делегации вели к провозглашению необходимости переговоров о «Договоре о выдаче» (Bundesarchiv: BArch R 43 I/134, S. 29 f.). Обсуждая возможность этого договора в 1924 г., рейхсканцлер Вильгельм Маркс высказал мнение, что «приходится прийти к выводу, что с Россией вообще невозможно заключать договоры» (Заседание кабинета министров 24 апреля 1924 г., 17.30 // Bundesarchiv: BArch R 43 I/1393, Bl. 396-398. Режим доступа: http://www.bundesarchiv.de/aktenreichskanzlei/1919-1933/1101/ma1/ma11p/kap1_2/kap2_183/para3_1.html (дата обращения: 05.05.2018)).

чениям и, ссылаясь на свободу печати, отваживал домогательства полпредства в отношении газеты. Поэтому "Руль" мог сохранить боевую позицию в такой мере, что в апогее своего могущества Зиновьев в одной из речей выдал нам аттестат "самой злой газеты"¹⁴. И. В. Гессен не мог знать всех деталей и линий развивавшихся межгосударственных отношений, определяющих общее усиление позиций Советского Союза, его влияния на Германию, и благодаря этому относительно неведению, а также, несомненно, и личному мужеству, работа на посту редактора не усложнялась и не претерпевала каких-либо резких перепадов: он в прежней жесткой по отношению к Советской России тональности продолжал свое дело. Доступные сегодня архивные документы показывают, однако, что германской стороне стоило усилий сохранить условия для свободы печати в этот период.

Превентивные меры как способ защиты русскоязычной газеты

На другое утро после первой публикации о Трайковиче заместителя редактора «Руля» Григория Ландау¹⁵ ждал для беседы руководитель отдела прессы МИД Германии Альберт фон Балигандт¹⁶. Как узнаем из последующих

¹⁴ Гессен И. В. Годы изгнания. Жизненный отчет. Париж: Умса Press, 1979. С. 127.

¹⁵ Григорий Адольфович Ландау (1887–1941), российский журналист. С 1919 г. в Германии. В 1922–1931 гг. – заместитель главного редактора газеты «Руль». С 1933 г. – в Латвии, сотрудничает с газетой «Сегодня». Арестован в 1940 г., погиб в Усолье лаге Молотовской области (ныне Пермский край). Автор трудов по международным отношениям, литературоведению, философии.

¹⁶ Альберт фон Балигандт (1881–1930), немецкий дипломат, юрист. Член мирной делегации в Брест-Литовске в 1918 г., в 1926–1928 гг. – руководитель отдела прессы МИД Веймарской республики, с 1928 г. – посланник в Лиссабоне. В 1930 г. убит безработным матросом, пожелавшим избавиться себя от мании преследования.

протоколов¹⁷, встреча с представителем газеты нужна была в качестве необходимого элемента спешной подготовки к встрече со Стефаном Братманом-Бродовским¹⁸, поверенным в делах Советского Союза в Берлине. Круг обсуждаемых вопросов между Балигандтом и Бордовским характерен для эпохи конца 1920 гг.: стороны обменялись мнениями о состоянии дел после Женевской конференции 1927 г.¹⁹, в ходе переговоров о транзите через СССР. В конце затронули тему «маленького инцидента» о «недружелюбном обращении с российскими офицерами» во время недавних военных учений под руководством генерала Зоммерфельда. Его поведение, «скорее

¹⁷ Bundesarchiv: BArch R 901/26402, S. 1–4.

¹⁸ Стефан Иоахимович Братман-Бродовский (1880–1937), член социал-демократической партии Королевства Польши и Литвы с 1903 г., в 1917–1918 гг. – секретарь комитета эмигрантов в Швейцарии, 1920–1929 гг. – на дипломатической работе в Германии. Арестован 2 июля 1937 г. по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации. Осужден 27 октября 1937 г. Расстрелян в тот же день. Реабилитирован 30 мая 1956 г.

¹⁹ Женевская конференция 1927 г. с участием министров иностранных дел Великобритании, Франции, Германии, Италии, Бельгии и Японии. Состоялась 14–16 июня в Женеве во время сессии Совета Лиги Наций. Была созвана по инициативе Дж. О. Чемберлена после разрыва правительством Великобритании дипломатических и торговых отношений с СССР в связи с его поддержкой революции 1925–1927 гг. в Китае. На конференции Чемберлен предложил опубликовать совместную декларацию «против пропаганды Коминтерна». План Чемберлена потерпел неудачу из-за противоречий между участниками Женевской конвенции и стремления некоторых из них сохранить экономические связи с СССР. Министр иностранных дел Веймарской республики Штреземан вместе со своим французским коллегой Брианом отказались подписывать декларацию. «На совещании между Чемберленом, Брианом, Штреземаном, Вандервельдом, Шиалойя и Иши было принято решение не создавать никакого единого фронта против СССР. Однако дальнейшее развитие коммунистической пропаганды признано недопустимым» (Решение держав по русскому вопросу // Руль. 1927. Июнь, 18. С. 1.).

выделяющееся из общего», вынудило офицеров сменить место учений. Поскольку главнокомандующий сухопутными войсками Веймарской республики генерал Хайе²⁰ уже письменно выразил свое сожаление об этом инциденте, временный поверенный и военный атташе Лунев²¹ считают инцидент исчерпанным, хотя и не получили об этом окончательного заключения из Москвы.

Вопросы, касавшиеся проблем в рамках уже существующего сотрудничества, были решены достаточно быстро и, как видим, конструктивно. Центральной же темой встречи стала статья в «Руле», вражеской для большевиков газете, борьбу с которой не поддерживала Германия. Немецкие дипломаты, по-видимому, получили в каком-то виде сигнал (в архиве документов об этом обнаружить не удалось) о раздраженной реакции советской стороны на публикацию газеты: без такого предупреждения она вряд ли бы позаботилась о мгновенно реализованных превентивных мерах. Альберт фон Балигандт сообщил Бродовскому о «принятом 9 сентября [т. е. в день заседания суда и на другой день после выхода газеты. – А.Л.] решении суда Берлин-Митте о конфискации вышедшего номера газеты “Рул”. Оно было инициировано прусским министерством юстиции по нашему тре-

²⁰ Вильгельм Хайе (1869–1947), немецкий военный, генерал-полковник, в 1926–1930 гг. – главнокомандующий сухопутными войсками.

²¹ Сергей Васильевич Петренко-Лунев (1890–1937) (Псевдоним Лунев), член ВКП(б) с 1917 г. Военный, в 1925–1928 – военный атташе в Германии, 1934–1936 – в Италии, 1928–1932 гг. – работал в Центральном аэрогидродинамическом институте (ЦАГИ). Занимал высокие должности в РККА. Арестован 29 мая 1937 г. по обвинению в участии в антисоветской террористической организации и в шпионской деятельности. Осужден 12 сентября 1937 г. Расстрелян в тот же день. Реабилитирован 21 июля 1956 г.

бованию. В дальнейшем я сообщил, что вызвал заместителя редактора газеты “Руль” Ландау и обратил его внимание на возможные тяжкие последствия происшедшего. В случае повтора мы, как я сказал господину Бродовскому, можем рассмотреть вопрос выдворения. Господин Ландау пояснил, что оказавшаяся в поле внимания статья возникла не в Берлине и была передана в редакцию человеком, находившимся в городе проездом. Господин Ландау заявил, что при размещении последующих статей будет проявлять исключительную сдержанность во всем, что касается местных посольства или торгового представительства. В результате я договорился с г-ном Бродовским, что на пресс-конференции завтра пройдет необходимое объяснение о конфискации №174 “Руля” в связи с его оскорбительными нападками на советское посольство и торговое представительство»²².

Другими словами, один из руководителей газеты, дипломаты обеих сторон сошлись на мерах, которые всех устраивали: конфискация номера, публикация сообщения о ней, в случае повтора с какой-либо статьей, влекущей уголовное разбирательство, выдворение редактора, заверения Ландау в последующей осторожности с печатанием такого рода материалов. Целью этих компромиссных мер, было успокоение советской стороны в Москве: удовлетворившись ими, она уже не стремилась бы к продолжению конфликта.

Главный редактор «Руля» И. В. Гессен вспоминал: «В 1927 году, в мое отсутствие, в Берлине была напечатана статья <...> Вернувшись в Берлин, от одного из чиновников русского отдела [МИДа Веймарской республики. – А.Л.] я услышал такой рассказ: “Позвонил полпред, заявил резкий протест <...>, намекнул на наше попустительство и категорически потре-

²² Bundesarchiv: BArch R 901/26402, S. 2.

бовал удовлетворения. На вопрос, в чем оно должно выразиться, ответ был, что во всяком случае Гессен должен быть выслан из Германии. Узнав, что Вас нет в Берлине, я страшно обрадовался. Действительно, когда я об этом сообщил полпреду, он значительно успокоился»²³.

В этом свидетельстве Гессена интересно то, что он рассказывает о, казалось бы, серьезнейшей угрозе газете и ему лично со слов не своего заместителя Г. Ландау или своих сотрудников, что было бы естественнее, а немецкого дипломата, доброго знакомого главного редактора русской газеты. Чиновник беспокоится о свалившихся на «Руль» невзгодах и, конечно, желает Гессену благополучного финала истории. Сам же Гессен, пересказывая как бы случайно услышанное сообщение сотрудника русского отдела МИДа, словно всерьез и не видит для газеты и себя никаких особых опасностей. Возможно, ко времени написания мемуаров давние события уже не представлялись ему действительно опасными. Или же он хорошо помнил о настроениях в имеющих отношение к эмигрантской печати подразделениях министерства иностранных дел: можно пожурить газету, для видимости – наказать, исполнить формальности, поугадать, но ни при каких обстоятельствах не идти на поводу у Москвы, не преступить известную черту, не «сдать» эмигрантов.

Протокол упомянутой встречи с поверенным в Берлине на следующий день дополнила записка того же А. фон Балигандта: «После того, как 10 сентября без вмешательства отдела прессы вышла новость агентства "Вольф", которая частично была прокомментирована газетами, я договорился с господином Бродовским <...> по возможности пресекать последующие дискуссии по этому делу»²⁴.

²³ Гессен И. В. Указ. соч. С. 127–128.

²⁴ Bundesarchiv: BArch R 901/26402, S. 4.

По всей видимости, о достигнутой договоренности знали и редакторы «Руля»: газета крайне скупое, почти в духе соглашений дипломатов, освещала это событие. Лишь 11 сентября читаем на ее страницах: «По постановлению суда *Amtsgericht-Mitte* вследствие жалобы с обвинением нашей газеты <...> конфискован номер “Руля” <...> Мы спокойно ожидаем беспристрастного решения немецкого гласного суда»²⁵.

Конфискация номера, создавшая все поводы для общественного резонанса, остается почти незамеченной ни журналистами других изданий, ни читателями. Словно бы четко действует договоренность сторон об ограждении этого конфликта от муссирования. В последующие недели «Руль» вообще теряет происшедшее из вида.

«Дело “Руля”»: требования советского правительства и германский МИД

Благодаря упредительным мерам сам конфликт между германским МИДом и советским посольством близился к желанной для всех сторон развязке. Министерство юстиции Германии даже выразило беспокойство по поводу необходимости соблюсти как минимум юридические формальности: «звонил президент прусского министерства юстиции Кунт²⁶ и пояснил, <...> что в скором времени должен быть подан иск против газеты “Руль”. Прусскому министерству юстиции будет малоприятно, если в случае жалобы газеты “Руль” земельному суду придется отменить решение о конфискации

²⁵ Руль. 1927. Сентябрь, 11. С. 1.

²⁶ Готтфрид Кунт (1884–1967), немецкий юрист, член Немецкой демократической партии (DDP), в 1927 г. – президент Земельного суда. Критиковался нацистами, на пенсии с 1933 г. В 1945–1952 гг. – вновь президент Земельного суда Шлезвиг-Гольштейн, 1946–1947 гг. – министр в земельном министерстве юстиции.

номера из-за отсутствия иска»²⁷. Ясно, что номер был арестован германскими властями спешно, даже до подачи жалобы советским правительством. Молчание и медлительность Москвы теперь могли создать неловкую и юридически сложную ситуацию. МИД Германии несколько раз напоминал об этой формальности советскому посольству в Берлине.

Ответ Москвы сводил на нет все компромиссные, упредительные меры немецкой стороны, против которых, как видим, не возражал и поверенный в делах СССР. В служебной записке от 14 сентября по результатам беседы с секретарем советского посольства читаем: «Советское правительство не рассматривает дело “Руля” как урегулированное и поручило посольству выдвинуть следующие условия: 1) закрытие газеты “Руль”; 2) выдворение ответственного редактора»²⁸.

Все возвращалось на круги своя! Руководитель отдела прессы фон Балигандт, дипломатично приняв к сведению высказанные требования, выразил сомнения в их реализуемости, тем более что «описанные в статье тенденции не вызвали никакого эха в общественном мнении, поэтому нельзя говорить ни о малейшем политическом значении публикации. Высылка ответственного редактора после этого будет выглядеть мерой, ни в какой степени не адекватной значению происшествия»²⁹. Говорилось также, что угроза выдворения может быть профилактическим средством для предотвращения повторов публикации подобных статей, но нельзя же в самом деле всерьез говорить о высылке журналиста из страны.

Тем не менее высказанные требования легли в основу ноты советского посольства в адрес МИДа Германии³⁰. Пере-

²⁷ Bundesarchiv: BArch R 901/26402, S. 5.

²⁸ Там же. С. 6.

²⁹ Там же. С. 7.

³⁰ Там же. С. 10.

дача официального иска министерству юстиции по статье «Враждебные поступки по отношению к дружественным государствам» оставалась формальностью³¹. Она открыла многолетнюю тяжбу с апелляциями, жалобами, повторными рассмотрениями. МИД, как и в недавнем «Деле Яна Беммерманна», просил министерство юстиции как официального представителя правительства «держатъ его в курсе дела».

Последующие недели «Руль» выполнил обещание быть осторожным. Тем не менее 29 сентября 1927 г. он решает рассказать о разрешении на выезд в Москву, выданном польскими властями обоим фигурантам дела об убийстве Трайковича³². Статья становится причиной еще одной вербальной ноты с просьбой советского посольства приложить материал к судебному иску. Ситуация усложнялась: теперь у советской стороны появлялся повод говорить о рецидиве в поведении газеты и опасных последствиях, которых требовала обвиняющая сторона и о которых предупреждали германские дипломаты.

И. В. Гессен позднее вспоминал не без иронии и об этом: «опять звонок из полпредства, уже совсем вызывающий тон и недовольное заявление, что, если министерство столь

³¹ Как видим, упомянутая статья «Враждебные поступки по отношению к дружественным государствам» Уголовного кодекса Германии уже тогда вступала в МЕДИА альманах 124 противоречия с принципами свободы слова, декларированными Веймарской республикой. Статья, появившаяся в год возникновения Германии как единого государства (1871), задумывалась как одна из срочных стабилизирующих мер в сложных отношениях новой Германской империи с ее иностранными партнерами. Однако общие принципы «Закона о прессе», принятого всего три года спустя, в 1874 г., в XX в. многократно вступали в противоречие с этой статьей. Отметим, что ее название многократно менялось на протяжении истории Германии, но суть оставалась неизменной.

³² Руль. 1927. Сент., 29. С. 3.

демонстративно игнорирует дружественные отношения, ничего не остается, как обратиться с жалобой в суд... Пожальуйста, зайдите ко мне завтра в министерство. <...>. Отчасти вследствие неожиданности, но и намеренно, я выслушал его, словно воды в рот набрав <...>. – Что же вы молчите? – А что же мне сказать? У нас есть поговорка: в чужой монастырь со своим уставом не ходи. Могло бы показаться, что теперь, когда постпредство обратилось в суд, остается выждать приговор. Поэтому я могу только сказать – принимаю к сведению. <...> А еще год спустя <...> я получил грубое письмо от пресшефа. Очень жалею, что не сохранился у меня ответ, в котором я выражал удивление, что советская власть обращается к германской власти за ограждением своего престижа, хотя мы далеко не дошли до тех пределов, до коих доходит официальная советская печать в карикатурах не только на членов германского правительства, но и на главу государства»³³.

Тем временем документы дела перешли в руки юристов. В их действиях просматривается стремление защитить журналистов и газету «Руль», сохранив при этом хорошие отношения с важными советскими партнерами. Шел поиск «юридического хода». Полгода спустя, весной 1928 г., адвокаты находят изъян в требовании советского правительства. МИД Германии получает от них рекомендацию отклонить требование из Москвы на основании того, что ст. 104 Уголовного кодекса Германии³⁴ обеспечивает защиту представителям иностранных государств, зарегистрированных в качестве

³³ Гессен И. В. Указ. соч. С. 127–128.

³⁴ В Уголовном кодексе современной Германии эта статья числится под номером 103. После ее отмены в 2018 г. номер статьи сохранен в официальной документации с пометкой: «упразднена». Режим доступа: https://www.gesetze-iminternet.de/stgb/_103.html (дата обращения: 23.04.2018).

таковых МИДом³⁵. Поскольку Братман-Бродовский в этот период лишь временно замещал посла Крестинского и не имел официального статуса представителя иностранного государства, он не имел и права подавать жалобу, и, значит, она недействительна³⁶.

В период подготовки этих документов, по всей видимости, на стороне «Руля» были не только немецкие дипломаты и русские журналисты-эмигранты, но парадоксальным образом и сами истцы, представители советского посольства. В мае 1928 г. Братман-Бродовский, возвращаясь к теме «Дела «Руля»» с сотрудниками германского МИДа, даже высказывает опасение, что «процесс поднимет много пыли»³⁷ и намекает на поиск путей по возможности не вспоминать об этом деле и не напоминать о нем в Москве. Официальный же отказ в рассмотрении жалобы чреват недовольством Москвы. Как быть?

Защита «Руля»: совместные сценарии советских и германских дипломатов

14 июля 1928 г. правительство Гинденбурга объявило новую политическую амнистию. В ней юристы видят еще одну возможность прекратить дело. Другие адвокаты, напротив,

³⁵ В предложении министерства иностранных дел прусскому министру юстиции читаем: «Действие статьи 104 Уголовного кодекса предполагает наличие заверения, то есть международного удостоверения его представительского характера и аккредитации, представителя иностранного государства. О том, является ли представитель иностранного государства аккредитованным в германском рейхе, решает исключительно министерство иностранных дел. Заверенные представители иностранных государств делятся на полноправных и временных. Лишь на первых распространяется формальное действие соглашения» (Bundesarchiv: BArch R 901/26402. S. 30–31).

³⁶ Bundesarchiv: BArch R 901/26402. S. 30.

³⁷ Там же. С. 33.

находят в этом сложность: «Дело “Руля”» (или Романа Штейна³⁸ – так будут называть «дело» позднее в деловой переписке) связано с «борьбой с существующей российской системой и не ставило задачей повлиять на политический расклад сил в Германии»³⁹, поэтому следует отказаться от рассмотрения применимости дела к амнистии от 14 июля 1928 г.

Процесс мучительных поисков выхода из непростой дипломатической ситуации продолжался еще полгода. В ноябре 1928 г. германское посольство в Москве все же решает переспросить о газете «Руль», но там об инциденте почти не помнят. При этом советские дипломаты в Берлине вновь намекают: формулируя окончательную позицию, они будут вынуждены провести новые консультации с Москвой⁴⁰, и ответ может вновь оказаться непредсказуемым. Поэтому стороны договариваются повременить еще и дождаться окончательного решения суда об амнистии по «Делу газеты “Руль”». Для упреждения возможного недовольства в Москве германский МИД готовит жалобу, заведомо оспаривающую это решение: в случае неблагоприятной реакции этому документу можно дать ход и затянуть процесс по «Делу “Руля и Романа Штейна”» на долгие годы. В случае же успеха переговоров жалобу можно забрать в течение 48 часов, и таким образом поставить точку в деле⁴¹. Таким образом германские и российские дипломаты вместе подготовили сценарии, позволяющие избежать обострения по этому делу.

10 декабря 1928 г. в советское посольство в Берлине приходит долгожданное пояснение: «Москва больше не заинте-

³⁸ Роман Ильич Штейн (1884–1943), журналист, писатель, член редакции газеты «Руль» (1926–1931). Ответственный редактор номера «Руля», повлекшего судебное разбирательство. Приемный сын И. В. Гессена, главного редактора газеты. Погиб в Освенциме.

³⁹ Bundesarchiv: BArch R 901/26402. S. 49.

⁴⁰ Там же. С. 52.

⁴¹ Там же.

ресована в уголовном преследовании редактора “Руля”, и поэтому согласна с прекращением дела»⁴². Оптимальным сценарием реализации этого распоряжения дипломаты все же сочли вялое продолжение процесса. «Незабранная жалоба» к тому времени уже давно рассматривалась судом, решение об амнистии было отменено, и процесс продолжился. Вновь собирались документы, систематизировались объемные свидетельские показания. 10 мая 1929 г. было вновь вынесено решение о закрытии дела в связи с амнистией. На этот раз оно оказалось окончательным.

Совместными усилиями дипломатов и юристов обеих стран требования советского правительства к газете «Руль» удалось свести на нет. Но все эти действия не имели никакого отношения к общей ситуации: ухудшались экономические условия жизни эмигрантов, сокращалась сама русская диаспора. Не по решению суда, а по экономическим причинам через полтора года газета «Руль» закрыла себя сама. 14 октября 1931 г., в последнем номере, журналисты обратились к читателям: «Около одиннадцати лет назад был основан “Руль” для борьбы с большевиками; одиннадцать лет “Руль” разоблачал ложь, злодеяния большевиков. Цель не достигнута, работа не кончена и силы не иссякли. Но тяжелая общественная обстановка, осложненная непрерывно растущим кризисом, подорвала основу нашего дела, и мы вынуждены прекратить дальнейшее издание нашей ежедневной газеты»⁴³.

Уроки истории свободы слова Веймарской республики

«Дело “Руля”» «Об оскорблении советского правительства» хотя больше и не пополнялось новыми документами,

⁴² Bundesarchiv: BArch R 901/26402. S. 63.

⁴³ Руль. 1931. Окт., 14. С. 1.

но формально было закрыто лишь четыре года спустя после прекращения выхода самой газеты 31 декабря 1936 г. По горькой иронии истории в этот год как бы само выполнилось и второе требование советского правительства: И. В. Гессен был вынужден покинуть Германию и переехать во Францию, а затем, спасаясь от нацистов, – в Соединенные Штаты Америки. В страну пришли новые времена, и «инцидент с газетой “Руль”» больше не мог иметь продолжения. Вероятно, при очередной ревизии документации в конце года технические сотрудники отправили акт в архив.

Либеральные ценности и принципы свободы слова Веймарской республики не раз вступали в противоречие с законами прошлых эпох. После Второй мировой войны стабилизирующее значение статьи по понятным причинам возросло. Формулировка была по инерции сохранена, и в новом законодательстве ФРГ статья многократно становилась предметом сложных судебных и, еще чаще, политических разбирательств, связанных со свободой слова⁴⁴. Отработка демократических правовых процедур, несовершенство которых стало очевидным и на примере «Дела “Руля”» еще в 20-е гг. прошлого столетия, заняла десятилетия.

⁴⁴ Например, в 1949 г. британские оккупационные власти потребовали на две недели закрыть журнал «Шпигель» в связи с публикацией о смене монарха в Нидерландах «в целом в оскорбительном тоне». По этой же статье была подана жалоба на создателя плаката пикетчика «Персия – это концлагерь» во время визита персидского шаха в Германию в 1967 г. Германский министр внутренних дел Пауль Люке ездил в Тегеран, чтобы убедить шаха отказаться от иска. Шах несколько раз прибежал к искам по этой статье, с тех пор она получила неофициальное название «Параграф шаха». Подр. об этом см.: Prantl H. (2016) Wird der Schah-Paragraf jetzt zum Böhmermann-Paragrafen? Süddeutsche Zeitung, April 8. Режим доступа: <http://www.sueddeutsche.de/politik/satire-wird-der-schah-paragrafjetzt-zum-boehmermann-paragrafen-1.2938570> (дата обращения: 03.05.2018).

Библиография

Киссинджер Г. Глава одиннадцатая. Штреземан и возврат побежденных на международную арену // Дипломатия. М.: ЛАДОМИР. 1994. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/kissing/11.php (дата обращения: 05.05.2017).

Лысенко А. В. Президент Эберт: «Из газетных новостей я узнаю, что германо-российский договор заключен и опубликован». Эпизод «непубличной» журналистики эмигрантской газеты «Руль» // Медиаскоп. 2017. Вып. 4. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2371> (дата обращения: 05.05.2018).

Schlögel K. (Hrsg.) (1995) Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941. Leben im europäischen Bürgerkrieg. Berlin: Akademie Verlag.

Публикуется по: Меди@льманах, 2018, № 5. С. 113–125.

ДЕОНТОЛОГИЯ ШВЕДСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ КАК СИСТЕМА ЭТИКО-ПРАВОВЫХ НОРМ И НРАВСТВЕННЫХ ПРИНЦИПОВ ПОВЕДЕНИЯ ЖУРНАЛИСТА

***Аннотация.** Актуальность работы заключается в систематизации и обобщении данных о нравственных принципах поведения шведского журналиста. Мы пришли к выводам, что уже скальды и почтовые газеты XVII в. руководствовались этической нормой современных журналистов – не навязывать читателям/слушателям своего мнения, что основные заповеди современного репортера – работать увлеченно, планомерно, не стремиться к легким темам, распознавать новости, важные для общества, бережно относиться к источникам информации.*

***Ключевые слова:** деонтология журналистики, этика скальдов и почтовых газет, объективность современного репортера, задачи журналиста, увлеченность журналиста темой, правдивость, значимость новости, подача материала, функции СМИ, источники информации.*

Деонтология журналистики – наука, ставшая крайне важной в наши дни, когда роль этики, долга и ответственности журналиста перед обществом постоянно возрастает. Тем не менее, как мы заметили, до сих пор нет единого определения понятия «деонтология».

«Существует немало определений понятия «деонтология журналистики» (от греч. *deon* – долг, *deontos* – должное + *logos* – учение)», – пишет Л. А. Винская в своей статье «Деонтология журналистики: от Ломоносова до информационного

общества XXI века»¹. Однако, как выясняется, все эти определения сводятся к той краткой формулировке, которую дал составитель «Энциклопедического словаря СМИ» А. А. Князев, определивший деонтологию как «раздел этики, рассматривающий проблемы долга и ответственности, нравственных принципов поведения»². То есть деонтология журналистики – это по сути дела свод этических норм, связанных с проблемами долга и ответственности журналиста перед обществом и с нравственными принципами его поведения.

Однако о долге и этике журналистов в Швеции пишут в основном не в научных изданиях, а в разного рода «полисах», в постановлениях руководства прессой, радио и телевидением. Сами же журналисты, руководители различных СМИ нередко спорят по поводу нравственных норм, которых должны придерживаться в своей деятельности люди их профессии, критически рассматривают «общественную журналистику» США, сомневаясь в необходимости журналиста участвовать в решении различных общественных и политических проблем, брать на себя функции пропагандиста и агитатора. Поэтому систематизация и обобщение сведений о нравственном поведении журналиста и требований к его профессиональной этике в высшей степени актуальны в настоящее время.

Ввиду важности темы, при ее изучении использованы различные методы исследования. Основой методологии в данной статье является теория социальной ответственно-

¹ Винская Л. А. Деонтология журналистики: от Ломоносова до информационного общества XXI века // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. X междунар. науч.-практ. конф. Часть II. Новосибирск: СибАК, 2012. Режим доступа: <https://sibac.info/conf/philolog/x/27577> (дата обращения: 27.11.19).

² Князев А. А. Энциклопедический словарь СМИ. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2002. Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text16/069.htm#з_02 (дата обращения: 12.03.2020).

сти У. Э. Хокинга, где на первом плане стоит профессиональная этика, поскольку положения данной теории были сформулированы на основе расследования возглавляемой президентом Чикагского университета Р. М. Хатчинсом Комиссии по вопросам свободы печати, выявившей факты нарушения свободы печати в Америке и опубликовавшей в 1947 г. документ под названием «Свободная и ответственная печать. Общий доклад о массовой коммуникации: газеты, радио, кино, журналы и книги». Теория социальной ответственности получает свое дальнейшее развитие в книге «Четыре теории прессы» американских теоретиков и историков печати, профессоров Иллинойского университета Фреда С. Сиберта и Теодора Питерсона, а также профессора Стэнфордского университета Уилбура Шрамма, где дан всесторонний анализ функционирования прессы в условиях социума. Теодор Питерсон в главе 3 под названием «Теория социальной ответственности прессы» пишет: «Теория социальной ответственности исходит из следующей главной посылки: свобода несет с собой сопутствующие обязательства, и пресса, которая при нашей системе правления находится в привилегированном положении, обязана нести ответственность перед обществом, выполняя определенные важные функции массовой коммуникации в современном обществе»³. Эта теория в высшей степени созвучна с идеями функционирования шведской прессы на современном этапе, заключающимися в осознании необходимости значительной автономии средств массовой информации от их издателей и владельцев, в призыве самих СМИ, их владельцев и издателей учитывать в

³ Питерсон Т. Глава 3. Теория социальной ответственности прессы // Сиберт Ф. С., Шрамм У., Питерсон Т. Четыре теории прессы. М.: Национальный институт прессы. Издательство «Вэгриус», 1998. С. 8. Режим доступа: <https://infopedia.su/11xd8a.html> (дата обращения: 12.03.20).

первую очередь не материальную выгоду, а общественные интересы, отказываясь от манипулирования обществом.

Однако если мы обратимся, например, к древнескандинавскому обществу, то увидим, что для изучения протожурналистики того времени, пожалуй, наиболее важна *авторитарная концепция* американских ученых, которая предполагает ответственность, прежде всего, перед главой государства, в данном случае перед конунгом и олицетворяемым им аналогом государства, а уж потом перед обществом, хотя и ответственность перед обществом в те далекие времена была достаточно высокой, особенно в смысле правдивости повествования и авторства произведений скальдов. В отношении Швеции, авторитарная концепция функционирования прессы наиболее применима к изучению печати времен королей Карла XII и Густава III. Однако свободолюбивые и правдивые шведы и тут сумели пробить брешь в монархическом единовластии, авторитарно требовавшем лишь полной ответственности перед королем. Так, например, в период правления Карла XII (1697–1718) они одну и ту же газету стали издавать по-разному: с приложением – для народа и без приложения – для короля, ведь ему ввиду недостатка времени из-за постоянных зарубежных батальи была нужна краткая и сжатая информация. Тогда как народу более подробно сообщалось в приложении о реальных и отнюдь не радужных событиях с театра военных действий. О чем, король, постоянно пребывая вне своего отечества, естественно, не знал.

Либертарианская теория свободы печати наиболее помогает исследователю шведской прессы «эры свобод» (1719–1772), для которой характерна свобода от правительственного и религиозного контроля, ведь именно в это время в Швеции был издан Закон о свободе печати. Помогает данная теория и исследованиям прессы предшествующего периода Великодержавия (1611–1718), когда в обществе вы-

зревали либертарианские устремления и когда начался выпуск рассматриваемых нами почтовых газет. Эта свобода слова, вызревавшая в недрах абсолютной монархии Великодержавия особенно явственно присутствует в информационном сообщении о пасторе, проигравшем собственную жену.

В наше время, когда существует множество книг, радиои телепередач развлекательного плана, где речь не идет об общественном самосознании и гражданственности, *ответственность средств массовой информации перед аудиторией – читателями, зрителями, слушателями* – не менее важна, чем ответственность перед гражданами, перед государством, перед издателем и перед владельцем СМИ, а также перед профессией. Этот подход к критике прессы, выдвигаемый в наши дни, отметил президент факультета журналистики МГУ Я. Н. Засурский⁴.

Американские ученые У. Ростоу, Д. Белл и шведоязычный финский журналист, а в дальнейшем редактор Шведского Радио Э. Багерстам выдвигают концепцию «четвертой власти», рассматривая прессу как инструмент влияния общества на власть – законодательную, исполнительную и судебную. Хотя в Швеции прессу и СМИ в целом называют «третьей государственной властью» (в качестве первой и второй власти выступают парламент и правительство). Однако несмотря на то, что шведоязычный финн Эрик Багерстам, утверждает, что «серьезная журналистика занимается вопросами власти и практики пользования ею»⁵, он все же не может не отметить, что власть эта является скорее властью «уравновешивающей

⁴ См.: Засурский Я. Н. Предисловие редактора // Сиберт Ф. С., Шрамм У., Питерсон Т. Четыре теории прессы. М., 1998. С. 9–10.

⁵ Цит. по: Михайлов С. А. Современная зарубежная журналистика: правила и парадоксы. СПб: Изд-во Михайлова В. А., 2002. Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text3/93.htm> (дата обращения: 05.03.20).

и контролирующей»⁶. Тогда как Эрик Фихтелиус⁷ не употребляет по отношению к журналистике термина «власть», считая средства массовой информации с их контролирующей функцией общественным противовесом политическим, промышленным структурам и различным организациям⁸.

Концепция, выделяющая коммуникативную функцию прессы, которой придерживаются американский психолог и социолог Э. Мэйо и Э. Фихтелиус, тоже имела большое значение для данного исследования.

В условиях современности шведские ученые и журналисты не солидарны с марксистскими взглядами на печать как на оружие классовой борьбы или как на коллективного пропагандиста, агитатора и организатора. Никакой классовой борьбы в Швеции в принципе быть не может, т. к. еще в XVIII в. во времена правления короля Густава III в государстве началось построение бесклассового общества, в наши дни ставшего реальностью. Вместо же функции прессы как коллективного пропагандиста, агитатора и организатора шведские исследователи выдвигают функции коллективного информатора и коммуникатора.

Немаловажное значение имел для нашего исследования и метод *историко-географический* с присущим ему методологическим принципом *историко-сравнительного анализа*, при кото-

⁶ Цит. по: Михайлов С. А. Современная зарубежная журналистика: правила и парадоксы. СПб: Изд-во Михайлова В. А., 2002. Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text3/93.htm> (дата обращения: 05.03.20).

⁷ Эрик Фихтелиус – известный шведский журналист, репортер редакции новостей «Актуэльт» на первом канале Шведского телевидения (SVT 1). Ранее был заведующим новостной редакции «Эхо» на Шведском Радио. Исполнял также обязанности временного профессора Института журналистики, СМИ и коммуникации в Стокгольмском университете.

⁸ См.: Фихтелиус Э. Десять заповедей журналистики / пер. Вероники Менжун. Кальмар: Фойу (FOJO), 2003 С 21.

ром, например, нравственные и этические нормы журналистики изучаются в процессе их истории, а также *контент-анализ*.

Нравственные принципы и нормы скандинавской протожурналистики

Что касается Швеции, то там, начиная с Древности, когда фактически существовало единое сообщество скандинавов (государством его еще трудно было назвать) вопросы этики, долга и ответственности древних протожурналистов – скальдов – ставились не менее остро, чем сейчас⁹. Во-первых, скальды рассматривались не только как поэты, но и как репортеры Древности. Поэтому они не могли не участвовать в войнах и битвах древних скандинавов. Ведь потом они обязаны были описать эти события в своих стихах. Описать как их участники, а не с чужих слов. Хотя скальды, как и сами конунги (выбранные народом короли-предводители воинства в Древности), сражались не как все стальные участники битвы, а под прикрытием щитов других воинов. Ведь перед ними стояла двойная задача: участвовать в битве не только как воины, но и как репортеры, своего рода военные корреспонденты, которые обязаны были всё видеть, за всем следить и все запоминать, чтобы потом обо всем рассказать.

Когда читаешь скальдическую поэзию, поражает краткость, даже можно сказать – бедность – содержания при одновременном богатстве изобразительных средств – кеннингов¹⁰ и хейти¹¹. Дело в том, что скальд-репортер обязан был все

⁹ См.: Черникова К. Д. Скандинавские скальды – носители информации Древности, поэты, воины. Бакалаврская ВКР. М., 2017.

¹⁰ Кеннинги – разновидности метафор в скальдической поэзии.

¹¹ Хейти – стилистические элементы скальдической поэзии, представляющие собой описательные поэтические наименования людей, богов и различных предметов, например: «муж», «кесарь» – конунг, «вечное сияние», «лик» – солнце.

описывать без прикрас и вымысла, не давая личной трактовки событий, как и репортер современности. Его отношение к описываемой битве, к мужеству конунга и героизму воинов выражалось лишь выбором образных средств и поэтическим жанром драпы, то есть хвалы, восхваления людей и событий.

С появлением письменности скальд-репортер получил право подписывать свои произведения. Это было первое своеобразное авторское право литератора и журналиста Древности и Средневековья. Но оно распространялось только на форму произведения, а не на его содержание. Поскольку литературная форма каждого скальда была индивидуальна. По этой форме можно было вычислить его имя. Тогда как содержание события считалось всеобщим достоянием, и авторское право на него не распространялось. Было только то, что было. И то, что было, не зависело от скальда, от его желаний и предпочтений. Поэтому когда тот же скальд рассказывал о произошедшем событии более подробно в форме прозаической саги с ее простым и понятным языком, лишенным образных средств, он не имел права подписывать свое произведение. Ведь, как уже было сказано, на содержание описываемого события авторское право не распространялось.

Особенности этики почтовых газет XVII века

Почтовые газеты стали издаваться в Швеции с 1645 г., т. е. во время правления королевы Кристины (1632–1654), а именно в эпоху Великодержавия (1611–1718), когда Швеция превратилась фактически в большую империю, а в стране властвовал абсолютизм. Выходили почтовые газеты и в так называемую «Эру свобод» (1719–1772). Такие газеты были тесно связаны с приходом почты, когда столичная почтовая контора, а потом и другие конторы государства получали из-за рубежа газеты и письма с новостями. В почтовых конторах полученная информация отбиралась, сортировалась и выходила

в свет на страницах почтовой газеты. В более поздние времена, когда почта стала приходить чаще, еженедельные газеты тем не менее остались, приобрели объем журналов и существуют поныне. Однако не совсем верно было бы утверждать, что газета во времена Великодержавия была полностью несвободна и писала только то, что было угодно королю. К тому же в период Великодержавия в Швеции сменилось 5 королей.

Более того, если мы сравним новостные газеты времен Великодержавия и «Эры свобод», то заметим, что в «Эру свобод» появилось бóльшее количество периодических изданий, а тематика новостей расширилась. Но сами новости, как ни странно, и в период абсолютизма подавались читателю достаточно свободно, пожалуй, не менее свободно, чем в «Эру свобод», когда цензура была вообще упразднена. Проиллюстрируем это на примере трех новостей из почтовой газеты времен Карла XI (годы правления: 1660–1697).

В заметке из Почтовой газеты, датированной 1 декабря 1675 г., когда Дания объявила войну Швеции¹², говорится:

«... здесь имеется прибывший сегодня провиант для военных на границе: 100 бочек селедки и салаки, а в ближайшее время ожидается 2000 бочек зерна, здесь мы слава богу надеемся на лучшую закупку провизии, чем в Стокгольме, потому что мы здесь даем не более 14 далеров за одну бочку хорошего солода и ячменя, но сливочное масло, свиное сало и мясо здесь очень дорогие»¹³.

¹² Начало шведско-датской войны шведские историки датируют по-разному: 1675-м или 1676-м годом. Дело в том, что Дания объявила войну Швеции в сентябре 1675 г. Но Швеция не торопилась начинать военные действия, тем более что в 1675 г. имела место коронация Карла XI. Однако к границам шведского государства стали стягиваться пограничные войска. В декабре 1675 г. Дания захватила город Висмар, и уже с 1676 г. между Швецией и Данией началась полномасштабная война.

¹³ Почтовая газета, Швеция, 1 декабря 1675 г. / пер. со швед. И. Я. Новицкой и А. Л. Ким. Цит. по: Ким А. Л. Развитие формы об-

Тут все написано просто, кратко и ясно. Придраться не к чему. Автор заметки указывает лишь количество провианта и его стоимость. Но простой народ Швеции, который во времена войн, да и в мирное время тоже, не ел вдоволь, а часто и голодал, наверняка приходил в ужас, подсчитав, какое количество провианта ушло на военных и какое количество денег потрачено только на прокорм пограничников. И все это лишь на начальном этапе войны.

В новостных почтовых газетах, как и в скандинавских сагах, не давали имен журналистов-репортеров, ведь они не создавали новости, они лишь передавали их. Они не придумывали события, они их описывали. Более того, как и современный журналист, репортер XVII в. не должен был давать своего отношения к происходящему. Он лишь передавал информацию:

«Ужасающее убийство произошло здесь 8 дней назад, одна из матерей безжалостно лишила жизни собственного ребенка почти 3-летнего возраста; она не только нанесла ему два ножевых ранения в шею, но и отрубила саму голову, мать взята под стражу и получит свое заслуженное наказание»¹⁴.

В этой небольшой информационной заметке, как и в других новостях почтовых газет, выходявших без подписей репортеров, отношение автора к происшествию выражается лишь опосредованно – словами *«ужасающее убийство»* и *«заслуженное наказание»*. Но в таком случае это в порядке вещей. С автором полностью согласна вся читательская

легченного чтения (*Lättläst*) в медийной культуре Швеции: магистер. дис. М.: Фак. журн. МГУ, 2018. С. 82. (Здесь и далее перевод информационных заметок дается со всеми их орфографическими и стилистическими особенностями.)

¹⁴ Почтовая газета, Швеция, 9 июня 1686 г. / пер. со швед. И. Я. Новицкой и А. Л. Ким. Цит. по: Ким А. Л. Развитие формы облегченного чтения (*Lättläst*) в медийной культуре Швеции: магистер. дис. М.: Фак. журн. МГУ, 2018. С. 83.

аудитория тех лет. Тогда как в некоторых информационных сообщениях ситуация настолько абсурдна, что нет никакой необходимости, даже опосредованно, показывать отношение репортера к происходящему, и ему не надо сдерживать свой пыл, чтобы не дать собственную оценку событию:

«В известном городе в Германии один пастор был настолько падок до игры, что разом проиграл, все, чем владел, тогда он решил отыграться и поставил на кон собственную жену, но и ее проиграл, о чем стало известно в городском магистрате, который снял со священника его сан, но зато позволил забрать себе проигранную жену»¹⁵.

Здесь необходимо отметить, что во времена Карла XI церковь Швеции занимала на редкость твердые позиции и пользовалась большой властью и влиянием на общество. Однако рассказ о недостойном поведении представителей духовенства, как в журналистских сводках, так и в антиклерикальных литературных произведениях, не вызывал в обществе протеста против обнародования подобных фактов. О неполадках в церковной среде принято было рассказывать, в том числе и с назидательной целью. Главными критериями тут были, как и в наше время, честность и объективность. И это в ту пору, когда в Швеции еще имели место судебные процессы над ведьмами и колдунами, продолжавшиеся до 1676 г. и нередко заканчивавшиеся смертной казнью обвиняемых в колдовстве.

Конечно, в данной заметке речь идет об иностранном пасторе. Да и сам рассказ достаточно забавный, никто никого не убил и не искалечил. Но все же нельзя не отметить, что свобода слова в почтовых газетах и во времена Великодержавия была немалая. В более позднее время о преступлениях в среде швед-

¹⁵ Почтовая газета, Швеция, 1 декабря 1675 г. / пер. со швед. И. Я. Новицкой и А. Л. Ким. Цит. по: Ким А. Л. Развитие формы облегченного чтения (*Lättläst*) в медийной культуре Швеции: магистер. дис. М.: Фак. журн. МГУ, 2018. С. 82.

ского духовенства писали уже совсем открыто и без опаски. Как, например, о происшествии с пастором Линдбэкком. Этот священнослужитель оказался злодеем, неоднократно подсыпавшим беднейшей пастве своего прихода яд в чашу для причастия, чтобы сократить расходы церкви на помощь бедным. В результате священноначалие и суд во всем разобрались. Пастора казнили. Оставшиеся в живых бедняки получили средства на свое содержание. А газеты откликнулись на это многочисленными статьями и информационными сообщениями. Даже писатели и художники, создатели лубка, не остались в стороне. Поэты писали стихи и баллады, посвященные ужасающему происшествию, а художники создавали «картины на подставке», выставлявшиеся в местах массового скопления народа – на ярмарках и народных гуляниях. В назидание всем.

Увлеченность современного репортера темой, правдивость и значимость новости для общества

В современной Швеции существует целая система этических норм и нравственных принципов поведения журналиста. Основные из них Эрик Фихтелиус называет не просто правилами, а «заповедями» журналиста. Попробуем их рассмотреть.

Основной этической нормой журналиста Эрик Фихтелиус считает увлеченность репортера темой. Истинный репортер не имеет права просто «выплюнуть» на свою аудиторию очередную новость. Он должен ею заинтересоваться, увлечься, стать «первооткрывателем новости»¹⁶. Открыв же новость, заинтересовавшись ею, он должен суметь столь же увлеченно рассказать о том, что узнал. Следовательно, он должен быть еще и хорошим рассказчиком, гореть желанием поде-

¹⁶ Фихтелиус Э. Десять заповедей журналистики / пер. Вероники Менжун. Кальмар: Фойу (FOJÖ), 2003. С. 10.

литься новостью с другими людьми. «Речь, таким образом, идет не только об *обязанности* (выделено мною. – И. Н.) репортера информировать, но и о *желании* (выделено мною. – И. Н.) рассказать»¹⁷. А рассказывать необходимо интересно и нескучно. И, конечно же, правдиво, беспристрастно, без приукрашивания реальной действительности. Эти правдивость и беспристрастность репортера ведут, вероятно, свое начало от скальдической поэзии и древней скандинавской саги. К тому же, новость должна быть важной «и иметь значимость для общественности»¹⁸. То есть основная задача репортера – «увидеть, услышать, ощутить и донести происходящее до своей аудитории»¹⁹. Именно в этом, как считает Эрик Фихтелиус, и «находится ключ к “хорошей журналистике” – той, которая не оставляет людей равнодушными и помогает лучше понять, что происходит в окружающем нас мире»²⁰.

Но какую новость можно считать важной, а какую – нет? Это сложный этический вопрос. Основным критерий значимости здесь, как было сказано, значимость новости для общественности (Galtung, Ruge, 1965, No. 2.). В составленном в 1968 г. документе «Принципы работы редакции новостей “Эхо” Шведского радио» говорится: «Мы передаем все, что является важным. То есть то, что может иметь значимость и последствия для многих. Информация, которую мы сообщаем, должна быть правдива и важна для общества»²¹.

Попробуем рассмотреть несколько шведских новостей по мере их значимости. Например, о чем сообщать в первую

¹⁷ Фихтелиус Э. Десять заповедей журналистики / пер. Вероники Менжун. Кальмар: Фойу (FOJO), 2003. С. 10.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С 9.

²⁰ Там же.

²¹ Ekorolici. Цит. по: Фихтелиус Э. Десять заповедей журналистики / пер. Вероники Менжун. Кальмар: Фойу (FOJO), 2003. С. 17.

очередь: о дефиците шведского госбюджета или о несчастном случае с никому не известным господином Свенссоном? Разумеется, о дефиците госбюджета, т. к. эта новость важна для всей нации, поскольку сегодняшним шведам и их детям придется завтра и послезавтра выплачивать долги. Хотя о бюджетном дефиците говорить намного сложнее, ведь придется анализировать причину возникновения данного дефицита, пути его преодоления. А для этого уже нужна специальная подготовка. Гораздо легче рассказать о несчастном случае. И сделать это можно намного интереснее, чем рассказ о дефиците госбюджета. Поэтому у шведских журналистов существует еще одна этическая норма: *не стремиться брать только легкие случаи*, а пытаться легко, доходчиво, интересно и увлеченно рассказывать о сложных и трудных для понимания проблемах. Но вот если это был не просто несчастный случай, а убийство крупного государственного деятеля, каковыми являлись Улоф Пальме и Анна Линд²², то такая новость, вне всякого сомнения, попадет на первые страницы газет.

Может ли быть важной новостью рассказ о личной жизни артистов? Не настолько, как дефицит госбюджета, политическая или экономическая ситуация в стране или возведение моста через пролив Эресунн. Если это рассказ о количестве бойфрендов, употреблении наркотиков и других скандальных моментах из жизни малоизвестной певицы, то такая новость годится скорее для желтой прессы, а не для серьезного издания. Но если это рассказ о личной жизни группы «АББА», то такая новость, разумеется, значима не только для Швеции, но и для всего мира, поскольку резуль-

²² Анна Линд (1957–2003) – известный шведский политик, министр иностранных дел Швеции (1998–2003). Была тяжело ранена 10 сентября 2003 г., умерла от полученных ран 11 сентября 2003 г.

татом личной жизни талантливой четверки стало образование всемирно известного музыкального квартета, а последствием изменений в личной жизни его участников явился распад знаменитой группы.

Объективность журналиста

Увлеченность журналиста темой тесно связана с объективностью. Поэтому как бы репортер ни был увлечен темой, он не имеет права давать свою трактовку событий. Он должен учитывать, что каждый человек имеет собственное мнение и «оценивает действительность по-своему»²³, он «должен стремиться к тому, чтобы передать информацию о событии или свое понимание происходящего максимально правдиво и корректно, не поддаваясь соблазну рассказать читателям, слушателям, зрителям о том, как и что должно было бы быть по его мнению»²⁴.

Ракурс подачи материала

Еще одна этическая трудность в данном вопросе заключается в том, что репортер, оставаясь увлеченным и объективным, должен выбрать ракурс подачи своего материала. А для этого необходимо учитывать, что может быть множество точек зрения по данному вопросу. Например, репортер узнал потрясающую, на его взгляд, новость о том, что лето в нынешнем году будет на редкость солнечным и жарким, что в Швеции случается нечасто. Но если он передаст в репортаже *свою* точку зрения по поводу такого прогноза, то это может стать нарушением журналистской этики. Таким образом, недопустимо, например, сказать: «А теперь хочу порадо-

²³ Фихтелуус Э. Десять заповедей журналистики / пер. Вероники Менжун. Кальмар: Фойу (FOJO), 2003. С 10.

²⁴ Там же.

вать наших читателей/телезрителей/радиослушателей тем, что в этом году, согласно метеопрогнозу, лето намечается на редкость солнечным и жарким». Безусловно, многих шведов, например отпускников, представителей национальных турагентств, продавцов мороженого и прохладительных напитков, подобная новость действительно порадует. Тогда как для фермерских хозяйств жаркое и засушливое лето может обернуться бедствием. Турагентства, предлагающие поездки в жаркие южные страны, тоже могут оказаться в накладе, поскольку основная часть населения Швеции, скорее всего, в эти страны не поедет, предпочитая наслаждаться жаркой погодой дома. Эрик Фихтелиус, к примеру, советует репортеру оставаться на нейтральной позиции метеорологов. Но можно, как нам кажется, передать данную новость с учетом разных точек зрения.

Функции СМИ и задачи журналиста в демократическом обществе

В 1975 г. шведский Риксдаг принял документ о роли и задачах СМИ своей страны в современном мире. В документе названы 4 важнейшие функции СМИ в демократическом обществе: информационная, комментирующая, контрольная и связующая. С ними тесно связаны задачи журналиста, которые он обязан выполнять.

О задаче журналиста информировать читателя мы уже говорили. А вот журналисту-комментатору следует учесть важный этический момент, что «комментарий – это не личное мнение журналиста, это попытка объяснить, *почему* то или иное событие произошло»²⁵. Комментатор лишь анализирует события, «пытается проследить связь между отдельными яв-

²⁵ Фихтелиус Э. Десять заповедей журналистики / пер. Вероники Менжун. Кальмар: Фойу (FOJO), 2003. С 22.

лениями, объясняет, что скрывается за тем или иным событием или решением»²⁶. Если же ему не удастся «устоять перед соблазном предаться рассуждениям о том, как *должно было бы* быть, вместо того, чтобы анализировать, *что* в действительности произошло *и почему*»²⁷, то он, по словам Эрика Фихтелиуса, «рискует заслонить от аудитории действительность»²⁸.

С контрольной функцией средств массовой информации как существующего в обществе противовеса политическим, промышленным структурам и всевозможным общественным организациям связана задача журналиста «разоблачать нарушения»²⁹, всевозможные злоупотребления, махинации и пренебрежительное отношение к закону и правопорядку. «Разоблачение злоупотреблений идет на пользу демократии. Это лишь усиливает ее позиции. Скандалы могут разрядить обстановку в обществе. Многие злоупотребления, махинации и нарушения предотвращаются боязнью чиновников или политиков попасть на страницы газет или телеэкраны»³⁰. Причем репортер не обязательно должен отрыть глубоко спрятанную правду, «раскрыть и вынести на свет то, что кто-то пытается утаить»³¹. Он может всего лишь сравнить громкие и пылкие слова, высокопарную риторику какого-либо общественного или политического деятеля, директора какого-либо предприятия или учебного заведения с истинным положением дел, а уж читатель, телезритель или радиослушатель сможет сам сделать выводы из всего сказанного.

²⁶ Фихтелиус Э. Десять заповедей журналистики / пер. Вероники Менжун. Кальмар: Фойу (FOJO), 2003. С 22.

²⁷ Там же. С. 23.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 21.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

Кстати, обличения беспорядков и злоупотреблений в прессе, на радио и телевидении тоже должны вскрываться. И вскрывать их могут сами же читатели, телезрители и радиослушатели. При этом газета, радиостанция или телеканал, как и в Америке в так называемой общественной журналистике (*Public Journalism*) *обязаны* предоставить им «арену для дискуссий и действий»³². Такая возможность, предоставляемая гражданам Швеции для собственного публичного выступления в СМИ с целью разоблачения самих же СМИ, является одним из рычагов демократии в этой стране, поскольку «независимый контроль работы различных институтов общества составляет основу демократии»³³. Более того, СМИ, в которых выступает с разоблачениями тот или иной гражданин, *обязаны* в случаях, когда это необходимо, сохранять его анонимность.

Сомнения шведских репортеров в общественной журналистике США

Разбирая общественную журналистику (*Public Journalism*) США, шведские репортеры сомневаются в этичности участия в ней профессиональных журналистов. Недаром она называется *общественная* журналистика. А значит, в ней должны участвовать разные члены данного общества, не являющиеся журналистами. И хотя американские журналисты, примыкающие к течению *Public Journalism*, ставят перед собой вроде бы правильную цель – «совместно с гражданами страны определить самые важные и насущные для общества вопросы, найти и предложить всевозможные способы выхода из выявленной ими проблемной ситуации»³⁴, все же

³² Фихтелиус Э. Десять заповедей журналистики / пер. Вероники Менжун. Кальмар: Фойу (FOJO), 2003. С. 19.

³³ Там же. С. 21.

³⁴ См.: Rosen Jay, Merritt Davis (1994) *Public Journalism: Theory and Practice*. Kettering Foundation.

шведские журналисты считают подобные действия американских коллег нарушением журналистской этики и задаются вопросами о роли журналистов в обществе: «Насколько возможно и насколько желательно участие журналиста в *решении* какой бы то ни было проблемы? Где проходит та невидимая граница, которая отделяет роль репортера от роли докладчика, пропагандиста или политика? Какую ответственность берет на себя журналист, поменяв роль, и чьи интересы он тогда защищает?»³⁵ Ведь журналист не должен ничего решать, он должен лишь, как сказано в принятом Риксдагом документе, осуществлять связующую функцию в обществе, «способствовать коммуникации внутри и между политическими, профсоюзными и общественными организациями в стране»³⁶.

Планомерность работы журналиста и определение границ его деятельности

Планомерная работа по поиску новостей тоже является одной из этических заповедей журналиста, одним из нравственных принципов его поведения. Именно планомерная, неустанная, кропотливая работа.

Для ее проведения нужно, прежде всего, четко *определить границы* участка, который находится в сфере внимания того или иного журналиста. Во-первых, это географические границы, которые нередко очерчивает сама редакция. Какой географической территории касается собираемый журналистом материал? Что это – континент, страна, город, район? Географический принцип определения границ особенно важен для журналистов-международников, которые серьез-

³⁵ Фихтелуус Э. Десять заповедей журналистики / пер. Вероники Менжун. Кальмар: Фойу (FOJO), 2003. С. 19.

³⁶ Там же. С. 20.

нейшим образом эти границы оберегают. Для других журналистов, например тех, которые работают в своей стране, такими границами являются *темы их работы*, их специализация, связанная с интересами журналистов и с их знаниями. После чего журналист, а также редактор газеты, теле- или радиостанции должны *найти возможные источники информации*.

Работа с источниками информации

Речь идет о значительном количестве всевозможных инстанций: органах управления, полицейских участках, судебно-правовых учреждениях, больницах, пожарных командах, школах и организациях дошкольного воспитания, органах по надзору, домах престарелых и т. д. Журналисты обязаны определить те контактные лица, которые «есть на различных предприятиях, в организациях и ассоциациях»³⁷, узнать, с кем из чиновников можно наладить регулярные контакты в целях получения информации.

Принцип гласности был законодательно введен в Швеции еще в первом Законе о свободе слова и печати, принятом в 1766 г.³⁸ В современной конституции также гарантируется доступ СМИ и отдельных граждан страны к официальным документам и разного рода информации: «В целях поощрения свободного обмена мнениями и всеобщей информированности каждый шведский гражданин должен иметь право пользоваться официальными документами

³⁷ *Фихтелиус Э.* Десять заповедей журналистики / пер. *Вероники Менжун.* Кальмар: Фойу (FOJO), 2003. С. 32.

³⁸ См.: *Новицкая И. Я.* Первый государственный акт об отмене цензуры в Швеции, узаконенный 2 декабря 1766 года Его Королевского величества Милостивым Постановлением Относительно Свободы выхода в свет Рукописных и Печатных изданий: исторические предпосылки. М.: Фак. журн. МГУ, 2013.

(в ред. Закона 1976:954)³⁹. Если они, конечно, находятся в свободном доступе и не расцениваются Законом о секретности как секретные. Находящиеся же в свободном доступе документы должны предоставляться немедленно, в крайнем случае «возможны задержки на один или несколько дней»⁴⁰. Но хотя, по мнению Эрика Фихтелиуса, «традиции открытости достаточно сильны в шведском обществе»⁴¹, все же встречаются чиновники, которые начинают оттягивать выдачу нужного документа. В этом случае им гарантированы большие неприятности. «Канцлер юстиции, ведомство которого следит за соблюдением Закона о свободе печати и Закона о свободе слова, как правило, не щадит те учреждения, которые мешают или тянут волынку при выдаче документов»⁴².

Не меньшее значение, чем письменные источники, имеют источники устные. Как правило, речь идет о должностных лицах. Но это могут быть и частные граждане, которые бескорыстно готовы помогать прессе, особенно в тех случаях, когда в учреждениях, где они работают, имеют место различные нарушения, злоупотребления и прочие негативные события. В таких случаях работники учреждений без колебаний используют «свое конституционное право о свободе передачи информации и гарантии анонимности источника»⁴³.

³⁹ Акт о свободе печати. Глава 2. О публичном характере официальных документов. § 1 / Конституция Швеции (Королевства Швеция) от 27 февраля 1974 г. // Конституции государств Европы. М.: НОРМА, 2001. Режим доступа: http://www.sweden4rus.ru/rus/info/juridisk/konstitucija_shvecii.asp#sub_para_N_10102 (дата обращения: 07.12.19).

⁴⁰ Фихтелиус Э. Десять заповедей журналистики / пер. Вероники Менжун. Кальмар: Фойу (FOJO), 2003. С 33.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 34.

Собственно говоря, Закон о свободе слова составляет часть Конституции, в которую он входит под официальным названием «Основной закон о свободе высказываний»⁴⁴. В нем записано:

«Каждый шведский гражданин обладает правом предоставлять писателям или другим создателям произведений, а также издателям, редакциям, информационным бюро и предприятиям, осуществляющим запись с помощью технических средств, сведения на любую тему для того, чтобы обеспечить гласность в радиопрограммах, фильмах и записях. Он также имеет право добывать данные на любую тему для предоставления таких сведений или предания им гласности. В отношении этих прав не могут вводиться никакие ограничения, кроме тех, которые вытекают из настоящего Основного закона (в ред. Закона 1998:1439)»⁴⁵.

Права шведских граждан в области свободы слова налагают серьезные обязанности на журналиста по отношению к своим источникам информации. Этика журналиста предписывает ему строго соблюдать свою договоренность с источником, защищая его анонимность, не печатая то, что предназначено «не для печати» (*off the record*) и дается журналисту в качестве разъяснения определенной ситуации. Однако, чтобы не возникло путаницы, например, при записи интервью, репортер и источник должны заранее обсудить условия разговора: что дается «для печати» (*on the record*), что «не для печати» (*off the record*), каким образом следует предста-

⁴⁴ Такими же частями Конституции (Формы правления) являются упоминавшийся здесь «Акт о свободе печати» и не упоминавшийся «Акт о престолонаследовании».

⁴⁵ Основной закон о свободе высказываний. Глава 1, § 2 / Конституция Швеции (Королевства Швеция) от 27 февраля 1974 г. // Конституции государств Европы. М.: НОРМА, 2001. Режим доступа: http://www.sweden4rus.nu/rus/info/juridisk/konstitucija_shvecii.asp#sub_para_N_10102 (дата обращения: 07.12.19).

вить данный источник в публикации в случае отсутствия требования анонимности. «Это своего рода неписаный договор, который обязывает журналиста следовать поставленным условиям»⁴⁶.

И, конечно же, этика журналиста предписывает ему не раскрывать свои источники, тщательно оберегать их и не считать себя постоянно пребывающим на службе, чтобы не поддасться искушению обнародовать информацию, случайно услышанную им, например, за столом на празднике, в гостях, и не подвести, таким образом, человека, который эту информацию озвучил в приватной дружеской беседе и не имел ни малейшего намерения способствовать ее публикации.

Заключение

В заключение хочется сказать, что мы разобрали здесь лишь часть этико-правовых норм и нравственных принципов поведения шведского журналиста. В целях научного разбора шведской журналистики в аспекте деонтологии мы рассмотрели этико-правовые нормы скандинавских протожурналистов – скальдов – и пришли к выводу, что для них была в высшей степени актуальна норма современных журналистов *не навязывать обществу своего мнения, писать правдиво только о том, что случилось в реальной действительности, украшая образными средствами лишь стиль повествования, но не его содержание. А вернее даже, что именно от скальдов заимствовала эту норму современная журналистика. По всей вероятности, с древних времен ведет свое начало и другая норма – не подписывать информационные заметки именами журналистов, их создающих, поскольку, как считалось в Древности, на объективное содержание события, произошедшего*

⁴⁶ Фихтелуус Э. Десять заповедей журналистики / пер. Вероники Менжун. Кальмар: Фойу (FOJO), 2003. С. 39.

в реальной действительности, авторское право не распространяется. Того же правила придерживались и почтовые газеты XVII в., печатавшие, как и в настоящее время, краткие, анонимные информационные сообщения.

Мы также пришли к выводу, что этико-правовые нормы по-настоящему важны для журналиста нашего времени, что это скорее даже не нормы, а заповеди современной шведской журналистики – писать правдиво, увлеченно, не навязывая общественности своего мнения, уметь работать планомерно и распознавать темы важные и актуальные для всего общества, быть комментатором и обозревателем для современного читателя/зрителя/слушателя, а не законодателем, не политиком и не общественным деятелем, находящим выходы из сложной ситуации, к чему стремится «общественная журналистика» США, с которой не согласны журналисты Швеции.

Это, конечно же, не все нормы и заповеди современной шведской журналистики. Возможно, какие-то из них изживут себя со временем, какие-то новые появятся. Но важным моментом здесь является то, что журналистская этика тем выше, чем больше у журналиста свободы, ведь этика связана с ответственностью журналиста перед обществом. «Именно неразрывно связанные свобода и ответственность определяют медиapolитику шведского государства на протяжении вот уже 250 лет»⁴⁷. И как справедливо отметил неизвестный автор статьи «Журналистская деонтология. Виды и нормы ответственности автора медиатекста», в качестве источника ссылающийся на книгу Е. П. Прохорова «Введение в теорию журналистики»: «Чем большей свободой действий

⁴⁷ *Вартанова Е. Л.* Свобода слова в Швеции: 9 вещей, которые нужно знать. Режим доступа: <https://ru.sweden.se/ljudi/svoboda-slova-v-shvecii-9-veshej-kotorye-nuzhno-znat/> (дата обращения: 08.12.19).

(социально-творческой, юридической, экономической) располагает журналистика, редакционные коллективы, отдельные журналисты, тем выше их мера ответственности за характер и последствия использования свободы»⁴⁸.

Библиография

1. Акт о свободе печати. Глава 2. О публичном характере официальных документов. § 1 / Конституция Швеции (Королевства Швеция) от 27 февраля 1974 г. // Конституции государств Европы. М.: НОРМА, 2001. Режим доступа: http://www.sweden4rus.nu/rus/info/juridisk/konstitucija_shvecii.asp#sub_para_N_10102 (дата обращения: 07.12.19).

2. *Вартанова Е. Л.* Свобода слова в Швеции: 9 вещей, которые нужно знать. Режим доступа: <https://ru.sweden.se/ljudi/svoboda-slova-v-shvecii-9-veshej-kotorye-nuzhno-znat/> (дата обращения: 08.12.19).

3. *Винская Л. А.* Деонтология журналистики: от Ломоносова до информационного общества XXI века // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. X междунар. науч.-практ. конф. Часть II. Новосибирск: СибАК, 2012. Режим доступа: <https://sibac.info/conf/philolog/x/27577> (дата обращения: 27.11.19).

4. *Гуревич А. Я.* «Норвежское общество в раннее средневековье». М.: «Наука», 1977. Режим доступа: http://ulfdalir.narod.ru/literature/Gurevich_A_Society.htm (дата обращения: 05.03.19).

5. Журналистская деонтология. Виды и нормы ответственности автора медиатекста. С. 20. Режим доступа: https://studopedia.ru/15_125662_metodi-raboti-zhurnalista-s-istochnikami-informatsii.html (дата обращения: 07.12.19).

⁴⁸ Журналистская деонтология. Виды и нормы ответственности автора медиатекста. С. 20. Режим доступа: https://studopedia.ru/15_125662_metodi-raboti-zhurnalista-s-istochnikami-informatsii.html (дата обращения: 07.12.19).

6. *Засурский Я. Н.* Предисловие редактора // Сиберт Ф. С., Шрамм У., Питерсон Т. Четыре теории прессы. М., 1998. С. 9–10.

7. *Ким А. Л.* Развитие формы облегченного чтения (Lättläst) в медийной культуре Швеции: магистер. дис. М.: Фак. журн. МГУ, 2018.

8. *Князев А. А.* Энциклопедический словарь СМИ. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2002. С. 164. Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text16/069.htm#з_02 (дата обращения: 12.03.2020).

9. *Михайлов С. А.* Современная зарубежная журналистика: правила и парадоксы. СПб: Изд-во Михайлова В. А., 2002. Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text3/93.htm> (дата обращения: 05.03.20).

10. *Новицкая И. Я.* Народная словесность Швеции. М.: Фак. журн. МГУ, 2008. 145 с.

11. *Новицкая И. Я.* Первый государственный акт об отмене цензуры в Швеции, узаконенный 2 декабря 1766 года Его Королевского величества Милостивым Постановлением Относительно Свободы выхода в свет Рукописных и Печатных изданий: Исторические предпосылки. М.: Фак. журн. МГУ, 2013. 206 с.

12. Основной закон о свободе высказываний. Глава 1, § 2 / Конституция Швеции (Королевства Швеция) от 27 февраля 1974 г. // Конституции государств Европы. М.: НОРМА, 2001. Режим доступа: http://www.sweden4rus.nu/rus/info/juridisk/konstitucija_shvecii.asp#sub_para_N_10102 (дата обращения: 07.12.19).

13. *Петров С. В., Стеблин-Каменский М. И.* «Поэзия скальдов» / Изд-е АН СССР / Стихи скальдов в пер. С. В. Петрова. Ленинград: Наука, Ленингр. отд., 1979. 183 с.

14. *Сиберт Ф. С., Шрамм У., Питерсон Т.* Четыре теории прессы. М.: Варриус, 1998. Режим доступа: https://studopedia.su/15_63772_predmetnoe-pole-sotsiologii.html (дата обращения: 07.12.19).

15. *Стеблин-Каменский М. И.* «Древнескандинавская литература». М.: Наука, 1979. Режим доступа: <http://svr-lit.niv>

ru/svr-lit/steblyn-drevneskandinavskaya-literatura/eddicheska-ya-poeziya.htm (дата обращения: 09.03.2017).

16. *Стрингольм А. М.* «Государственное устройство, нравы и обычаи древних скандинавов: Изящные искусства и науки, прочие знания, руны, религиозные верования на Севере» // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских. М., 1860. Кн. 2. Отд. 4.

17. *Фихтелиус Э.* Десять заповедей журналистики / пер. *Вероники Менжун.* Кальмар: Фойу (FOJO), 2003.

18. *Черникова К. Д.* Скандинавские скальды – носители информации Древности, поэты, воины. Бакалаврская ВКР. М., 2017.

19. Constitution of Sweden (Kingdom of Sweden) of 27 February 1974. Режим доступа: <https://ru.sweden.se/ljudi/svoboda-slova-v-shvecii-9-veshej-kotorye-nuzhno-znat/> (дата обращения: 08.12.19).

20. *Holmberg C.-G.* (2000) Nästan bara posttidningar (tiden före 1732) // *Den svenska pressens historia / Under red. av Karl Erik Gustafsson och Per Rydén.* Stockholm: Ekerlids förlag. V. I. S. 48.

21. *Holmberg C.-G.* (2000) Pressen – fakta och funktioner / *Holmberg, C.-G.* Nästan bara posttidningar (tiden före 1732) // *Den svenska pressens historia / Under red. av Karl Erik Gustafsson och Per Rydén.* – Stockholm: Ekerlids förlag. V. I. – S. 79–80.

22. *Rosen Jay, Merritt Davis* (1994) *Public Journalism: Theory and Practice.* *Kettering Foundation.*

23. *Schudson M.* (1993) *The Power of News.* Harvard University Press.

24. *Stephens M.* (1997) *A History of News.* Harcourt Brace Collage.

Публикуется по: Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. Май 2020. № 2 (32) в 2-х томах. Том 2: Филологические науки. С. 164–176.

ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ СТОЛИЦЫ РОЖДЕСТВА

Кому не дают покоя символы христианства

Французская контрразведка задержала на днях подозреваемых в подготовке террористического акта, сообщает радио *France Info* со ссылкой на источники в правоохранительных органах. Арестованным вменяется в вину подготовка нападения на рождественский рынок в Страсбурге. Двум членам группы, уже взятым под стражу, предъявили обвинения в преступном сообществе. Причем – террористическом. Всего в группу входили пять молодых людей, симпатизирующих радикальному исламу и уже известных французскому управлению внутренней безопасности (*DSGI*), и еще двое – недавно въехавшие во Францию. Среди них задержаны выходцы из России и Таджикистана.

Характерно, что злоумышленники выбрали своей целью знаменитый рождественский базар, главный в департаменте Нижний Рейн. Эта широкая площадь перед величественным Страсбургским собором является своеобразным символом католического христианства. *Christkindelsmärik* – в переводе с эльзасского диалекта немецкого языка это означает «Рынок младенца Иисуса» – считается старейшим рождественским рынком во Франции.

Французы (парадокс в том, что таковыми немецкоязычные эльзасцы считают себя в первую очередь) представляют уличный праздник в Страсбурге, ведущий свое начало от 1570 года, главным накануне отмечания Рождества в «единой Европе». Более того, в 1992 году эльзасцы, претендующие и на то, что традиция новогодней елки пошла именно от них, провозгласили свой город «всемирной столицей Рождества».

Получается достаточное количество символов, не правда ли? Неслучайно именно страсбургский рождественский рынок террористы из раза в раз выбирают своей целью. Так было в год миллениума, когда в немецком Франкфурте было арестовано четверо потенциальных террористов-салафитов, которые планировали атаковать французский базар. Так случилось и в декабре 2018 года, когда родившийся в Страсбурге алжирец Шериф Шакаатт застрелил пять человек и ранил более десяти посетителей рынка.

«Каждый декабрь Гранд-Иль (центральный район, что на острове в Страсбурге. – К. П.) превращается в нечто похожее на город-крепость, куда можно проникнуть лишь через ворота безопасности, – пишет *DNA* («Последние новости Эльзаса»), популярная газета региона. – Эти меры предосторожности действуют с 2015 года, когда в ноябре в Париже от рук террористов погибли десятки человек. Число охранников на рождественском рынке в Страсбурге было существенно увеличено. Как некогда сказал мэр Страсбурга Ролан Рис, мы «не должны уступать террористам», отказываясь от проведения вековых празднований, ставших «символом наших ценностей».

Начиная с 2015 года террористы во Франции убили более двух с половиной сотен человек. Понятно, что сегодня для защиты от предрождественского терроризма страсбургская мэрия денег не жалеет. Бюджет безопасности на рождественском рынке вырос за последние годы от 300 тыс. евро до 1 млн. Не считая расходов государства на те же цели. Они оправдывают средства. Ведь на кону не только подпаленный престиж Франции с горевшим собором Парижской Богоматери, но и вообще судьба всего христианства. Ибо страсбургский Нотр-Дам, бывший на протяжении двух столетий самым высоким зданием мира: шпиль поднялся на 142 м, – это не просто дежурный символ, а глобальный религиозный символ нашей пока что выживающей цивилизации.

Строительство этой «катедрали» – средневекового храма – было не только прерогативой профессионалов, но и настоящему народным делом. Как ударные комсомольские стройки в советские времена. Вот как описывает возведение страсбургского собора Божьей Матери французский историк и писатель Эдуар Шюре:

«Это церковь торжествующая и церковь воинствующая... Сегодня нам не дано понять, каких усилий потребовало возведение этого здания: в течение веков вся страна трудилась над его строительством. Легенда сохранила для нас память о 1275 годе, когда епископ Конрад Лихтенберг приказал начать строительство фасада. Деньги и рабочие руки он получил при помощи индульгенций. За монетку, внесенную в кассу Богоматери или камень для собора, получали полное отпущение грехов. Как же быстро пошло дело! Тех, кто мог предложить только свои руки, приспособляли на тяжелые работы. Это был восторг, жажда деятельности. Все эти годы не иссякал поток повозок, груженных камнем из карьеров Васселон. На месте строительства фанатичные проповеди смешиваются со скрипом лебедек, с ржанием лошадей. Сотни человек напрягаются, кричат и хрипят под тяжестью камня. Но собор растет, и епископ может сравнить его с «майским цветком, который тянется к небу, всегда выше, всегда прекраснее».

Остается добавить, что у эльзасцев сохранилась и другая версия возведения их главного собора. Это история легендарная, и связана она с мастером Эрве. Сей хитрый архитектор привлек к строительству божьего дома... дьявола! Обещал, что, если лукавый сумеет возвести здание до первого крика петуха, собор навсегда останется его собственностью. Демон с энтузиазмом принялся за работу и старался из последних сил. Он, бедняга, не ведал, что у мастера был ручной петух, обученный кричать по первому же знаку хозяина... В общем, финал понятен: кочет каменичка пропел «заутре-

ню» раньше условного времени – так, как требовалось правоверному христианину, а черт, не уложившийся со стройкой в оговоренный срок, остался ни с чем. Получилось так, что дьявол проиграл пари: храм, не достроенный до первого «кукареку», достался Римской церкви от паперти до конька на крыше.

Однако на старинных гравюрах представлена несколько иная версия этого мифа. Мастер Эрве изображен с планом будущего собора в руках, а рядом с ним – злой дух, который тщится соблазнить архитектора и предлагает ему завершить за него мгновенно все работы. Однако благочестивый Эрве отказывается присягать лукавому и взывает за помощью к Господу Богу. Не замедляет явиться его посланец, ангел господний, по знаку которого фасад собора сам собой достраивается и над ним вздымается высокий, гордый шпиль...

Эти картинки, иллюстрирующие старинную легенду, весьма символичны. С одной стороны, в них героизируют мастера, способного на воображение и точный расчет. С другой – прославляют образ верного Всевышнему строителя, вдохновение которого беспредельно, а творческий полет бесконечен. И тем не менее человек, даже самый одаренный, не способен создать идеальное творение: чтобы оно стало реальностью, созидателю необходимо верить в божественному провидению. И получается «гигантское и изящное чудо», как писал Виктор Гюго, или «величественно возвышающееся, широко раскидистое древо Божье», как считал другой великий европеец, Иоганн Вольфганг Гете.

Впрочем, такова мораль средневековая. А сегодняшняя? Она учит нас заботиться прежде всего о мерах безопасности; столкновение цивилизаций – увы! – идет по восходящей. И неслучайно как раз накануне Рождества.

Судебные следователи, ведущие дело о теракте в Страсбурге 11 декабря 2015 года, поддержали решение Национальной антитеррористической прокуратуры (*Pnat*), обна-

родованное 28 ноября этого года. Следователи решили передать суду присяжных досье пяти обвиняемых в содействии «рождественскому терроризму». Впрочем, непосредственно к терроризму их не причисляют, считают, что они просто-напросто участвовали в преступном сообществе. В причастности к террористическому (подчеркиваю!) преступному сообществу обвинили лишь одного человека – Одрэ Монджехи, давнего приятеля и бывшего сокамерника Шерифа Шакатта. Он – рецидивист и член воинствующих исламских организаций, этим сказано все. Наказание должно быть суровым. По данным Фонда помощи жертвам терроризма (FGTI), 88 человек пострадали от теракта Шакатта и его поделщиков.

...Шпиль собора в Страсбурге взлетел на 142 м. При этом готический храм ничуть не подавляет человека, он говорит с ним, ибо божественный космос пропитал собой камень, обработанный верующим человеком и политый его потом. На «полуденном» колоколе – меланхоличном, патриархальном, закреплённом на одной из четырех башен собора, вылита надпись: «Я есть глас жизни; зову вас: молитесь, приходите».

Сегодня толпы туристов приходят на *Christkindelsmärik* не молиться за спокойствие и гармонию, а выпить эльзасского пива под жареную колбаску или горячего вина под бретцель, традиционный соленый крендель. И чтобы приобрести для родных и близких недорогой рождественский подарок. Эльзасцы – народ практичный и расчетливый. Как признался однажды мой страсбургский коллега, немцы – муравьи, французы – бабочки, а эльзасцы – это бабочки, живущие в муравейнике. Жалко, что такой прекрасный муравейник рискует быть грубо разрушенным.

Публикуется по: «Независимая газета», 25.12.2022. Режим доступа: https://www.ng.ru/style/2022-12-25/12_8624_style.html

Г. С. Филаткина, Д. М. Вьюгина, Д. А. Бабына

УСТАНОВЛЕНИЕ ПОВЕСТКИ ДНЯ И ТЕОРИЯ ФРЕЙМИНГА: ОБЗОР РОМАНО-ГЕРМАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

***Аннотация.** В статье проводится обзор актуальных исследований по изучению установления повестки дня и теории фрейминга, опубликованных в ведущих зарубежных журналах по коммуникации. Отдельное внимание в статье уделяется исследованиям, посвященным формированию повестки дня посредством социальных сетей. Авторы изучили немецкий, французский, испанский и португальский научные дискурсы, что позволило представить исследование повестки дня и фрейминга в глобальном контексте. Ключевым методом выступил метод систематического обзора материалов, опубликованных в ведущих высокорейтинговых научных журналах по коммуникации, по ключевым словам. Попавшие в выборку статьи были систематизированы по тематике, используемой методологии и теоретическим рамкам. В результате проведенного исследования было установлено, что для немецкоязычных исследователей фрейминг представляет интерес на двух уровнях: как инструмент формирования повестки дня производителями медиа, который ученые пытаются деконструировать, а также как индикатор деления аудитории на сегменты. Франкоязычные медиаисследования используют междисциплинарный подход к изучению повестки дня, фокусируясь на аналитике действий, связанных с привлечением внимания к какой-либо проблеме, при-*

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00398).

менения политических и медийных механизмов, а также на результатах принятых мер. Существенное внимание испанских исследователей отводится корреляции общественной, политической и медийной повесток; отмечается растущее влияние цифровых социальных медиа на формирование информационной повестки дня и ослабление роли институционализированных СМИ в этом процессе, что приводит к фрагментации повестки. Востребованной в португалоязычном дискурсе представляется тема политического фрейминга и роли массмедиа в фреймировании избирательных кампаний.

Ключевые слова: повестка дня, теория фрейминга, социальные сети, СМИ.

Теория фрейминга и установление повестки дня занимают сегодня важное место в исследованиях коммуникации. В условиях цифровизации современного общества вопросы, связанные с информационной повесткой дня, ее формированием и влияющими на нее факторами, приобретают особое значение. Однако в процессе формирования повестки дня активную роль начинают играть не только политические акторы (политические лидеры, партии, группы интересов), традиционные СМИ и само общество, но и цифровые социальные медиа, в пространстве которых производителями контента становятся блогеры, лидеры мнений и сама аудитория, что приводит к появлению множества разных повесток, как коллективных, так и индивидуальных.

В последние годы эффект фрейминга становится все более важным для работы со СМИ и в сфере связей с общественностью, а также помогает анализировать информационные потоки в социальных медиа. Фрейминг можно рассматривать как своего рода внутреннюю карту, где опыт, идеи и убеждения определяют то, как аудитория медиа выстраивает свою коммуникацию и интерпретирует различные темы.

Классические теории установления повестки дня и фрейминга как навязывания рамочных конструкций по восприятию реальности определенным образом были заложены еще в XX в. американской социологией массовой коммуникации [1–2]. С учетом новых цифровых реалий, социально-политических контекстов, практик медиапотребления, медиаэффектов классические теории требуют пересмотра, поиска новых методологических подходов для проведения как теоретических, так и эмпирических исследований. В этой связи важно обратиться к опыту зарубежных исследований, прежде всего не англоязычных, еще не введенных в отечественный научный оборот, но представляющих новые актуальные подходы к изучению повестки дня и теории фрейминга.

Эмпирическая основа и методология исследования

Основной задачей данного исследования стал обзор и систематизация актуальных медиаисследований, опубликованных в зарубежных научных журналах в области изучения повестки дня и теории фрейминга, формирования повестки дня посредством социальных сетей.

Конкретный период исследования нами не был установлен: исследование ставило перед собой задачу проследить динамику и ключевую тематическую направленность научного дискурса в выбранных изданиях в целом. Вместе с тем, как показал анализ публикаций, основное количество работ на тему повестки дня и фрейминга в научных журналах датируется 2018–2022 гг., что, в свою очередь, обуславливает высокую актуальность выбранной темы.

Был проведен поиск научных журналов, размещающих публикации на немецком, французском, испанском и португальском языках. Предметная область журналов, публикации кото-

рых рассматривались в исследовании, должна была относиться преимущественно к сфере коммуникаций, а сами издания представлять собой ведущие высокорейтинговые рецензируемые журналы либо выступать изданиями крупнейших зарубежных научных центров, изучающих интересующую нас проблематику.

Ключевым методом выступил метод систематического обзора литературы по ключевым словам. Поиск осуществлялся вручную по комбинации ключевых слов – «повестка дня», «фрейминг», «социальные медиа», «социальные сети» – в названии публикаций, ключевых словах или аннотации. Стоит отметить, что мы обращали внимание исключительно на академические исследования и не фокусировались на тех исследованиях, которые были инициированы и проведены социологическими компаниями. Таким образом, весь массив публикаций составил порядка ста научных работ и комментариев, из которых в итоговую выборку вошла 41 публикация на немецком, французском, испанском и португальском языках, релевантная заданным критериям.

Попавшие в выборку статьи были систематизированы по тематике, используемой методологии и теоретическим подходам к изучению повестки дня и теории фрейминга. Во внимание принимались и основные тренды, и выводы, к которым приходят авторы исследований. Широкий географический охват научных работ позволил выявить актуальные тенденции в изучении фреймов, влияния социальных медиа на установление повестки дня, предпринимаемые на современном этапе исследователями из Германии, Франции, Испании, Португалии и стран Латинской Америки.

Немецкоязычные исследования о фрейминге и повестке дня

Формирование повестки дня становится предметом интереса ключевых национальных медиакомпаний Германии –

ARD и ZDF. В своих ежегодных докладах они публикуют данные о медиапотреблении с учетом возраста и важных тем и событий, их трактовок. Эти данные ложатся в основу многих качественных исследований, опубликованных авторами из Лейпцигского университета, Университета Макромедиа и Мюнхенского университета. В Австрии подобные исследования проводит Университет Инсбрука и ученые Венского университета. Самые подробные отчеты об изменении повестки для немецкоязычной аудитории публикуются в журнале *Media Perspektiven*.

В качестве основы для формирования фрейма исследователи из Германии преимущественно рассматривают платформу, или канал распространения информации [3-6]. Так, социальные сети продвигают темы красоты, моды и путешествий, выстраивают долгосрочные отношения со своими пользователями за счет субъективной подачи информации. *Twitter* является наиболее политизированной площадкой, формирующей при этом информационные пузыри согласно политическим предпочтениям аудитории.

Причиной формирования фреймов становятся не только отдельные каналы и платформы, которые изначально тяготеют к определенным темам или диктуют форматы, но и инфлюенсеры – лидеры мнений, которые, продвигая актуальную для них повестку, концентрируют вокруг себя лояльную и вовлеченную аудиторию, формируют доверительные отношения со своими читателями, слушателями и зрителями. Исследователи определяют пять моделей создания повестки лидерами мнений: связь с персоной инфлюенсера, его интересами и жизнью; желание изменить мир к лучшему; экспертность, практический подход и рациональная повестка; уникальные истории, необычный опыт, взывающий к человеческому интересу и любопытству. Каждая из этих моделей использует определенные механизмы, лексику,

форматы, чтобы удерживать внимание аудитории, формируя тем самым фрейм репрезентации в социальных сетях.

В немецкоязычном научном дискурсе можно найти много критических работ, в которых рассматривается освещение коронавируса в СМИ, и фрейминг как инструмент антикризисного управления. Сложная тема, ее масштабность и новизна привели к тому, что журналисты допускали ошибки, формируя неточное представление о болезни и ее опасности для человека². Альтернативными источниками информации для обеспокоенной аудитории стали научные и научно-популярные блоги и страницы в соцсетях, однако сложность и «академичность» подачи информации отпугнула в первую очередь молодую аудиторию, в то время как упрощенное объяснение и трактовки вызвали недоверие у старших групп аудитории. Таким образом, в исследованиях подчеркивается, что фрейминг – удачный и нет – может разделять аудиторию на группы, повестка которых не будет пересекаться в принципе.

Отдельное внимание стоит уделить вопросам мигрантской повестки и национальной идентичности [7-8]. Этот вопрос особенно важен для юной немецкой аудитории медиа, которая воспитывалась в традициях толерантности и мультикультурализма, однако наблюдала (и продолжает наблюдать) трудности, связанные с большим притоком беженцев, их ассимиляцией и социальными трудностями в целом. По-

² Framing Big Data: Mediale Deutungsangebote und kommunikative Meinungsbildung zu großen Datenmengen und neuen datenbasierten Prozessen. Режим доступа: <https://www.sozphil.uni-leipzig.de/institut-fuer-kommunikations-und-medienwissenschaft/professuren/professur-fuer-medien-und-kommunikationswissenschaft/forschungs-und-praxisprojekte/framing-big-data> Agenda-Setting bei ARD und ZDF? Analyse politischer Sendungen vor der Bundestagswahl. Режим доступа: <https://www.otto-brenner-stiftung.de/wissenschaftsportal/informationsseiten-zu-studien/agenda-setting-bei-ard-und-zdf/>

этому особый интерес для исследователей представляет анализ слов и конструкций, к которым обращаются журналисты национальных СМИ и блогеры, рассказывая о политике по отношению к мигрантам, национальных ценностях, о своем дискурсе и инструментарии, который используют при его создании. Фрейминг как отказ от определенных лексических конструкций или создание однозначной тональности (например, положительной) рассматривается учеными в позитивном ключе, поскольку дает возможность сформулировать представление о важном с помощью языковых средств выразительности.

Детально разработанным в немецкоязычных исследованиях является фрейминг процесса цифровизации в социальных медиа. Она охватывает все сферы жизни, однако общественное отношение к процессу цифровизации остается неоднозначным [9]. Главным методом таких исследований является фрейм-анализ, с помощью которого аналитики и ученые определяют эффекты цифровизации, а также формируют конкретные предложения по решению задач, связанных с цифровыми технологиями. Это позволяет определить, где интересы общества пересекаются с политическими и бизнес-интересами, и сформулировать необходимость изменений в этих сферах (например, транспорт, образование).

Все больше в немецком научном дискурсе встречается исследований фреймов больших данных и того, как тема *big data* подается в СМИ Германии³. Сегодня подобные массивы

³ Framing Big Data: Mediale Deutungsangebote und kommunikative Meinungsbildung zu großen Datenmengen und neuen datenbasierten Prozessen. Режим доступа: <https://www.sozphil.uni-leipzig.de/institut-fuer-kommunikations-und-medienwissenschaft/professuren/professur-fuer-medien-und-kommunikationswissenschaft/forschungs-und-praxisprojekte/framing-big-data>

информации активно перерабатываются журналистами, публикуются в социальных сетях в виде отчетов и инфографики. Однако основная сложность работы с большими данными заключается в том, что их можно использовать для иллюстрации кардинально разных точек зрения и информационных поводов. Немецкие ученые сравнивают, как одни и те же социально-политические новости подаются медиапрофессионалами и пользователями, анализируя не только тексты, но и доказательную базу, взятую из открытых информационных массивов, изменение повестки в фиксированных хронологических рамках, изображения и видео как элемент сообщения, а также специфику работы с большими данными. Таким образом им удастся наглядно показать реконструкцию дискурсивных процессов и подчеркнуть различия в интерпретации больших данных.

Установление повестки дня во французском научном дискурсе

Во франкоязычных исследованиях тема повестки дня поднимается преимущественно в работах политологов и социологов, анализирующих степень успешности применения данной технологии в решении различных социальных проблем. В связи с этим монографии и статьи, посвященные повестке дня и фреймингу, выходят преимущественно в издательствах и журналах политологической и социологической направленности: *Presses de Sciences Po, Communication & Organisation, Les Enjeux de l'information et de la communication, Politiques de communication*. Подобная тенденция связана в первую очередь с пониманием повестки дня как элемента политической деятельности, выходящего за рамки медийного пространства. Вынос той или иной проблемы на повестку дня в государстве воспринимается как первый шаг к ее решению, за которым следует комплекс мер, обусловлен-

ный целями, задачами и спецификой проблемы, желаемым эффектом от обращения к данной концепции.

Среди наиболее известных научных школ, которые занимаются изучением повестки дня и теории фрейминга во Франции, можно назвать университеты и научные центры Парижа (Университет Сорбонна Париж Север, Институт политических исследований и аффилированный с ним Центр европейских исследований и сравнительной политики), Гренобля (Институт политических исследований Гренобля (*Sciences Po Grenoble*), Университет Гренобль-Альпы) и Лилля (Университет Лилля).

Термин «повестка дня» франкоязычные исследователи определяют как перечень вопросов, требующих вмешательства государства и институтов гражданского общества независимо от формы их участия (правительственной, законодательной или административной) и модальности (чрезвычайные меры, долгосрочные действия, принятие необходимых законов, административные или финансовые решения) [10–12]. Также отмечается, что первоначальное значение термина шире и включает в себя не только призыв властей к участию в решении социальных проблем посредством традиционных государственных механизмов, но и создание вокруг них фреймов, корректных дефиниций, адекватной квалификации и проблематизации сопутствующих явлений [12].

Медиа в данном контексте берут на себя роль посредников, формулирующих общественный запрос, стимулирующих его обсуждение и легитимизирующих обращение к политическим силам для его решения – выноса на повестку дня государственных органов и президента. Для успешного выполнения данной функции СМИ используют обращение к отстаиваемым национальным ценностям (общественные интересы, солидарность, борьба за справедливость), форми-

рование коалиций из лидеров общественного мнения и проведение дебатов с их участием [11–14]. В связи с этим можно говорить о гибридном понимании термина «повестка дня» – как в прямом значении (декларация проблемы, требующей оперативного решения), так и в концептуальном, когда речь идет о вынесении этой проблемы в публичное поле.

Исследователи выделяют две основные модели применения повестки дня [12, 15], а также ряд побочных или смешанных. Модель внешней мобилизации описывает ситуацию, в которой заинтересованной группе удается масштабировать свою проблему до уровня интересов широкой общественности, создавая коалицию вокруг своей задачи и устанавливая ее на повестку дня. Успешным результатом внешней мобилизации считается привлечение внимания государственных органов и вынесение решения на административный уровень. Примерами применения модели внешней мобилизации можно считать развитие экологической и феминистской повестки, движения за права женщин, борьбы со СПИДом, привлечение внимания к проблеме домашнего насилия [14, 16–17].

Обратный механизм формирования повестки дня – от государства к обществу – называют моделью предвосхищения. В этом случае инициатива в решении проблемы исходит от законодательных или правительственных органов и предшествует внесению в общественную повестку дня. Модель предвосхищения применялась при реформировании систем пенсионного обеспечения или медицинского страхования, формировании политики в области здравоохранения, пропаганде здорового образа жизни и обеспечении мер по безопасности дорожного движения [16, 18–20]. Также она оказывается востребованной в вопросах влияния на политику в бывших французских колониях и франкоговорящих государствах Африки. Например, решения проблем в области здравоохранения в Буркина-Фасо [21].

Среди смешанных и побочных стратегий установления повестки дня франкоязычные исследователи выделяют, например, модель молчаливого (или бесшумного) корпоративного действия, которая основана на действиях организованных групп внутри государственных структур и во многом сопоставима с классическим лоббизмом. Отличительной чертой модели молчаливого корпоративного действия является отсутствие публичных споров и конфликтов (в отличие от модели внешней мобилизации). Организованные группы незаметно мобилизуются среди сегментов администрации, с которыми они поддерживают тесные отношения, чтобы привлечь внимание к конкретной проблеме и вынести ее на уровень законодательной повестки дня. Например, в ряде работ в области вооружений, как правило, подчеркиваются сложности, существующие между промышленными и административными лицами, которые приводят к включению определенных военных программ в повестку дня [11, 22].

Сопоставима с моделью молчаливого корпоративного действия модель политического предложения. Последнюю отличает мотив целеполагания: действия политических организаций обуславливаются политическим капиталом, который может принести поднятие или даже решение той или иной проблемы. Внутриполитическая борьба и необходимость в симпатиях избирателей здесь нередко становятся более значимыми, нежели результат - решение проблемы. В роли политического представления выступают вопросы безопасности, проблемы иммигрантов и другие темы, которые политические партии поднимают в своих избирательных кампаниях [11, 23].

Наибольший интерес для медиаисследований представляет модель медиатизации. При ее применении медиа становятся ключевой, а не дополнительной площадкой для продвижения интересов группы и играют самостоятельную

роль, навязывая определенную повестку правительству. На регулярной основе СМИ привлекают внимание к проблеме педофилии, расизма и обратного, «анти-белого» расизма [24], хранения ядерных отходов [25] и другим темам, вызывающим широкий общественный резонанс [11, 23, 26, 27].

Модель медиатизации понимается как основная при изучении глобальной повестки дня, поскольку при решении геополитических вопросов и обращении к международной пропаганде средства массовой информации отводится важная роль [19, 28–30]. Для анализа покрытия новостного поля или освещения тем в конкретных СМИ применяются сложные математические расчеты и математическое моделирование, что также переводит медиаисследования такого рода в междисциплинарное поле.

Франкоязычные медиаисследования концентрируются не на изучении повестки дня в тот или иной момент времени, а на аналитике действий, связанных с привлечением внимания к какой-либо проблеме, применения политических и медийных механизмов, а также на результатах принятых мер. Подобный взгляд на исследования «повестки дня» расширяет исследовательскую оптику, превращая его в междисциплинарную проблему, затрагивающую политологию, социологию и медиаисследования.

Изучение повестки дня и фрейминга в ибероамериканских странах

Теория формирования повестки дня представляет большой интерес для исследователей Пиренейского полуострова и стран Латинской Америки. Основными площадками для публикации испаноязычных научных работ на эту тему служат журналы *Profesional de la Información (EPI)*, *Revista Latina de Comunicación Social (RLCS)*, *Comunicar: Revista Científica de Comunicación y Educación*, *Communication & Sociedad*, *Historia*

y Comunicación Social, Estudios sobre el Mensaje Periodístico, Revista Científica de Información y Comunicación IC, El Profesional de la Información, Scire: Representación y Organización del Conocimiento, Trípodos, Palabra Clave, Cuadernos.info [31].

Изучение повестки дня в исследованиях в области коммуникации произошло несколько запоздало в Испании по сравнению со странами Западной Европы и США. Только в 1996 г. начинают появляться первые работы, в которых упоминается эта теория [32]. Несмотря на фактор отставания, исследования, опубликованные в 1990-х гг., были широко распространены на международном уровне благодаря тесному сотрудничеству некоторых испанских исследователей с самим М. Маккомбсом, с которым они координировали различные научные проекты [33].

Следует отметить, что среди испанских медиаисследований можно обнаружить и те, в которых классическая теория М. Маккомбса и Д. Шоу переосмысливается. Ученые объясняют необходимость пересмотра теории появлением Интернета и социальных сетей, которые радикально изменяют медиаландшафт любой страны, снижая значимость традиционных медиа. В этой связи появляется потребность в разработке новой философии коммуникации, адаптированной к возникновению новой технологической и социальной структуры, которая переопределяет модели и факторы, формирующие в настоящее время общественную повестку дня [34, р. 94].

Основным методологическим инструментарием выступают методы качественного или количественного контент-анализа, которые используются для выявления того, как медиа относятся к какой-либо теме, или – реже – для изучения повестки дня аудитории через чаты, которые она ведет в социальных сетях. Также применяется ручной анализ текста, дискурс-анализ, опрос, библиометрический анализ, глу-

бинные интервью, а также методы компьютерного анализа текста.

Согласно испанским исследователям, повестка социальных медиа может влиять на повестку традиционных СМИ [34, р. 101]. Особенно актуально это утверждение в свете медийного поведения «цифровой молодежи», которая представляется не пассивным потребителем информации, а просьюмером, активно участвующим в создании контента в социальных сетях.

Большое внимание исследователи из Испании также уделяют различиям повесток традиционных и цифровых, а также социальных медиа (*agenda melding*) [35]. Этот процесс, в частности, изучается на примере конструирования образов политиков [36] и проведения избирательных кампаний в социальных медиа [37].

В этом плане представляется интересным исследование *T. Espín*, который рассматривает повестку прессы и телевидения, посвященную вопросам миграции и ее влиянию на испанскую молодежь с точки зрения психосоциального подхода [38]. Исследователь анализирует способ представления новостей об иммиграции и их частоту. Эти два компонента влияют на то, как аудитория воспринимает реальность. Применяя метод контент-анализа для установления повестки дня, исследователь также изучает влияние, которое оказывают новости о миграции на молодых испанцев. В работе делается вывод о том, что социальные сети влияют, хотя и ограниченно, на образы, которые присутствуют в сознании пользователей относительно политических акторов. Процесс интеграции фрагментов реальности, которые создают средства массовой информации, предлагается сообществом, в данном случае цифровым. Индивид принимает то, что последовательно вписывается в ранее существовавшие идеологические установки, и отвергает то, что вызывает у него

непоследовательность: так выстраивается образ, в том числе политический. Этот образ проистекает главным образом из посредничества, которое рождается между средствами массовой информации и сообщениями, исходящими от различных участников политической коммуникации в социальных сетях, и которое само сообщество склонно усваивать и интерпретировать [36].

При обращении к теории фрейминга испанские исследователи отмечают трудности терминологического характера, рассматривают множество подходов и определений фрейма, что привносит некоторую полисемию при анализе медийного дискурса [39].

Современные аргентинские работы о фрейминге преимущественно следуют работам С. Риза и П. Д'Анджело. В частности, Риз описывал фрейминг как «модель моста», связывающего части поля, которые должны быть в контакте друг с другом: оно количественное и качественное, эмпирическое и интерпретирующее, психологическое и социологическое, академическое и профессиональное [40]. Д'Анджело фокусировался на практическом измерении теории фрейминга и отмечал, что успех исследования фрейминга заключается в накоплении знаний, то есть в их мультипарадигмальности, поскольку фрейминг как социально организационный принцип способствует структурированию социального мира [41].

Аргентинские исследователи углубляют эпистемологические предположения, которые играют первостепенную роль в развитии теории повестки дня [42], и предлагают более глубокое понимание процесса фрейминга. Наиболее значимым вкладом исследовательской группы Н. Аругете и его коллег из Национального университета Кильмеса является включение новых категорий, которые углубляют анализ элементов фрейминга [43]. Методологически исследователи предлагают использовать аналитические инструменты,

позволяющие одновременно анализировать содержание телевизионных новостей и их дискурсивную конструкцию, формирующую два уровня аудиовизуального нарратива – уровень содержания и уровень речи.

Исследователи из Аргентины также изучают процессы комбинации повесток [44]. Исследователи Э. Кальво и Н. Аругете, изучая распространение популярного в стране хэштега *#Tarifazo* (связан с повышением тарифов на электроэнергию в период президентства М. Макри), измеряли склонность виртуальных пользователей распространять контент, соответствующий их политическим убеждениям, ссылки на традиционные и онлайн-СМИ, а также время, затраченное на ретвит сообщений, представленных в виде ссылок на традиционные СМИ. Полученные результаты показали, что сообщества пользователей формируют коллективные повестки дня и тем самым ограничивают способность СМИ устанавливать единую повестку.

В мексиканском научном дискурсе встречаются работы, в которых теория фрейминга и установления повестки дня изучается через мемы, размещенные в социальных сетях [45]. Основная цель исследования состояла в том, чтобы определить, каким образом набор интернет-мемов был использован для распространения и воспроизведения в СМИ фреймов, связанных с нехваткой бензина в Мексике в 2019 г., вызванной кражей топлива. Результаты показали, что использование мемов представляется частью стратегий, которые применяются для фреймирования высоко значимых социальных явлений.

Среди ведущих португалоязычных журналов, в которых публикуются португальские и бразильские исследования фрейминга и повестки дня, следует выделить *Observatório (OBS)*, *Ciências da Comunicação*, *Estudios em Jornalismo e Mídia*, *Media & Journalism, Comunicação e Sociedade (Metodista)*, *Famecos*.

Среди научных центров особенно выделяются Федеральный университет Минас-Жерайс (Бразилия) и Коимбрский Университет (Португалия). Исследователи предпочитают базироваться на классической теории установления повестки дня М. Маккомбса. В эмпирических работах преимущественно используются количественные методы контент-анализа [46].

Следует отметить, что тема политического фрейминга и роли массмедиа в фреймировании избирательных кампаний в Бразилии и политики президента Жаира Болсонару представляется весьма востребованной как среди бразильских [47-48], так и среди португальских исследователей. Последние, в частности, изучают установление *повестки дня* и *прайм-инг*-эффект современных медиа на примере политики бразильского лидера в период пандемии *COVID-19* [49]. Было установлено, что повестка президента тематически совпадает с повесткой национальных СМИ, однако Болсонару предвзято относится к прессе и выставляет себя в качестве жертвы предполагаемой манипуляции. В то же время прослеживается большая разница между повесткой прессы и повесткой социальных медиа: бразильских пользователей интересуют совсем другие темы, нежели прессу. Исследователи пришли к выводу, что пресса не оказывает существенного влияния на установление общественной повестки дня. На ее место приходят социальные сети, в которых президент Болсонару себя активно проявляет.

Бразильские исследователи изучают, прослеживается ли корреляция между повесткой бразильской прессы и сообщениями Болсонару, опубликованными в *Twitter*. Методология подобных работ в основном базируется на качественном контент-анализе новостей, источником которых выступают публикации президента в *Twitter*, а также самих сообщений президента. Интересно отметить, что в исследовании

Mitoyo I. B., Costa G., Rodrigues C. (2020) используется описательная статистика (критерий хи-квадрат) для выявления связей между следующими парами переменных: проблемы и фреймы, месяцы и проблемы, месяцы и фреймы [50]. Подобный подход применяется и в изучении других тем, связанных, например, с освещением в прессе домашнего насилия [51], феминизма [52], занятий в государственных школах [53] и др.

Проведенный обзор научных публикаций показал, что теория фрейминга и установления повестки дня продолжает оставаться востребованной в зарубежном научном дискурсе. Исследователи пересматривают классические теории повестки дня и фрейминга, в свете современной цифровой реальности предлагают новые теоретические рамки и методологические подходы.

Отдельное внимание в обзоре уделялось работам, посвященным формированию повестки дня посредством социальных сетей. Сообщества и отдельные пользователи социальных сетей формируют коллективные или индивидуальные повестки дня, ограничивая способность институционализированных СМИ влиять на общественную повестку. Это приводит к тому, что образуется фрагментированная социальная реальность, а не единая для всех граждан информационная картина страны и мира.

Обзор немецкого, французского, испанского и португальского научных дискурсов позволил представить изучение повестки дня и фрейминга в глобальном контексте и систематизировать корпус материалов по тематическим блокам, методологическим и теоретическим подходам.

В результате проведенного исследования было установлено, что для немецкоязычных исследователей фрейминг представляет интерес на двух уровнях: как инструмент фор-

мирования повестки дня производителями медиа, который ученые пытаются деконструировать, а также как индикатор деления аудитории на сегменты.

Франкоязычные медиаисследования концентрируются не на изучении повестки дня в тот или иной момент времени, а на аналитике действий, связанных с привлечением внимания к какой-либо проблеме, применения политических и медийных механизмов, а также на результатах принятых мер. Подобный взгляд на изучение повестки дня превращает его в междисциплинарную проблему, затрагивающую политологию, социологию и медиаисследования.

Исследователи Иberoамерики отмечают большое влияние повестки социальных медиа на повестку традиционных СМИ, пытаются проследить корреляцию между общественной, политической и медийной повестками. Большую роль фрейминг и повестка дня играют в политической коммуникации. Как показало проведенное исследование, данная тема является востребованной для исследователей из разных стран.

Библиография

1. Achin C., Bereni L. Agenda/Mise à l'agenda / C. Achin, L. Bereni (éd.) (2013) Dictionnaire. Genre et science politique: Concepts, objets, problèmes. Paris: Presses de Sciences Po. P. 55–68. Режим доступа: <https://doi.org/10.3917/scpo.achi.2013.01.0055>

2. Araújo B., Prior H. (2020) Framing Political Populism: The Role of Media in Framing the Election of Jair Bolsonaro // *Journalism Practice*. P. 1–17. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/17512786.2019.1709881>

3. Ardèvol-Abreu A., Gil de Zúñiga H., McCombs M. E. (2020) Orígenes y desarrollo de la teoría de la agenda setting en Comunicación. Tendencias en España (2014-2019) //

Profesional de la información. 29 (4). Режим доступа: <https://doi.org/10.3145/epi.2020.jul.14>.

4. Aruguete N., Raimondo Anselmino N., Zunino E., Koziner N. et al. (2018) Matriz para el estudio de noticias televisivas sobre delito, violencia e inseguridad: una articulación teórico-metodológica // *Austral Comunicación*. 8: 229–250.

5. Aubin F. (2018) Les mouvements sociaux et la mise à l'agenda des problèmes publics: le problème en construction du contrôle des armes à feu aux États-Unis // *Les Enjeux de l'information et de la communication*. 18(3A): 11–26. Режим доступа: <https://doi.org/10.3917/enic.hs6.0011>

6. Badr H. Abdi-Herrle S. (2020) Mediale Themensetzung in Zeiten von Web 2.0. Wer beeinflusst wen? Das Agenda-Setting-Verhältnis zwischen Twitter und Online-Leitmedien // *Publizistik*. 65: 255–257. Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/s11616-020-00561-z>

7. Barthe Y. (2006) *Le pouvoir d'indécision. La mise en politique des déchets nucléaires*. Paris: Economica.

8. Beaussier A. (2017) Kingdon en Afrique? Théories de la mise sur agenda et le développement d'un programme d'assistance santé au Burkina Faso: Commentaire // *Sciences sociales et santé*. 35 (2): 69–80. Режим доступа: <https://doi.org/10.3917/sss.352.0069>

9. Beisch N., Schäfer C. (2020) Ergebnisse der ARD/ZDF-Onlinestudie 2020 Internetnutzung mit großer Dynamik: Medien, Kommunikation, Social Media // *Media Perspektiven*. Режим доступа: https://www.ard-zdf-onlinestudie.de/files/2020/0920_Beisch_Schaefer.pdf

10. Bérut C., Saurugger S. (2018) La soft law européenne dans la mise sur agenda nationale: L'usage des instruments européens dans la construction des politiques d'e-santé en France et au Royaume-Uni // *Gouvernement et action publique*. 7 (3): 9–34. Режим доступа: <https://doi.org/10.3917/gap.183.0009>

11. Boussaguet L. (2008) *La Pédophilie, problème public* // France, Belgique, Angleterre. Paris, Dalloz.

12. Boussaguet L., Jacquot S. (2009) Mobilisations féministes et mise à l'agenda de nouveaux problèmes publics // *Revue française de science politique*. 59 (2): 173–181. Режим доступа: <https://doi.org/10.3917/rfsp.592.0173>

13. Bourthoumieu F., Loncle P., Mabuluki E. (2016) Décloisonner les politiques publiques locales en faveur des jeunes // *Informations sociale*. 195 (4): 91–94. Режим доступа: <https://doi.org/10.3917/inso.195.0091>

14. Brugidou M. (2011) Rapport de thèse de doctorat en Science politique (Paris Dauphine) de Philippe Blanchard: Les médias et l'agenda de électronucléaire en France. 1970-2000 // *Bulletin de Méthodologie Sociologique*. 65–75. Режим доступа: <https://doi.org/10.1177/0759106311408871>

15. Buhr D., Frankenberger R. (2020) *Der Digitalisierungsdiskurs in Deutschland – Akteure, Frames und Netzwerke*. Berlin: Stiftung Arbeit und Umwelt der IG BCE.

16. Cabral C. (2018) La visibilidad de jóvenes en la agenda mediática de la recreación // *Revista El Hormiguero. Psicoanálisis Infancia/s y Adolescencia/s*. Режим доступа: <http://revele.uncoma.edu.ar/index.php/psicohormiguero/article/view/2042/html>

17. Cadiou S., Desrumaux C. (2020) Présentation du dossier: Argent et politique : peut-on publiciser la relation? // *Politiques de communication*. 15 (2): 5–19. Режим доступа: <https://doi.org/10.3917/pdc.015.0005>

18. Calvo E., Aruguete N. (2018) Tarifazo. Medios tradicionales y fusión de agenda en redes sociales / E. Calvo, N. Aruguete. DOI:10.18861/ic.2018.13.1.2831 // *Mediaciones de la Comunicación*. 13 (1): 189.

19. Canel M. J., Llamas J. P., Rey-Lennon F. (1996) El primer nivel del efecto agenda-setting en la información local: los “problemas

más importantes” de la ciudad de Pamplona // *Communication and Society*. 9 (1–2). Режим доступа: <https://revistas.unav.edu/index.php/communication-and-society/article/view/35626>

20. Campos M. M. de, Coimbra M. R., Oliveira L. A. de. (2019) O Enquadramento do Jornal Folha de S. Paulo na crise política brasileira. Um estudo comparativo dos governos Dilma Rousseff (PT) e Michel Temer (MDB) // *Revista Científica de Comunicação Social do Centro Universitário de Belo Horizonte (UniBH) e-Com*. 12 (1): 5–27.

21. Castilho F., Romancini R. (2018) Minas de luta na mídia: enquadramentos e percepções das ocupações escolares em São Paulo // *Brazilian Journalism Research*. 14 (1): 282–305. Режим доступа: <https://doi.org/10.25200/BJR.v14n1.2018.1054>

22. D’Angelo P. (2002) News Framing as a Multiparadigmatic Research Program: A Response to Entman // *International Communication Association*. P. 870–888.

23. de Maillard J., Kübler D. (2016) Les Processus de Mis à l’Agenda / J. de Maillard, D. Kübler. *Analyser les politiques publiques*. Grenoble. Presses universitaires de Grenoble: Politique en+, p. 260. P. 23–47. Режим доступа: <https://doi.org/10.3917/pug.kuble.2016.01>

24. Dhume F., Cohen V. (2018) Dire le racisme, taire la race, faire parler la nation. La représentation du problème du racisme à travers la presse locale // *Mots. Les langages du politique*. 116: 55–72.

25. Eckhardt Trancoso E. (2021) *Agenda-setting, Priming e a avaliação do brasileiro sobre o governo Jair Bolsonaro durante a pandemia do coronavírus. Dissertação*. O Porto: Faculdade de Letras da Universidade do Porto.

26. Favre P. (1992) L’émergence des problèmes dans le champ politique / P. Favre (dir.) *Sida et politique. Les premiers affrontements*. Paris: L’Harmattan, coll. «Dossiers sciences humaines et sociales».

27. Gaitán Moya J. A., Piñuel Raigada J. L., Águila-Coghlan J. C. (2016) Revisión epistemológica de la Teoría del Framing y

ejemplo de aplicación al análisis de mediaciones en la producción de discursos mediáticos // *Estudios sobre el Mensaje Periodístico*. 22 (2) 709–728. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.5209/ESMP.54231>

28. Garraud P. (1990) Politiques nationales. Élaboration de l'agenda // *L'Année sociologique*. 40: 17–41.

29. Garraud P. Agenda/Émergence / L. Boussaguet (éd.) (2010) Dictionnaire des politiques publiques: 3e édition actualisée et augmentée. Paris: Presses de Sciences Po. P. 58–67. Режим доступа: <https://doi.org/10.3917/scpo.bouss.2010.01.0058>

30. Garraud P. Agenda/emergence / L. Boussaguet (éd.) (2019) Dictionnaire des politiques publiques: 5e édition entièrement revue et corrigée. Paris: Presses de Sciences Po. P. 54–61. Режим доступа: <https://doi.org/10.3917/scpo.bouss.2019.01.0054>

31. Grasland, C., Lamarche-Perrin, R., Loveluck, B. & Pecout, H. (2016) L'agenda géomédiatique international: analyse multidimensionnelle des flux d'actualité // *L'Espace géographique*. 45: 25–43. Режим доступа: <https://doi.org/10.3917/eg.451.0025>

32. Ingrassia P. (2019) El Framing en Argentina. Propuesta de reflexión desde sus principales fundamentos epistemológicos hasta la actualidad // *Revista Ensembles Primavera*. 11: 21–37.

33. Hachimi M. (2020) Médiatisation de l'Europe et espace public européen: Étude de la réception médiatique du média paneuropéen Euronews // *Communication & Organisation*. 57: 105–119. Режим доступа: <https://doi.org/10.4000/communicationorganisation.8882>

34. Hassenteufel P. (2021) Les transformations du mode de gouvernement de l'assurance maladie: une comparaison France/Allemagne // *La Revue de l'Ires*. 70 (3): 3–32. Режим доступа: <https://doi.org/10.3917/rqli.070.0003>

35. Henric L. (2018) Les fake news, entre outils de propagande et entraves à la liberté de la presse // *Hermès, La Revue*. 82: 120–125. Режим доступа: <https://doi.org/10.3917/herm.082.0120>

36. Karim J. Gherab-Martín (2018) Una nueva filosofía de la comunicación Agenda-setting 2.0 // *Revista Internacional de Ciencias Humanas*. — 6 (2): 93–103.

37. López-López P. C., Vázquez-González J. (2018) Agenda temática y Twitter: elecciones presidenciales en América Latina durante el período 2015-2017 // *El Profesional de la Información*. 27 (6): 1204. Режим доступа: <https://doi.org/10.3145/epi.2018.nov.04>

38. López-López P. C., Castro P., Oñate P. (2020) Agenda melding y teorías de la comunicación: la construcción de la imagen de los actores políticos en las redes sociales // *Cuaderno 112 | Centro de Estudios en Diseño y Comunicación* (2020/2021). P. 21–34.

39. Mangana R., Piñeiro-Naval V., Morais R. (2020) *A teoria do enquadramento nas revistas de Comunicação: uma análise comparativa entre Portugal e Brasil* / R. Mangana, V. Piñeiro-Naval, R. Morais. DOI:10.25768/20.04.04.07.01 // Eikon. P. 7–19.

40. Merazka R. (2020) Le «racisme anti-Blancs»: Carrière d'un problème public dans la presse quotidienne nationale française // *Réseaux*. 223: 43–74. Режим доступа: <https://doi.org/10.3917/res.223.0043>

41. McCombs M., Shaw D. (1972) The agenda-setting function of mass media / M. McCombs, D. Shaw // *Public Opinion Quarterly*. 36 (2): 176–187.

42. Mitozo I. B., Costa G., Rodrigues C. (2020) Como os media incorporam declarações de atores políticos nas redes? Uma análise do enquadramento dos tweets de Jair Bolsonaro pelo jornalismo impresso brasileiro // *Brazilian Journalism Review*. 16 (1): 156–183. Режим доступа: <https://doi.org/10.25200/BJR.v16n1.2020.1256>

43. Natansohn L. G., Brito J. L. De (2019) Feminicídio: a cobertura da Folha de S. Paulo a partir da Teoria do Enquadramento // *Revista Pauta Geral-Estudos em Jornalismo*. 6 (2): 70–89.

44. Pérez Salazar G. (2019) Teoría del encuadre y plataformas sociodigitales de interacción: Un análisis de coyuntura //

Teoría del encuadre y plataformas sociodigitales de interacción. 236: 333–354. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.22201/fcpsys.2448492xe.2019.236.68820>

45. Piñeiro-Naval V., Mangana R. (2019) La presencia del framing en los artículos publicados en revistas hispanoamericanas de comunicación indexadas en Scopus. DOI: 10.5294/pacla.2019.22.1.6 // *Palabra Clave*. 22 (1): 117–142.

46. Reese S. (2007) The Framing Project: A Bridging Model for Media Research Revisited // *Journal of Communication*. 57 (1): 148–154.

47. Riesmeyer C., Pohl E., Ruf L. (2021) Gestresst, Aber Miteinander Verbunden: Jugendliche, Ihre Wahrnehmung Von Und Ihr Umgang Mit Gruppendruck Auf Instagram // *MedienPädagogik: Zeitschrift für Theorie Und Praxis Der Medienbildung* (Occasional Papers) P. 17–41. Режим доступа: <https://www.medienpaed.com/article/view/1145/1004>

48. Sarmiento R. (2019) Análise de enquadramento e epistemologia feminista: discutindo implicações metodológicas // *Revista Teoria & Pesquisa*. 28 (3): 97–117. Режим доступа: <https://doi.org/10.31068/tp.28305>

49. Tirado Espín C. A. (2021) *Análisis del frame y la agenda de la prensa y televisión en España sobre la migración y sus efectos en los jóvenes españoles: un enfoque psicosocial*. Tesis doctoral. Madrid: Universidad Complutense de Madrid.

50. Tversky A., Kahneman D. (1981) The Framing of decisions and the psychology of choice / A. Tversky, D. Kahneman // *Science*. 211 (4481): 453–458.

51. Waldhaus C. (2021) *Von Covidioten, Corona Leugnern und anderen rechten Verschwörungstheoretikern. Eine Analyse medialer Frames*. P. 45–60.

52. Wiederhold B. K. (2018) The Tenuous Relationship Between Instagram and Teen Self-Identity // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 21: 215–216.

53. Wehling E. (2016) *Politisches Framing. Wie eine Nation sich ihr Denken einredet - und daraus Politik macht*. Köln.

Публикуется по: Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11. № 3. С. 473–488.

Т. С. Якова, Лю Цзыцы, Лю Юйсинь и др.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ОСВЕЩЕНИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СМИ: МЕДИАГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (на примере альянса *aukus*)

Аннотация. В статье рассматриваются подходы американских, британских и австралийских массмедиа к освещению актуальных событий международной жизни. Проведенное исследование базировалось на имплементации методов системного и контент-анализа в контекст теории мирной журналистики. Результаты анализа публикаций продемонстрировали, что только в небольшой части медиатекстов (около 10%) присутствует фокус на поиск решений, учитывающих интересы разных сторон.

Ключевые слова: американские, британские и австралийские массмедиа, международные отношения, теория мирной журналистики, AUKUS.

В системе современных международных отношений массмедиа выступают в роли одного из ключевых факторов, влияющих на мировые политические процессы: конструируют имидж государств на международной арене и формируют мировое общественное мнение по отношению к событиям международной жизни. Исследованиям массмедиа как актора мировой политики и изучению механизмов их влияния на международные отношения посвящены труды российских ученых: О. В. Зегонова (2009), Е. А. Осокиной (2008), Ю. С. Дубовой (2019), В. Г. Сеидова (2016). Различные аспекты освещения глобальных проблем человечества в мировых СМИ рассматривали исследователи: Г. А. Гаврилов (2012)

и С. Э. Некляев (2008). Об информационных войнах писали в своих работах И. Н. Панарин (2006) и Н. Л. Волковский (2003). Й. Галтунг (2006), Д. Линч и А. Макголдрик (2005) исследовали возможности влияния массмедиа на процессы регулирования международных отношений в периоды конфликтов и кризисов. На основе работ указанных авторов были выработаны теоретические подходы к исследованию публикаций влиятельных американских, британских и австралийских массмедиа, освещающих актуальные события международной жизни.

В фокусе внимания мировых массмедиа осенью 2021 г. были события, связанные с созданием нового международного альянса *AUKUS* и оказавшие существенное влияние на международные отношения. 15 сентября США, Великобритания и Австралия объявили о новом союзе, первым проектом которого значилось строительство атомного подводного флота Австралии, разорвавшей перед вступлением в *AUKUS* многомиллиардный оборонный контракт с Францией. В планах альянса – поставки в Австралию американских ракет (в том числе крылатых *Tomahawk*) и других вооружений, а также обмен военными технологиями. По мнению российских экспертов, основная задача *AUKUS* – сдерживание Китая и его растущего атомного подводного флота, и реализация озвученных планов противоречит международному режиму нераспространения ядерного оружия и будет способствовать гонке вооружений¹. Тема создания нового альянса широко освещалась мировыми массмедиа, позиции которых различались в зависимости от их государственной принадлежности, экономических интересов, близости к властным

¹ *AUKUS belli*. Австралия нашла повод обзавестись атомным подводным флотом // Коммерсантъ. 2021. №168 (7130). Сент., 16. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4988107>

и финансовым элитам. В данной статье исследованы публикации американских (*The New York Times*, *The Washington Post*), британских (*The Independent*, *Reuters*) и австралийских (*The Sydney Morning Herald*) массмедиа. Хронологические рамки – сентябрь 2021 г. – март 2022 г. Также проведен ранговый анализ англоязычной интернет-аудитории поисковой системы *Google*², выявивший уровень интереса пользователей к данной теме. Исследование базировалось на медиагеографическом подходе к анализу медиареальности (Якова, Янглева, 2019), основной составляющей которого является понимание процессов ее формирования в системе пространственно-временных координат: массмедиа фиксируют модели пространственно-временных отношений и формируют рамки для последующего конструирования картины мира. В ходе данного исследования учитывались существенные характеристики таких моделей, которые создаются в зависимости от принадлежности массмедиа, ориентации на определенную аудиторию, исторических аспектов развития, национальных особенностей.

Методология и структура исследования

Методология исследования включала медиаметрический анализ, ранговый анализ, контент-анализ медиатекстов и анализ публикаций по критериям теории мирной журналистики. По методу рангового анализа (ранговые распределения популярности смысловых категорий для интернет-аудиторий по странам мира) проведено исследование англоязычной интернет-аудитории разных стран мира по теме «*AUKUS*». Эмпирическим материалом для количествен-

² *Google Trends* – web-приложение поисковой системы *Google*, определяющее частоту поисковых запросов по отношению к их общему объему в различных регионах мира и на различных языках. Режим доступа: <https://trends.google.ru>.

ного анализа стали данные *big data*, иллюстрирующие интернет-поведение пользователей по отношению к данной теме. Контент-анализ медиатекстов позволил структурировать тематические блоки в рамках темы исследования, определить источники информации и тональность публикаций. В выборке по ключевым словам (*AUKUS* и содержательно связанным с ним словосочетаниям)³ – 127 публикаций объемом больше 5000 знаков (медиатексты с элементами аналитики), что позволило исключить из исследования новостные сообщения. Заключительным этапом исследования стал анализ по критериям теории мирной журналистики, которые базируются на основных ее индикаторах и практике миротворческой деятельности массмедиа (Якова, 2019; 2021).

Ранговый анализ англоязычной интернет-аудитории

Результаты рангового анализа продемонстрировали достаточно высокий уровень интереса аудитории на первом временном отрезке (сентябрь–октябрь 2021 г.) и его спад в последующие месяцы исследуемого периода (ноябрь 2021 г. – март 2022 г.). Статистические данные были получены при помощи программы *Google Trends* за период с 9 сентября 2021 г. по 9 марта 2022 г. (см. рис. 1).

³ Выборка материалов для анализа проводилась по методу социальных исследований Л. Ньюмана, описанному в его работе «Методы социальных исследований: количественный и качественный подходы» (1991). Для анализа отобраны все публикации по теме исследования за указанный период объемом более 5000 знаков.

Рисунок 1. Динамика популярности поискового запроса «AUKUS» по странам мира (9 сентября 2021 г. – 9 марта 2022 г.)

Наибольшее количество поисковых запросов по категории «AUKUS» приходится на Китай, Австралию, Сингапур и другие государства Индо-Тихоокеанского региона (см. табл. 1), что объясняется вовлеченностью этих стран в зону деятельности нового альянса (в первую очередь благодаря географической близости) и значительным количеством публикаций в национальных медиа по данной теме.

Таблица 1

Соотношение популярности поискового запроса «AUKUS» в странах мира (10 из 65) (в %)

Ранг	Страна	Доля от общего кол-ва запросов
1	Китай	100
2	Австралия	85
3	Сингапур	63
4	Греция	53
5	Мьянма	50
6	Новая Зеландия	48
7	Пакистан	42
8	Гонконг (КНР)*	41
9	Бангладеш	35
10	Кипр	33

*специальный административный район

Причины большого количества запросов аудитории Греции и Кипра объясняются, на наш взгляд, высокой долей англоязычных пользователей на территории этих стран (запросы на греческом и других языках не учитывались в данном поиске). Интерес к теме в Великобритании зафиксирован на уровне 28-й позиции в таблице ранговых распределений, в России – 39-й, в США – 49-й.

Стабильно высокий интерес на всем временном отрезке проявлен только со стороны интернет-пользователей Китая. В других странах наблюдаются несколько неравномерных всплесков: самый активный в период создания *AUKUS* в сентябре–октябре 2021 г. и затем краткие – 15 ноября и 9 декабря 2021 г. и 27 февраля 2022 г. (вероятно, связанные с обострением ситуации вокруг Украины).

Представленная ниже картограмма демонстрирует наибольшую активность интернет-пользователей двух государств – Китая и Австралии – в отношении интереса к теме *AUKUS* (см. рис. 2).

Рисунок 2. Картограмма по результатам поискового запроса «AUKUS» по странам мира

Контент-анализ публикаций американских и британских массмедиа

Наибольшее количество аналитических медиатекстов было опубликовано в течение месяца с момента создания альянса *AUKUS* (15 сентября 2021 – 15 октября 2021) – 68 из 127. Был проведен контент-анализ публикаций этого временного периода по выбранным критериям: источники информации (см. табл. 2), проблематика (см. табл. 3) и тональность публикаций (см. табл. 4).

Таблица 2. Источники информации (в %)

№	Источники информации	The New York Times	The Washington Post	The Independent	Reuters	The Sydney Morning Herald
1	Редакционные статьи*	41,7	62,5	75	0	0
2	Корреспонденты	41,7	25	12,5	0	73,9
3	Информационные агентства	0	0	12,5	100	0
4	Другие	16,6 (ученые и эксперты)	12,5 (ученые)	0	0	26,1

Таблица 3. Проблематика публикаций (в %)

№	Аспекты	The New York Times	The Washington Post	The Independent	Reuters	The Sydney Morning Herald
1	Политические	75	62,5	50	58,8	38
2	Экономические	16,6	0	37,5	0	20
3	Военные	8,4	25	12,5	41,2	23
4	Другие	0	12,5 (дипломатические аспекты)	0	0	13

Таблица 4. Тональность публикаций (в %)

№	Тональность	The New York Times	The Washington Post	The Independent	Reuters	The Sydney Morning Herald
1	Позитивная	8,4	12,5	0	17,0	43
2	Нейтральная	58,3	75	62,5	52,9	22
3	Негативная	33,3	12,5	37,5	30,5	35

The New York Times опубликовала одинаковое количество редакционных (41,7%) и авторских статей от собственных

корреспондентов (41,7%), в которых, как и в текстах ученых и специалистов, часто цитируются мнения экспертов в области американской внешней политики. В *The Washington Post* большинство публикаций по теме AUKUS – редакционные статьи (62,5%), выдержанные в более или менее нейтральной стилистике. Материалы, подписанные именем корреспондента (25%) или эксперта (12,5%), занимают меньшую долю и носят более критичный характер. Похожая ситуация и в *The Independent*: 75% публикаций вышли от имени редакции, в большинстве из них цитируются мнения и комментарии правительственных чиновников, экспертов и ученых из разных стран. Все публикации *Reuters* вышли как собственная информация агентства, и значительная часть из них содержит прямые цитаты государственных деятелей, представителей международных организаций и специалистов. В *The Sydney Morning Herald* все публикации авторские: почти три четверти подготовлены собственными корреспондентами, остальные – экспертами, чиновниками и учеными, среди которых несколько бывших премьер-министров Австралии (П. Китинг, К. Радд, М. Тернбулл).

Большинство публикаций *The New York Times* (75%) посвящены политическому анализу последствий создания альянса (возможности сотрудничества ЕС и США, перспективы развития отношений между Китаем и Австралией, Великобританией и Францией), в меньшей степени издание уделяет внимание экономическим (16%) и военным (8,45) аспектам. Подобным образом структурировано освещение данной темы и в *The Washington Post*, которая не уделяет внимания экономическим аспектам, но добавляет анализ дипломатических проблем, связанных с созданием нового альянса. Основная проблематика: *Quad* и AUKUS – наиболее важные стратегические инициативы США в XXI в.; AUKUS как сдерживающий инструмент против распространения ядерного

оружия; перспективы сотрудничества стран *AUKUS* по широкому спектру новых военных технологий. *The Independent* в меньшей степени, чем американские издания, пишет о политических проблемах альянса (50%) и больше уделяет внимания экономике (37,5%). Основные темы: реакция Франции и стран Индо-Тихоокеанского региона (Индонезии, Китая и Северной Кореи); прогнозирование перспектив отношений между Францией и членами нового альянса; возможность эскалации региональных конфликтов и обострения проблем, связанных с ядерным оружием. В *Reuters* больше половины публикаций (58,8%) сосредоточены на политических проблемах, одна часть из которых рассматривает ущерб, нанесенный *AUKUS* партнерству США и Франции, а другая сфокусирована на вопросах военной безопасности (последствия передачи технологий американских атомных подводных лодок Австралии; гонка вооружений в Индо-Тихоокеанском регионе). В публикациях *The Sydney Morning Herald*, как и в американских и британских массмедиа, рассмотрены все аспекты, связанные с созданием *AUKUS*, но значительно больше внимания уделено перспективам развития взаимоотношений с Китаем.

The New York Times. Тональность семи (из двенадцати) публикаций *The New York Times* – нейтральная (58%), четырех – негативная (33%) и только одной публикации позитивная (8%). В публикациях с нейтральной ориентацией основное внимание уделялось анализу причин, приведших к разрыву контракта Австралии и Франции. Такой акцент можно классифицировать как попытку отвлечь внимание, чтобы уменьшить ответственность США перед союзниками и переложить ответственность на Францию. Три негативные публикации в основном касаются китайско-американских отношений и обострения конфликтов между этими странами как следствия создания нового альянса. Например, в статьях

«Руководители Китая веселятся вместе с нами. Кто может их винить?» и «Австралия взяла верх над Китаем. Было ли это правильно?» авторы считают, что это соглашение приведет к эскалации стратегического соперничества между Китаем и США. В статье «Байден, вы должны знать, что ваша сделка с подводной лодкой стоит дорого» полагают, что подписание соглашения приведет к эскалации конфликтов в Индо-Тихоокеанском регионе и обострению проблем, связанных с ядерным оружием. Кроме того, реализация соглашения будет сопровождаться высокими экономическими издержками. В целом *The New York Times* не поддерживает и не оценивает оптимистично перспективы *AUKUS*. Издание считает, что это соглашение вызвало разногласия между США и их союзниками и не приведет к достижению стратегических результатов за короткий период, т. е. приносит больше вреда, чем пользы для всех его участников.

The Washington Post. В большинстве публикаций издания (в 6 из 8, что составляет 75%) даются нейтральные и взвешенные оценки. В трех статьях, отмеченных как нейтральные, указывается, что создание *AUKUS* направлено на противодействие растущим экономическим позициям Китая в Азии. Другие публикации с нейтральной тональностью рассматривают ситуацию с точки зрения Франции и Европейского союза. Только в одной статье выявлена определенно позитивная тональность. В статье «Мнение: сделка Байдена с австралийской подводной лодкой – большая победа в стратегическом соревновании с Китаем» *AUKUS* характеризуется как «чрезвычайно большое дело». Автор считает, что это соглашение является ключом в решении проблем с Китаем. Негативные оценки созданию *AUKUS* и новым возможностям распространения ядерного оружия даются в статье «Австралия получит атомные подводные лодки. В этом видится угроза распространения». В большинстве публикаций

The Washington Post обсуждаются причины создания нового альянса и его влияние на международные отношения.

The Independent. Газета не опубликовала ни одной статьи, где были бы даны положительные оценки созданию альянса *AUKUS*. Тональность трех из восьми аналитических статей – негативная (37,5%), остальных – нейтральная (62,5%). Издание уделяет больше внимания фактам и цитированию мнений различных сторон. Например, в статье «*AUKUS*: Что представляет собой новый оборонный пакт между Австралией, Великобританией и США?» подробно рассматриваются конкретные условия соглашения и причины его заключения, а также реакции разных стран. Например, цитируется позиция МИДа Китая («Три страны нанесли серьезный ущерб региональному миру и стабильности, усилили гонку вооружений и нанесли ущерб международным усилиям по нераспространению ядерного оружия») и ответ Великобритании («Это соглашение просто отражает наши тесные отношения с США и Австралией»). Негативные оценки касались вопросов безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе и угрозы распространения ядерного оружия. В статье «Северная Корея заявляет, что новый союз США в Индо-Тихоокеанском регионе и сделка по подводным лодкам может спровоцировать “гонку ядерных вооружений”» говорится, что прогресс, достигнутый США в отношениях с Северной Кореей, может быть под угрозой в связи с образованием нового военного альянса.

Reuters. Поиск на официальном сайте издания по ключевому слову «*AUKUS*» выявил 17 аналитических материалов. Тональность большей части публикаций (9 из 17, что составляет 52,9%) носит нейтральный характер. В текстах представлены несколько точек зрения: чаще всего это цитаты из высказываний представителей национальных и международных организаций. Три статьи содержат положительные

оценки (17,6 %) и пять – отрицательные (29,5%). Последние касались озабоченности стран Индо-Тихоокеанского региона гонкой вооружений и ухудшением отношений между Францией, с одной стороны, и США, Великобританией и Австралией – с другой. Большинство позитивных высказываний исходило от представителей Австралии и Великобритании.

The Sydney Morning Herald. В *The Sydney Morning Herald* меньше всего нейтральных публикаций (по сравнению с американскими и британскими изданиями). Доля негативных оценок в публикациях австралийского массмедиа (35%) вполне сравнима с данными по американским (*The New York Times* – 33,3%) и британским (*The Independent* – 37,5%, *Reuters* – 29,5%), а позитивных – значительно больше (43%). В публикациях негативного характера отмечается, что со вступлением в *AUKUS* усиливается влияние США на австралийскую внешнюю политику, возрастает зависимость Австралии от партнеров по альянсу и снижается ее роль в политико-экономических процессах Азиатско-Тихоокеанского региона как самостоятельного игрока. Среди позитивных оценок чаще всего приводятся доводы о необходимости укрепления связей между англосаксонскими странами и усилении противодействия экономической и политической экспансии Китая.

Анализ по критериям теории мирной журналистики

На заключительном этапе исследования публикации были проанализированы по критериям теории мирной журналистики: наличие негативных или позитивных маркеров, использование эмоционально окрашенной лексики, наличие признаков ангажированности массмедиа (по отношению к позиции одной из противоборствующих сторон), мно-

гопартийная ориентация (представлены ли в публикации разные точки зрения), нацеленность на построение доверия между противоборствующими сторонами (предложения по установлению диалога и контактов) и креативные предложения по трансформации конфликта. Для примера были выбраны публикации, наиболее полно раскрывающие позиции исследуемых массмедиа.

The New York Times. В статье «Австралия взяла верх над Китаем. Было ли это правильно?» подробно рассматриваются исторические аспекты развития отношений между Китаем и Австралией, а также анализируется направление возможного конфликта между двумя странами. В этой публикации очевидно отсутствие многопартийной ориентации, изложены позиции лишь одной стороны, цитируются мнения только австралийских ученых. Автор использует эмоционально окрашенную лексику и негативные маркеры в отношении Китая. В статье выражается обеспокоенность продолжающимся ухудшением китайско-австралийских отношений, но нет предложений по урегулированию конфликта.

The Washington Post. Авторы статьи «Австралия получит атомные подводные лодки. В этом видится угроза распространения» рассматривают последствия создания нового альянса с точки зрения угрозы распространения ядерного оружия. Основная идея публикации состоит в том, что *AUKUS* дает пример для передачи ядерных установок третьим странам, что оценивается негативно. В тексте присутствует эмоционально окрашенная лексика: например, когда речь идет о правилах Международного агентства по атомной энергии, используется выражение юридическая «лазейка» (*loophole*), а возможность распространения ядерных установок описана как «большое беспокойство» (*big worry*). Вывод статьи: общая угроза для всех стран – распространение ядерного оружия в глобальном масштабе. Но авторы не призывают

к диалогу и не выдвигают предложений по решению проблемы.

The Independent. В статье «Анализ: Франция возвращает своего посла в Австралию, но впереди годы антагонизма» рассматриваются исторические аспекты отношений между Францией и Австралией и перспективы их развития. В тексте используются негативные маркеры и эмоционально окрашенная лексика: «Массовые последствия AUKUS оставят долгосрочные шрамы в континентальной Европе» (*The massive fallout behind Aukus will leave long-term scars in continental Europe*), «холодный ветер в отношениях» (*the cold wind in the relationship*) Австралии и Франции. В то же время в статье представлены разные мнения и взгляды официальных лиц и ученых из Австралии, Франции и других стран Европейского союза, проанализированы позиции всех участников конфликтной ситуации (соблюдается критерий многопартийной ориентации), рассматриваются возможности улучшения отношений между Францией и Австралией. В данной публикации соблюдено большинство критериев теории мирной журналистики.

Reuters. Издание опубликовало на своем сайте репортаж «Китай, Франция осуждают ядерный подводный пакт США с Великобританией, Австралией», который был подготовлен группой из 14 журналистов из Вашингтона, Канберры, Парижа и Пекина. В публикации предпринята попытка представить как можно больше разных точек зрения. Это мультимедиа-репортаж: история начинается с видеоролика, перемежающегося ссылками на сообщения в социальных сетях. Сочетание видео, гиперссылок и текста позволяет лучше понять историю и связанную с ней дополнительную справочную информацию. Статья содержит прямые цитаты пресс-секретаря Министерства иностранных дел Китая, премьер-министра Великобритании, премьер-министра Австралии

и президента США (соблюдается критерий многопартийной ориентации). В тексте используется эмоционально окрашенная лексика: «обвиняемый, жестокий, односторонний, непредсказуемый, злой, горький» (*accused, brutal, unilateral, unpredictable, angry, bitter*), характеризующая недовольство французской стороны. Эпитеты «признанный, прочный и процветающий» (*recognise, enduring and flourishing*) демонстрируют уверенность США в альянсе. Авторы используют и другие способы выражения своего отношения. Например, по отношению к Австралии применяется словосочетание *strong role* («сильная (важная) роль»): в статье эта фраза написана заглавными буквами, что отражает значительность позиции Австралии в этом альянсе. Авторы делают акцент на положительных аспектах формирования *AUKUS* и пытаются смягчить очевидный конфликт, который может возникнуть с Китаем, но в тексте нет жизнеспособных решений и предложений для его урегулирования.

The Sydney Morning Herald. В статье «Австралия должна будет стать ядерной, чтобы поддерживать работу ядерных подводных лодок» бывший премьер-министр Малькольм Тернбулл критично оценивает действия правительства Скотта Моррисона в связи со вступлением в новый альянс. Автор отмечает, что взамен программы построения атомного флота на основе предыдущего контракта с Францией, у Австралии только заявление об общих намерениях с США и Великобританией, а путь к достижению цели может оказаться слишком дорогим. В тексте употребляется эмоционально окрашенная лексика «неуклюжий, лживый, дорогостоящий» (*clumsy, deceitful, costly*). Критерий многопартийной ориентации соблюдается частично (представлены две точки зрения). Статья, несмотря на свой критический тон, не содержит конструктивных предложений и не призывает к дальнейшему обсуждению проблемы.

Из приведенных примеров можно сделать вывод о том, что публикации массмедиа трех государств-участников *AUKUS*, посвященные теме создания нового альянса, не соответствуют большинству критериев теории мирной журналистики.

Тема создания нового альянса *AUKUS* заняла существенное место в повестке дня влиятельных американских, британских и австралийских массмедиа осенью 2021 г. и сохраняла свою актуальность в течение последующих месяцев. Ранговый анализ англоязычного сегмента Интернета выявил, что тема привлекла интерес широкой аудитории в разных странах мира, особенно Индо-Тихоокеанского региона, что коррелирует со степенью вовлеченности стран в деятельность нового альянса и освещением связанных с ним событий в национальных массмедиа. Результаты анализа медиатекстов выявили близость позиций американских, британских и австралийских массмедиа при освещении данной темы (при относительно большем количестве позитивных публикаций в австралийском издании). Различия проявились в отношении проблематики (американские массмедиа больше внимания уделяли политическим вопросам, британские – экономическим и военным, австралийские – пропорционально в равной степени писали о разных аспектах) и привлеченных источников информации (*The New York Times* и *The Washington Post* публикуют больше авторских материалов ученых и экспертов). Тональность значительной части публикаций нейтральна, негативные и критические оценки присутствовали в среднем в трети публикаций (исключая *The Washington Post*, где таких материалов только 12,5%). Анализ по критериям теории мирной журналистики показал, что только небольшая часть публикаций (около 10%)

соответствует основным требованиям миротворчества и нацелена на поиск взаимоприемлемых для противоборствующих сторон решений.

В большинстве статей по теме исследования присутствует многопартийная ориентация и приводятся мнения экспертов, но нет попыток вовлечь в диалог все заинтересованные стороны и сфокусироваться на поиске решений, учитывающих интересы всех его участников. С точки зрения концепции конструктивной журналистики (близкой по своим целеполагающим тезисам к теории мирной журналистики) только в небольшой части медиатекстов можно выделить смысловые блоки, ориентированные на решения, в которых журналисты выступают в роли наблюдателя, предупреждают о потенциальных угрозах и распространяют важную информацию (Gyldensted, 2015), в большинстве же публикаций полностью отсутствует стремление освещать события с точки зрения перспектив решения, действий и будущего (Hermans, Gyldensted (eds.), 2019). А это означает, что значительная часть публикаций массмедиа, оказывающих влияние на общественное мнение как внутри стран их принадлежности, так и за их пределами, несет в себе негативный заряд, способствующий обострению противоречий и эскалации конфликтов.

Библиография

Волковский Н. Л. История информационных войн: в 2 ч. СПб: Полигон, 2003.

Гаврилов Г. А. Использование СМИ для распространения дезинформации в ходе локальных конфликтов // Молодой ученый. 2012. № 9. С. 175–177.

Дубова Ю. С. Влияние мировых СМИ на международные отношения в постбиполярный период: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Бишкек, 2019.

Зегонов О. В. Роль «глобальных» СМИ в мировой политике: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2009.

Некляев С. Э. Стратегия деятельности СМИ в контексте локальных войн и терроризма // Мат. 3-й междунар. науч. конф. по проблемам безопасности и противодействия терроризму. М.: МЦНМО, 2008. С. 501.

Осокина Е. А. Влияние американских СМИ на массовое сознание (на примере конфликтов США с Ираком в 1990–1991 и 2002–2003 годах) // Полис: Политические исследования. 2008. № 1. С. 50–60.

Панарин И. Н. Информационная война, PR и мировая политика. М.: Горячая Линия – Телеком, 2006.

Сеидов В. Г. Место и роль средств массовой информации и коммуникации в системе международных отношений // Регионология/Regionology. 2016. № 2. Режим доступа: <https://regionsar.ru/ru/node/1462>

Якова Т. С. Массмедиа и конфликты: медиагеографические исследования // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. № 4. С. 680–697.

Якова Т. С. Теория мирной журналистики в практике зарубежных СМИ: медиагеографический фокус (на примере *The Guardian*, *The Independent*, *The Washington Times*) // Меди@льманах. 2019. № 2. С.104–117.

Якова Т. С., Янгляева М. М. Медиагеография. М.: ИКАР, 2019.

Galtung J. (2006) Peace Journalism as an Ethical Challenge. *Global Media Journal: Mediterranean Edition*. 1 (2): 58–83.

Gyldensted C. (2015) *From Mirrors to Movers: Five Elements of Positive Psychology in Constructive Journalism*. Charleston: SC: Group Publ.

Hermans L., Gyldensted C. (eds.) (2019) Elements of Constructive Journalism: Characteristics, Practical Application and Audience Valuation. *Journalism*. 20 (4): 535–551.

Lynch J., McGoldrick A. (2005) *Peace Journalism*. Stroud: Hawthorne Press.

Neumann L. W. (1991) *Social Research Methods: Qualitative and Quantitative Approaches*. 2nd ed. Boston: Allyn and Bacon.

Публикуется по: Меди@льманах. 2022. № 2. С. 100–109.

МЕДИАСИСТЕМЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ И КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

***Аннотация.** В данной статье предпринимается попытка осмыслить процесс конструирования медиасистем в XX в., их роль и место в современном, постмодернистском обществе. Акцентируя внимание на том, что информация и знания стали мощным экономическим ресурсом, автор анализирует потенциал креативных индустрий в области производства информации для формирования нового пространства смыслов и поднимает вопрос о культурной субъектности Российской Федерации в условиях функционирования и развития внеположенной нашему обществу глобальной медиасистемы.*

***Ключевые слова:** культурная безопасность, информационно общество, «Третья волна», креативные индустрии, медиасистема, транснациональные медиакорпорации, креативная экономика.*

Во второй половине XX в. ученые из самых разных областей знаний и из самых разных стран – социологи, экономисты, культурологи, антропологи, IT-специалисты, исследователи в сфере СМИ и коммуникаций – попытались на системном уровне определить, в каком обществе живет современное человечество, что оно собой представляет, насколько с преобразованием экономических, социальных и медиаструктур, обусловленным прогрессом информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), трансформировалась человеческая цивилизация. Изменения в процессе

сбора, распространения, хранения информации (прежде всего скорость и управление массивами данных), перспективы роста информационного сектора как отрасли экономики и, соответственно, сферы занятости населения привели к появлению различных идей и прогнозов, свидетельствующих о том, что человечество вступает в новую фазу своего развития. Возникли теории информационного общества: постиндустриального, постмодернистского¹ общества, сетевого общества и общества знаний; во многих государствах начали уделять пристальное внимание роли и месту медиа и коммуникаций, а затем и всей медиасистеме в этом обществе нового типа. Медиасистема (не только массмедиа) стала новым объектом исследования.

Современная медиасистема: некоторые определения и свойства

В рамках традиционного подхода *медиасистема рассматривается как комплекс, система медиаинститутов и медиапрактик, которые, взаимодействуя между собой, формируют друг друга в контексте исторического развития современных структур медиа на национальном уровне*². В таком понимании медиасистема со своими внутренними связями

¹ В данном контексте речь идет о концепции Жана Бодрийяра, наиболее известного из социологов-постмодернистов, который для обсуждения проблем информационной сферы выдвинул идею о современной культуре как культуре знаков, а не концепции постмодернистского мира (*postmodern world*), связанной с ситуацией, сложившейся в международных отношениях в 1990-е гг., после падения Берлинской стены и распада СССР. В то же время отметим, что именно эта ситуация повлекла за собой глубокие изменения в информационной сфере, укрепив позиции информационного мейнстрима западного мира.

² Медиасистемы стран БРИКС: Исторический генезис, особенности функционирования / под ред. Е. Л. Варпановой. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 13.

и динамикой является отдельной подсистемой общества. Если акцентировать внимание на функциональных связях, становится понятной озабоченность некоторых специалистов тем фактом, что часто приоритет в исследовании медиасистемы отдается анализу ее составных частей – *информационных агентств, печатных изданий, радио и ТВ, онлайн-медиа, областей креативных индустрий и др.*, а не изучению взаимодействия медиа с другими социальными институтами. Так, в любом разборе свойств, качеств и характеристик медиасистемы необходимо исходить из того принципиального факта, что речь идет именно о системе. Медиасистема бывает разной конфигурации и выполняет конкретные функции, позволяющие продлить и обеспечить прогресс исторического бытия общества.

Поскольку все социальное исторично, медиасистемы формируются и трансформируются в зависимости от конкретно-исторических условий. Свободный рынок идей и мнений Джона Мильтона стал базовым постулатом для создания системы средств массовой информации и коммуникаций в странах Западной Европы, многим из которых (например, Германии) эта модель была навязана англосаксонскими странами (по результатам своего поражения во Второй мировой войне Германия и Япония подписали Акт о безоговорочной капитуляции). Так, Конституция Японии была составлена оккупировавшими страну американцами (буквально продиктована генералом Д. Макатуром³), и Япония стала демилитаризованным демократическим государством западного образца со свободой слова. Германия, разделенная Потсдамским соглашением на советскую, британскую,

³ Главнокомандующий войсками США на Тихоокеанском театре военных действий во Второй мировой войне (1944–1945 гг.). Главнокомандующий оккупационными войсками союзников (1945–1951 гг.).

американскую и французскую зоны оккупации, вынуждена была согласиться с тем, что в советской зоне медиасистема выстраивалась по принципам советской коммунистической теории прессы, в Бизонии, а затем и в Тризонии – либертарианской. В итоге с 1945 г. в ГДР, ФРГ и Японии начали формироваться абсолютно новые национальные медиасистемы.

Несмотря на то что фокус внимания школы изучения медиасистем в основном был направлен на развитые страны Европы и Северную Америку, в последние десятилетия география исследований расширилась и перенеслась в Азию, Африку и Латинскую Америку. Трансформация медиасистем в государствах Восточной Европы после падения Берлинской стены (1989 г.), изменение их структуры и функциональных связей в бывших странах Варшавского договора⁴, связанное с экспансией транснациональных медиаконцернов⁵, привели к появлению новой теории в исследованиях по данной тематике – *теории СМИ стран переходного периода*. На примере этого региона хорошо прослеживаются взаимосвязи политической и медиасистем в условиях уже не биполярного, а многополярного мира, взаимозависимость массмедиа и государства, национальных медиасистем и глобальной экономики, глобальной информационной среды.

Медиасистему также можно определить как *концептуальную конструкцию*, благодаря которой возможно объединить различные структуры и процессы для систематического изучения общества, присущих ему связей и отношений, в первую очередь таких имманентных характеристик, как результаты его существования, развития и эволюции, органи-

⁴ 1 июля 1991 г. в Праге был подписан Протокол о прекращении действия Варшавского договора.

⁵ Характерной чертой экономики всех государств Центральной и Юго-Восточной Европы стала ее зависимость от иностранных монополий.

зацию, взаимодействие с внеположенной ему действительностью и/или природой⁶. Понимание системности является сегодня базовым в процессе анализа роли и места медиа в информационном обществе, в современном мире и государстве. Обратимся к теориям информационного общества (ИО), с тем чтобы проследить, как производство информации и знаний привело к появлению такой сложной системы, как современная медиасистема, и зафиксируем ее сегодняшнее состояние.

Теории информационного общества: путь к философии медиа

Известные социологи середины XX в. Дэниел Белл, Дэвид Рисмен, Раймон Арон понимали, что идеологическое и экономическое противостояние капиталистического и социалистического мира оказывало меньшее давление на современное развитие, чем технологический прогресс⁷. Французский социолог, философ, публицист Р. Арон верил в то, что и капиталистическое, и социалистическое общества в будущем могут быть объединены в новое единое индустриальное общество под началом капитализма, поскольку представляют собой две разновидности одного и того же общества (индустриального), отличающиеся друг от друга политическими режимами и формами собственности на факторы производства.

А американский социолог и публицист, которого чаще всего называют создателем *теории постиндустриально-*

⁶ Системный анализ и аналитические исследования: Руководство для профессиональных аналитиков / отв. ред. А. И. Раки-тов. М., 2009. С. 23.

⁷ Национальные модели информационного общества / отв. ред. и сост. Е. Л. Вартанова; науч. ред. Н. В. Ткачёва. М.: ИКАР, 2004. С. 9.

го общества (ПИО), профессор Гарвардского университета Д. Белл акцентировал внимание на формировании нового общества услуг благодаря постоянному процессу высвобождения людей от занятости в промышленности (ручной труд заменяют машины) и на новых возможностях людей тратить деньги. Это, в свою очередь, требовало увеличения численности персонала в сервисной сфере. Так, в 1960-х гг. более трети всех занятых в экономике США (почти 40%) работали именно там: в торговле, банковском и страховом секторах, на транспорте и др. К 1973 г. данный показатель возрос до 47,6%⁸. В своей книге «Грядущее постиндустриальное общество»⁹ Д. Белл писал о том, что в послевоенной Америке происходит переход от индустриальной экономики, в основе которой лежит корпоративный капитализм, к обществу постиндустриальному, основанному на знании (*knowledge society*). Согласно теории ПИО, в таком обществе сфера услуг и научно-исследовательские учреждения становятся новыми центрами притяжения. Это новое общество оказывается функционально более зависимым не от индустрии, а от комплексных сил и знаний¹⁰. Американский социолог назвал такое общество «заботливым», потому что, как он полагал, произойдут качественные изменения в подходе к взаимодействию людей, увеличится роль профессионалов своего дела, целью которых будет передавать знания, а не только зарабатывать деньги. Исследователь выделил ключевую группу населения – ученых и инженеров, которые займут ве-

⁸ Вартанова Е. Л. Медиаэкономика зарубежных стран: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2003. С. 12.

⁹ Bell D. (1974) *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. N.Y.: Harper Colophon Books. 507 p.

¹⁰ Землянова Л. М. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества: Толк. словарь терминов и концепций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. С. 169.

душие позиции в функционировании постиндустриального общества, назвав это «экспансией новой интеллигенции», а сам процесс перехода к новому типу общественного устройства – от «экономизирующего» к «социологизированному» образу жизни. При этом Д. Белл понимал, что культура в новом обществе станет более гедонистической, массмедиа будут поддерживать у своей аудитории чувство эгоцентризма и общество может превратиться в «смесь атомизированных индивидуумов, преследующих цели только собственного удовольствия»¹¹.

Теория постиндустриального общества в содержательном отношении была тесно связана с уже существующим в европейской философии направлением мысли, в котором эволюция человечества рассматривалась через призму прогресса знания. К началу 1960-х гг. среди сторонников данной теории обозначилась группа ученых, которые считали информацию движущим ресурсом современного общества. Взгляд на информацию как на ресурс, обладающий экономической ценностью (понимание экономической ценности информации особенно важно в условиях функционирования медиасистем 2000-х гг., элементами которых являются креативные индустрии), начинает распространяться в связи с эмпирическими исследованиями американских экономистов, которые так же, как и Д. Белл, стали фиксировать переход от производства товаров к производству услуг.

Так, в 1962 г. австрийский и американский экономист Фриц Махлуп проанализировал роль информационных отраслей в экономике США и объединил их под общим названием «индустрия знаний». Именно он одним из первых ввел в научный оборот термин *информационное общество*. Была опубликована его книга «Производство и распространение

¹¹ Цит. по: *Землянова Л. М.* С. 170.

знаний в США»¹². Другой термин Ф. Махлупа – «экономика знаний» (или «экономика, базирующаяся на знаниях») – до сих пор используется для определения типа экономики, где знания играют решающую роль, а их производство становится источником роста (сам исследователь понимал под экономикой знаний просто сектор экономики). Производство информации, ее трансграничное распространение становятся ключевыми факторами в экономике страны и мира в целом.

Американский экономист Марк Порат также в 1960-е гг. проводил анализ информационных отраслей Соединенных Штатов и с точки зрения ценности экономического ресурса предложил рассматривать информационный сектор как первичный. Вслед за Д. Беллом М. Порат обратил внимание на то, что около половины всех работающих в США людей могут быть квалифицированы как работники информационной сферы (в 1967 г. в США информационный сектор в ВВП составлял около 46 %, в 1992 г. он вырос до 56 %, в 1997 г. – до 63 %, и в последующие годы расширение данного сектора продолжилось¹³). Принято считать, что именно М. Порат впервые предложил использовать термин «информационная эко-

¹² Machlup F. (1962) *The Production and Distribution of Knowledge in the United States*. Princeton N. J.: Princeton University Press. 416 p. Первые три тома этого второго издания под общим названием «Знание: создание, распространение и экономическое значение» вышли в издательстве Принстонского университета: том 1 – *Knowledge and Knowledge Production* («Знания и их производство», 1980), том 2 – *The Branches of Learning* («Отрасли обучения», 1982), том 3 – *The Economics of Information and Human Capital* («Экономическая теория информации и человеческий капитал», 1984).

¹³ Плотников В. А., Яблочников А. В. Концепция информационной экономики и особенности ее реализации в военно-экономической сфере // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2014. № 2 (20). С. 50.

номика». В 1977 г. он опубликовал работу с одноименным названием *The Information Economy*. Впоследствии, после выхода в свет девятитомного издания¹⁴, труды М. Пората стали часто цитироваться в англоязычной экономической литературе, а его самого начали считать разработчиком концепции информационной экономики¹⁵. Классификация М. Пората, согласно которой вся производимая в США информация (как экономический ресурс) делится на три категории: финансовую, культурную и знания¹⁶, остается актуальной и по сей день.

Понимание того факта, что информация и знания стали новым экономическим ресурсом, к которому неприменимо понятие исчерпаемости, сделало классификацию М. Пората и предложенные им виды экономической деятельности в информационном секторе одним из основных направлений жизнедеятельности человека информационного, человека «третьей волны». По мнению М. Пората, в информационный сектор должны быть включены производство новых знаний и изобретений, что непосредственно влияет на спектр и качество предоставляемых информационных услуг, в том числе в образовании и разного уровня сервисах (например, почтовом), услуги по обработке и передаче информации, вспомогательные виды деятельности, связанные с производством и обработкой информации (строительство и эксплуатация специальных зданий и сооружений, кабельных линий и пр.), а также оптовая и розничная торговля информационными товарами и услугами¹⁷.

¹⁴ Porat M. U., Rubin M. R. (1997) *The Information Economy*: 9 vol. Washington, D.C.: US Department of Commerce.

¹⁵ Плотников В. А., Яблочников А. В. Указ. соч.

¹⁶ К первой категории также относилась бухгалтерская и инвестиционная информация, к третьей – консалтинговые услуги и управление, а также менеджмент. См.: Вартанова Е. Л. Указ. соч. С. 13.

¹⁷ Плотников В. А., Яблочников А. В. Указ. соч. С. 51.

Сегодня большинство этих видов деятельности активно применяется в конструировании медиасистем в разных странах, включая медийные транснациональные корпорации, которые родом главным образом из США. В начале 1990-х гг. расходы Соединенных Штатов на приобретение информации и информационных технологий впервые превысили затраты на получение производственных технологий и основных фондов. К середине десятилетия в американской экономике при помощи информации производилось около трех четвертей добавленной стоимости, создаваемой в промышленности¹⁸.

Информационное общество (Information society) как футурологическая доктрина получило известность на рубеже 1970–1980-х гг. Наиболее подробные прогнозы развития человеческой цивилизации представил в своей книге «Третья волна» американский футуролог Элвин Тоффлер. Более сорока лет назад он написал о том, что в судьбе новой сверхиндустриальной цивилизации решающую роль будут играть «информационные демассифицированные средства связи, существенно меняющие все сферы жизни – от экономики и культуры до образа жизни и мышления»¹⁹. Принципиально иной будет сфера труда, управления, досуга. Действительно, основу новой экономики составили компьютерные системы, соединяющие частные дома с производственными и торговыми организациями, банками и правительственными учреждениями, школами и университетами. Информация, как неисчерпаемый ресурс, стала главным сырьем и стимулятором творческих сил и поисков, «ибо постоянное общение с компьютером учит людей хорошо ориентироваться в глобальных просторах информации по индивиду-

¹⁸ Национальные модели информационного общества. С. 11.

¹⁹ Цит. по: Землянова Л. М. Указ. соч. С. 69.

альным многовариантным выбором решений, независимо от массовых правил, стандартов, предубеждений»²⁰. Несмотря на то что американский футуролог пытался быть оптимистичным (его теорию критиковали за идеализацию и технологический детерминизм, при этом некоторые его идеи сбылись), он предупреждал: новая цивилизация столкнется с серьезными проблемами – личности и общества, справедливости, равенства и морали, занятости, благосостояния и самообеспечения, политическими проблемами. Э. Тоффлер предвидел, что рождение новой цивилизации вызовет бурю страстей. *Третья волна* бросает вызов человечеству и таит в себе опасности – от экологической катастрофы до угрозы ядерного терроризма и электронного фашизма²¹. В более поздних работах исследователь однозначно утверждал, что в информационной экономике самым важным вопросом внутренней политики становится вопрос распределения (или перераспределения) не богатства, а информации и медиа, которые производят богатство.

Волновой подход Э. Тоффлера и идеи американского социолога Толкотта Парсонса²², которые ознаменовали наступление постнеклассической геополитики, или геополитики постмодерна, и были положены некоторыми экспертами в

²⁰ Цит. по: *Землянова Л. М.* Указ. соч. С. 69.

²¹ *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 2004. С. 4. Режим доступа: http://read.virmk.ru/present_past_pdf/Toffler_Tretiya_volna.pdf (дата обращения: 12.01.2022).

²² Т. Парсонс впервые обозначил переход от неклассики к постнеклассике в социологии. Развивая идею этапности, он указывал на то, что на каждом этапе своей исторической эволюции саморазвивающаяся социально-политическая система сохраняет свою информационную открытость, выражающуюся в свободном обмене идеями, товарами и услугами. Но характер этой открытости трансформируется вместе с изменениями внешней и внутренней сред функционирования системы (актуально для современных медиасистем).

основу научной концепции *геополитики «третьей волны»*²³, позволили говорить о человеке «третьей волны» – человеке информационном, который мыслит другими категориями, нежели человек пространственный и идеологический. Человек информационный живет в условиях *сетевого общества (network society)* – общества, владеющего сетью всеобъемлющих информационных связей, – и действует в глобальном информационном пространстве, у него появились новые возможности оказывать влияние на ход политических процессов (например, через социальные сети)²⁴. Еще точнее, человек информационный живет в условиях *сетевого капитализма*. Это означает, что определяющие действия во всех сферах жизнедеятельности предпринимают на основе использования ИКТ и сосредоточены они на обработке информации²⁵.

Испанский социолог, урбанист Мануэль Кастельс, первый в ряду социологов предложивший изменения понятийного аппарата концепции информационного общества²⁶, утверждал, что капиталистические общества в последние десятилетия XX в. вступили в период перестройки. И гибкость,

²³ *Карякин В. В.* Геополитика третьей волны: Трансформация мира в эпоху Постмодерна. М.: ИГ «Граница», 2013. С. 51.

²⁴ Предлагают ещё четвёртый тезис – о человеке в условиях постпостмодерна: человек мыслящий (разумный) будет жить в эпоху когнитивных технологий. Этот тезис в данный момент времени активно подвергается научному осмыслению. Тезис спорный. Подр. о развитии человека в условиях геополитики «третьей волны» см.: *Карякин В. В.* Указ. соч. С. 64–65.

²⁵ *Химанен П., Кастелс М.* Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель. М.: Логос, 2002. С. 9.

²⁶ Концепция информационного общества как постиндустриального была осмыслена и обоснована в одноименной работе *The Information Society as Post-Industrial Society* профессором японского Университета Аомори, создателем Института информационного общества Й. Масудой.

свойственная режиму постфордизма (гибкость производства, потребления, наемного труда), и приспособляемость стали решающими факторами, повлиявшими на скорость и эффективность перестройки капиталистической системы. М. Кастельс зафиксировал новый тип капитализма – *информационный*, обозначив не только роль и место Сетей, но и изменение социальных отношений, связанных с информационным неравенством (возможность доступа к информационно-коммуникационным технологиям и навыки их использования), а также трансформацию отношений власти и восприятия личности в обществе²⁷.

Однако капитализм не меняет своей природы. И несмотря на то, что для современного его состояния особое значение имеют информация и коммуникация, они тесно связаны со стабильностью и благополучием капиталистической экономической системы. При анализе общественного устройства другой выдающийся автор – теоретик, чьи философские концепции восходят к неомарксизму, Герберт Шиллер – выдвигал *идею корпоративного капитализма*. Характер современного капитализма определяют корпорации, причем корпорации особого рода. Они представляют собой институты олигопольного, а часто вообще монопольного рынка (им свойственна большая концентрация капитала), они диктуют свои интересы государству и международному сообществу. Господствующей тенденцией корпоративного капитализма является развитие информационного сектора и информационных технологий в интересах частного бизнеса (корпораций). Так, в США массмедиа фактически сосредоточены

²⁷ Свои идеи о сетевом обществе М. Кастельс изложил в фундаментальном труде, опубликованном в виде трилогии: Castells M. *The Information Age. Economy, Society and Culture* (The Rise of the Network Society, 1996; The Power of Identity, 1997; End of Millennium, 1998).

в руках нескольких концернов, что не только создает высокие барьеры для входа на рынок новых игроков, но и сказывается на качестве контента и его разнообразии. Концентрация медиа в Соединенных Штатах достигает невероятных масштабов – 90% рынка традиционной медиаиндустрии (телевидение, радио, пресса, фильмы, книги, музыка) контролируют пять корпораций, в числе которых *WarnerMedia*, *Comcast Corporation*, *Walt Disney*, *Viacom Inc.*, *CBS Corporation*. В то же время такие корпорации, как *Apple*, *Amazon*, *Google*, *Facebook/Meta*, *Netflix*, контролируют рынок современных электронных медиа (социальные сети, поиск и распространение информации в сети Интернет)²⁸. Г. Шиллер отвергал идею о возникновении нового информационного общества, однако указывал на резкий рост значения информации.

Так, британский социолог Фрэнк Уэбстер в книге «Теории информационного общества» писал: «В мире есть группа аналитиков, занимающихся проблемой информационного общества, которые хотя и согласны с тем, что сегодня в обществе циркулирует гораздо больше информации, чем когда-либо раньше, но относятся к концепции информационной эпохи без особого энтузиазма. Эти аналитики считают, что циркулирующая информация подпорчена, что существуют те, кто специально выбирает определенный способ ее подачи, кто наводит на нее “глянец”, благодаря которому она склоняет людей в пользу определенной позиции, кто манипулирует ею, добиваясь собственных целей, или превращает информацию в развлечение, чтобы выгоднее сбыть ее как товар. С точки зрения этих аналитиков, информационное общество – это такое общество, в котором создание и

²⁸ Николайчук И. А., Янглева М. М., Якова Т. С. Крылья хаоса: Масс-медиа, мировая политика и безопасность государства. М.: ИКАР, 2018. 352 с.

распространение информации подчинено целям рекламных кампаний, стало делом специалистов по дезинформации из министерства обороны, экспертов по связям с общественностью, парламентских лоббистов; общество, в котором несоразмерно большую роль играют “надежные источники”, близкие к правительственной Даунинг-стрит»²⁹.

Обратим внимание на позицию другого представителя франкфуртской школы – немецкого философа и социолога, одного из наиболее влиятельных политических и социальных мыслителей второй половины XX в. Юргена Хабермаса и его теорию *публичной сферы* (*public sphere*). Как пишет Фрэнк Уэбстер, «его (Хабермаса. – Прим. авт.) скептическое отношение к неявно принимаемому предположению, что рост количества информации приводит к появлению более информированного общества, а также настойчивость, с которой он подчеркивает, что вопрос информации – ключевой для решения проблемы, как людям удастся жить вместе, делают его труды неоченимыми. Хабермас побуждает поставить вопрос таким образом: всегда ли “больше” означает “лучше” (а может быть, больше – это хуже?). И тут же ставит вопрос, какая информация нужна в демократическом обществе»³⁰.

Ю. Хабермас в одной из своих ранних работ («Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества») выдвигает концепцию публичной сферы информации³¹. Ученый объясняет,

²⁹ Уэбстер Ф. Теории информационного общества / пер. с англ. М. В. Арапова, Н. В. Малыхиной; под. ред. Е. Л. Вартановой. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 117.

³⁰ Там же. С. 118.

³¹ В основе концепции публичной сферы лежит принцип доступной информации, с которой может ознакомиться каждый, независимо от уровня благосостояния.

в чем ее ценность для различных ключевых сфер в развитии общества. Характерные черты буржуазной публичной сферы – открытая дискуссия, критика действий власти, независимость действующих лиц от экономических интересов и государственного контроля и др. – к середине XX в. нивелируются, публичная сфера приходит в упадок. Пресса становится средством рекламы и пропаганды, снижается роль литературы, государственные статистические службы выдают неверную информацию, процветает лоббизм.

Выводы Ю. Хабермаса «укладываются в русло наиболее пессимистических прогнозов теоретиков франкфуртской школы. Особенно характерны взгляды учителя Хабермаса Теодора Адорно: капитализм торжествует, самодеятельность индивида сведена к минимуму, крайне ограничены возможности критической мысли, в эпоху транснациональных медиаимперий и заполняющей все рекламы для публичной сферы просто больше не осталось места. Медийные корпорации заботятся прежде всего о рынке сбыта, производимая ими продукция направлена лишь на то, чтобы собрать максимально большую аудиторию для рекламодателей и поддерживать предпринимательство. В итоге они создают лишь разные виды развлекательной продукции: приключенческую стряпню, пустую болтовню, сенсации, сплетни о личной жизни знаменитостей, восторги по поводу современного образа жизни»³². По мнению Ю. Хабермаса, вся значимая информация в современном обществе подменяется *инфоразвлечением* (*infotainment*), а новая система коммуникаций делает упор на коммерческие принципы и поощряет такие формы финансирования информации, как спонсорство, реклама и пиар, технологии манипулирования информацией, которые используют политические партии, корпорации и другие группы.

³² Цит. по: Уэбстер Ф. Указ. соч. С. 122.

То, что сегодня принято называть традициями прессы, увы, существует только в историческом мейнстриме. Механизм массмедиа, настроенный на служение обществу (быть индикатором общественной мысли и предоставлять площадку для социального диалога, способствовать сохранению национальной культуры и идентичности и т. д.), в XXI в. подвергается совершенно иному программированию³³. Функции массмедиа кардинально изменились. Появилась «новая экономика» (*new economy*) новых медийных компаний (*new media firms*)³⁴, которую М. Кастельс определил как рост не просто интернационализации, предполагающей повышение взаимодействия суверенных государств, но и взаимозависимости и взаимопроникновения человеческих отношений³⁵.

Медиасистема в информационном обществе как система в динамике

Медиасистема – это система в непрерывном ее развитии под воздействием общественно-политических, социально-экономических, культурных и, конечно же, технологических факторов. Если политический и экономический климат в стране и мире меняется, это сказывается на конфигура-

³³ Николайчук И. А., Якова Т. С., Янгляева М. М. Медиа как система-тренд: новые подходы в медиалогии // Медиальманах. 2016. № 1 (72). С. 15.

³⁴ Там же. С. 17.

³⁵ М. Кастельс считает важнейшим фактором глобализации экспансию транснациональных корпораций – ТНК (*General Motors, Shell, IBM, Coca-Cola, Kodak* и др.) – и говорит о глобализации коммуникаций (наряду с глобализацией рынка, производства, финансов), что привела к созданию символической среды, которая, в свою очередь, организована и поддерживается при помощи медийных ТНК (*The Walt Disney Company, Viacom Inc., CBS Corporation, Bertelsmann* и т. д.).

ции медиасистемы и ее системных свойствах. Для примера можем обратиться к информационной обстановке в непризнанных государствах, регионах. Так, в Косово в условиях конфликта сразу же увеличили вещание на албанском и турецком языках, была перекроена сетка вещания; затем, в 2013 г. с изменением обстановки республиканский телерадиохолдинг запустил канал РТК 2 с программами на сербском языке, при этом сотрудничество между косовскими и сербскими массмедиа не осуществлялось: доступ этнических сербов к сербской прессе и телерадиовещанию долгое время оставался серьезной проблемой. Медиасистема Абхазии формировалась в условиях изоляции и информационной блокады: грузино-абхазский конфликт буквально лишил республику всей ранее наработанной технической базы и редакционной системы. В Приднестровской Молдавской Республике по-прежнему отсутствует полноценное международное журналистское сотрудничество и др. Медиасистема, как никакая другая система, чувствительна к изменениям и внутри разных общественных и политических сил. Сегодня тренды, существующие внутри медиасистем мира, трансформируются быстрее, чем возможности исследователей выявить их и зафиксировать.

Так, в 2015 г. журнал *Nordicom Review* опубликовал исследование, в котором прямо говорится, что страны Северной Европы больше не символизируют североевропейскую модель³⁶, потому что а) общественное телевидение перестает играть доминирующую роль в медиасекторе; б) традиционная пресса теряет свои позиции, и это связано не толь-

³⁶ Ohlsson J. (2015) *The Nordic media market 2015*. Göteborg: Nordicom, University of Gothenburg. P. 10–11. Стали широко известны три модели, предложенные зарубежными медиаисследователями Даниэлем Халлином и Паоло Манчини, – североамериканская, североевропейская и средиземноморская.

ко с падением тиражей, но и с утратой доверия читающей аудитории; т. е. моделировать медиасистему стран Северной Европы нужно уже исходя из других характеристик: общественное телевидение и традиционная пресса займут иное положение в ее структуре, взаимосвязи аудитории и медиа стали менее прочными. А в 2021 г. исследователи из Дании и Швеции предложили осмыслить идею не одной северной (нордической) медиасистемы, а нордических медиасистем, акцентируя внимание на современном состоянии медиа, журналистики и коммуникаций на Фарерских островах, в Гренландии, Исландии, Лапландии и на Аландских островах: «...можем ли мы (все еще) говорить об одной северной медиасистеме или различия запада и востока, севера и юга настолько велики, что точнее было бы говорить о множественных нордических медийных системах. Что означает наша общая северная история в отношении развития наших медиасистем? Есть ли различия между малыми и большими северными странами?...»³⁷

Сегодня мы можем говорить о *подвижной медиасистеме*, роль прессы (здесь имя собирательное для обозначения деятельности журналистов, редакторов, издателей и др.) – очень важного элемента медиасистемы – оказывается различной в контексте разных политических культур. Медиасистеме, как системе сложной, свойственны принципы синергетики: неравновесность, нелинейность, флуктуативность, т. е. медиасистема открыта внешнему и внутреннему влиянию, что меняет поведение медиа, движение элементов внутри и снаружи системы может воздействовать на нее как раз-

³⁷ Цит. по: Willig I., Nord L. (2021) Media systems in «the other» Nordic countries and autonomous regions: Studies of news media and journalism in the Faroe Islands, Greenland, Iceland, Sápmi, and Åland // *Nordicom Review*. March, 26. P. 3. Режим доступа: <https://doi.org/10.2478/nor-2021-0013> (дата обращения: 13.01.2022).

рушительно, так и созидательно³⁸. Многие из современных организаций медиасистемы не являются традиционными институтами, структура которых оставалась бы неизменной на протяжении столетий. Все действующие лица публичной сферы, которые участвуют в информационном обмене: государство, политические партии, корпоративные и частные предприятия и, конечно же, сами медиа – под влиянием быстро меняющихся политических, экономических и социальных условий перестраивают свою деятельность и свои структуры. Яркий пример – цивилизационный проект Китая «Один пояс – один путь», который сейчас создает контуры нового миропорядка и для осуществления которого задействованы все системы КНР, включая мощные структуры китайской медиасистемы: «Женьминь жибао», ИА «Синьхуа». В процессе этих изменений могут возникать новые и исчезать старые подразделения (подсистемы), устанавливаться новые взаимосвязи и отношения. Концентрация и формирование газетно-журнальных и мультимедийных предприятий стали важнейшей тенденцией развития современного национального медиарынка КНР. В настоящее время в стране насчитывается более 40 крупных газетно-издательских концернов, в их числе Шэньчжэньская издательская группа, Шанхайская медиагруппа – ведущий медиахолдинг Китая. Значимым событием можно считать создание в марте 2018 г. суперкорпорации *China Media Group*, объединившей Центральное телевидение Китая, Национальное радио Китая и Международное радио Китая.

Медиасистема является материальной основой формирования и развития *креативных индустрий*. Мировая капитализация креативных индустрий к 2019 г. составила

³⁸ Якова Т. С., Янглева М. М. Медиагеография. М.: ИКАР, 2019. С. 35.

2,3 трлн долл.³⁹ Это примерно равно уровню капитализации рынков акций такой страны, как Германия, в том же году (2,1 трлн долл.)⁴⁰. На сегодняшний момент принято выделять 12 секторов креативных индустрий: книгоиздание, радио, телевидение, театральное искусство, фото, музыку, рекламу, компьютерные игры, музейное дело, туризм, архитектуру. Имеет смысл вносить в список и современный спорт, поскольку его функция как коммерциализированного зрелища стала самодовлеющей, превратив в анахронизм идею достижения индивидуального физического совершенства и здорового образа жизни. На протяжении двух последних десятилетий сектор развивался очень интенсивно: творческие отрасли были включены в государственные стратегии развития экономики многих европейских стран⁴¹ (вспомним Э. Тоффлера, Ф. Махлупа, М. Пората и др.). Так, в Великобритании ещё в 1990-е гг. государство начало поддерживать региональный креативный сектор (финансировать этноколлективы, способствовать работе развлекательных учреждений и т. д.), а после провозглашения идеи в 2010 г. достичь гло-

³⁹ *Никитина И.* Что такое креативные индустрии? // РБК Тренды. 2019. 22 ноября. Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5dd54dbf9a79471180f57ce7> (дата обращения: 08.01.2022); Развитие креативных индустрий в России: ключевые индикаторы. Науч. дайджест № 1. М.: ВШЭ, 2021. Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2021/08/05/1425538088/Human_Capital_NCMU_Digest_1_Creative_Industries_2021.pdf (дата обращения: 21.01.2022).

⁴⁰ Макроэкономика. Страны G20: Капитализация рынка акций // *EconomicData*. Режим доступа: https://www.economicdata.ru/economics.php?menu=macroeconomics&data_type=economics&data_ticker=StockMarketCap (дата обращения: 21.01.2022).

⁴¹ *Якова Т. С., Янгляева М. М.* Креативные индустрии в странах Европы. Политика государства // *Медиальманах*. 2017. № 1 (78). С. 27.

бального лидерства в креативной экономике стала вестись разработка правовой базы и стратегических документов развития национальной экономики посредством творческих отраслей. В Северной Европе стратегия развития креативных индустрий выдвигалась как приоритетная для всех стран региона, ее основная цель – создать условия для процветающего севера⁴². В инновационных программах в сфере креативного бизнеса (кураторами чаще всего выступают государственные учреждения: министерства культуры, образования, администрации крупных городов) сегодня активно участвуют мегаполисы – Нью-Йорк⁴³, Москва, Стамбул.

Некоторые авторы считают, что креативная экономика тесно связана с развитием одноранговой экономики, характерными чертами которой являются доминирование информационного производства, вытеснение иерархий горизонтальными экономическими сетями, изобилие нематериальных благ и сокращение функций капитала. В одноранговых сетях участники взаимодействуют напрямую, без посредников, поэтому есть возможность раскрыть креа-

⁴² Якова Т. С., Янглева М. М. Креативные индустрии в странах Европы. Политика государства. С. 29.

⁴³ В 2020 г. Нью-Йорк занял второе место среди лучших мегаполисов мира, уступив первенство Лондону. Для составления рейтинга *World's Best Cities* использовались статистические показатели и оценки местных жителей и туристов по разным категориям, куда наряду с благосостоянием и инфраструктурой вошли развлечения (культурные мероприятия, ночная жизнь, рестораны и торговые центры) и имидж города (социальные сети, хештеги, уровень популярности в системе поисковых запросов). Москва в этом рейтинге занимает первое место в мире в категории «Продукция», в которую входит подкатегория «Музеи». См. подр. об этом: 2021 World's Best Cities // *Resonance*. Режим доступа: <https://www.bestcities.org/reports/2021-worlds-best-cities/> (дата обращения: 02.12.2021).

тивный потенциал максимальным образом⁴⁴. Здесь, однако, нужно указать, что споры о разграничении культуры и области креативных технологий на сегодняшний день наиболее остры среди экспертов⁴⁵.

Индикатором признания существования креативной экономики в массовом сознании может служить появление интернациональной темы «Креативные индустрии» в поисковом рубрикаторе глобальной поисковой системы *Google*, причем, как следует из рисунка, интерес к этой теме в мире в последние годы имеет скачкообразную динамику. Такой скачок характерен прежде всего для КНР и территориальных единиц с особым статусом, населенных китайцами, – для Тайваня, Гонконга, Макао. Это можно связать с тем, что Пекин инициировал в целях защиты государственных интересов процессы ужесточения контроля за деятельностью соответствующих экономических акторов, особенно в части регулирования генерации контента, даже если ценой этому стало падение капитализации таких фирм на международных финансовых рынках. Даже Литва и Латвия нарастили активность в Интернете в поиске информации по теме креативной экономики, что может служить свидетельством желания найти новые источники национального развития после коллапса местного сектора реальной экономики и сферы логистических услуг.

⁴⁴ Андреев К. Одноранговая экономика. М.: Ridero, 2019. 208 с.

⁴⁵ Хестанов Р. Креативные индустрии – модели развития // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 3. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnye-industrii-modeli-razvitiya> (дата обращения: 25.12.2021).

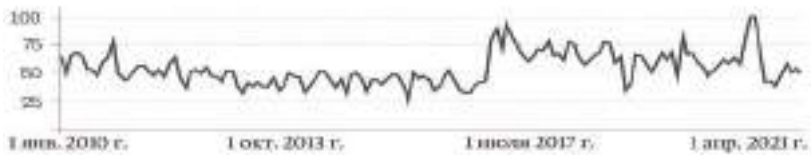

Рис. Динамика относительной популярности темы «Креативные индустрии» в период с 1 января 2010 г. по 27 декабря 2021 г. по всему миру

Источник: составлено автором на основании результатов запросов интернет-пользователей в Google

В России полноценная отрасль производства и продажи знаний в формах, которые заданы теориями информационного общества, находится в стадии конфликта между элитными группами, ориентирующимися на глобальный или национальный капитал. Наиболее яркий пример – жесткая конкуренция между национальной системой «Яндекс» и глобальной *Google*, которые пока делят российскую интернет-аудиторию, однако *Google* постепенно, но уверенно вытесняет «Яндекс» с нашего рынка.

В декабре 2021 г. в русскоязычную систему «Яндекс» поступило около 18 тыс. запросов по фразе «креативная индустрия» – это немного, но уже заметно. Дифференциация запросов фиксируется следующим образом. Относительный интерес к теме высок в традиционных центрах сосредоточения интеллигенции: в Москве – 171% от среднего показателя, Красноярске – 189, Новосибирске – 284, Томске – 375%. Заметно стремление многих городов получить статус признанного культурного центра. Это в первую очередь Ханты-Мансийск – 1768%, Белгород – 417, Тюмень – 398, Севастополь – 362, наконец, Йошкар-Ола – 303%. В то же время наша культурная столица Санкт-Петербург к креативным капита-

листам прохладна: уровень интереса – 80% от среднего. Низка популярность креативных отраслей в городах русского Хартленда. Так, в Нижнем Новгороде относительный интерес к теме «Креативные индустрии» составляет всего 50 %, в Челябинске – 58, Ростове-на-Дону – 68, Екатеринбурге – 67, Кирове – 39, Ярославле – 49%⁴⁶.

Креативность в информационной сфере: новое пространство смыслов

При всем разнообразии толкований смысла и сущности креативных индустрий они соотносятся с индустрией развлечений и хобби, т. е. с торговлей нематериальными благами, связанными (при всех оговорках) с удовлетворением потребности современного человека в заполнении своего свободного времени, появившегося после освобождения его от монотонного физического труда в результате научно-технической революции. Возникновение креативного класса (при всех спорах о его генезисе, сущности и социальных функциях) – свершившийся факт. Именно этот класс экономически окреп, начинает серьезно самоорганизовываться для отстаивания своих интересов, срачивается с политикой, в том числе за счет репрезентации закулисных политических групп. Типичные примеры – президентские легислатуры актеров кино Р. Рейгана (США) и В. Зеленского (Украина), губернаторская должность киноактера А. Шварценеггера (шт. Калифорния, США), активное стремление представителей творческих профессий попасть в органы законодательной власти (в Госдуму РФ в созыве 2021 г. избрались 22 представителя средств массовой информации и телеведущих, не считая деятелей культуры и спортсменов).

⁴⁶ Популярность темы «Креативные индустрии» в «Яндексе». Вариации вопросов по теме с 1 по 27 декабря 2021 г. Расчеты автора.

Задачей дня для идеологов и политических функционеров креативного класса сегодня можно назвать объединение усилий специалистов в области эстетики, истории, культурологии и т. д., с одной стороны, и информационных технологий – с другой – вокруг темы уникальности человеческого творчества в деле генерации культурного контента. Компьютеризация творческих процессов, особенно с учетом низких требований к интеллектуальной продукции в рамках современной массовой культуры, ведет к постепенному вытеснению «ручного труда» из большого числа креативных технологий. Уже сейчас имеется принципиальная возможность создавать виртуальных журналистов-роботов (вплоть до ведущих ток-шоу), оперативно писать тексты или части текстов в разных жанрах по образцу систем машинного перевода или виртуальных голосовых помощников, заменять декорации машинной графикой и т. д.

Современные тенденции развития материально-технической базы производства интеллектуальных или развлекательных продуктов потребления, в числе которых артефакты массовой культуры и тому подобный контент (в самом широком смысле этого слова) занимают лидирующие позиции, порождают серьезные проблемы для национальной безопасности Российской Федерации, особенно если учитывать тот факт, что после распада СССР наша страна по ряду причин геополитического характера во многом потеряла свою культурную субъектность и оказалась незащищенной от принудительной инфузии новых смыслов (например, квир-национализма, интерсекционального феминизма и других политических смыслов⁴⁷, внедряемых в сознание общества инструментами креативной индустрии) и ценностей в нацио-

⁴⁷ Николайчук И. А., Янгляева М. М., Якова Т. С. Потребление смыслов: Массмедиа, идеология, политика. М.: ИКАР, 2021. 364 с.

нальный организм. Можно говорить о нарушении культурной безопасности государства, особенно в контексте активного распространения в российском социуме идей о ведении против России различных войн, к которым эксперты относят ментальную, информационную, гибридную, психологическую и прочие виды. Причем четкие границы между этими войнами чаще всего не проводятся, хотя практики (в первую очередь представители военных структур) склонны сводить все такие действия со стороны недружественных государств к концепции ведения информационно-психологического противоборства и стратегических пропагандистских операций⁴⁸.

Противоборство в пространстве смыслов в техническом отношении Россия ведет иностранным оружием (ПК, платформы, мобильные телефоны), которое создано и обслуживается специалистами, не имеющими никаких моральных обязательств перед российским обществом. Насколько юридические обязательства и материальные мотивации окажутся прочными и достаточными в условиях особых ситуаций – вопрос сложный, хотя ответ здесь однозначен: возможность перекрыть трафик (полностью или выборочно, санкционно) под политическим нажимом у транснациональных корпораций имеется, сомнений не вызывает. Дело даже не в поисковых или платежных системах, а в том, что вся элементная и аппаратная база средств массовой коммуникации, начиная от беспроводных наушников и заканчивая сверхмощными серверами, производится в рамках развитой глобальной кооперации, из которой национальные государства фактически исключены.

К сожалению, стратегическая инициатива по созданию и использованию креативного контента для защиты на-

⁴⁸ Князев А. В. Некоторые направления развития зарубежной теории информационных операций с точки зрения системного подхода // Вестн. Академии воен. наук. 2020. № 1 (70). С. 119–126.

циональных интересов России в духовной и культурной сфере после распада СССР потеряна. Идеалы, ценности и поведенческие стереотипы россиян формируются под влиянием на первый взгляд деполитизированной, очищенной от всех идеологических моментов, направленной только на извлечение прибыли массовой культуры (например, стоит обратить внимание на экспонаты Московской биеннале современного искусства или культивирование в современной России такого чужеродного праздника, как Хеллоуин, и пр.⁴⁹). Оставаясь частью мировой системы капитализма, Россия вынуждена мириться с тем, что национальная повестка дня в области идеального вообще и культуры в частности формируется под влиянием и в ходе успешного функционирования и развития внеположенной нашему обществу глобальной медиасистемы. Необходимо принять во внимание тот факт, что в РФ социальная категория профессиональных групп, сформированная сначала в царской России, а затем в СССР интеллектуалами и известная как «интеллигенция», трансформировалась в специфический класс средней и мелкой буржуазии, занятой производством продаваемого медиаконтента. Нынешний креативный класс («креаклы») не является прогрессивистским, т. е. не способствует и не прилагает усилия для движения общества по пути социального прогресса. Серьезной проблемой для национально ориентированной властной элиты является сращивание креатив-

⁴⁹ Перед открытием Московской биеннале современного искусства ещё в 2015 г. корпорация *Deutschlandradio* рассказывала в своем сюжете (от 22 сентября) о том, что «данное мероприятие кардинально отличается от остальных. Посмотрите на список приглашенных, на тему сюжета и поймете, что выставка имеет большую политическую важность». Цит. по: Московская биеннале – политическое искусство в сердце России // *Метаморфозы мира: Новая геополитическая роль России* / под ред. М. М. Янглейвой, И. А. Николайчука. М.: РИСИ, 2016. С. 102.

ного класса с обслуживающими власть политтехнологами на почве материальной заинтересованности, что делает ответственных политиков заложниками креаклов в их стремлении навязать обществу принципы «новой этики», мультикультурализма и политкорректности в их глобалистическом понимании. Навязывание подобного товара в обмен на электоральную поддержку уже привело в ряде стран мира к политическим кризисам, потере стабильности, остановке развития и усугублению демографических проблем.

Библиография

1. *Андреев К.* Одноранговая экономика. М.: Ridero, 2019. 208 с.

2. *Вартанова Е. Л.* Медиаэкономика зарубежных стран: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2003. 336 с.

3. *Землянова Л. М.* Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества: Толк. словарь терминов и концепций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. 301 с.

4. *Карякин В. В.* Геополитика третьей волны: Трансформация мира в эпоху Постмодерна. М.: ИГ «Граница», 2013. 431 с.

5. *Князев А. В.* Некоторые направления развития зарубежной теории информационных операций с точки зрения системного подхода // Вестн. Академии воен. наук. 2020. № 1 (70). С. 119–126. 6. Макроэкономика. Страны G20: Капитализация рынка акций // *EconomicData*. Режим доступа: https://www.economicdata.ru/economics.php?menu=macroeconomics&data_type=economics&data_ticker=StockMarketCap (дата обращения: 21.01.2022).

7. Медиасистемы стран БРИКС: Исторический генезис, особенности функционирования / под ред. *Е. Л. Вартановой*. М.: Аспект Пресс, 2018. 192 с.

8. Московская биеннале – политическое искусство в сердце России // *Метаморфозы мира: Новая геополитиче-*

ская роль России / под ред. *М. М. Янгляевой, И. А. Николайчука*. М.: РИСИ, 2016. С. 101–103.

9. Национальные модели информационного общества / отв. ред. и сост. *Е. Л. Вартанова*; науч. ред. *Н. В. Ткачёва*. М.: ИКАР, 2004. 405 с.

10. *Никитина И.* Что такое креативные индустрии? // РБК Тренды. 2019. 22 ноября. Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5dd54dbf9a79471180f57ce7> (дата обращения: 08.01.2022).

11. *Николайчук И. А., Якова Т. С., Янгляева М. М.* Медиа как система-тренд: новые подходы в медиалогии // Медиальманах. 2016. № 1 (72). С. 12–24.

12. *Николайчук И. А., Янгляева М. М., Якова Т. С.* Крылья хаоса: Масс-медиа, мировая политика и безопасность государства. М.: ИКАР, 2018. 352 с.

13. *Николайчук И. А., Янгляева М. М., Якова Т. С.* Потребление смыслов: Массмедиа, идеология, политика. М.: ИКАР, 2021. 364 с.

14. *Плотников В. А., Яблочников А. В.* Концепция информационной экономики и особенности её реализации в военно-экономической сфере // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2014. № 2 (20). С. 50–58.

15. Развитие креативных индустрий в России: ключевые индикаторы. Науч. дайджест № 1. М.: ВШЭ, 2021. Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2021/08/05/1425538088/Human_Capital_NCMU_Digest_1_Creative_Industries_2021.pdf (дата обращения: 21.01.2022).

16. Системный анализ и аналитические исследования: Руководство для профессиональных аналитиков / отв. ред. *А. И. Ракитов*. М., 2009. 448 с.

17. *Торфлер О.* Третья волна. М.: АСТ, 2004. 345 с. Режим доступа: http://read.virmk.ru/pre_sent_past_pdf/Toffler_Tretiya_volna.pdf (дата обращения: 12.01.2022).

18. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / пер. с англ. М. В. Аранова, Н. В. Малыхиной; под. ред. Е. Л. Вартановой. М.: Аспект Пресс, 2004. 398 с.

19. Хестанов Р. Креативные индустрии – модели развития // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 3. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnye-industrii-modeli-razvitiya> (дата обращения: 25.12.2021).

20. Химанен П., Кастелс М. Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель. М.: Логос, 2002. 224 с.

21. Якова Т. С., Янгляева М. М. Креативные индустрии в странах Европы. Политика государства // Медиальманах. 2017. № 1 (78). С. 26–35.

22. Якова Т. С., Янгляева М. М. Медиагеография. М.: ИКАР, 2019. 188 с.

23. Bell D. (1974) *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. N.Y.: Harper Colophon Books, 1974. 507 p.

24. Machlup F. (1962) *The Production and Distribution of Knowledge in the United States*. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 416 p.

25. Ohlsson J. (2015) *The Nordic media market 2015*. Göteborg: Nordicom, University of Gothenburg. 78 p.

26. Porat M. U., Rubin M. R. (1977) *The Information Economy*: 9 vol. Washington, D. C.: US Department of Commerce.

27. 2021 World's Best Cities // *Resonance*. Режим доступа: <https://www.bestcities.org/reports/2021-worlds-best-cities/> (дата обращения: 02.12.2021).

28. Willig I., Nord L. (2021) Media systems in «the other» Nordic countries and autonomous regions: Studies of news media and journalism in the Faroe Islands, Greenland, Iceland, Sápmi, and Åland // *Nordicom Review*. 2021. March, 26. P. 1–7. Режим доступа: <https://doi.org/10.2478/nor-2021-0013> (дата обращения: 13.01.2022).

Публикуется по: Проблемы национальной стратегии. 2022. № 3. С. 93–115.

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ГОТИЧЕСКИЙ ЗЛОДЕЙ И БАЙРОНИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ

Аннотация. В статье проведено показательное сопоставление поэтических приемов, разработанных авторами готического романа, с моделями, которые использует Дж. Г. Байрон в «Паломничестве Чайльд-Гарольда» и цикле «восточных поэм». Отмечено родство между готическим злодеем и байроническим героем; возможно, это даже две грани одного героического типа. Их обоих преследует одиночество и отчуждение от общества; оба этих типа, в общем, «козлы отпущения» или преследуемые виной странники. Для такого героического типа характерны бунтарство, таинственное прошлое, мучительная борьба добра и зла в душе одного человека. При этом байронический характер – тип абсолютно современный, в то время как готический злодей погружен в условный фантастический или исторический контекст. Вместе с протагонистом из готики в тексты Байрона приходят сюжетные коллизии «черного романа», замкнутый хронотоп, романтический психологизм. После появления драм Байрона складывается архетип «байронический герой», который в англоязычной критике становится синонимом понятия «антигерой», а в России имеет иную семантику: «лишний человек», порождение «страданья и сомнения». Байронический герой воплощает тему метафизического бунта, конфликта с мирозданием и связанного с ним страдания. Через посредство байронических героев Байрон последовательнее всех заявил о том, что «мировая скорбь» есть неизбежное порождение времени, его духовный итог.

Ключевые слова: *готический роман, демонический злодей, замкнутый хронотон, байронический герой, мировая скорбь, скептицизм, меланхолия.*

Конец XVIII в. в Европе был отмечен глубоким кризисом христианской модели мироздания во всех ее проявлениях [Адорно, Хортхаймер]. Реакцией на этот кризис стало появление готического романа, в котором складывается новый тип героя – демонический злодей. Положительные герои, скопированные из предшествующей просветительской модели, все еще присутствуют в готических текстах, но они отодвинуты на второй план и не идут ни в какое сравнение с мрачным и таинственным протагонистом новейшей англосаксонской мифологии. Вальтер Скотт, сам подверженный влиянию складывающейся на его глазах готической прозы, очень точно охарактеризовал готического злодея в романах Энн Радклиф: «...никогда раньше не появлялся на страницах романов столь выразительно изображенный персонаж, равно отвратительный как из-за своих прежних преступлений, так и из-за тех, которые он намеревается совершить; человек, чьи таланты и энергия делают его страшным, ханжа и прожигатель жизни в одном лице, бесчувственный, жестокий и неумолимый» [Скотт: 18].

Мощь и сила характера трагического злодея заставляет вспомнить героев шекспировской драматургии.

Обзор литературы

Еще при жизни Байрона целый ряд современников, непосредственно реагировавших на выход новых сочинений поэта, отметил связь байронического героя с демоническим злодеем готики. Одним из первых был Френсис Джеффри, создатель и литературный критик «Эдинбургского обозрения» (Edinburg Review, 1812; 1816; 1817), который видел

в «мрачных, презрительных» героях Байрона «сатанинский персонаж» и находил их связь с «падшим Ангелом». В том же духе пародировал сочинения лорда Байрона и приятель поэта Томас Лав Пикок в «Аббатстве кошмаров»¹. Позднее исследователи творчества Байрона, несмотря на актуальность готических исследований [Revisiones Postmodernas...], сосредоточились на других проблемах, но специалисты по готическому роману не прекращали указывать на использование готических приемов и образности в творчестве мятежного поэта (напр., П. Торслев [Thorslev], П. Кочрен [Cochran], Е. МакЭндрю [MacAndrew], Ф. Боттинг и Д. Тоуншенд [Gothic] и др.). В России это родство отмечали В. М. Жирмунский [Жирмунский, 1981, 1945], Н. А. Соловьева [Соловьева] и Б. Р. Напцок [Напцок], хотя исследования поэтических приемов при развитии подобного архетипа присутствовали фрагментарно.

Дискуссия

Когда в марте 1812 г. из печати вышли две первые песни «Паломничества Чайльд-Гарольда», их юный автор Джордж Гордон Байрон написал в своем дневнике, что он проснулся и увидел себя знаменитым в одно прекрасное утро ("*I awoke one morning and found myself famous*"²). Поэма, разрушавшая все привычные жанровые каноны, завораживала новизной картин и неожиданностью суждений, но более всего потоком душевных излияний, переходящих «в сплошную лирическую исповедь» [Веселовский: 42]. Публика была поражена смелостью суждений и бунтарскими идеями автора,

¹ Пикок Томас Л. Аббатство кошмаров // Пикок Томас Л. Аббатство кошмаров. Усадьба Грилла. М.: Наука. 1988. 424 с.

² Byron G. «*Memoranda from My Life*», 1810-1812 // George Gordon Byron. Byron's Letters and Journals: in 13 vols. Ed. Leslie A. Marchand. Cambridge: Belknap at Harvard University Press, 1973-1979. 2: 246.

писавшего Гарольда практически с самого себя. Никакие уверения поэта, в предисловии к первой песни отрицавшего все возможные параллели между рассказчиком и протагонистом, не принимались во внимание ни критикой, ни публикой, которая видела в странствующем юноше автопортрет Байрона, а в поэме – взволнованную исповедь.

В «Дополнении к предисловию» автор с некоторым раздражением утверждал, что задуманный *«настоящим рыцарем»* характер Чайлд-Гарольда «в высшей степени непривлекательный»³. И далее: «Было бы легко притушить его недостатки, заставить его больше делать и меньше говорить, но он предназначался отнюдь не для того, чтобы служить примером. Скорее следовало бы учиться на нем тому, что *ранняя развращенность сердца и пренебрежение моралью ведут к пресыщенности прошлыми наслаждениями и разочарованию в новых, и красоты природы, и радость путешествий, и вообще все побуждения, за исключением только честолюбия – самого могущественного из всех, потеряны для души, так созданной или, вернее, ложно направленной»* (курсив мой. – Е. К.)⁴.

Привлеченная необыкновенным свободомыслием и резкостью юношеских суждений, красотой живописных картин, публика не обратила внимания на несколько преувеличенный патетический стиль поэмы. Личность лорда Байрона, выступившего с шокирующими либеральностью речами в Парламенте, еще не была широко известна в среде лондонских любителей новейшей поэзии, но облик героя поэмы Чайльд-Гарольда никого не оставлял равнодушным.

Новый пилигрим был незнакомцем, смутно напоминав-

³ Байрон Дж. Г. Паломничество Чайльд-Гарольда (Дополнение к предисловию) // Байрон Дж. Г. Избранное / сост. и прим. О. Афонинной. М.: Правда, 1982. С. 117.

⁴ Там же. С. 118.

шим нечто очень знакомое. Таинственность происхождения и юношеский опыт, обрисованный в самых общих выражениях, скептицизм, отрицание светских ценностей, презрение к нормам общественной морали, мрачность, безбожие, наконец, демонизм – «дух страдания и сомнения», как точно формулирует М. Ю. Лермонтов, – вот тот комплекс, неотразимо пленительный и неукротимый, без которого невозможно было вообразить романтизм.

Издатель «Эдинбургского обозрения» Фрэнсис Джеффри, чей журнал некогда изругал первую стихотворную книгу поэта, теперь не скрывал своего восторга перед необычностью построения поэмы, в которой, строго говоря, нет сюжета и никаких происшествий. Она содержит «размышления, а также и описания, которые их пробуждают», причем лирические откровения поэта «представлены без какого-либо привычного порядка или связи – иногда их связывает только тонкая нить паломничества Чайльд-Гарольда, а иногда эти скрепы еще более призрачны» [Edinburg Review 1812: 467]⁵. У автора рецензии не возникает сомнения, что за героем скрывается сам автор: «Лорд Байрон берет на себя труд предостеречь своих читателей от предположения, что он хотел скрыть собственный характер под темными и отталкивающими чертами» [Edinburg Review 1812: 470]⁶.

Именитый критик будто не замечает, что Байрон, как и высмеянный им в «Английских бардах и шотландских обо-

⁵ «These reflections, too, and the descriptions out of which they arise, are presented without any regular order or connexion – being sometimes strung upon the slender thread of Childe Harold's Pilgrimage, and sometimes held together by the still slighter tie of the author's local situation at the time of writing». Здесь и далее статьи из «Эдинбургского обозрения» цитируются в переводе М. Бульчук.

⁶ «Lord Byron takes the trouble to caution his readers against supposing that he meant to shadow out his own character under the dark and repulsive traits...».

зрелателях» Вордсворт, – поэт по преимуществу внешней образности, в отличие от своих младших современников-визионеров Шелли и Китса. Байрон не моделирует сюжетов – он их либо заимствует и перетолковывает по-своему, либо наблюдает в жизни своего ближайшего окружения. В начале первой песни, написанной на скорую руку по совету друзей и издателя, его герой изнурен «развлеченьями праздными», «безумной жадной радостей и нег»⁷. А как могло быть иначе, если изображать современника в системе классицистической эстетики, которая для Байрона продолжала оставаться сводом непререкаемых правил вплоть до поэмы «Дон Жуан»? Современник – персонаж комедии, оттого Гарольд

«Распутством не гнушаясь безобразным,
Душою предан низменным соблазнам,
Но чужд равно и чести, и стыду,
Он в мире возлюбил многообразном,
Увы! Лишь кратких связей череду
Да собутыльников веселую орду» (I, 2: 123).

Далее последует привычное читателям романтической литературы «пресыщенье в нем, / Болезнь ума и сердца роковая, / И показалось мерзким все кругом: / Тюрьмою – родина, могилой – отчий дом» (I, 4: 123)⁸.

⁷ Байрон Дж. Г. Паломничество Чайльд-Гарольда / пер. В. Левика // Байрон Дж. Г. Избранное. М.: Правда, 1982. Песнь 1, строфа 2. С. 123. Далее ссылки на произведения даются в тексте статьи с указанием песни (римской цифрой), строфы (арабской цифрой) и страницы в круглых скобках. В случае с другими произведениями — с указанием названия произведения (курсивом) и страницы в круглых скобках.

⁸ “Worse than adversity the Child befell, – / He felt the fullness of satiety; / Than loathed he in his native land to dwell, / Which seem’d to him more lone than Eremite’s sad cell” (Byron G. Childe Harold’s Pilgrimage // The complete poetical works of lord Byron / ed. by Bliss Perry. Cambridge Edition, 1905. P. 5). Далее тексты в оригинале цитируются по этому изданию.

Гарольд, подобно автору, выбирает бегство – путешествие в неведомые края; но ведь странствовал не только Байрон, это опыт многих поколений англичан, отправлявшихся с острова и за богатствами, и за подвигами, и за знаниями. Однако последнее поколение превращает позитивные цели «пилигримов» в негативные: в угрюмое одиночество и бегство от лицемерного окружения, от призрачных наслаждений, от отравы светской любви и порожденной всем этим скуки (*weariness*). Прочь, прочь – из родных пенатов, от постылого бытия без сожалений:

«Один я в мире средь пустых,
 Необозримых вод;
 Зачем мне думать о других?
 Кто обо мне вздохнет?
 Быть может, пес повоет мой,
 Но, у другого сыт,
 В меня ж, прибредшего домой,
 Свои клыки вонзит»⁹.

Эта прощальная песня пажа, созданная, по словам Байрона, под впечатлением от «Песен шотландской границы», изданных Скоттом, запоминается своей пронзительной печалью. Довершает портрет главного действующего лица первых двух песен разрушительный скептицизм: «Прикованный к земле, он возводит взор к небу – / Зная, что надежды на небеса нет, / Благодать, так легко дарованная, / Существует? Ты надеялся обрести ее вновь / Где-то в другой

⁹ Байрон Дж. Г. Паломничество Чайльд-Гарольда (пер. Г. Шенгели) // Байрон Дж. Г. Избранные произведения. М.: ГИХЛ, 1953. Песнь 1. С. 79. В оригинале: "And now I'm in the world alone, / Upon the wide, wide sea: / But why should I for others groan, / When none will sigh for me? / Perchance my dog will whine in vain, / Till fed by stranger hands; / But long ere I come back again, / He'd tear me where he stands" (Указ. соч. С. 6).

земле, что ближе к небесам? / Все еще строишь планы на радости и горести в грядущем? / Взгляни на этот прах прежде, чем его развевет / Эта горстка скажет тебе больше, чем тысяча проповедей» (здесь и далее подстрочный перевод мой. – Е. К.; ср.: II, 4: 153)¹⁰. Последним штрихом становится вдруг прорвавшаяся ненависть к покинутому им миру, который сделал его одиноким и о котором он стремится забыть (см.: II, 26, 27)¹¹.

В дальнейшем рассказчик ничем не расширяет сведений о прошлом героя, отправившегося в «бесцельный путь». Его сердце «мертво для любви» (II, 31: 160), хотя в прежние времена он слыл «опасным волокитой» (II, 33: 161). Читателя смущает равнодушие Гарольда: «Он скорбный край войны и преступлений / Покинул холодно, без слез, без сожалений» (II, 16: 156), особенно на фоне пылкого гнева и сочувствия, которые испытывает лирический герой. При всем разнообразии материала – картин войны, восстаний, народного горя и фольклорных празднеств – ипостась Гарольда столь туманна, что вызывает больше вопросов, чем понимания и сочувствия. Ключевое для романтизма понятие «воображение» должно помочь читателю представить судьбу, сформировавшую такой характер. К этому читатель приучен авторами готических романов, где свершенное зло покрыто завесой тайны, недосказанности, герой отдален от мира людей из-за осознания собственной вины, и даже

¹⁰ “Bound to the earth, he lifts his eye to heaven – / Is’t not enough, unhappy thing! to know / Thou art? Is this a boon so kindly given, / That being, thou would’st be again, and go, // Thou know’st not, reck’st not to what region, so / On earth no more, but mingled with the skies? / Still wilt thou dream on future joy and woe? / Regard and weigh yon dust before it flies: / That little urn saith more than thousand homilies” (Op. cit. II, 4: 25).

¹¹ “Then turn to hate a world he had almost forgot’. This is to be alone; this, this is solitude! (Op. cit. II, 26, 27: 28).

суть его преступления зачастую остается за пределами повествования.

Байронического героя традиционно отличали одиночество, отчужденность от общества, вольнолюбие и независимость, бунтарство, скептицизм – черты, которые во многом присутствуют и в портрете готического злодея, причем идеи, коррелирующие с традициями готического романа, значительно усиливаются в последних песнях «Паломничества», где с романтических позиций переосмысливается опыт просветителей, например: «Ум, отравленный собственной красотой, становится пленником лжи. Того, что создано мечтою художника нет нигде, кроме как в нем самом» – или: «Мятущийся ум жаждет поисков, хотя найти – всегда значит разочароваться»¹². Особенно ощутимо влияние идей Руссо в ламентациях четвертой песни, где поэт отказывается от фигуры Гарольда и ведет разговор с читателем от собственного имени: «<...> я пережил свои упования; что наша жизнь, она фальшивый звук в мировом хоре; <...> небосвод струит на человечество ливень неисчислимых бед... Мы с юных лет изнываем от жажды; до последнего вздоха нас манят призраки... Что любовь, власть, когда мы не знаем счастья?! Все пролетит как метеорит, и черный дым закроет все огни!»¹³. В «Гарольде» мы нигде не найдем поэтизации зла, но герой Байрона порвал с собственной средой, и горький опыт юношеских разочарований откладывает отпечаток на всю его дальнейшую жизнь:

«Я все узнал: предательство льстеца,
Вражду с приятнью дружеской на лице,
Фигляра смех и козни подлеца,
Невежды свист бессмысленный и дикий,

¹² См.: указ. соч. IV, 122. Ср. также: IV, 122: 249.

¹³ См.: там же. IV, 126.

И все, что Янус изобрел двуликий,
Чтоб видимостью правды ложь облечь,
Немую ложь обученной им клики:
Улыбки, вздохи, пожиманья плеч,
Без слов понятную всеядной сплетне речь» (IV, 136: 253)¹⁴.

Гарольд стал символом эпохи, потому что в нем выразилось время, потому что с помощью созданного воображением поэта достаточно условного персонажа эпоха осознала самое себя. Тоска Гарольда, щемящее чувство одиночества, упорно преследующая его мысль, что он в разладе со всем миропорядком, действительность, которая внушает скорбь, тщетность попыток отыскать какую-либо цель, достойную дремлющих духовных сил, – вот тот байронический комплекс, на котором зиждется «мировая скорбь».

В первой из восточных поэм, в «Гяуре» (1813), Байрон углубляет стилистику субъективного рассказа, опробованного в «Гарольде», произвольного в своей прерывистой непоследовательности и якобы лишенного заранее составленного плана. Эмоционально окрашенные, динамические картины сменяют друг друга без перехода. Уже в первой из поэм восточного цикла Байрон применяет поэтику готической новеллы с ее динамичным сюжетом, загадочными событиями, происходящими где-то на границе христианской Европы и ислама, «замкнутым» хронотопом, ограниченным узким кругом действующих лиц. Всадник, с пылающим взором, прищпоривающий летящего сквозь мглу коня; удручающая

¹⁴ "From mighty wrongs to petty perfidy / Have I not seen what human things could do? / From the loud roar of foaming calumny / To the small whisper of the as paltry few, / And subtler venom of the reptile crew, / The Janus glance of whose significant eye, / Learning to lie with silence, would seem true, / And without utterance, save the shrug or sigh, / Deal round to happy fools its speechless obloquy." (Ibid., IV, 136: 60).

печаль, картина распада и тления великолепного прежде дворца, утратившего владельца; двор и гарем Гассана, исполненные неги и наслаждения; портрет черкешенки Лейлы и ее неудавшийся порыв к бегству; жестокая средневековая казнь; динамичный поединок и кровавая месть; враждебный самому духу монастыря послушник, страстно исповедующийся старому монаху. Все эти картины, так причудливо и субъективно расставленные автором вопреки хронологической последовательности событий, заразительны. Эмоционально наполненные детали становятся толчком для создания поэтических шедевров поклонников и учеников Байрона. Фрагменты разбитого и прихотливо составленного мозаичного полотна властно завладевают воображением читателя и не отпускают его и после окончания рассказа, поскольку за внешним хаосом скрывается внутренняя стройность – единство ощущения. Замысел «Фрагмента турецкой повести» столь произвольно изложен, что, если бы поэт в предисловии не сообщил канву своего замысла («...рассказ должен был заключать в себе историю невольницы, брошенной, по мусульманскому обычаю, в море за неверность и за которую мстит молодой венецианец, ее возлюбленный» (*Гяур*: 267)), не каждый читатель смог бы его понять. «Это, мы думаем, очень красиво или, во всяком случае, исполнено духа, характера и оригинальности»¹⁵, – утверждает опытный Фрэнсис Джеффри [*Edinburg Review* 1813: 299]. Несмотря на иронические выпады в дальнейшем развитии критической статьи, рецензент не может удержаться от восторга. Слишком неожидан этот герой, наделенный кипением бешеных страстей, утолить которые не в силах ни любовь, ни месть:

¹⁵ “This, we think, is very beautiful – or, at all events, full of spirit, character, and originality...”

«Моя же страсть была потоком,
Рожденным в кратере глубоком
Горячей Этны...»

и далее:

«Пускай мою любовь клеймят
Грехом, позором, преступленьем...» (Гяур: 299, 300).

Не притупившаяся боль утраты продолжает мучить послушника и превращает монастырское существование в ад, который не обязательно разверзается у престола Сатаны. Демонизм гнездится в сердце, а не во вне его. Известно, что каждая литературная эпоха находит в типе демонического злодея новые качества, но неизменной остается изначальная оппозиция: добро не может существовать без зла. У Байрона важнейшая христианская антитеза помещается буквально в одном предложении:

«Его улыбка, взгляд очей
Грехом как будто заражают» (Гяур: 292) –

и далее портрет странного послушника, чья монашеская ряса так напоминает неистовых героев Энн Рэдклифф («Итальянец») [Максимов] и Льюиса («Монах»):

«Его надменные черты
С пороком вместе отражают
Следы духовной красоты...» (Гяур: 292).

Гяур, Эблис, Коран и обряды ислама – это все скрытые аллюзии на роман «Ватек». Его автор Уильям Бекфорд для Байрона – заметная личность. Не случайно в «Гарольде» появляются строфы, посвященные замку, выстроенному автором «Ватек» на Иберийском полуострове (I, 22: 130). Особенно связь с готической интерпретацией Востока заметна в описании внешности гяура:

«И пряди темные кудрей
На лоб спускаются прекрасный,
Как будто самых черных змей

Из всей семьи своей ужасной
Ему Горгона отдала,
Их срезав с бледного чела.

<...>

И вместе с горем виден там
Надменный вызов небесам» (*Гяур*: 293).

Сопоставим этот фрагмент с описанием Царя Тьмы из романа «Ватек»:

«Он казался молодым человеком лет двадцати; правильные и благородные черты его лица как бы поблекли от вредоносных испарений. В его огромных глазах отражались отчаяние и надменность, а волнистые волосы отчасти выдавали в нем падшего Ангела Света»¹⁶.

Впрочем, новаторство Байрона на фоне Бекфорда еще заметней: из священной истории, изложенной интерпретатором Корана, мрачный дух переносится в человеческий, более того, современный читателю реально существующий мир юго-восточной Европы:

«Коль дьявол плотью облакался,
Он в этом облике являлся.

Клянись спасеньем – только ад

Мог породить подобный взгляд!» (*Гяур*: 293)

Но вот тонко подмеченные психологические черты, вытекающие из жизненного опыта грешника-монаха, – это уже сам Байрон, вернее, его «Гарольд». Дух, исполненный мучительных, губительных страстей, не ждущий прощения и не способный к примирению, – это воплощенное бунтарство юного автора. Оттого даже самые проникательные читатели видят в «восточном» цикле исповедь не героя, а рассказчика. Например, А. С. Пушкин в записках «О драмах

¹⁶ *Бекфорд У. Ватек // Комната с гобеленами. Английская готическая проза. М., 1991. С. 221.*

Байрона» замечает: «Он представил нам призрак себя самого. Он создал себя вторично <...> он постиг, создал и описал единый характер (именно свой), все, кроме некоторых сатирических выходов, рассеянных в его творениях, отнес он к сему мрачному, могущественному лицу, столь таинственно пленительному»¹⁷.

Точное наблюдение над особенностями трактовки страстей Байроном делает Е. П. Зыкова: «Бекфорд в “Ватек” позволял себе любоваться той степенью «совершенства», какой достигли пороки его героя, но ни на одну минуту не давал читателю забыть о том, что перед ним порок, зло; Байрон же в первых «восточных поэмах» не желает эстетизировать зло, но, постулировав возможность проявления страстей как высшую жизненную ценность, как способ самореализации личности, он <...> отказывается от этических оценок в изображении поступков, продиктованных страстями, и воспекает ненависть к врагу как одно из естественных проявлений жизни, человеческой природы» [Зыкова: 46].

В следующей поэме «Корсар» (1814) тенденции предшествующих сочинений только углубляются и расширяются. Конрад – предводитель пиратов, следовательно, настоящий злодей, он «чаще прочих Смерти был слугой» (Корсар, II: 332). В «Корсаре» читатель обнаруживает аскета («враг чувственного, он суров и прост» и «властителя душ», «кто, ужасая, восхищает всех» (Корсар, I: 312, 314). В IX части Байрон рисует именно тот портрет героя, который впоследствии будет растиражирован создателями массовой литературы:

«Щека в загаре, белое чело,
Волна кудрей – как ворона крыло;

¹⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Т. 7. Критика и публицистика. Л.: Наука, Ленинград. отд., 1978. С. 37.

Изгиб губы невольно выдает
 Высокомерной мысли тайный ход;
 Хоть голос тих, а облик прям и смел,
 В нем что-то есть, что скрыть бы он хотел» (*Корсар*, I: 315).

Шайку пиратов возглавил аристократ (широко распространённый мотив уже в литературе предромантизма). Рассказчик опускает завесу тайны над прошлым своего героя, как поступали и авторы готических романов. Однако целый ряд намеков приоткрывает не событийный, а более важный для автора «Гарольда» субъективный психологический контекст: как светский человек приходит к мысли возглавить разбойничью шайку? Конрад «стал во главе виновных» потому, что его душа была искривлена в «школе Разочарования» (*"...his deeds had driven / Him forth to war with man and forfeit heaven. // Warp'd by the world in Disappointment's school"*). Он был «слишком тверд, чтобы уступить, слишком горд, чтобы унижаться, самими своими добродетелями обречен стать жертвой обмана, Он проклял свои добродетели, как причину несчастья, А вовсе не тех предателей, что были этой причиной» (*"Too firm to yield – and far too proud to stoop – / Doom'd by his very virtues for a dupe. / He curs'd those virtues as the cause of ill. / And not the traitors who betrayed him still"*¹⁸).

В обширном литературном наследии Байрона нет героя, у которого бы не было претензий к «суетному свету» и общественной несправедливости. Рождены они из ощущений юности, воспроизведенных в первой песни «Гарольда». Отпечаток конфликта и страдания от несправедливости людской превращает Гяура в преступника, Конрада – в разбойника, Лару – в мятежника, а Альпа – в предателя Родины. Готическая неодолимая страсть, означающая в том числе не-

¹⁸ Byron G. (1905) *The Corsair: a tale* // The complete poetical works of lord Byron / ed. by Bliss Perry. Cambridge Edition. P. 260.

ненависть к тирании и неутолимое стремление к свободе, возводится в абсолют и определяет не столько личные, сколько общественные и политические столкновения. Он «принял голос гнева за священный призыв отомстить за обиды, которые причинили ему некоторые, – всем»¹⁹.

Декорации восточной истории достойны черной драмы: пиратский остров «среди ликованья темно-синих вод» (*Корсар*, I: 310), дворец Сеид-паши, где сверкает пиршественный чертог, переодетый в дервиша лазутчик, пылающий гарем, высокая сторожевая башня, одновременно и покой, и тюрьма, стены морской крепости... Пират выносит красавицу из объятых пламенем гарема и попадает в плен. Его ждет мучительная казнь. Невольница убивает своего господина и бежит вместе с пленником; нашедший свою возлюбленную мертвой, Корсар исчезает...

В «Корсаре» поэт показал разочарованного человеколюбца, мстящего человечеству за свои разбитые нравственные идеалы. Читатель не мог не задаться вопросом, не пережил ли Конрад в юности того краха надежд, который был известен поклонникам Байрона из лирических излияний «Паломничества Чайльд-Гарольда»?²⁰ Случайно ли сам поэт мистифицировал публику, не отрицая романтических измышлений о своих приключениях на Востоке в отсутствие Джона К. Хобхауса?

Однако авантюрный сюжет вмещает в себя сеть психологических наблюдений и прозрений рассказчика. Вот где в полной мере проявляется еще не очевидная современникам поэта «добродетель» готики.

«Он для добра был сотворен, но зло
К себе, его коверкая, влекло» (*Корсар*, III: 355).

¹⁹ "To pay the injuries of some on all" (Ibid. P. 268).

²⁰ См.: там же. I, 8–9; IV.

Неоднозначность характера героя, его трагическая раздвоенность и противоречивость («Одною добродетелью был он / И тысячей пороков наделен...» (*Корсар*, III: 355)), к которой читателей приучили авторы готических романов, теперь напрямую связывается с растлевающим влиянием общества и конфликтом со средой.

Противоречивость нарисованного поэтом персонажа, обладающего массой привлекательных черт, вызывает сочувствие публики и сожаление о его трагически погубленной душе. Призрак Мильтоновского Люцифера, Князя Тьмы, неизменно витает над байроновскими созданиями и со временем черты его обрисовываются все заметнее.

Цикл восточных поэм неизменно строится на любовной интриге, как и все романы Вальтера Скотта, о котором Байрон отзывался как о шотландском Филдинге и утверждал в дневнике (запись от января 1821 г.), что прочитал «все романы У. Скотта не менее пятидесяти раз» / “*all W. Scott’s novels at least fifty times*” [Sanders: 378]. Эстетические предпочтения обоих (Скотта и Байрона) складывались под влиянием представлений, сложившихся в XVIII в. во Франции.

В «Абидосской невесте» (1813) отблески готической прозы сочетаются с любовно-авантюрным сюжетом: брат, убивший брата и поправший права племянника, военные походы, гарем, пираты, запретная любовь брата и сестры, пещера, укрывающая влюбленных, трагическая гибель обоих... Байронический тип героя здесь едва уловим в облике гордого Селима, готового умереть за свою любовь. Зулейка, как и все объекты любовной страсти героев восточных поэм, – лишь жертва, чей удел – страдание и смерть. В «Паризине» (1816) страшная казнь ждет Гуго, а его возлюбленная, издав предсмертный крик, оставит этот мир вслед за любимым. Но даже в жестоком отце и муже, казнившем изменников, нет «байронических» черт. Читатель, привлеченный скан-

дальним сюжетом о связи мачехи и пасынка, узнает Байрона только по красоте пейзажей и гордой осанке высокородных рыцарей. Однако в поэме «Лара» (1814) байронический характер показан в новых обстоятельствах и проявляет себя иначе, чем прежде. Перед нами повзрослевший Гарольд, но еще не вполне сложившийся Манфред, хотя тайны, загадки, духи окружают аристократического отшельника:

«Страстей глубокий след избороздил
Его чело морщинками. Но власти
Над ним не возымели эти страсти.
Надменность, но не пыл минувших дней,
Холодный взгляд, спокойные реченья,
Умение разгадывать людей,
К словам льстецов сухое небреженье,
Насмешливость, присущая сердцам,
Глубоко и жестоко уязвленным,
В которой – горечь, с шуткой пополам,
В которой – яд, смешавшийся со стоном...» (*Лара*, I, 5: 359).

Граф Лара возвращается из своих скитаний в сопровождении одинокого пажа, с которым говорит на неизвестном языке. Что было с ним, чем отягчена его душа, какие грехи и проклятия не позволяют ему сомкнуть глаз во время дивных испанских ночей? Почему слуги, встревоженные таинственными голосами, обнаруживают господина лежащим без чувств с мечом в руке? Какие разоблачения ведет за собой появление Эццелина и почему граф вместо поединка избирает злодейское убийство врага? На все эти вопросы ответов нет. Ясно, что Лара идет войной против людей своего круга, оттого что негасимым пламенем пылает в нем жажда мести за унижения, которыми обернулись события, предшествовавшие его бегству.

В последней из восточных поэм — «Осаде Коринфа» (1816) — Альп, добиваясь Франчески, предает родной город

подобно герою шекспировского «Кориолана». Полинки ли, Алкивиад ли – все это предатели, которым нет прощения во взрослившей их отчизне. Пугающие, порой дикие сюжеты, где льется кровь и расцветают инцестуальные связи, господствуют неистовые страсти и страдания, обеспечивают популярность восточного цикла у публики.

В соответствии с нравственными предпочтениями просветительской эпохи Фрэнсис Джеффри, оценивая ранние произведения Байрона, выразил пожелание, чтобы поэзия блиставшего в лондонском свете лорда «применялась к предметам менее мрачным и отвратительным, чем те, которым она до сих пор была почти исключительно посвящена» [Edinburg Review 1813: 309]²¹.

Заключение

Из проведенного сопоставления знаменитой поэмы Дж. Г. Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда» и цикла восточных поэм, с одной стороны, и ряда готических романов – с другой, совершенно очевидно, что крупнейший поэт лондонского романтизма творчески освоил и преобразил поэтические приемы готики так, что заставил современников и последующие поколения забыть «демонических» предшественников байронического героя. Тем не менее оба эти типа романтических персонажей были порождением одной страны и одной эпохи, и Байрон, несомненно, унаследовал весь круг готических мотивов и приемов.

Поэта привлекает психологическая амбивалентность демонического злодея, которая является его ключевой чертой, и оттого в контексте творчества Байрона само опреде-

²¹ «...we wish to see it employed upon subjects less gloomy and revolting than those to which it has hitherto been almost exclusively devoted».

ление «демоническое» лишается однозначной трактовки; тем не менее читатель ощущает всю глубину разочарований, мучений, трагического непонимания, доводящих до безумия байронического бунтаря [MacAndrew: 81]. Правда, в его произведениях герои вовсе не стремятся ко злу, а совершают его скорее невольно и несут на себе печать проклятия всю оставшуюся жизнь. Критики «Эдинбургского обозрения», верные эстетическим ценностям эпохи Просвещения, упрекали автора «Гарольда» и восточных поэм в том, что его персонажи мрачны, презрительны, не соответствуют английскому национальному характеру, непочтительны к религиозным догматам. Однако именно через посредство «демонизма» байронических героев Байрон уверенно заявил, что «мировая скорбь» есть неизбежное порождение времени, его духовный итог. Он последовательнее всех европейских поэтов начала XIX в. обозначил трагедию постреволюционной эпохи, устами просветителей обещающей личности власть над миром и не давшей ничего, кроме страдания, даже привычного покоя. За трагедией героя не трудно было различить общественный конфликт, вызвавший к жизни это потрясение.

Вместе с типом протагониста готический роман подсказывает поэтическому воображению Байрона и ряд композиционных приемов: форму умолчания трагической вины персонажа, мистическую окраску, любовь к деталям, помогающим превозмочь некоторую условность и декоративность происходящего и, конечно, особый байронический хронотоп. Характеристика хронотопа готического романа, данная М. М. Бахтиным, может быть прямо отнесена к пространственно-временным характеристикам цикла «восточных поэм»: «Время распадается на ряд отрезков – авантюры, внутри которых оно организовано абстрактно-технически, связь его с пространством также технична. Здесь мы встре-

чаем ту же случайную одновременность и разновременность явлений, ту же игру далью и близостью» [Бахтин: 187].

Разумеется, с самого начала Байрон прекрасно осознает, что изображенные им «готические страсти» являются неким художественным преувеличением, некой правдоподобной, но все же метафорой бытия. Достигший зрелости автор «Дон Жуана» пронизательно отметит некий перекокс в свойственной ранним поэмам картине мира: «Покуда я писал преувеличенные бессмысленности, которые развращали вкус читателей, они аплодировали и вторили мне, словно эхо, а теперь, когда я дал за последние три-четыре года вещи, которым нельзя дать умереть, все стадо рычит и ворчит, и рвется назад в свое болото. В конце концов я наказан поделом за то, что портил их, потому что ни одна душа на свете не сделала столько, сколько я в моих первых сочинениях для того, чтобы распространить этот стиль, преувеличенный и фальшивый» [Моруа: 252].

Зрелый Байрон – приверженец сатиры, наследник излюбленного просветителями жанра – не откажется от готики, но теперь она станет предметом пародии.

Библиография

Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб.: Медиум, Ювента, 1997. 312 с.

Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Худож. лит., 1986. 543 с.

Веселовский А. Байрон. Биографический очерк. М.: Типо-литография А. В. Васильева и К^о, 1902. 305 с.

Жирмунский В. М. Английский предромантизм // Из истории западноевропейских литератур. Л.: Наука, 1981. С. 149–174.

Жирмунский В. М. Предромантизм // История английской литературы. М.; Л., 1945. Т. I. Вып. 2. С. 564–568.

Зыкова Е. П. Восточные мотивы в творческой биографии Байрона // Великий романтик Байрон и мировая литература. М.: Наука, 1991. С. 38–59.

Максимов Б. А. Переосмысление просветительской концепции «ужасного» в романах А. Радклиф // Вестн. Томского гос. ун-та. Филология. 2022. № 76. С. 306–328. Режим доступа: http://journals.tsu.ru/philology/&journal_page=archive&id=2218&article_id=50305 (дата обращения: 01.04.2022). DOI: 10.17223/19986645/76/14

Моруа А. Байрон. М.; СПб.: Лексика. 1993. 320 с.

Напцок Б. Р. Английский «готический» роман: к вопросу об истории и поэтике жанра // Психология человека. 2008. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/angliyskiy-goticheskiy-roman-k-voprosu-ob-istorii-i-poetike-zhanra> (дата обращения: 01.04.2022).

Скотт В. Миссис Анна Радклиф // Радклиф А. Итальянец, или тайна одной исповеди / пер. Л. Бриловой. М.: Эксмо, 2007. С. 5–50.

Соловьева Н. А. Английский предромантизм: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1984. 412 с.

Childe Harold's Pilgrimage: A Romaunt. By Lord Byron // *The Edinburg Review*. 1812. February. No. 38. Pp. 466–477.

Gothic / ed. by Fred Botting and Dale Townshend (2004) London; New York: Routledge. Vol. 1. 371 p. (Series: Critical Concepts in Literary and Cultural Studies.)

MacAndrew El. (1979) *The Gothic tradition in fiction*. New York: Columbia University Press. 289 p.

Revisiones Postmodernas del Gótico en la Literatura y las Artes Visuales / ed. José María Mesa Villar, Ana González-Rivas Fernández, Antonio José Miralles Pérez (2022). Salamanka. 218 p.

Sanders Andrew (1994) *The Short Oxford History of English Literature*. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press. 678 p.

Зарубежная литература

The Giaour, a Fragment of a Turkish Tale. By Lord Byron // *The Edinburg Review*. 1813. July. No. 42. Pp. 299–309.

The Gothic Byron / ed. by Peter Cochran (2009) Cambridge: Cambridge Scholars Publishing. 201 p.

Thorslev Peter L. (1962) *The Byronic Hero: Types and Prototypes*. Minneapolis: University of Minnesota Press. 228 p.

Публикуется по: Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 4.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ КОНЦЕПЦИИ УЖАСНОГО В РОМАНАХ А. РАДКЛИФ

Аннотация. Исследуются индикаторы и сюжетные детерминанты панического ужаса (*horror*) в романах Радклиф. Акцентированы предромантические тенденции, особенно заметные при сопоставлении с просветительскими концепциями «ужасного»: Радклиф мотивирует ужас не физической уязвимостью индивида перед лицом могущественных или необозримых стихий, а психосоматической зависимостью молодого наследника от забытых предков, которую влечет за собой нарушение исторической преемственности.

Ключевые слова: Радклиф, ужас, готический роман, возвышенное, преемственность, родство, консервация, заражение.

У историков литературы Анна Радклиф снискала репутацию «великой утешительницы», заложившей, наравне с Софией Ли, Шарлоттой Смит и Кларой Рив, основы сентиментальной готики. Господствующий в ее романах томительный, не лишенный приятности испуг («*pleasing terror*», по выражению Монтегю Джеймса) традиционно противопоставляют нутряному, безотчетному «ужасу» (*horror*)¹, характеризующему

¹ Согласно господствующей в зарубежном литературоведении точке зрения Радклиф «ослабляет, сглаживает, смягчает и окрашивает в сентиментальные тона открытия Уолпола» [1. С. 48], ее привлекает главным образом «прирученное возвышенное» (*a tamed sublime*) [2. С. 45]; «нежная» (*delicate*) готика Радклиф, по мнению Яэль Шапиры, разительно отличается от брутальных творений Льюиса [3. С. 144] и в целом от «мужской» готики, трагической и физиологичной, которую Энн Уильямс

френическую готику, образцами которой служат романы и драмы Уолпола и Льюиса, а также германские *Schauerromane* и баллады штюрмеров. Одним из первых это разграничение провел современник и почитатель творчества Радклиф, влиятельный литературный критик Натан Дрейк, утверждавший, что, рисуя «подлинно ужасающие (*truly terrific*) по своему содержанию» сцены, она «никогда не опускается до грубого устрашения читателя» (*never degenerates into horror*) [9. С. 18]. Сама Радклиф в прологе к позднему, незавершенному роману «Гастон де Блондевилль» развила эту оппозицию: если возвышенный трепет (*terror*) благоприятствует духовному росту, анимирует, мобилизует способности человека, то «ужас» (*horror*), напротив, «ограничивает, сковывает и едва ли не полностью уничтожает» (*contracts, freezes and nearly annihilates*) душевные силы. Если *terror* позволяет достичь душевной гармонии, то *horror*, напротив, вносит в душу смятение и разлад (*confusion*) [10. С. 148].

Вслед за Дрейком Радклиф не признавала возбуждение ужаса целью, достойной литературы. В западном и отече-

в своей известной монографии ассоциирует с «хоррором» [4. С. 99, 103, 104]. Образ Радклиф-утешительницы, которой чужда поэтика «хоррора», утвердился и в российской критике. В. Э. Вацуро, развивая идеи Монтегю Саммерса и Вильгельма Дибелиуса, противопоставлял «неразлучный с чувством наслаждения» *terror* Анны Радклиф и «уничтожающий» всякое удовольствие *horror* Льюиса [5. С. 160]. С. А. Антонов также разграничивает «сентиментальную» готику Радклиф (и ее современниц), продолжающих «традицию чувствительного романа позднего Просвещения», и «френическую» прозу предромантизма [6. С. 12], этой же классификации в целом придерживаются В. Я. Малкина и А. А. Полякова [7. С. 13, 14, 15] и Б.Р. Напцок, по утверждению которой «сюжеты «готических» романов Э. Рэдклифф основаны на идее страха, вызываемого неизвестностью, апеллирующего к воображению и оказывающего, в противоположность ужасу, благотворное воздействие на человеческие чувства» [8. С. 211, 408].

ственном литературоведении вплоть до недавнего времени литературную практику Радклиф принято было отождествлять с ее декларативными заявлениями², оставляя без внимания тот факт, что ее романы изобилуют описаниями отрицательных аффектов, которым сопутствуют упадок сил, оцепенение, немота и беспамятство (с подачи Радклиф *the Fainting Heroine* стала жанровым клише). Очевидно, что речь в этих случаях идет о симптоматике ужаса, а не возвышенного трепета³. Помимо этого, сама Радклиф охотно использовала в кульминационных эпизодах категории «*horror*» и «*horrible*», а младшие ее современники (В. Скотт, С. Т. Колридж, Т. Грин, Д. К. Данлоп, У. Хэзлитт⁴) в своих рецензиях

² В частности, такой авторитетный исследователь литературной «готики», как Дэвид Пантер, обнаруживает у Радклиф и Льюиса «наряду со стилистическими различиями существенное и воистину поразительное тождество в тематике» [11. С. 55] (не эта ли общность мотивов позволила в свое время Кёртису сочинить «Монаха из Удольфо»?). На сходство поэтики Радклиф и Льюиса (т. е. «сентиментальной» и «фрэнетической» традиции), часто недооцениваемое критикой, обращают внимание Эндрю Смит [12. С. 324] и Роберт Майлс [13. С. 55]. К слову, С. А. Антонов, противореча собственному тезису о мировоззренческой границе между двумя руслами готической прозы, признает, что в «Итальянце» Радклиф синтезировала «сентиментальную» и «фрэнетическую» традицию [5. С. 19]; В. Э. Вацууро усматривал не только в «Итальянце», но и в «Удольфских тайнах» «тяготение к фрэнетической ветви готического романа» [6. С. 134], с другой стороны, В. Я. Малкина и А. А. Полякова наряду с романами Радклиф «с некоторыми оговорками» относят к сентиментальной готике «Замок Отранто» [7. С. 13]. Стоит ли при таких разночтениях противопоставлять «сентиментальную» Радклиф основоположникам «хоррора»?

³ По верному наблюдению Клауса Пёнике, «*terror*» у Радклиф нередко грозит обернуться подлинным, льюисовским, «хорропом» [14. С. 88]. На трудноразличимость этих аффектов в ее творчестве указывают также Эндрю Смит и Терри Кастл [12. С. 317].

⁴ Так, Колридж в рецензии на «Удольфские тайны», высоко

прославляли радклифианский *horror*. Тем не менее индикаторы, предпосылки и непосредственные катализаторы панического ужаса в романах Радклиф редко удостоивались внимания исследователей как в имманентном, сюжетно-образном плане, который рассматривается в настоящей статье, так и с позиций рецептивной критики. Полагаю, функциональное описание радклифианского «ужаса» – его симптомов, детерминант и последствий – позволило бы скорректировать прочно утвердившийся в литературоведении образ Радклиф-утешительницы, осмыслить ее новаторство в трактовке «ужасного» и показать на ее примере, как на рубеже XVIII и XIX вв. начиналось движение от классического, «возвышенного» ужаса к постклассическому, субъективированному, болезнетворному «хоррору». Преимущественное внимание будет уделено «Лесному роману», «Удольфским тайнам» и «Итальянцу» – знаменитой триаде готических романов, составивших литературную славу Анны Радклиф.

В эстетике Просвещения «жуткое» еще не выделилось в самостоятельную категорию: его характеристики были растворены в родовом понятии «возвышенного» (*sublime*), чьей эстетической параллелью часто служил термин «живописное» (*picturesque*). Эдмунд Бёрк видел в «страхе» (*terror*) крайнюю степень изумления (*astonishment*), типической реакции на возвышенное. По наблюдению Бёрка, этот аффект «лишает дух всех его способностей к действию и размышлению», «приостанавливает» все движения души, что наглядно иллюстрируется его этимологией (латинское «*attonitus*»),

оценивал умение Радклиф отображать аффекты, которые лучше всего описываются известной строкой Томаса Грея («*Of Horror, that and thrilling fears*») [15. С. 542]. В. Скотт сетовал на неспособность Радклиф и ее учеников «находить закономерные причины для тех ужасов и тайн (*for those horrors and mysteries*), в которые они охотно вовлекают» читателя [16. С. 17].

указывающей на оцепенение, ступор («*stupeo*») [17. С. 88–89]: подобные эффекты Радклиф, как уже упоминалось, ассоциировала с безотчетным ужасом, «хоррором». Вместе с тем Бёрк допускал, что страх «в некоторых случаях» может оказывать, наряду с угнетающим, противоположный, стимулирующий эффект [17. С. 154]. В трактовке позднего Канта и Шиллера (к слову, «Критика способности суждения» и статья «О возвышенном» увидели свет почти одновременно с «Лесным романом» и «Удольфскими тайнами») «ужасное» также неотделимо от возвышенного и производит амбивалентный эффект: приступ страха сопровождается «чувством моментального стеснения жизненных сил и незамедлительно следующим за этим еще более энергичным их изливанием» [18. С. 114]⁵. По Канту, устрашаясь, мы открываем в себе «новую способность к сопротивлению» [18. С. 131] и осознаем ментальное, неподвластное внешним силам «превосходство над природой в нас, а тем самым и природой вне нас» [18. С. 134]. Мысль о двуединстве страха, претворяющего «физическое бессилие» в «моральное превосходство», была развита Шиллером в статьях «О возвышенном» [19. С. 187]. Заметим, что термины, в которых Кант и Шиллер описывали негативную стадию страха (*Hemmung* и *Ohnmacht*), буквально соответствуют характеристикам панического ужаса (*horror*) у Радклиф.

Будучи модификацией «возвышенного», «ужасное» перенимало его сущностные характеристики, в первую очередь сверхчеловеческий, циклопический масштаб (по выражению Канта, «возвышенно то, в сравнении с чем все остальное мало» [18. С. 119])⁶. Гигантизм мог характеризовать

⁵ Привожу свой вариант перевода из-за неточности в цитируемом издании. – Б. М.

⁶ Ср. у Аддисона: говоря о возвышенном героизме, «мы воображаем могущественного завоевателя, который, преодолевая

и протяженность, и силу, поэтому в концепции Канта и Шиллера возвышенное разветвляется на два русла: динамическое (патетическое, практическое) и математическое (контемплативное, теоретическое). В первом случае субъект осознает свою беспомощность перед лицомкратно превосходящей его внешней силы, во втором ощущает свою ничтожность, сталкиваясь с грандиозным, необозримым (с субъективной точки зрения, бесконечным), труднодоступным для восприятия феноменом (одним из первых среди просветителей это тревожное чувство философски осмыслил Джозеф Аддисон). На практике динамически возвышенное (образцом которого Шиллеру служит «бушующий океан») способно напугать нас сильнее, чем математически возвышенное («покоящийся океан»), ибо «инстинкт самосохранения заявляет о себе гораздо более громко, нежели потребность в представлении (*Vorstellungstrieb*)» [19. С. 175]⁷. В рассуждениях Канта об источниках ужаса (*Schrecken*) также акцентировался динамический, энергичный аспект возвышенного: «грозовые тучи, надвигающиеся с молнией и громами, вулканы с их разрушительной силой, ураганы, оставляющие за собой опустошения» [18. С. 131]].

В конечном счете первопричиной ужаса в XVIII в. признаются внешние обстоятельства, представляющие непосредственную либо воображаемую (в терминах Бёрка – «ассоциируемую») угрозу жизни и здоровью индивида и тем самым противоречащие инстинкту самосохранения. Соответственно, «идеи боли, болезни и смерти» играли ключевую роль в концепции Бёрка, а Лессинг и Гельвеций ил-

самые грозные опасности, приобретает власть над множеством народов, подчиняет своему господству обладающие огромной протяженностью страны и добивается славы, которая доходит до самых отдаленных уголков мира» [20. С. 240].

⁷ Привожу свой вариант перевода. – Б.М.

люстрировали связь возвышенного и ужасного примерами телесных истязаний. По мысли Шиллера, даже теоретически возвышенное – грандиозные пространства («уходящая за горизонт пустыня», «безбрежное море»), непроницаемость и мрак – порождают чувство физической беспомощности и уязвимости: когда познание и представление затруднены, фантазию подчиняет себе «инстинкт самосохранения», поэтому мы склоняемся к страху (*Furcht, Grauen, Schrecken*), а не к надежде [19. С. 191]. Сходным образом Бёрк полагал, что «общие отрицательные состояния» (*privations*), такие как «пустота, темнота, одиночество и молчание» (приблизительно соответствующие теоретически возвышенному у Канта), могут «стать страш[ьми] благодаря ассоциации» с потенциальной физической угрозой: например, в темноте «мы можем упасть в пропасть, едва сделав один шаг; а если приближается враг, мы не знаем, где нам защищаться» [17. С. 166, 167]. Сопутствующий ужасу кризис восприятия Бёрк также трактовал в духе механической физики. К примеру, яркие манифестации возвышенно-ужасного: ослепительное сияние солнца и резкие световые контрасты, рев водопадов или звук пушечной пальбы [17. С. 109, 112] – оказываются непереносимыми для человеческих «сенсоров»: они повреждают зрение и слух. Поэтому в просветительских теориях возвышенного степень тревоги зависит от дистанции между субъектом и непосредственно угрожающей ему стихией. «Мы испытываем удовольствие при мысли об опасностях, которые уже ушли в прошлое, или при взгляде издали на крутой обрыв, который внушил бы нам страх совершенно иного рода, если бы навис у нас над головами», – пишет в этой связи Аддисон [20. С. 212]. Важность нейтрализующей ужас дистанции отмечали впоследствии Бёрк, Кант и Шиллер. По-видимому, именно перед лицом близкой, осязаемой угрозы тревога, в их представлении, могла перерасти в гне-

тущий, цепенящий ужас. Впрочем, водораздел между этими состояниями, а также алгоритм трансформации не получил в то время дальнейшей научной разработки.

Относительно того, что *terror* в романах Радклиф соответствует классической трактовке возвышенного, в литературоведении давно сложился консенсус. Гораздо хуже исследован вопрос о том, как соотносится с просветительскими концепциями возвышенного «ужаса» радклифовский *horror*. Точкой отсчета может послужить динамически-возвышенное, заключающее в себе потенциальную угрозу жизни и здоровью героев. Как ни удивительно, «идеи смерти, боли, болезни» крайне редко обуславливают в художественной действительности Радклиф вспышку ужаса. Все значимые персонажи ее романов – и протагонисты, и мудрые наставники, и «вилланы» – стоически переносят болезнь (соответствующие примеры мы находим в судьбе Ла Люка, Аделины («Лесной роман»), Сент Обера («Удольфские тайны»), маркизы Вивальди, Скедони («Итальянец»), не ропщут при ранении (вспомним Винченцо, Морано, Монтони, Клару и Эмилию, которая в пылу спора с Монтони не замечает, что разбила себе голову). Их не удается запугать телесными муками – как непосредственно испытываемыми, так и ожидаемыми или ассоциируемыми. Напрасно надеялся Монтони, что его племянница откажется от имущественных прав под угрозой насилия, столь же тщетно инквизиция пугала Винченцо орудиями пыток и мучительными карами – их ожидание лишь укрепляет волю и упорство юноши: «Вивальди неустрашимо взирал в лицо опасности, напрягая все силы души, дабы вытерпеть все и не дрогнуть» [21. С. 242]. Помимо того, что чувствительные герои Радклиф обоих полов демонстрируют завидное самообладание, столкнувшись с физической угрозой, степень тревоги в ее романах, по-видимому, существенно не зависит от дистанции между субъектом и источ-

ником опасности, которая играла существенную роль в просветительской концепции «ужасного». Характерно, что Эмилия, почитательница динамически-возвышенного («меня раскаты грома не страшат»), которой нравится «гулять по краю обрыва, нависшего над морем» [22. С. 692], даже в эпицентре грозы не поддается страху⁸. Ее подруга Бланш, «сбравшись с духом», после минутного колебания проходит по «альпийскому мостику без перил, по бокам которого зияли пропасти» и «с шумом низвергались горные потоки» [26. С. 686]; столь же поразительную выдержку проявляет Клара, которая лишь чудом не разбилась насмерть во время бешеной скачки по горному склону.

В феминистской и психоаналитической критике ключевая роль в фабуле готического романа (особенно в его «женской» вариации) отводится угрозе изнасилования, отражающей уязвимое положение женщины в патриархальном обществе⁹. Действительно, мотив эротически окрашенного преследования девушки, унаследованный от воспитательных романов, отчетливо выражен в «Лесном» и «Сицилийском» романах, «Замках Этлин и Данбейн», его разрабатывали Уолпол и Дидро (в «Монахине»), София Ли, Льюис, Гроссе, он звучит в «готических» штюмерских балладах. Вместе с тем едва ли следует абсолютизировать страх перед сексуальным

⁸ Сама Радклиф, попав однажды в сильную грозу во время путешествия, запечатлела в своем дневнике не ужас, но, скорее, восхищение величественным зрелищем (*the grandest scene I ever beheld*), в котором неодолимая мощь (*irresistible power*) Бога проявляет себя размеренно и непринужденно (*Nothing sudden; nothing laboured; all a continuance of sure power, without effort*) [16. С. 602].

⁹ Покушение «патриархальных» угнетателей на неприкосновенность женского тела признается конститутивным мотивом радклифовских романов в монографиях Кэрол Энн Хауэллс [25], Геро Бауэра [24] и Энн Уильямс [4].

посягательством в преромантической готике и связывать «ужас» с телесной (сексуальной) уязвимостью¹⁰. По меньшей мере, связь эта не прослеживается во многих значительных образцах готической прозы («Старом английском бароне», «Ватеке», «Сен-Леоне», «Духовидце») и нивелируется в тех случаях, когда повествователь перенимает «мужскую» оптику, временно солидаризируясь с Манфредом («Замок Отранто»), Раймондом и Амбросио («Монах»), Карвином («Виланд»), Ла Моттом и Теодором («Лесной роман»), Винченцо и Скедони («Итальянец»). Помимо этого, телесные, физиологические аспекты домогательства (надругательства) в раннем готическом романе, как правило, не отображаются эксплицитно – в этом отношении и «деликатные» София Ли, Клара Рив, Радклиф, и «откровенный», «безнравственный» Льюис, и немецкие штюрмеры не могут соперничать с современной им фривольной прозой Дидро, де Лакло или де Сада. Сомневаюсь, что Радклиф вынуждена была, как часто полагают, «вуалировать» в своих романах сексуальный подтекст, прибегая к эвфемизмам. В ряде эпизодов «Лесного романа» и «Удольфских тайн» она обходится без иносказаний, однако и в этих случаях непосредственная, осязаемая угроза целомудрию не повергает радклифовскую героиню в ужас. Так, Эмилия, до полусмерти напуганная странными шумами и колебанием занавеса, берет себя в руки, обнаружив в своей спальне в полуночный час пылкого графа Морано. Самые

¹⁰ Поскольку протагонистки романов Радклиф всегда остаются физически неприкосновенными (на что обратил внимание, применительно к «Удольфским тайнам», Роберт Гири [2. С. 46]), в гендерных/ феминистских исследованиях речь идет, как правило, о потенциальном насилии, а именно – о перманентной угрозе убийства и изнасилования, которой подвергается женщина в патриархальном мире: об этом пишут, в частности, Геро Бауэр [24. С. 61, 67], Элисон Милбанк [15. С. 408], Джени Дипласиди [25. С. 173].

грубые домогательства со стороны мужчин заставляют ее действовать решительно и целесообразно: выиграть время, пререкаясь с безмянным офицером, подстерегшим девушку в коридоре, а затем, улучив момент, вырваться из его объятий и забаррикадироваться в своей комнате, «проворно шмыгнуть в боковой коридор» и запереть комнату, спасаясь от разгоряченных вином Верецци и Бертолини. Очевидно, что в ее действиях, трезвых и прагматичных, отсутствуют приметы панического ужаса.

Обратимся теперь к теоретически-возвышенному – к тому, что подавляет зрителя своей бесконечностью и непознаваемостью. Его признаками Бёрк считал неясность (*obscurity*), темноту, пластическую грубость форм, монотонность частей и резкость переходов. В романах Радклиф этот род возвышенного представлен величественными и мрачными пейзажами в духе Маньяско или Сальватора Розы¹¹, а также тесными, плохо освещенными кельями и коридорами монастырей или феодальных замков. Подобные локусы сопротивляются исследованию и одновременно затрудняют социальную коммуникацию, что, впрочем, еще не делает их цитаделью ужаса¹², поскольку в готическом романе, тесно

¹¹ Еще Вальтер Скотт обратил внимание на сходство описаний у Радклиф с величественными пейзажами Лоррена или Сальватора Розы [26. С. 95], это сравнение сделалось расхожим после того, как «Блэквуд» в 1890 г. провозгласил Радклиф «Сальватором Розой в ряду британских романистов» [27. С. 7].

¹² Не могу в этой части согласиться с мнением В. Э. Вацура, признававшего, со ссылкой на диссертацию Захариас-Лангханса о немецком «готическом» романе, «непостижимость» источником ужаса в романах Радклиф. По мысли Вацура, подлинно ужасной является тайна, обнаруживающая, в отличие от реальной опасности, «присутствие надличной силы, с которой невозможно бороться человеческими средствами, ибо нельзя проникнуть в ее законы» [5. С. 182]. Собственно, такое же, прагматическое, объяснение ужаса невозможностью защититься от скрытой или непознаваемой

связанном с руссоистской традицией, уединенность и «дикость» сценической площадки оцениваются неоднозначно. На лоне теоретически-возвышенной (т. е. грандиозной, мрачной, грубой, контрастной, пустынной) природы героиня Радклиф восстанавливает связь с божественным праотцом (Эмилия «любила дикие лесные тропинки в горах, мрачные ущелья, где безмолвие и величие уединенности навевали священный трепет на ее душу и возвышали ее помыслы, направляя их к Творцу неба и земли» [22. С. 22]), одинокие прогулки, как правило, венчает молитва, укрепляющая дух и тело. Вопреки расхожему мнению, Радклиф не склонна была демонизировать и рукотворную «темницу»: ее протагонистов печалит, гнетет, но не повергает в ужас временное заточение в мрачной и голой камере¹³. Вероятно, эффект от

угрозы допускали и Бёрк, и Шиллер. Между тем в романах Радклиф неодолимые и труднопознаваемые силы – как стихийного, так и человеческого происхождения, – как правило, вызывают у протагонистов восторг или тревожное любопытство (*terror*).

¹³ Мы не можем, вслед за Дайаной Уоллес [15. С. 232] или Геро Бауэром [24. С. 59], утверждать, что сюжетным ядром и главным источником ужаса в романах Радклиф является заточение героини в замке по приказу мужчины-тирана. Даже в «Удольфских тайнах» лишь треть романа повествует о заточении Эмилии и ее тетки в Удольфском замке (не говоря о том, что мотив этот отсутствует, например, в «Духовидце» и слабо разработан в «Ватек» и «Старом английском бароне»). Мишель Фуко, как известно, полагал, что враждебность зрелого Просвещения к замкнутым и плохо освещенным пространствам объясняется стремлением ликвидировать неконтролируемые анклавные средневековые «варварства», «снести те затененные палаты, где плодятся и растут как на дрожжах политический произвол, королевские прихоти, религиозные предрассудки, заговоры священников и тиранов, невежественные заблуждения и эпидемии». Соответственно, в романах Анны Радклиф «горы, леса, пещеры, разрушенные замки, монастыри, темнота и молчание которых внушают ужас», служат антитезой той прозрачности и публичности, которая составляла идеал Просвещения [28. С. 230, 231] Не оспаривая обще-

пространственной изоляции смягчают механизмы памяти и воображения, которые выдвинула на первый план сентименталистская проза. Физически разлученная с родными и друзьями, героиня Радклиф и в плену, и в «лесном уединении» поддерживает с ними ментальную связь, вспоминая назидательные беседы, совместные прогулки и мысленно предугадывая их настоящее или будущее¹⁴. В конечном итоге память о социальных связях, перспективах, обязательствах неизменно возвращает героиню к деятельной жизни. Так, в «Удольфских тайнах» стойкость Эмилии укрепляли воспоминания о Валанкуре и надежда на скорый брак, поэтому угроза Монтони держать ее «пленницей, покуда не добьется своего», «вместо того чтобы окончательно привести ее в уныние, пробудила все силы ее духа и стремление к действию» [22. С. 428]. Одним словом, классические мотивировки «ужаса» неприменимы к чувствительной героине радклифовских романов: ее отличает удивительная резистентность ко внешним угрозам и лишениям физического характера, ее не устрашают ни временная социальная депривация, ни эпистемологические затруднения. По большому счету, типические протагонистки Радклиф (а также Уолпола, Софии Ли, Льюиса, Чарльза Брокдена Брауна) – чувствительные, рассудительные, инициативные девицы, лишённые защиты

го вывода Фуко, замечу, что в романах Радклиф «темнота и молчание» не повергают протагонистов в ужас (*horror*), более того, Радклиф склонна была поэтизировать как панорамные пейзажи, так и замкнутые, слабо освещенные локусы.

¹⁴ О том, как героям сентименталистского (и, в частности, готического) романа удается даже в разлуке путем ассоциаций поддерживать ментальную связь с физически отсутствующими друзьями и родственниками, подробно пишут Терри Кастл [29. С. 126] и Джордж Деккер [26. С. 116]. Ключевую роль в этом процессе играла активация воспоминаний посредством предметов, метонимически связанных с отсутствующими людьми.

и в физическом, и в социальном измерении – предвосхищают “*last girl*”, несокрушимую героиню современных «слэшеров» и триллеров. Они разделяют с ранним готическим романом веру в то, что самая грозная стихия бессильна против человека, способного исследовать и объективировать внешние угрозы.

Качественно иную реакцию мы наблюдаем в «мистических» эпизодах, среди которых наиболее выразительны сцена с восковой фигурой из «Удольфских тайн» и ночные кошмары Аделины в «Лесном романе». Стереотипность «мистических» эпизодов позволяет говорить о повторяющейся, парадигматической, мизансцене, вариациями которой служат ночной визит инквизитора Николо к заточенному в тюрьме Винченцо, посещение Эмилией и Доротеей спальни покойной маркизы Вильруа, встреча Эллены со Скедони на безлюдном морском берегу, ночное приключение рыбака Марко, провансальская легенда и т. д. Описывая реакцию героев, Радклиф в этих случаях использует категории *horror* и *horrible* – с полным на то основанием, поскольку участникам событий доводится пережить не томительный испуг, а безотчетный ужас – тот самый *horror*, который, как мы помним, «отнимает, парализует и едва ли не полностью изничтожает» душевные силы: «Эмилия, склонившись над трупом, с минуту глядела на него пристальным, обезумевшим взором; потом вдруг выронила из рук лампу и упала без чувств, ее рассудок почти пошатнулся под этим непосильным бременем. По временам она устремляла на Аннету дикий, бессмысленный взор. За этим следовали продолжительные припадки столбняка она сидела, застывшая и безмолвная, и только по временам тяжело вздыхала, но без слез» [22. С. 395, 396]. Как можно заметить, событийную основу «жутких» эпизодов образует столкновение (встреча, соприкосновение) с неуспокоенным мертвецом – призраком или кадавром. При

отсутствии эксплицитной угрозы (действительной или воображаемой) подобные сцены дезориентируют, парализуют и едва не лишают рассудка героев Радклиф, проявлявших твердость духа в самых критических обстоятельствах. Обратим внимание, что Радклиф, старательно рационализировавшая в своих романах «сверхъестественные» феномены, оставляет без объяснения их воистину сверхъестественный, невероятный эффект, ограничиваясь беглыми и, по большому счету, тавтологическими ссылками на «суеверность» героев.

Столкновению с *monstrum horrendum* в романах Радклиф предшествуют целенаправленные поиски, обозначаемые ныне термином *the Gothic Quest*. Когда ее герои блуждают по темным коридорам, пересекают анфилады комнат, спускаются по лестницам в подземелье, пристально вглядываются в темноту, распознают в стенах ниши, отворяют потайные двери, отдергивают занавеси и гардины – они неуклонно приближаются к истине; иначе говоря, эпистемологический процесс разворачивается в пространстве¹⁵. В этом случае субъект является не только сторонним наблюдателем, сентиментальным туристом: его связывает с целевым объектом исследовательская, точнее говоря, расследовательская интенция, продиктованная необходимостью, общей бедой: типические герои и героини Радклиф волею судьбы оказались оторваны от своих фамильных «корней». Аделина («Лесной роман») и Эллена («Итальянец») не ведают, кто их

¹⁵ Аналогию блуждания в лабиринте и эпистемологического процесса М. Б. Ямпольский иллюстрирует следующим сравнением: «...человек, погружаясь в темный лабиринт, как бы погружается в “чужую” память. И то, что открывается его “взору”, если темнота оказывается хоть в какой-то мере проницаемой, может пониматься как анамнезис, как проступание забытых воспоминаний» [30. С. 89].

подлинными родителями, осиротевшая Эмилия обнаруживает в семейной истории подозрительный пробел, Джулия и Фердинанд («Сицилийский роман») разлучены со своей матерью, которую ошибочно считают умершей, «горец» Аллейн («Замки Этлин и Данбейн») растет в чужой семье и под чужим именем, не подозревая о своем знатном происхождении. Такова общая участь протагонистов раннего готического романа: почти все они, начиная от «Монахини» Дидро, Теодора («Замок Отранто»), Эдмунда в «Старом английском бароне», Амбросио в «Монахе» – несостоявшиеся наследники, полностью или частично утратившие связь с родителями, отеческим домом, семейным достоянием и традициями. В генеалогической линии каждого из них зияет «слепое пятно», лакуна, которую изобличают запретные письма отца Эмилии или молчание донны Бьянки. Неудивительно, что их влечет к «отеческим гробам», к фамильным преступлениям, травматическим точкам разрыва преемственности. Сознательно или нет, они ищут и вскрывают могилы, дабы восстановить континуальность генеалогической линии и занять в ней подобающее им место¹⁶. Поэтому, вступая в обитель смерти, они испытывают смешанные чувства – любопытство, радостное возбуждение, тревогу; другими словами, поначалу их охватывает благодетельный *terror*, однотипные описания которого кочуют у Радклиф из романа в роман: про Аделину, осматривающую аббатство, сказано: «...ее грудь трепетала от сладкого ужаса, переполнявшего душу. В ее глазах стояли слезы – ей хотелось, но было и страшно идти дальше» [29. С. 22]; сходные чувства («жгучее любопытство», «испуг», «трепет») бушуют Эмилию в покоях, где скончалась

¹⁶ По справедливому замечанию Аудроне Рачкаускиене, «замок [у Радклиф] скрывает семейную тайну, разоблачение которой обыкновенно помогает героине раскрыть свою собственную идентичность» [27. С. 54].

маркиза Вильруа, и в роковой комнате Удольфского замка: «Казалось, за этим занавесом скрывается какой-то тайник; она и желала и боялась поднять его и заглянуть, что за ним скрывается» [22. С. 395] и т. д.

Когда же и при каких условиях волнующий трепет (*terror*) перерастает в цепенящий ужас (*horror*)? Для ответа необходимо будет вернуться к тому травматическому событию, которое нарушило механизм преемственности и послужило отправной точкой сюжетного развития в романах Радклиф. В общем правиле генеалогический «разлом» возникает по вине узурпаторов – Монталя, Монтони, Лаурентини, Скедони – погубивших законного наследника¹⁷. Заметим: речь не идет о конвенциональном, ритуализованном убийстве, с которым сознание сентиментального европейца еще способно было примириться. Смертную казнь по решению суда, гибель на войне, тяжкое ранение на дуэли (вспомним поединок Монтони и Морано, Дюпона и Монтони, Винченцо и инквизиторов) героини Радклиф воспринимают стоически, Эмилии даже хватает мужества переступить через трупы кондотьеров, погибших при обороне Удольфского замка. Совершенно иной эффект производит «чудовищное», «тайное» убийство, в ходе которого беспомощную жертву на смертном одре изолируют от родственников и друзей, лишают погребального обряда и мемориала. Именно такая судьба постигла добропорядочных отцов Аделины и Эллены, умерщвленных братьями-узурпаторами, ее отзвуки слышатся и в истории маркизы Вильруа, чью смерть втайне от дочери оплакивал Ла Люк. В отличие от сочинителей воспитательных романов, Радклиф трактовала преступление не столько в мораль-

¹⁷ Об узурпации, т. е. незаконном, неправомочном наследовании (имущественных прав, владений и женщин), как первопричине конфликтов в раннем готическом романе см.: [25. С. 143, 175; 32. С. 76].

ном, сколько в натурфилософском, а именно виталистском, ключе. Важно, что жизнь убитого оборвалась до срока, когда еще не исчерпала себя энергия души. Важно, что жертва не успела передать опыт наследникам. Важно, что умирающий, которому отказано было в причащении, погребении, мемориале, оказался изъят из временного потока, из вечного круговорота, в котором дети сменяют родителей и родители возрождаются в детях. В результате протагонисту, лишённому наследства, приходится ворошить прошлое, раскапывать могилы, восстанавливая историческую преемственность. По всей видимости, субстанциальные угрозы, подстерегающие героя в ранних готических романах, определяются его миссией: ему необходимо вызволить не-отжившего предка из метафизической изоляции, ассимилировать рудименты прошлого.

Готический роман формировался в эпоху стремительного прогресса, когда европейцы начали осознавать «инаковость» исторического прошлого¹⁸. К концу XVIII в. в Англии старину более не воспринимают как вневременной образец, с ней не соперничают, подобно флорентийцам или французским академиком, ее уже не презирают за грубость и «наивность»; скорее, отцовское наследство стремятся ассимилировать, использо-

¹⁸ Приведенная выше формула (*the otherness of the past*) принадлежит Теду Андервуду, констатировавшему, что на исходе эпохи Просвещения англичане уже не воспринимают историю как непрерывный временной поток: теперь между современностью и минувшими эпохами пролегла межа, и требуются усилия, чтобы восстановить контакт между живыми и мертвыми [З. С. 238–239]. Неудивительно, что вторая половина XVIII в. в Англии была ознаменована возросшим интересом к вопросу национальной идентичности, попыткой навести мосты с феодальным, героическим прошлым, в котором видели противовес современной эпохе, изнеженной и расточительной. Эти тенденции подробно рассматриваются в работе Сью Чаплин [З. С. 204].

вать как материал и фундамент для новых поколений. Именитый правовед эпохи Просвещения сэр Уильям Блэкстоун сравнил, как известно, британское законодательство с «древним готическим замком, возведенным в рыцарскую эпоху, но приспособленным для проживания наших современников» [25. С. 142]. С идеей эволюции и преемственности связана характерная для позднего Просвещения поэтизация средневековых руин – осыпающихся от древности, поросших травой и деревьями. Оседая, диссоциируясь, они образуют плоть и кровь современной культуры. Цивилизованному европейцу приятно созерцать готические руины оттого, что они «демонстрируют торжество времени над силой», как метко выразился лорд Кеймс в «Основаниях критики», изданных двумя годами ранее «Замка Отранто» [3. С. 207]. Напротив, не-разложившиеся, не потревоженные временем рудименты прошлого вселяют в наблюдателя тревогу и беспокойство¹⁹. Ла Мотта более всего страшат не руины, а запустение в той части аббатства, «которая устояла перед губительным воздействием времени» [23. С. 26]; Эмилия с любопытством осматривает пострадавшие от войн башни Удольфского замка, зубцы, поросшие травой, пробитую крышу и обрушенную стену ограды – однако же ей становится дурно в «мемориальных», сохраненных в неприкосновенности, покоях маркизы Вильруа («Уйдем отсюда, – слабо промолвила Эмилия, – воздух здесь такой тяжелый <...> она почувствовала такую слабость, что принуждена была опуститься на край постели») [22. С. 607].

Итак, необходимой (хотя и недостаточной) предпосылкой ужаса в романах Радклиф служит консервация стари-

¹⁹ Симптоматично, что аббатства в Англии становятся объектом исторического и эстетического интереса лишь после окончательного устранения якобитской угрозы: ностальгические чувства вызывает лишь безвозвратно ушедшее, обессиленное и обезвреженное прошлое [32. С. 77].

ны – обособленной, непричастной к циклическому обновлению мира. Приметы мумификации – это всевозможные мембраны, футляры, коконы, отделяющие мертвецов от современности²⁰. Зарубежные литературоведы не раз обращали внимание на то, что непосредственный источник ужаса у Радклиф скрыт от наблюдателя непроницаемой завесой. По преимуществу речь идет о плотной ткани – покрывале или занавесе, за которым обнаруживается ниша, портрет, потайная дверь, а также о крышке гроба, мешковине, монашеской сутане или маске инквизитора, скрывающих фигуру и лицо. Бесспорно, плотный покров затрудняет эмпирическое познание и создает атмосферу неопределенности, неясности (*obscurity*), питающую, по мысли Берка, Шиллера и самой Радклиф, возвышенный страх (*terror, Furcht*). И все же герои готических романов приходят в ужас не оттого, что древность оказалась сокрытой и недоступной чувственному постижению (т. е. трансцендентной или «теоретически возвышенной»). Напротив, катализатором панической реакции становится акт разоблачения, срывания завесы; именно в этой кульминационной точке тревога перерастает в безотчетный ужас, хоррор, который можно опознать по мертвенной бледности, оцепенению, немоте, беспамятству, судорогам. Связь между «разоблачением» и приступом ужаса ярко иллюстрируют сцена с мнимым портретом из «Удольфских

²⁰ Литературные ужасы, несомненно, коррелировали с культурно-историческими сдвигами рубежа XVIII–XIX вв., в частности с изменением представлений о смерти и погребальных практик, подробно описанном в известной работе Филиппа Арьеса: смерть на исходе Нового времени лишается публичности, соответствующие ритуалы становятся частным, внутрисемейным делом, мертвых «отселяют» от живых (кладбища вытесняются из центра города на окраины), телесное разложение признается нетерпимым и неприличным – что порождает моду на бальзамирование и мумификацию покойников [29. С. 129, 130].

тайн» и родственный ей эпизод с восковой фигурой: девушка «в припадке отчаяния отдернула [занавес]», «с минуту глядела» на открывшееся ей зрелище «пристальным, обезумевшим взором; потом вдруг выронила из рук лампу и упала без чувств» [22. С. 394]. В «Итальянце» подобное потрясение довелось пережить неаполитанскому рыбаку Марко, который «побелел» и «едва не лишился памяти от страха», развязав мешок с трупом.

Показательно, что в парадигматических сценах «ужаса» Эмилии, Марко, а также страдающей от ночных кошмаров Аделине предстает не скелет, а кадавр – мертвец, который еще не утратил окончательно телесное обличье. Едва ли найдется более выразительный образ консервации прошлого, чем полуразложившийся (или не полностью истлевший) труп. Здесь страшен не только остановленный процесс разложения, т. е. физической метаморфозы: своего апогея ужас достигает тогда, когда в полуистлевшей плоти угадывается аномальная – посмертная – активность души²¹. Не оттого ли колеблемый ветром гобелен приводит Аделину в «неописуемый ужас», а Эмилия «мертвеет от ужаса», заметив, что полог постели покойной маркизы Вильруа «слабо подымается и опускается»? Не оттого ли застывают от страха Винченцо и его храбрый слуга, вообразив, что найденная

²¹ По мысли Г. В. Заломкиной, создатели готических романов рассматривают смерть «не как конечный предел жизни, но как границу, откуда возможно возвращение в жизнь» [34. С. 14, 18]. Исторической параллелью этого мифологического мотива является «вселяющее тревогу возрождение прошлого в настоящем» [35. С. 1], которое Фред Боттинг называет магистральной темой литературной готики. К сходным выводам приходит Б. Р. Напцок, говоря о соединении прошлого и сверхъестественного в готическом романе, где, начиная с Уолпола, «сверхъестественное становится символом Прошлого, восстающим против Настоящего» [8. С. 158].

в развалинах окровавленная сутана шевелится («*It moves!*» exclaimed Paulo; «*I see it move!*»)? Посмертная психофизическая активность принимает у Радклиф разнообразные формы: о ней возвещают колыхание покровов (излюбленный мотив писательницы), не-локализованный безличный голос, конвульсии омертвевшего тела, которые приводят на память эксперименты Гальвани и Вольты (пока Аделина смотрела на мертвеца, «его черты изменились, искаженные предсмертной агонией. Потрясенная, она отпрянула, но он внезапно протянул руку и, схватив ее кисть, крепко сжал» [23. С. 100]), внезапное кровотечение или проступающие пятна крови. В любом случае жуткое зрелище (*horrible spectacle*) доказывает, что покойный – не упокоился, что под ороговелой тканью тлеет органическая жизнь.

Какие беды сулит герою радклифовского романа встреча с призраком или кадавром? По-видимому, Радклиф не склонна была переоценивать физическую силу «мертвецов» (по крайней мере, «восставшему из мертвых» ложному отцу – Скедони – никак не удастся убить Эллену, Монталь, еще один «воскресший» после мнимой смерти двойник отца, не может применить силу к Аделине). Однако неуспокоенный предок способен оказывать на живых воздействие иного, психофизического, свойства. При сближении его с наследником – визуальном (гипнотический взгляд), акустическом («зов») или тактильном – между родственниками устанавливается нечто вроде магнетической связи, раппорта, пронизающего телесную границу. Теперь импульсы, реакции, состояния передаются, как в электрической цепи, от старшего – младшему, от завещателя – наследнику. О механизме заражения позволяет судить происшествие с рыбаком Марко: сначала бледность и онемелость трупа сообщаются очевидцу, непосредственно соприкоснувшемуся с кадавром, затем – рассказчику, который, «войдя в раж», в свою очередь, «заража-

ет» слушателя, Скедони (и снова – через соприкосновение: крестьянин крепко вцепился в его сутану). Вспомним также «мистическую» сцену у постели покойной маркизы Вильруа: испуганная колебанием покрывала, в котором ей почудился лик усопшей, Эмилия с «помертвевшим от ужаса лицом ухватилась за руку Доротеи», и служанка застывает, «как пригвожденная, не отрывая взора от постели» [22. С. 608]. Неудивительно, что ужас в романах Радклиф подчас трактуется метонимически, как нежелание близости, боязнь соприкосновения с зараженной материей²². По всей видимости, подобными мотивами руководствовались вилланы: маркиз Монталь, пожелавший «незамедлительно покинуть оскверненное место» (комнату, где убит был его брат) и никогда более не оставаться в аббатстве на ночь, и Монтони, который «избегал не только той комнаты, где лежал прах его жены, но и всей части замка, к которой она примыкала, словно боялся заразы смерти» [22. С. 425]. Не меньшее потрясение вызывает тактильный контакт с умершей у Эмилии, которая с содроганием отбрасывает вуаль покойной маркизы, накинутую на нее Доротеей.

Во многом боязнь заразиться продиктована паническая реакция героев Радклиф на кровоизлияния и на кровавые пятна, выступающие на поверхности тела или на одежде (полагаю, не последнюю роль здесь сыграл страх перед чумой, масштабные эпидемии которой в Европе прекратились лишь к середине XVIII в., а также перед быстро распространявшимся туберкулезом). Помимо этого, следует учитывать многослойную семантику кровавых пятен: они напоминают о травматическом событии, прервавшем эстафету наследо-

²² Глубокий анализ мотивов заражения, завесы и кровотечения у Радклиф содержится в статье Евы Косовски Седжвик [36. С. 256 и далее].

вания, а также о кровном родстве, они являют собой нестерпимый, «законсервированный» осадок или след прошлого и, наконец, плазму с библейских времен принято ассоциировать с жизненной энергией, душой. Иными словами, кровавый след одновременно указывает и на точки разрыва, и на континуальность органической жизни.

Интерес Радклиф привлекает главным образом психофизическое «заражение», подрывающее автономию субъекта, ибо по мере аппроксимации искатель незаметно для себя уподобляется объекту (живому мертвецу). Подчас они в буквальном смысле слова меняются местами²³: так, Аделину в ее ночных кошмарах гипнотически манил зов незнакомца («ей пришлось сделать усилие, чтобы не последовать за ним»), затем зов перерастает в требование, провожатый оборачивается преследователем: человек в сутане «...приказал ей следовать за ним и повел по длинному коридору к подножию лестницы. Ей стало страшно, она побежала назад, и тогда человек повернулся и погнался за ней» [23. С. 100]. Подобного рода инверсия совершается и в кульминационной сцене «Итальянца»: заметив на скалистом берегу фигуру монаха, «укутанного в темный плащ», Эллена намерена была подойти к нему и обратиться за помощью, но вскоре обнаружила, что «монах следует за ней». Самое малое, что грозит любознательному потомку, – это вернуться к травматическому событию, разделить муку своего родителя, увяда-

²³ Терри Кастрл пишет в этой связи о прорыве (*breakdown*) границы между жизнью и смертью в романах Радклиф. Так, в «Удольфских тайнах» легко можно ошибиться, причислив живого к мертвым, и наоборот [29. С. 129]. Перемена ролей часто совершается через тактильный контакт, который, по выражению М. Б. Ямпольского, «заставляет тело пережить глубокую метаморфозу (переход от субъектности к объектности)», прикосновение «разрушает, казалось бы, незабываемый статус наблюдающего субъекта» [30. С. 63].

ющего до срока, в одиночестве и безвестности. Но подлинно трагический удел ожидает тех, кто покорился гипнотической власти стариков, незаметно для себя утратил субъектность и оказался вне исторического времени, в метафизической пустоте. Не грозящая смерть, не физические муки повергают в ужас героев Радклиф, а перспектива пассивного, изолированного, внеисторического существования, омертвелой жизни, которую, собственно, предвещали симптомы ужаса: летаргическое оцепенение, беспамятство, немота.

О последствиях «ужаса» в романах Радклиф мы можем судить лишь гипотетически, поскольку угроза обезволивания, отвержения и омертвления, намеченная в «мистических» эпизодах, не получает дальнейшего развития, по крайней мере в магистральных сюжетных линиях. С этой точки зрения (а не только в связи с финальной «рационализацией» сверхъестественного) у рецензентов были причины упрекать писательницу в том, что она мистифицирует – манит, а затем разочаровывает – своих читателей. Действительно, кульминационные, наиболее суггестивные сцены ее романов (ночные кошмары Аделины, многочисленные столкновения Эмилии, Эллены, Винченцо с призраками прошлого) отличает фрагментарность, они не имеют долгосрочных последствий²⁴. Когда в видениях Аделины непогребенный отец

²⁴ Дискретность эмоциональных реакций в «Удольфских тайнах» отмечают Роберт Гири, констатирующий, что страшные открытия доставляют Эмилии лишь «мимолетное беспокойство» [2. С. 46, 48], и Кэрол Энн Хауэллс, по мнению которой, Эмилия являет собой «не характер из плоти и крови, но лишь линейную серию откликов на диковинные стечения обстоятельств» [27. С. 48]. Гэри Келли также описывает радклифовский сюжет как череду эпизодов, которые вызывают у героини «широкую палитру эмоциональных реакций, более или менее быстро сменяющих друг друга» [1. С. 50, 55]. Вероятно, характерные для Радклиф «перерывы повествования в момент кульминации», на ко-

зовет ее за собой, в лимб, – она пробуждается: «Ей пришлось сделать усилие, чтобы не последовать за ним, и от этого она проснулась» [23. С. 100]. Когда у ног ее растекается отцовская кровь, хлынувшая из раны мертвеца, Аделина, вздрогнув, приходит в сознание. По большому счету, дискретность и обратимость «ужаса» соответствовали воспитательным интенциям Радклиф – представить образцовую чувствительную героиню (или героя), способных балансировать между чувственным и интеллигентным, не впадая в крайности экзальтации или бесчувствия, от которых Эмилию предостерегал Сент Обер.

Менее уравновешенными и, следовательно, более уязвимыми для магнетического воздействия мертвецов оказываются вилланы, а также их подручные. В «Итальянце» инквизитор Никола Зампари превращается в тень своего патрона Скедони, невольно копирует его бледность и предсмертные судороги и вместе с харизматичным монахом погружается в небытие²⁵. Сходная участь едва не постигла слабовольного Ла Мотта, «всегда неистового в своих страстях»: попав в зависимость от «восставшего из мертвых» маркиза Монталья (обратим внимание на анаграмматическое родство их имен), он постепенно утрачивает свободу воли («я не хозяин ни себе самому, ни моим поступкам») и страшится гипнотической власти маркиза «больше, чем неотвратимого, хотя и отдаленного наказания, кое ожидает нас за грехи наши» [23. С. 178]. Стоит заметить, что современники и литературные соперни-

которые обратил внимание В. Э. Вацуро [5. С. 195], объясняются не только стремлением заинтриговать читателя, но и спецификой позднепросветительского психологизма.

²⁵ Комментируя эту сцену, Косовски Седжвик заметила, что в готическом романе «бледность и неподвижность» распространяются подобно инфекции, причем заражение часто происходит через визуальный контакт [36. С. 265].

ки Радклиф – Уолпол, Бэкфорд, Годвин, Льюис, Шиллер – отводили образцовому чувствительному герою периферийную роль, поместив в центр повествования натуру слабовольную и пристрастную, падкую на соблазны и более предрасположенную к «ужасу»: именно такой тип протагониста будет доминировать в «готической» прозе романтизма.

Романы Радклиф, созданные на закате классической эпохи, отмечены печатью переходного, рубежного времени, что явственно проявилось в разграничении возвышенного «трепета» (*terror*) и панического ужаса (*horror*). Если *terror* полностью согласуется с классическими теориями возвышенного, то радклифовский *horror*, редко привлекающий внимание исследователей, преодолевает границы просветительской эстетики. Прежде всего, Радклиф отказывается от внешних и в конечном счете физиологических мотивировок ужаса: она не ассоциирует «хоррор» с телесной уязвимостью индивида перед лицом могущественных, грандиозных, непознаваемых стихий или «вилланов». Новаторство Радклиф заключается в том, что ужас в ее романах детерминирует психосоматическая зависимость, которая имеет историческое (а не метафизическое) основание. У Радклиф ужас рождается при соприкосновении по преимуществу молодого героя с изолированными из временного потока и неистлевшими рудиментами прошлого, которые еще не превратились окончательно в пассивную «вещь» или знак, с материей, в которой сохраняются остатки энергии («души») и, следовательно, субъектности. Парадигматическая «жуткая» сцена повествует о том, как герой вместо овеществленного наследия сталкивается с предком (завещателем) во плоти, с поврежденным (*mangled*) и неуспокоившимся телом. Если пострадавшие от времени, ассимилированные «останки» (например, живописные руины) благоприятствуют медитации и рефлексии, располагают к воспоминаниям, то обособлен-

ная в результате травматического «разрыва» в истории, непокоенная древность внушает сентиментальному наблюдателю панический страх, отразившийся, помимо романов Радклиф, в готической прозе Уолпола, Шиллера, Льюиса, Потоцкого, Годвина, в штурмерских балладах, в полотнах Фюзли и Райта, гравюрах Гойи и Пиранези.

В определенном смысле герои Радклиф напоминают археологов, вскрывающих древний саркофаг с мумией, почти не потревоженной временем и отделенной от мира живых глухим, непроницаемым покровом. Их влечет к отеческому гробу не праздное любопытство, а необходимость вступить в права наследства, восстановить эстафету поколений. На этом пути более всего наследник страшится не гибели или физического увечья: его пугает психофизическое воздействие, подобное гипнотическому раппорту. Этим объясняется выбор характерных для будущей романтической «готики» каналов коммуникации между поколениями: пристальный взгляд, акустический импульс («зов») и краткий тактильный контакт. Худшее, что грозит молодым, – это уподобиться полумертвым старикам, утратить волю и субъектность и, погрузившись в летаргию, оказаться вне исторического времени, в метафизической пустоте²⁶. На этом роковом пороге героев Радклиф охватывает безотчетный «ужас» (*horror*) – превентивная отрицательная реакция. Они

²⁶ Едва ли можно согласиться с утверждением Хауэллс о том, что героине готического романа в ходе испытаний грозит «распад личности» [23. С. 30]: протагонисты Радклиф не являются полноценными характерами, они не эволюционируют, соответственно, им не угрожает опасность «потерять себя». Более точно, на мой взгляд, описывает характер угрозы Тед Андервуд, трактующий, вслед за Арьесом, страх смерти как страх изоляции, страх отпадения от общины и от коллективной судьбы, который зарождается в эпоху Просвещения, осознавшую «инаковость» исторического прошлого [33. С. 242].

отшатываются, отводят взор, падают без чувств – не оттого, что осознали свою ничтожность перед лицом исполинской внешней силы, а оттого, что не могут противиться голосу крови²⁷. Собственно, сам ужас с его немотой, протрацией, оцепенелостью можно считать прообразом надвигающейся катастрофы²⁸.

Как уже говорилось, творчество Радклиф отличается ком-промиссностью, характерная для сентиментальной эпохи. В магистральных сюжетных линиях ее романов угроза обезволивания и омертвения хотя и предугадывается, но не осуществляется; для ее протагонистов – рассудительных и деятельных, чувствительных и уравновешенных – кратковременные панические атаки проходят бесследно. Преодолеть свойственную романам Радклиф дискретность эмоциональных состояний удалось лишь следующей, романтической генерации, которая вывела на авансцену героя нового образца – более созерцательного, более восприимчивого, более креативного, психически более лабильного. И все же именно «радклифовский» мотивный комплекс, включающий в себя разрыв в генеалогической линии, расщепление отцовской или материнской фигуры на «добротого» родителя и «узурпатора», изоляцию, консервацию и реанимацию прошлого, магнетическую связь наследника с неуспокоившимся предком, бесспорно, предопределил тематику «страшной»

²⁷ Эта не-отделенность и психофизическая зависимость от прыска от родительского тела будет играть ключевую роль в концепции «отвратительного» у Юлии Кристевой: «Я испытываю отвращение только в том случае, если Другой находится вместо и на месте того, кто будет «я». Это <...> Другой, который предшествует мне и владеет мною и тем самым осуществляет меня. Владение, предшествующее моему появлению» [37. С. 46].

²⁸ Охваченный ужасом герой, по наблюдению Эндрю Смита, не только цепенеет, но и «выпадает» из временного континуума: для него не существует более прошлого и будущего [12. С. 318].

новеллы романтизма²⁹. Преднамеренно или, быть может, неожиданно для себя самой, «матушка Радклиф» одной из первых отделила от классического «возвышенного» страха и художественно осмыслила тот нутряной, панический ужас (*horror*), который станет определяющим в романтической и неоромантической «готике» и займет центральное место в теоретических концепциях «жуткого» (*unheimlich*) и «отвратительного» (*abject*) в XX в.

Библиография

1. Kelly G. (1979) «A Constant Vicissitude of Interesting Passions»: Ann Radcliffe's Perplexed Narratives // *Ariel*. 10 (2): 45–64.
2. Geary R.F. (1992) *The Supernatural in Gothic Fiction: Horror, Belief, and Literary Change*. Lewiston, NY: E. Mellen Press. 151 p.
3. *The Gothic World* / ed. by Byron G. Townshend D. (2013) London: Routledge. 580 p.
4. Williams A. (1995) *Art of Darkness: A Poetics of Gothic*. Chicago; London: University of Chicago Press. 319 p.
5. Антонов С. А. Роман Анны Радклиф «Итальянец» в контексте английской «готической» прозы последней трети XVIII века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.: Академ-Принт, 2000. 21 с.

²⁹ Наиболее отчетливо мотивный комплекс, кристаллизовавшийся в романах Радклиф, прослеживается в таких ярких образцах романтической «страшной» новеллы, как «Зловещий гость», «Пустой дом» и «Песочный человек» Э.Т.А. Гофмана, «Страшная месть», «Вий» и «Портрет» Н. В. Гоголя, «Венера Ильская» П. Мериме и «Пиковая дама» А. С. Пушкина, «Погребение Роджера Мелвилла», «Портрет Эдуарда Рэндолфа» и «Дочь Рапаччини» Н. Готорна, «Лигейя» и «Повесть крутых гор» Э. По, «Упырь» А. К. Толстого и «Кармила» Ле Фаню – ряд этот, разумеется, можно продолжить.

6. Вацуро В. Э. Готический роман в России. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 548 с.

7. Готическая традиция в русской литературе / отв. ред. Н. Д. Тамарченко М.: Издательский центр РГГУ, 2008. 349 с.

8. Напцок Б. Р. Традиция литературной «готики»: генезис, эстетика, жанровая типология и поэтика: дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2016. 476 с.

9. *Ann Radcliffe, Romanticism and the Gothic* / ed. by Townshend D. (2014) Wright A. New York: Cambridge University Press. 257 p.

10. Radcliffe A. (1826) *On the Supernatural in Poetry* // *New Monthly Magazine*. Vol. 16.

11. Punter D. (1996) *The Literature of Terror*. Vol. 1: The Gothic Tradition. New York: Longman. 248 p.

12. Smith A. (2015) Radcliffe's Aesthetics: Or, The Problem With Burke And Lewis // *Women's Writing*. 22 (3): 317–330.

13. Miles R. (1995) *Ann Radcliffe: The Great Enchantress*. Manchester; New York: Manchester University Press. 208 p.

14. *Das Erhabene: Zwischen Grenzerfahrung und Groessenwahn* / hrsg. Ch. Pries (1989). Weinheim: VHC, Acta Humaniora. 390 S.

15. *The Encyclopedia of the Gothic* / ed. by Hughes W. Punter, D. Smith A. (2015) Chichester, West Sussex: Wiley Blackwell. 880 p.

16. Mayhew R. J. (2003) Gothic Trajectories: Latitudinarian Theology and the Novels of Ann Radcliffe // *Eighteenth Century Fiction*. 15: 583–613.

17. Берк Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного / пер. с англ. Е. С. Лагутина. М.: Искусство, 1979. 240 с.

18. Кант И. Критика способности суждения / пер. с нем. М.: Искусство, 1994. 367 с.

19. Шиллер Ф. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6: Статьи по эстетике / пер. с нем. М.: Худож. лит., 1957. 793 с.

20. Из истории английской эстетики XVIII века: Поп. Аддисон. Джерард. Рид. / пер. с англ. М.: Искусство, 1982. 367 с.

21. *Радклиф А.* Итальянец, или Исповедальня кающихся, облаченных в черное / пер. с англ. *Л. Ю. Бриловой, С. Л. Сухарева.* СПб.: Азбука, 2011. 512 с.

22. *Радклиф А.* Удольфские тайны / пер. с англ. *А. Гей.* СПб.: Азбука, 2010. 786 с.

23. Howells C. A. (2014 (1978)) *Love, Mystery and Misery: Feeling in Gothic Fiction.* London; New York etc.: Bloomsbury Academic. 210 p.

24. Bauer G. (2016) *Houses, Secrets, and the Closet: Locating Masculinities from the Gothic Novel to Henry James.* Bielefeld: Transcript Verlag. 234 p.

25. DiPlacidi J. (2018) *Gothic incest: Gender, sexuality and transgression.* Manchester: Manchester University Press. 312 p. *Литературоведение / Literature Studies.* 326 p.

26. Decker G.G. (2005) *The Fictions of Romantic Tourism: Radcliffe, Scott, and Mary Shelley.* Standford, California: Stanford University Press. 328 p.

27. Raškauskienė A. (2009) *Gothic Fiction: The Beginnings.* Kaunas: Vytauto Didžiojo universitetas. 88 p.

28. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 1 / пер. с фр. *С. Ч. Офертаса.* М.: Праксис, 2002. 384 с.

29. Castle T. (1995) *The female thermometer: eighteenth-century culture and the invention of the uncanny.* Oxford; New York etc.: Oxford University Press. 288 p.

30. *Ямпольский М. Б.* Ткач и визионер: очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 616 с.

31. *Радклиф А.* Роман в лесу / пер. с англ. *Е. Малыхиной.* М.: Ладомир, 1999. 315 с.

32. Copley S., Garside P. (1994) *The Politics of the Picturesque: Literature, Landscape and Aesthetics Since 1770*. Cambridge; New York etc.: Cambridge University Press. 304 p.

33. Underwood T. (2002) Romantic Historicism and the Afterlife // PMLA. 117: 237–251.

34. Заломкина Г. В. Готический миф как литературный феномен: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Самара: УОП СамГУ, 2011. 44 с.

35. Botting F. (1996) *Gothic*. London; New York: Routledge. 240 p.

36. Kosofsky Sedgwick E. (1981) The Character in the Veil: Imagery of the Surface in the Gothic Novel // PMLA. 96 (2): 255–270.

37. Кристева Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении / пер. с фр. А. Костиковой. СПб.: Алетейя, 2003. 256 с.

Публикуется по: Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 76. С. 306–328.

«НА ФИНИК СМОКВУ»: ПРЕДАТЕЛИ В ВЕЛИКИХ ТРАГЕДИЯХ ШЕКСПИРА

Предательство во все времена понимается как тягчайшее преступление человека перед Богом и другими людьми. Предательство всегда касается существенных вопросов, не поверхности жизни, а самой ее глубины, основ. Ибо оно лежит в области души. Разрушает ее бессмертие.

Предательство было первым *зло-деянием* в мире: светлосносный ангел стал предателем-отступником, когда взбунтовался и отпал от Бога. Следовательно, уже в фигуре Люцифера содержатся две грани предательства, которые и представляют его в полноте: измена и собственно предательство. Сатана будет отныне вдохновителем всех предательств, продолжающихся в человеческой истории, и главным образцом для всякого предателя.

В Средние века предательство считалось тяжелейшим злодеянием как преступление против духа. В иерархии преступлений и наказаний, показанной Данте в первой кантике «Комедии», предатели казнятся в самой глубине адовой воронки. Почему?

Согласно Данте, два самых тяжких преступления – это насилие (7 круг) и обман (8 и 9 круги). Он хуже всего. Вспомним объяснения Вергилия:

Обман и сила – вот орудья злых.

Обман – порок, лишь человеку сродный,

Гнусней Творцу; он заполняет *дно*

И пыткой казнится *безысходной*.

(Ад 11:24–26. Пер. М. Лозинского; курсив мой – Н.М.)

Предательство же, согласно Данте,
...вдобавок не щадит
Союз доверья высший и духовный.
(Ад 11:61–63)

Таким образом, предатели – худшие из обманщиков, ибо они обманули доверившихся. «Нечестивый род» предателей наказывается у Данте на самом «дне мира»:

- предатели родных в Каине, названной по имени братоубийцы;
- предатели родины и единомышленников (изменники) в Антеноре.
- предатели друзей и сотрапезников в Толомее. Предатель этого типа, что характерно, Душой в Коците погружен давно.

А телом здесь (среди живых – *Н.М.*) обманывает взоры.
(Ад 33:156–157)

То есть в *тело* предавших друзей и гостей вселяется бес и остается в нем до срока телесной смерти, тогда как душа такого предателя сразу падает на дно ада. Отметим эту особенность и вернемся к ней позже.

- предатели благодетелей, величия небесного и земного в Джудекке,
Где поглощен Иуда тьмой предельной
И Люцифер.

(Ад 31:143–144)

В самом центре внимания Шекспира оказываются именно два нижних пояса девятого круга, вместе составляющие *предел Иуды*.

Лицемеров, лжецов (включая поддельщиков людей, т. е. выдающих себя за других), клеветников и некоторых доносчиков (исключая Иуду, конечно) Данте помещает к обман-

щикам в восьмой круг. Самый дифференцированный круг, с точки зрения «специализации» населяющих его преступников. Перед Шекспиром не стоит задача создания классификации и иерархии. Всех перечисленных обманщиков он, по большей части, относит к предателям. Ибо в его трагедийной действительности конфликты предельно заострены и человеческие союзы и связи разной природы (по крови, по любви, по дружбе, по службе, по общему делу) немислимы без союза доверия¹. Во всяком случае, в фигуре Яго – вселенского злодея (*eternal villain*) – происходит такое расширение.

В эпоху Данте и Шекспира люди знали, что каждый из семи главных грехов (*гордыня/тщеславие, алчность, зависть, гнев, похоть, чревоугодие, уныние*), как и любое их сочетание, способно привести к предательству. Заметим, что в дантовом Аду караются не греховные страсти, а содеянное зло, то есть злые *дела*: «Скорбь да соразмерится *делам*»². Предательство становится смертным грехом³, когда оно

¹ В этом смысле, показательно сравнение конфликта шекспировской *трагедии* (например, «Отелло») с конфликтом пьесы «Венецианский купец», которая *трагедией не является* и в которой речь идет об обмане тех, кто, по выражению Данте, «не доверился ни в чем» (Ад 11:54).

² Данте. Чистилище. 30:106. Курсив мой – Н.М.

³ Иоанн Павел II в энциклике *Veritatis splendor* так описывал существо католической доктрины о смертном грехе: «With the whole tradition of the Church, we call mortal sin the act by which man freely and consciously rejects God, his law, the covenant of love that God offers, preferring to turn in on himself or to some created and finite reality, something contrary to the divine will (*conversio ad creaturam*). This can occur in a direct and formal way, in the sins of idolatry, apostasy and atheism; or in an equivalent way, as in every act of disobedience to God's commandments in a grave matter». Иными словами, «...mortal sin is sin whose object is grave matter and which is also committed with full knowledge and deliberate consent», и, кроме того, «...it causes the loss of sanctifying grace – and eternal damnation, when one dies in such a state of sin» // Ioannes Paulus PP. II. *Veritatis splendor*. 6 August 1993.

осознано, совершено по свободному выбору (в согласии с собой) и нераскаянно. В средневековом религиозном универсуме такое предательство не могло получить морального оправдания. Шекспировская аудитория точно знала: место предателя в аду⁴.

Был ли знаком Шекспир с *Commedia* Данте? Мог быть знаком. Известно, что уже Джеффри Чосер знал поэму, восхищался Данте и даже привез в Англию из поездки в Италию рукопись «Комедии». С 1472 года в Италии выходят первые печатные издания «Комедии», в том числе иллюстрированные и с комментариями Кристофоро Ландино (изд. 1481 г. и далее). Впечатляющие иллюстрации Антонио Манетти к *Inferno* сопровождали издания поэмы, начиная с 1506 г. В издании 1555 г. (Венеция) впервые на титуле появился эпитет «Божественная» – знак признания читателями XVI века. Ко времени Шекспира уже существовал перевод «Комедии» на каталанский язык Андре Фебрера (1429), доступный читающему по-французски, несколько французских переложений, в том числе известный перевод аббата Бальтазара Гранжье 1596/97 гг. (александрийским стихом). Так что Шекспир вполне мог быть знаком с поэмой Данте, несмотря на отсутствие ее английских переводов вплоть до конца XVIII века.

Тема предательства принадлежит к сквозным в творчестве Шекспира. Она проходит через все его хроники. Хватит пальцев одной руки, чтобы счесть не запятнавших себя предательством взрослых персонажей его исторических пьес. Детям у Шекспира подобное преступление не свойственно, они невинны (в согласии с евангельскими представлениями). В целом шекспировские хроники, а также «римские» трагедии подтверждают: в государственной,

⁴ Так было представлено предательство Иуды и в пьесах, входивших в английские циклы мистерий.

политической истории мира предательство присутствует повсеместно.

Мы рассмотрим, как раскрывается тема предательства и образ предателя в великих трагедиях Шекспира. Ибо, как любая значительная тема, именно в них она получает наибольшую глубину, силу воздействия и достигает высокого уровня обобщения, обретая качества модели. Здесь же, в трагедии «Макбет», мы находим замечательно точное определение предателя и предательства.

Son

What is a traitor?

Lady Macduff

Why one that swears and lies.

Son

And be all traitors that do so?

Lady Macduff

Everyone that does so is a traitor

And must be hanged.

Сын

А что такое предатель?

Леди Макдуф

Это тот, кто клянется и лжет.

Сын

И все, кто так делает, предатели?

Леди Макдуф

Всякий, кто так делает, предатель

и должен быть повешен.

(IV, 2)

Тот, кто клянется и лжет, обещает верность и изменяет. Оба эти смысла содержит простая формула леди Макдуф. Формула, понятная и ребенку. Она описывает классического

предателя, восходящего к образам сатаны, братоубийцы Каина и Иуды Искарюта.

Она поможет нам выявить персонажей-предателей в великих трагедиях Шекспира.

«О, злодеянье! Эй! Закройте двери! Предательство!»

В трагедии «Гамлет» таков Клавдий по отношению к Гамлету-отцу и Гамлету-сыну. Он осознанно совершает злодеяния (убивает своего брата Короля и злоумышляет на жизнь наследника престола) и не раскаивается в них. Попытка молитвы ничему не помогла: колено не согнулось, стальные жилы сердца не смягчились.

Интересно, что шекспировский Клавдий еще до поры (пока не начинает злоумышлять на жизнь Гамлета) говорит о совести, еще может испытать удар хлыстом по ней: *How smart a lash that speech doth give my conscience!* Он ощущает свое преступление как «тягостное бремя» (*heavy burden*), как «мерзкий» грех, «смердящий небу (*my offence is rank, it smells to heaven*).

Значит, душа братоубийцы еще не в Аду. Он еще взывает к помощи ангелов:

Увязший дух, который, вырываясь,

Лишь глубже вязнет! Ангелы, спасите!

(III, 3; здесь и далее пер. М. Лозинского)

Небо не приняло его «слова без раскаяния». Он же твердо решает уничтожить принца: если не путем подстроеной казни на чужбине, так с помощью отравленного вина во время придворных забав. И вот все терзания совести исчезли, и он сам уже «лик без души» (*a face without a heart* – IV, 7), подгоняемый к злым делам адской «волей»⁵.

⁵ Разговор Клавдия с Лаэртом – ключевое звено в завершении этой трансформации:

Лаэрт тоже предает Гамлета, когда воплощает свой замысел с отравленной рапирой, но в конце он кается и получает прощение (точнее, Гамлет и Лаэрт взаимно прощают друг друга перед смертью).

Гертруда (по отношению к мужу и сыну) и Офелия не могут быть отнесены к предателям, поскольку обе действуют не вполне осознанно, не по собственному выбору⁶ (во всяком случае, Офелия) и, самое главное, обе *раскаиваются* в невольном зле и *прощают*.

Но помимо коварного антагониста Клавдия, соотнесенного с братоубийцей Каином и одновременно с искусителем-сатаной⁷, помимо шумного Лаэрта, уподобленного мятежному гиганту, в трагедии есть предатели масштабом помельче. Но и их поступки – это то же самое предательство.

О тех, кто «умудрен и дальновиден»

Этимологически в слове «предательство» заключены два значения: *пре-даться* врагу и *пере-дать* врагу. Они взаимно дополнительные: измена и предательство по обыкновению идут рядом. Предательство как доносительство, как выдача друга, доверившегося, высокого духовно человека его врагу в христианстве считается особенно тяжким преступлением: таким было предательство Иуды Искариота.

...Равно благим ничто не пребывает,
И благость, дорастя до полноты,
От избытка гибнет; делать надо,
Пока есть воля; потому что воля
Изменчива, и ей помех не меньше,
Чем случаев, и языков, и рук... (IV, 7)

⁶ Лейтмотив добродетельной Офелии и королевы с «больной душой» (IV, 5) Гертруды в пьесе общий. Это «послушание» (*obedience*): “*I shall obey*”.

⁷ Да, этот блудный зверь, кровосмеситель,
Волшбой ума, коварства черным даром –
О гнусный ум и гнусный дар, что властны
Так обольщать! ...

...это ль не было паденьем! (I, 5)

Люди с весьма «искусной совестью», Полоний, Розенкранц и Гильденстерн, сначала без каких-либо терзаний предались новому королю – убийце и узурпатору (что еще как-то можно объяснить неведением). А потом с легкостью стали шпионами и доносчиками по отношению к законному наследнику престола.

Мотив отсутствия верности, легкой смены хозяина, обусловленной корыстью, уже не раз звучал в пьесах Шекспира. В истории Ричарда II он прямо связывался с предательством Иуды:

...Но я припоминаю эти лица:

Как будто люди эти мне служили,

Кричали мне: «Да здравствует король!»

Вот так лобзал Иуда...

(IV, 1; пер. М. Донского)

«...Вот мой дядя – король Датский, и те, кто строил ему рожи, пока жив был мой отец, платят по двадцать, сорок, пятьдесят и по сто дукатов за его портрет в миниатюре. Черт возьми, в этом есть нечто сверхъестественное, если бы только философия могла доискаться» (II, 2), – горько иронизирует Гамлет.

«Что ж, им нравилась их служба...», – скажет в финале принц Датский.

Полоний. Придворный широкого диапазона от лстивого советника до шута. Главное его достояние – «верный нюх в делах правленья». Крайне изменчивый⁸, недоверчивый⁹,

⁸ Уже из наставлений Полония сыну (I, 3) следует, что он придерживается странной логики:

...будь верен сам себе;

Тогда, как вслед за днем бывает ночь,

Ты не изменишь и другим.

Он провозглашает императив: в изменчивости – верность. И тем самым искажает понятие верности.

⁹ «Святым клятвам Небес» не верит, называет чистые обеты «своднями» и пр.

неумный и болтливый персонаж, льстивый и угодливый к власти, властный к домочадцам (раздает приказы дочери, учит ее лицемерить).

Он и правда неумен, и Гамлет относится к нему до поры снисходительно: «...этот большой младенец, которого вы видите, еще не вышел из пеленок», «не смейтесь над ним» (II, 2). Но он предугадывает, что Полоний принесет в жертву дочь с ее чистотой. Гамлет вспоминает историю Иеффая (Судьи 11:30-40). В проповедях шекспировской эпохи она часто служила предостерегающим примером «против клятв и лжесвидетельств»¹⁰, ибо Христос сказал: «не клянитесь вовсе...» (Мф. 5:34-37). А потом, обнаружив в нем шпиона, Гамлет скажет Офелии: «Пусть за ним запирают двери, чтобы он разыгрывал дурака только у себя. Прощайте...» (III, 1).

Полоний неразборчив в средствах, для него хороши те, которые одобрены властелином.

Его излюбленные средства достижения цели: «последить», «поразузнать» (*make inquiry*), подсмотреть, подслушать, обхитрить, солгать:

Приманка лжи поймала карпа правды;
 Так мы, кто умудрен и дальновиден,
 (*we of wisdom and of reach*)
 Путем крюков и косвенных приемов,
 Обходами находим нужный ход... (II, 1)

А то и вовсе:

Доказано, что набожным лицом
 И постным видом мы и черта можем
 Обсахарить. (III, 1)

¹⁰ Shakespeare W. (1982) *Hamlet*. Ed. H. Jenkins. L., N.Y. P. 475.

Полоний *сам вызывается* следить за Гамлетом (II, 2): предлагает Королю спрятаться за ковром и подслушать разговор принца и Офелии. Он шпион по собственной воле.

Королю пришлось по вкусу ремесло соглядатая, или, как он выразился, «законного лазутчика» (*lawful espial*). И в опочивальню Королевы (III, 4) Полоний приходит шпионить уже по прямому указанию Клавдия:

Как вы сказали – и сказали мудро, –
Желательно, чтоб кто-нибудь другой,
Не только мать – природа в них пристрастна, –
Внимал ему... (III, 3)

Таким образом, именно Клавдий послал Полония на смерть. В эпизоде «Мышеловки» Полоний в карнавальной манере предскажет собственный конец.

Полоний

Я изображал Юлия Цезаря; я был убит на Капитолии;
меня убил Брут.

Гамлет

С его стороны было очень грутально убить столь капитальное теля. (III, 2)

Только он отнюдь не Цезарь. Здесь, как в карнавале, работает логика обратности. Цезарь был предательски убит заговорщиками. Шпион (*busy*) и доносчик (*rat*) Полоний станет случайной жертвой, он будет убит объектом слезки, гонимым и травимым Гамлетом:

Что? Крыса?
(*Пронзает ковер*)
Ставлю золотой, – мертва!
...Ты, жалкий, суетливый шут, прощай!
Я метил в высшего; прими свой жребий;
Вот как опасно быть не в меру шустрым. (III, 4.)

Thou find'st to be too busy is some danger. Второе значение *busy* – сыщик, шпион. Переносное значение «крысы» в английском языке, как и в русском, – это доносчик.

Безразличные сыны земли. Именно так два «друга» при встрече рекомендуют себя Гамлету. Розенкранц и Гильденстерн, похоже, действительно не отличают верх от низа, достоинство и благородство от низости и предательства. Им все равно, что «с юных лет они росли» с Гамлетом и «нет на свете двух людей ему любезней». Они сами – лучшее опровержение их собственной новости о том, что «мир стал чистен».

«Так, значит, близок Судный день; но только ваша новость неверна», – усомнится в известии Гамлет.

Для начала «друзья» готовы за обещанное вознаграждение «разведать», что «сокрыто» в душе принца. И лицемерно оправдывают свое предательство его же пользой:

Гильденстерн

Да обратит всевышний нашу близость
Ему в добро и помощь! (II, 2)

Чуть позже они согласятся фактически взять своего друга детства и университетского товарища под стражу и препроводить в Англию, на смерть.

Совесь двух «собратьев-гадюк» на поверку оказалась гораздо «искуснее», чем представлял себе поначалу Гамлет¹¹. Впрочем, очень скоро он поймет, что получил в их лице «на каждое ухо по слушателю» (*at each ear a hearer*), по дознавателю «в чем причина его расстройства», по осведомителю о его мыслях и занятиях, по горе-музыканту, не умеющему

¹¹ “...За вами посылали; в ваших взорах есть нечто вроде признания, и ваша совесть недостаточно искусна, чтобы это скрасить” (II, 2).

справиться с флейтой, не то что с ладами души Гамлета¹². Наконец, он получит в их лице двух конвойных, сопровождающих его на плаху.

...два моих собрата,
Которым я, как двум гадюкам, верю,
Везут приказ; они должны расчистить
Дорогу к западне. (III, 4)

Два «друга», стремящиеся загнать жертву в сеть и попадающие в нее сами. Каковы их свойства? Они наемники, т. к. наняты Королем, но при этом *вольные* наемники, и им нравится их служба. Бездушны, корыстны, невесомы (как тень тени). Легко лгут, легко льстят, легко покупаются, легко предают.

Пусть сахарный язык
Дурацкую облизывает пышность
И клонится проворное колено
Там, где втираться прибыльно. (III, 2)

Эти слова Гамлета описывают всех льстецов и корыстолюбцев пьесы.

Они губки, которые «впитывают благоволение короля, его щедроты, его пожалования. Но такие царедворцы служат королю лучше всего напоследок; он держит их, как обезьяна орехи, за щекой: раньше всех берет в рот, чтобы позже всех

¹² «Вот видите, что за негодную вещь вы из меня делаете? На мне вы готовы играть; вам кажется, что мои лады вы знаете; вы хотели бы исторгнуть сердце моей тайны; вы хотели бы испытать от самой низкой моей ноты до самой вершины моего звука; а вот в этом маленьком снаряде – много музыки, отличный голос; однако вы не можете сделать так, чтобы он заговорил. Черт возьми, или, по-вашему, на мне легче играть, чем на дудке? Назовите меня каким угодно инструментом, – вы хоть и можете меня терзать, но играть на мне не можете» (III, 2).

проглотить; когда ему понадобится то, что вы накопили, ему стоит только нажать на вас – и, губка, вы снова сухи» (4, 2).

А на вопросы «губки», в самом деле, «какой ответ может дать королевский сын»? У некогда «беспечного, великодушного, чуждого всяким козням» Гамлета после столкновения с лукавым миром тотальной лжи и доноительства не остается жалости к тем, кто его «кругом опутал негодяйством»:

Что ж, им была по сердцу эта должность;

Они мне совесть не гнетут; их гибель

Их собственным вторженьем рождена¹³ (V, 2)

Их гибель – прямое следствие их собственных «наветов», «происков» (*insinuation*). Так считает Гамлет.

И разумеется, в трагедии о Гамлете король Клавдий – зачинщик всех дьявольских козней. Он виновен не косвенно, а прямо и в смерти Полония, и в смерти Розенкранца и Гильденстерна, и в безумии и смерти Офелии (именно этому «змею» в жертву принес свою дочь Иеффай-Полоний), и в смерти Гертруды, и в смерти Лаэрта. Это он послал их всех на лукавые дела¹⁴.

Шекспировские «ничтожные» доносчики едва ли понимали, что попали в эпицентр битвы сил добра и зла. Но свою сторону они выбрали вполне осознанно. И в этом отличие шекспировских «ничтожных» (*the baser nature*) от Дантовых, не сделавших выбор между добром и злом и потому пребывающих в преддверии Ада. «От них и суд и милость отошли. Они не стоят слов: взгляни – и мимо!», – учил поэта Верги-

¹³ ...they did make love to this employment;
They are not near my conscience; their defeat
Does by their own insinuation grow... (V, 2).

¹⁴ Недаром Офелия «твердит, что мир лукав» (...*there's tricks i' the world*) и сокрушается: «Господи, мы знаем, кто мы такие, но не знаем, чем можем стать» (IV, 5).

лий (Ад 3:50–51). Шекспировские свой выбор сделали сами. И этим выбором предопределили свой конец.

«О, подлость изглумилась над любовью!»

В трагедии «Отелло» таков Яго – нормативный антагонист¹⁵ шекспировских трагедий, как назвал его Л. Е. Пинский. Чем же задана его нормативность? А вот чем. Яго – воплощение всех семи главных грехов.

Он тщеславен (жаждет должности, вообще карьерист) и горд (изворотливым умом), алчен (Родриго с его кошельком тому подтверждение), гневлив, похотлив (сам признает за собой этот грех¹⁶), чревоугодлив (неизменный участник трапез и попоек с Родриго), завистлив и уныл.

На этих последних пороках остановимся подробнее.

Чревоугодие – свидетельство победы тела, плоти над духом. Прокладывает пути злым делам. Эта тема важна в трагедии. Шекспир доносит ее до своего зрителя через линию Яго-Родриго (в первой же сцене Брабанцио резко осуждает этот грех: «ты, в своем безумье, Раздутый ужином и пьяной влагой...») и через линию Яго-Кассио, искушителя и поддавшегося искушению.

В эпизоде опьянения Кассио (II, 3) показан сам механизм превращения греховной страсти в дурные дела.

¹⁵ Пинский Л. Шекспир. Основные начала драматургии. М., 1971. С. 160.

¹⁶ ...в нее влюблен и я, –

Не из распутства только, хоть, быть может,

На мне лежит и этот тяжкий грех,

Но также ради утоленья мести... (II,1)

Яго во всех подозревает похоть: «Распутство, клянусь этой рукой; вступление и темный пролог к повести о вожделинии и грешных мыслях» (II,1). Здесь и далее трагедия «Отелло» цитируется в переводе М. Лозинского, за исключением особо оговоренных случаев.

Кассио

...Напиться пьяным! И городить вздор! И лезть в драку! Буянить! Ругаться! И разглагольствовать с собственной тенью! О ты, незримый дух вина, если у тебя нет своего имени, то зовись дьяволом! ... О, Боже, и как это люди берут себе в рот врага, чтобы он похищал у них разум! Как это мы, с радостью, с удовольствием, с шумным весельем и кликами, превращаем себя в скотов! ...Дьяволу опьянения угодно было уступить место дьяволу ярости. Одно несовершенство выводит мне напоказ другое, чтобы я окончательно презирал себя.

Яго

Уж очень, знаете, вы строгий моралист...

Уныние – отчаяние в милосердии Господнем, «оболгатель» Бога – было свойственно Каину. Он усомнился в благодати Бога, решил, что Он немилосерд, и, в конечном счете, в сочетании с завистью, это привело его к убийству. Уныние было свойственно и Иуде. Так считали в Средние века¹⁷. Данте тоже понимал эту крайне опасную, лукавую страсть как бесчувствие души к Божьему миру. Он описывал унылых в 5 круге как тех, кто «полон вялым дымом», «втиснут в грязь», «чьи глотки тиной сперло» (Ад 7: 129, 123-124).

Яго активен. Он тот, кого уныние уже обратило к злым делам. Его злоба деятельна: он хулит Бога и его Творение и стремится его разрушить. Его душа уже не бесчувственна. У него ее просто нет.

Зависть – *доминанта* характера Яго, это заявлено с самого начала:

¹⁷ «Сей ужасный грех столь опасен, что отчаявшийся не боится уже никакого греха и никакого преступления, как показал пример Иуды» (см. «Рассказ священника» в «Кентерберийских рассказах» Дж. Чосера).

...затрави счастливца...
Ты мухами его замучь; он счастлив,
А ты засыпь досадой это счастье,
Чтобы оно поблекло.¹⁸ (I, 1)

А в сочетании с унынием зависть приводит к чудовищным последствиям (комплекс Каина). Яго радуется чужой боли и разладу. Он не желает видеть красоту Божьего мира и радость людей. На фоне тех, кому дана «повседневная красота жизни» (*a daily beauty in life*), он сам себя осознает уродом (V, 1). Для него «наслаждение» (*joy*), «потеха» (*sport*) разрушить гармонию, «подменить покой безумьем» (II, 1), и он готов скорее «задохнуться» от такого наслаждения, чем «упустить его» (I, 3).

Все эти страсти, свойства природы Яго пролагают пути самым страшным преступлениям.

Уже в первых строчках трагедии звучат слова «гнусный» и «презренный» (*abhor me, despise me*), и по существу, Яго входит в пьесу как законченный обманщик, лицемер и предатель. См. лейтмотивы его первого монолога:

...Я ему служу,
Чтобы на нем сыграть...
...[Я из тех, кто,] надев личину долга,
В сердцах своих пекутся о себе...
Служа ему, я лишь себе служу;
...не по любви и долгу,
А лишь под видом их – в своих же целях...
(I, 1; пер. М. Лозинского)

¹⁸ ...poison his delight...
Plague him with flies: though that his joy be joy,
Yet throw such changes of vexation on't
As it may lose some color.

Но чем открыть лицо свое – скорей
Я галкам дам клевать свою печенку.
Нет, милый мой, не то я, чем кажусь.
(I, 1; пер. Б. Пастернака)

То есть в трагедию «Отелло» ее антагонист входит уже законченным предателем, *лишенным души*.

Конечно, можно было бы объяснить это театральной традицией: Яго – преемник фигуры Порока народного театра, елизаветинский сценический макиавель. И в этом есть резоны. Но это не исчерпывающее объяснение.

Занимаясь предателями в великих трагедиях, я заметила, что в определенных ситуациях Шекспир воспроизводит одну и ту же модель. Модель утраты предателем души уже в *этом*, земном, мире. Модель, описанную Данте в *Inferno*.

Вот Клавдий. В нем еще теплилась совесть, но он начинает злоумышлять на жизнь Гамлета, решает отравить его во время придворных увеселений (мотив совместной трапезы), и... безвозвратно теряет душу.

Вот Яго. Не схема, не ходульный Порок. Он очень живой (хотя исключительно телесный) персонаж. Многие отмечали «потрясающий реализм» образа Яго, неизменно вызывающий «интерес массового зрителя»¹.

Так значит, можно быть живым телом без души? По убеждению Шекспира и Данте, да, можно. Каков механизм такого превращения?

Вспомним пояснения, которые дал путникам брат Альберго в 33 песне «Ада»:

¹ Пинский Л. Указ. соч., С. 167.

Знай, что, едва предательство свершила,
Как я, душа, вселяется тотчас
Ей в тело бес, и в нем он остается,
Доколе срок для плоти не угас.
Душа катится вниз, на дно колодца.
(Ад 33:129–133)

Случай Альбериго не уникален у Данте. Эта ситуация типична: таков Бранка д'Орья, который многие годы «от стужи жметя» в Аду, тогда как на земле «он ест, и пьет, и спит, и носит платья», и другие подобные злодеи. Более того, как выясняется, Бранка потерял душу еще до свершения злодеяния, когда задумал его.

Так и шекспировский Яго с самых первых шагов на сцене скорее напоминает беса во плоти, оставшегося на земле, чья душа давно в аду.²

Он с первых строк обнаруживает знакомство с преисподней, методами ее хозяев и полагается на помощь сил ада:

Хоть он мне ненавистней адских мук
(*I do hate him as I do hell-pains*) (I, 1)

...Если ханжеский и хрупкий обет, связующий бродягу-варвара и хитроумнейшую венецианку, не слишком твердое препятствие для моей изобретательности и всех адских полчищ (*all the tribe of hell*), ты ею насладишься... (I, 3)

Так. Дело зачато. Пусть ночь и ад
На свет мне это чудище родят. (*Hell and night
Must bring this monstrous birth to the world's light*) (I, 3)

² Как именно антагонист утратил душу, Шекспир не показывает. Но по тому, с какой легкостью он предает свою жену (Эмилию), друзей-сотрапезников (Родриго и Кассио) и благодетеля (Отелло), мы понимаем, что это закономерно.

...Богословье ада!

Чтобы внушить чернейший грех, нечистый
Сперва рядится в райские обличья,
Как я сейчас.

(Divinity of hell!

*When devils will the blackest sins put on,
They do suggest at first with heavenly shows,
As I do now...)* (II, 3)

То – хитрость ада, сверхиздевка беса –
На верном ложе обнимая шлюху,
Считать ее святой.

*(O, 'tis the spite of hell, the fiend's arch-mock,
To lip a wanton in a secure couch,
And to suppose her chaste!)* (IV, 1)

Лексика Яго – это лексика бездны. Постепенно он заражает ею Отелло. И вот уже в языке трагедии нарастают как грязный ком образы ада: крови, огня и серы, змей, мух и жаб, дьяволов и нежных дьяволиц, бесов и адских своден, псов, козлов и обезьян³.

³ Теми же животными образами наполнен *Inferno*. Особенно стоит отметить собачьи аналогии между текстом «Ада» и «Отелло». Яго в пьесе многократно уподоблен псу. Вряд ли это случайно. Песья образность занимает значительное место у Данте: в 5 круге (где злые и завистники), в 8 круге стаи собак гонят самоубийц, и особенно в 9 круге песьи морды предателей, вмерзших в лед Коцита (32:71). 32-ая песнь «Ада» – средоточье псов, козлов (32:50) и лягушек (32:31-36). Знаменитое восклицание Мавра («Козлы и обезьяны!»), как и предшествующие ему слова Яго («будь даже оба резвей козлов, блудливей обезьян»), тоже, скорее всего, отсылают к Аду (если и не к дантову, то к общим представлениям о преисподней). Обезьяну у Данте, правда, найти не удалось. Но в Средние века люди знали, что дьявол – это «обезьяна Господа Бога»: подражает и копирует, но с обратным знаком, полностью искажая.

Яго абсолютно телесен, лишен души. Он рассуждает о теле-«саде» и разуме, охлаждающем наши страсти. Но Дух, наделяющий благодатью, единственно способный возвысить человека, для него не существует. В Яго торжествует «низменность природы». Любовь для него – это «всего лишь прихоть крови и поблажка воли» (I, 3). Благородный Отелло, человек с «ясной душой» (*perfect soul* – I, 2), «щедрым и открытым нравом» (*of a free and open nature* – I, 3) ему «ненавистней адских мук».

Обман, предательство – это его «внутренняя сущность и облик сердца» (*the native act and figure of my heart*), но до поры он намерен это скрывать. Придет время, и все будет явлено в его поступках, преступных деяниях. И вот уже он – практический предатель (обманывает всех без исключения героев трагедии, доверившихся его «честности», им всем он в чем-либо клялся и присягал в верности) и убийца не на словах, а на деле (чужими руками убивает Дездемону, своими – Эмилию, является виновником самоубийства Отелло).

Одно из сохранившихся «темных мест» в трагедии «Отелло» связано с загадочным молчанием антагониста в финале:

Отелло

...Пусть вам ответит этот полубес,
Зачем он мне опутал дух и тело.

Яго

Не спрашивайте. Вам довольно знать.
Отныне впредь я не скажу ни слова.

(V, 2)

С этим отказом Яго от объяснений во многом связано и укоренившееся представление о его «немотивированной ненависти» (С. Колридж) к Отелло. Развивая эту тему, Л. Пинский приходил к выводу о противостоянии герою трагедии

«человеческой неполноценности» в образе Яго⁴. Однако это никак не объясняет отказа Яго разговаривать в финале.

В этой связи вспомним еще один эпизод *Inferno*. Среди предателей родины и единомышленников в Антеноре Данте помещает некоего флорентийца Бокку, во время решающей битвы отрубившего руку своему соратнику (ср. с Яго, который покусился на жизнь своего сослуживца Кассио и разрубил ему ногу). На просьбу поэта открыться, чтобы оставить свою историю потомкам, Бокка категорически отказывается говорить: «Хочу наоборот. Отстань, уйди» (Ад 32:94–95). В отличие от других грешников, предатели, согласно Данте, не хотят, чтобы их вспоминали в земном краю. Возможно, это и причина молчания Яго. Кроме того, его молчание свидетельствует об отказе от молитвы и покаяния.

В последних сценах трагедии настоящее его лицо открывается и «честный» Яго предстает перед окружающими в своем действительном обличье: «лютый пес», «змея», «аспид», «бес», «полубес», «исчадь ада» и «дьявол»: «Я на ступни ему смотрю. Нет, вздор! Когда ты – дьявол, как тебя убить?».

Так пусть его поганая душа
Гниет по крошке в день! –

Этого желает предателю Эмилия (V, 2). Подобное наказание не описано даже у Данте.

Инок Альбериго (герой истории с фруктами, которыми отравил своих гостей) в Аду запоздало жаловался поэту, что «здесь на финик смокву променял» (*che qui riprendo dattero per figo* Ад 33:120). То есть, отринув смирение, отмстив обиду, получил взамен вечную муку. Для Яго *virtue* (добродетель, доблесть) – та же смоква (*a fig*), которую он по собственной

⁴ Пинский Л. Указ. соч., с. 167.

воле (*our wills are gardeners*), осознанно и без сожалений отдал за адский «финик».

Добродетель-«смокву», особенно упомянутую в контексте отсутствия у живущего души, а также в сходном образном контексте⁵, можно считать уникальным доказательством знакомства Шекспира с текстом Данте, свидетельством моделирования образа Яго по образцу inferнальных предателей 33 песни.

Образ Яго – вселенского злодея (*eternal villain*) – позволил Шекспиру существенно расширить представление о границах предательства, в сравнении с моделью *Inferno*. Как и обитатели 9 круга у Данте, Яго предает *родных* (жену Эмилию), *родину* (действие пьесы происходит «в военной обстановке»), *друзей и сотрапезников* (подло, исподтишка, закалывает Родриго и Кассио, по счастью, не до смерти), *благодетеля* (генерала Отелло, который, по собственному признанию Яго, его любил, был с ним открыт и щедр).

Но, кроме этого, и все другие виды обмана отлиты Яго по форме предательства.

Он и лицемер, и поддельщик людей, и лжец («злостный лжец»), и вор, и лукавый советчик, и зачинщик раздоров. Он клеветник и доносчик:

И твой навет привел к ее убийству
(*And your reports have sat the murder on*), –

бросает ему Эмилия (V, 2).

В конечном счете, в фигуре Яго перед шекспировским зрителем предстал архетип предателя, предатель во плоти.

И при этом драматург по-своему ломал барьер между подмостками и публикой, когда этим предателем оказывался не исторический или легендарный персонаж, не могущественный

⁵ Ср. «садовую» образность: «плоды злого сада» (Ад 33:119) / «тело – сад», «воля – садовник» в «Отелло» (I, 3).

барон, не знаменитый муж, чьи благие или злые деяния запечатали поэты, а безвестный поручик, рядовой человек, ничем не отличающийся от соседа, такого же театрального граундлинга.

Подобный антигерой служил примером и предостережением для большей части аудитории. Шекспировский зритель просто обязан был воспринимать его происки как «случай, нас всех касающийся» (I, 2).

Мир наоборот

Трагедия «Король Лир» наполнена предателями почти как сам девятый круг Дантова Ада. Предательство – одна из ее главных тем. Многие критики делят ее персонажей на «добрых» и «злых», как в сказке. Но с не меньшим основанием можно утверждать, что в пьесе «моральные дураки» (*moral fools*)⁶ противостоят лжецам, изменникам и предателям (*traitors*).

Предательство здесь не только свершается втайне, но и провозглашается прилюдно, всенародно, с помощью законов и глашатаев. Парадоксальным образом сразу два персонажа пьесы объявляются предателями: старый Глостер и его внебрачный сын Эдмунд. Но на деле предателем является лишь один из них.

В мире, захваченном злыми, *всё наоборот*, всё поставлено с ног на голову.⁷ Настоящие предатели (Корнуэл, Регана

⁶ «Апостол кротости» (Б. Пастернак), «дурацкий проповедник» (М. Кузмин), «высоконравственный дурак» (О. Сорока). Эта оппозиция глупых и мудрых (в понимании Макиавелли), праведников и предателей, овнов и козлиц развивает мотив, заданный репликой Яго в разговоре с Кассио: «Уж очень, знаете, вы строгий моралист».

⁷ Всё «наизнанку» (Б. Пастернак), всё «наоборот» (О. Сорока). Пигалица Освальд докладывает о странном восприятии новостей герцогом Альбани:

Я про измену Глостера-отца,
 Про верность сына-Глостера, а он мне:
 «Кретин, ты все сказал наоборот»
 (IV, 2; пер. О. Сороки)

с Гонерильей) по доносу Эдмунда официально объявляют «предателем» и «изменником» честного и верного Глостера («шпионил в пользу Франции»). Отца выдает палачам мечтающий подняться по социальной лестнице сын. За голову ослепленного старца объявляется награда. Отныне он *proclaim'd prize, publish'd traitor*, любой прохожий вправе лишить его жизни. Своей «законной» добычей считает его злобный и льстивый Освальд, намереваясь получить за это убийство деньги.

Жертвы предателей (Лир, Эдгар, Глостер), напротив, борются в пьесе с духом «отрицания», с чертом, с искушениями... А затем и с самими предателями. Особенно показательны, в этом смысле, сцены в степи (III, 4 и IV, 1) и в поле близ Довера (IV, 6 – прыжок с утеса, где Эдгар учит отца уповать на Бога).

В кажущихся безумными речах бедного Тома («Черт носил его через костры огненные...» III, 4) возникает слово «предатель» в соотнесении с бесом (*foul fiend*).

Связка *дьявол-предатель* мгновенно отзовется в раненом дочерней жестокостью сознании Лира:

Сгинь, отрицатель (*traitor*)! Кто мог надругаться

Над бедным, кроме жадных дочерей?

(III, 4; пер. Б. Пастернака⁸)

Что способно помочь отверженным и поруганным победить активное зло? Верность заповедям: «Берегись злого духа, почитай родителей, будь верен слову, не божись, не заглядывайся на чужую жену, не приучай своей милой к роскоши...». Эта мудрость, высказанная «философом» Эдгаром, так глубоко отзовется в сердце Лира, что он уже не захочет с ним и с нею расстаться.

⁸ Здесь и далее перевод Б. Л. Пастернака, за исключением особо оговоренных мест.

В финале «моральные дураки» вступают в смертельную битву с предателями. Герцог Альбани, а затем Эдгар провозглашают изменником и предателем Эдмунда.

Альбани

...Ты, Эдмонд,
Виновен в государственной измене (*on capital treason*)
Совместно с этой золотой змеей...
...ты лжец, преступник и предатель...
Я хлеба не вкушу,
Пока не докажу исходом боя,
Что ты все то, чем я называл тебя. (V, 3)

Эдгар

А я по праву своего рожденья
Во имя чести рыцарской и клятв
Пришел сказать, что, несмотря на силу
И званье, доблесть, молодость, успех
И новую победу, ты – предатель
Перед богами, братом и отцом
И перед этим герцогом изменник
И весь запятнан с головы до ног
Следами гнусной низости и грязи. (V, 3)

Поединок братьев – Божий суд – ясно показывает, на чьей стороне правда. Предатель оказывается повержен.

Но даже ему «дурацкий проповедник» Уильям Шекспир оставляет шанс для раскаяния: Эдмунд «растроган» рассказом брата и вопреки своей природе перед смертью «хочет сделать добро» (V, 3).

Ибо, кто мы такие, чтобы судить, кто спасется? Об этом говорит отлученный от церкви Манфред в «Чистилище» у Данте:

Мои ужасны были прегрешенья;
Но милость Божья рада всех обнять,
Кто обратится к ней, ища спасенья.

(Чистилище 3:121–123)

Манфред свидетельствует: в последний миг жизни он «с плачем сокрушенья» предал свою душу Тому, кем «и злодей прощен» (см. Лк. 23:40–43).

Казалось бы, тема предательства прикреплена в трагедии Шекспира к линии Глостера и сыновей. Однако она гораздо шире и пронизывает всю пьесу. Кроме «объявленных» предателей, здесь есть другие, не менее страшные.

Гонерилья – трижды предательница (она злоумышляет на жизнь отца, мужа и отравляет сестру) и самоубийца.

С нею в пьесу, как прежде в «Отелло», входит пьесья образность. Там псом звали Яго. Здесь Гонерилья – «оборотень адов» – сама себя соотносит с собакой: «Не стою даже сви-ста». В обращенной к ней инвективе Альбани соединены образы, отсылающие к кругам *Inferno* – сладострастникам (ветер, пыль), зачинщикам раздоров (отсечение от корня, расторжение связей родства) и самоубийцам (превращенным в бесплодные и ядовитые сучья растений):

Не стоите вы пыли, что нам ветер
В лицо несет. Мне страшен ваш характер.
Природа, что пренебрегает корнем,
Сама себя в границах уж не сдержит.
Кто хочет быть отрезанною веткой
Ствола живящего, тот лишь как хворост
Годится для сожженья.⁹

⁹ Гонерилья отвечает на эти слова: “Бредни! Вздор!” (*The text is foolish*). О каком *тексте* идет речь? Едва ли слова Альбани отсылают к Евр. 6:8 (см.: Shakespeare W. *King Lear*. Ed. K. Muir. L., N.Y. 1990, p. 167, n. 36–37). Текст *Inferno* ближе по смыслу. Но скорее, под «текстом» она подразумевает просто «поучение», «проповедь».

(IV, 2; пер. М. Кузмина)

Альбани прямо уподобляет жену «дьяволу», «демону», «зверю». Гибель сестер и Корнуэла он понимает как Божье воздаяние:

Есть, значит, правосудье в Небесах... (IV, 2)

...Вселяет страх

Небесный суд, свершившийся над ними,
Но нам не жалко их. (V, 3)

Нам не жалко их – таков был лейтмотив поучений Вергилия поэту в двух нижних кругах Ада. В бездне «жив к добру тот, в ком оно мертво» (Ад 20:28). Наказываемые там обманщики и предатели не стоят сострадания, сочувствовать им – большой грех. Более того, поэт у Данте горд тем, что обманул предателя: «И было доблестью быть подлым с ним» (Ад 33:150).

Гонерилья – подлинно inferнальное существо – чуть ранее полностью переиначила этот постулат:

...Что, ты не знаешь,

Что сострадать преступно там, где надо

Предупредить злодейство?

(IV, 2; пер. М. Кузмина)

Под «злодейством» дьяволица имеет в виду французскую армию во главе с Корделией, которая пришла спасать отца и страну от поругания. Но в том и дело, что шекспировский зритель вместе с Альбани – «дураком», «жалким трусом с щеками для пощечин» (см. Мф. 5:39) – учился сострадать тем, на чьей стороне правда: избавителям короля и страны, а не палачам и предателям, превратившим родину в бездну Ада.

Шекспир неустанно твердит своей публике: помните, что в мире предателей всё наизнанку, *всё наоборот*.

В мрачном ряду предателей этой трагедии почетное место занимает герцог Корнуэл. Он предал своего благодетеля Лира, выгнав его в неистовую ночь и бурю в открытую степь, на верную смерть.

...И это допустил мой брат и герцог,
Которого старик так одарил?

(Альбани в IV, 2)

Корнуэл с Реганой разорвали связи родства, любви и доверия, опрокинули все законы гостеприимства: изгнали старика Лира, надругались над стариком Глостером в его же доме.

Все эти персонажи – предатели. Вновь, как и в «Отелло», главными инструментами предателей оказываются у Шекспира лицемерие, ложь, доносительство. Он показывает их совершенную взаимосвязь:

Они ласкали меня, как собачку... Что я ни говорил, они: «да» и «нет». И эти «да» и «нет» были не Божьи слова... Поди ты, слово у них расходится с делом; они говорили, что я – всё. Они лгали: я с лихорадкой справиться не могу... (IV, 6; пер. М. Кузмина)

Главным преданным в трагедии является, несомненно, король Лир. Он трижды предан: как монарх (ведь отдав власть, он сохранил себе имя и титул), как отец, как благодетель. И все же его положение несравненно лучше, чем было у Ричарда II.

Низложенный Болингброком король Ричард сетовал, что из служивших ему ни один не остался верен:

...Как будто люди эти мне служили,
Кричали мне: “Да здравствует король!”
Вот так лобзал Иуда. Но Христос

Одним лишь из двенадцати был предан;
Меня же предали двенадцать тысяч.
И не остался верен ни один.

(IV, 1; пер. М. Донского)

К счастью, у Лира остались «двенадцать верных»: Корделия и Француз, Кент, Глостер, Эдгар, Альбани, Шут, помогающий Глостеру Старик – ровесник Лира, несколько преданных рыцарей и придворных. Их мало. Но их довольно, чтобы «искупить все, чем запятнали природу злодеяния» предателей.

Есть в трагедии о Лире и свой доносчик – Эдмунд, ибо предательство, измена и донос идут рядом. Это показывает и архетип доносчика, коим в христианской традиции является Иуда.

Авторству Эдмунда принадлежат доносы отцу и герцогу Корнуэлу на брата Эдгара в форме навета (II, 1), а затем донос Корнуэлу на отца (III, 5).

Старый Глостер на протяжении всего действия остается верен Лиру. Видя надругательства, которые терпит король, он уповает на Корделию, единственную силу, способную восстановить справедливость, и поддерживает с ней связь. Эдмунд использует отцовскую верность в своих низких целях:

Про тайную поддержку короля
И про письмо я герцогу открою.
Вот случай выслужиться перед ним.
Старик пропал. Я выдвинусь вперед.
Он пожил – и довольно. Мой черед. (III, 3)

Так сын продает отца за графский титул и благоволение нового властителя, обрамляя свое предательство лицемерными словами о «верности присяге», которая «заглушила сыновние чувства» (*nature thus gives way to loyalty*):

...Какая несчастная судьба у меня! Мне приходится жалеть, что я поступил правильно. О небо! Как бы мне хоте-

лось, чтобы не было этой измены и мне не выпало на долю раскрыть ее! (*that this treason were not, or not I the detector*) ...Я и дальше буду верен гражданскому долгу, хотя для этого мне придется подавлять голос крови. (III, 5)

Но может ли быть верным Родине и присяге предавший родного отца?

В сцене ослепления Глостера мотивы попраiania законов гостеприимства и потери души (случай Альберико, Бранко д'Орья) вновь оказываются связанными:

Глостер

Милорд, миледи! Не платите злом
За доброе мое гостеприимство.

Регана

...У, бессовестный!

Глостер

Неправда! Я с совестью, а вы вот – без души...

...Эти волоса,

Которые ты вырвала, предстанут
На будущем суде! Я дал вам кров,
А вы мне, как разбойники, за это
Увечите лицо! Что надо вам?¹⁰ (III, 7)

Так было и в трагедии «Отелло», где Яго предавал друзей и сотрапезников (Родриго и Кассио). Нарушение законов гостеприимства, предательство друзей и осквернение общей трапезы повторится и в «Макбете». Почему драматург при-
вержен этой модели?

¹⁰ *Им* – слугам зла – надо истребить всех праведных, чтобы в мире не осталось «моральных дураков», вечно оттеняющих их собственное уродство.

Копье Иуды

Данте назвал предательство копьем Иуды (*la lancia con la qual Giuda...*). Копьем Иуды – то есть предательством – человек приобретает «только грех и стыд» (Чистилище 20:73–74, 77).

Преступления, наказываемые у Данте в Толомее и Джу-декке (в двух нижних поясах девятого круга), в понимании человека Средневековья, вероятно, были тесно связаны. Поскольку вместе они составляют Иудин грех. Он предал Христа как друга и сотрапезника («ядущий со Мною хлеб поднял на Меня пяду свою» Ин. 13:18; «И вот, рука предающего Меня со Мною за столом» Лк. 22:21). И он предал Христа как Учителя и Сына Божия, а значит, он предал Отца небесного, пославшего Сына Своего в мир.

Представление о душе такого предателя, мгновенно падающей к сатане, как видно, находит основание в Евангелиях от Луки («Вошел же сатана в Иуду... И он пошел и говорил с первосвященниками и начальниками, как Его предать им», 22:3–4) и от Иоанна («И после сего куса вошел в него сатана...», 13:27)¹¹.

Иудин грех, вероятно, рассматривался в Средние века как не подлежащий искуплению («и никто из них не погиб, кроме сына погибели» Ин. 17:12). «...И пыткой казнится безысходной», – свидетельствовал о тех, кто на дне, Вергилий у Данте.

Иудиным грехом отмечены большинство предателей у Шекспира. Это утратившие душу уже на земле Клавдий (изобретатель кубка с ядом), Яго, Корнуэл, Регана и Гонерилья

¹¹ «...Иисус возмутился духом, и засвидетельствовал, и сказал: истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня... тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам. И, обмакнув кусок, подал Иуде Симонову Искарйоту. И после сего куса вошел в него сатана. Тогда Иисус сказал ему: что делаешь, делай скорее. ...Он, приняв кусок, тотчас вышел; а была ночь» (Ин.13:21-30).

(именно она предложила вырвать глаза давшему им кров), Макбет и леди Макбет. А также доносчики Эдмунд, Полоний, Розенкранц с Гильденстерном.

Каинов грех братоубийства довлеет на таких предателях, как Клавдий, Яго (называл Кассио *братом*), Гонерилья и Макбет¹².

Наконец, в истории Макбета в аллегорической форме повторяется и преступление первого предателя (Люцифера): был лучшим – стал наихудшим. Макбет пал с вершины *virtue* (доблести-добродетели) в бездну ада (предательства).

Все три самых чудовищных преступления продолжают-ся в земном мире, в человеческой истории. И всякий раз, когда совершаются подобные предательства, преданными также оказываются Отец Небесный и Его Сын.

«Зло превзошло себя в своем искусстве»

История шекспировского Макбета, восходящая к сюжету об отпавшем от Бога ангеле¹³, полностью опровергает провозглашенный в начале пьесы нечистой силой тезис о стирании грани между добром и злом: *Fair is foul, and foul is fair* (I, 1). Шекспир свидетельствует: добро и зло, по-прежнему, абсолютные категории, на которых зиждется Божественный нравственный закон. Всякое нарушение мировой гармонии временно, тогда как благодать и милосердие Божие вечны.

Упование на Бога многое может. Однако в земном мире немалая роль отведена и человеческому усердию (*diligence*). Недаром Кент в «Короле Лире» называл усердие «лучшим

¹² Эдмунд не попадает в этот ряд, т. к. после Божьего суда (поединка) получает прощение брата. Но прочие преступления остаются на нем: перед Богом, отцом и герцогом Альбани.

¹³ Вся пьеса, что характерно, построена на контрастах и столкновениях света и тьмы, ангелов и демонов, небес и преисподней.

в себе» (1, 4). И Старшине в экспозиции «Макбета» отведена роль, противоположная роли ведьм: их тезису об относительности моральных критериев его устами противопоставлены два незыблемых – о независимости выбора человека от Фортуны и о должном соединении доблести с честью (правдой).

Конец Макбета близко повторит гибель изменника Макдональда, описанную в начале пьесы:

Руки не подал, здоровья не желал,
Но от пупа до челюстей вспорол
И голову его воткнул над башней.
(I, 2; пер. М. Лозинского¹⁴)

Конец у предателей один. Но отправные точки у них разные. «Бешеный» Макдональд был порочен от рождения. Макбет, напротив, вскормлен «человеческим молоком», наделен «праведной доблестью» (*justice with valour arm'd*)¹⁵ и увенчан славой.

В трагедии о Макбете Шекспир показывает, как щедро одаренный лучшими свойствами человек становится предателем.

Червоточина этого героя «монаршей» драмы – «алчность к власти» (*thriftless ambition* – II, 4). Шекспир показывает, что, как и все «противное естеству», властолюбие пожирает само себя.

Двух героев великих трагедий – Макбета и Гамлета – можно уподобить двум вариантам потенциального разви-

¹⁴ Здесь и далее перевод М. Лозинского, за исключением оговоренных случаев.

¹⁵ Макбет начала пьесы получает те же лексические характеристики, что и герцог Альбани в «Лире» (*milk-liver'd; where I could not be honest, I never yet was valiant*). Все, кроме одной: его никто не относит к «дуракам» (*fool*).

тия *Всякого человека*¹⁶. *Everyman (Humanum Genus)* – персонаж популярных средневековых моралите. Герой представлял в них объектом аллегорической борьбы Бога и дьявола за душу человека. Из моралите *Everyman* пришел в елизаветинскую драму и был наделен в ней новыми ренессансными качествами – титанизмом, безмерностью, стремлением к богоподобию, сомнением, индивидуализмом. Но остался вполне узнаваемым аудиторией. Именно эти *новые качества* универсального героя и испытывались в театре века Шекспира.

Два героя как два пути, открытых для *Всякого человека*: вверх или вниз. Такая перспектива не должна была укрыться от чуткого уха елизаветинского зрителя еще в экспозиции. Замечанию Марцелла о рождении Спасителя в первой сцене «Гамлета» соответствует метафора Старшины, характеризующая воинскую доблесть Макбета и Банко:

Хотелось им омыться в дымных ранах
Или воздвигнуть новую Голгофу,
Не ведаю... (I, 1)

От рождения Спасителя до возведения новой Голгофы – таков диапазон возможных путей развития, угол расхождения направлений воли *Всякого Человека*, героя шекспировской трагедии.

Путь Макбета лежит через честолюбие/гордыню, через искушение властью, которому он не смог противостоять (ср. Мф. 4: 8–11), через лицемерие и ложь, через пренебрежение узами родства, законами гостеприимства, вассальной верностью, через насилие и предательство, через утрату души. Разумеется, это путь вниз.

¹⁶ В этих трагедиях обнаруживается множество параллельных мест, что вряд ли случайно. См.: Микеладзе Н. Э. Шекспир и Макиавелли: тема макиавеллизма в шекспировской драме. М., 2005, С. 386–387, 390, 397–399, 404, 411, 415–416.

Убийство Дункана – это действительно «шедевр злодейства» и «вершина святотатства». Почему? Абсолютной была вера Дункана в преданность Макбета. Макбет обманывает доверившегося. Убивая Дункана, Макбет предает и убивает родственника (они с Дунканом двоюродные братья; *the near in blood, The nearer bloody*, – как скажет вскоре Дональдбайн II, 3), гостя, монарха (помазанника Бога) и благодетеля. Более того, Дункан – очевидное воплощение *земного величия*. Образец добродетели, практически идеальный монарх, он сильно идеализирован Шекспиром по сравнению с источником – «Хрониками» Р. Холиншеда. То есть, по меркам Данте, злодею, совершившему такое преступление, место во всех четырех поясах девятого круга ада. У Шекспира Макбет также становится воплощением абсолютного предательства¹⁷.

Не успело свершиться тягчайшее преступление, как раздается стук. Он отдается ужасом в сознании Макбета. И вот уже вместе со стуком чьи-то руки «рвут его глаза»... Это его душу забирает себе новый хозяин.

Стук в ворота и «Заговор против Христа»

В трагедии «Макбет» Шекспир показывает в сценической реальности описанное иноком Альбериго у Данте падение души предателя в пределы сатаны. Таков первый смысловой пласт эпизода со стуком и привратником. Докажем это.

Стук в ворота... Этот эпизод два последних столетия, когда уже довольно прочно были забыты народно-религиозные корни театра Шекспира, вызывал немалый интерес читателей и критиков. Долгое время его считали всего лишь «смеховой разрядкой» к мрачному трагедийному действию.

¹⁷ В этом смысле, с ним сравним только «дьявол» Ричард III. При этом они оба – предатели государева, монаршего уровня.

Сегодня в нем нередко находят отголоски, а то и элементы пародии на эпизод средневековых народных пьес о нисхождении Христа в Ад за ветхозаветными праведниками (*Harrowing of Hell*). Такое предположение было высказано еще в XIX веке. Джон Хейлз увидел здесь «заимствование» из мистерий *N-Town* цикла (их ошибочно отождествляли тогда с мистериями Ковентри) и соотнес фигуру привратника с бесом Велиалом в пьесе о спуске Христа в преисподнюю¹⁸. Затем к этой гипотезе вернулись и ее развили исследователи в 1960-е гг.¹⁹ Они указывали в качестве источника тот же сюжет (соотнося привратника с одним из бесов, Макбета с сатаной, а Макдуфа с Христом или архангелом Михаилом) и использовали уже тексты Таунли, Честерского и Йоркского циклов пьес, а также лежащее в основе данного сюжета апокрифическое «Евангелие от Никодима».

С тех пор такая трактовка сцены II, 3 «Макбета» более или менее детально воспроизводится в научной литературе и поддерживается рядом ученых²⁰.

Однако многое заставляет нас усомниться, что *этот* сюжет может рассматриваться как прообраз для шекспировской сцены с привратником. Почему?

1) Никакого стука в ворота Ада не фиксируют тексты и ремарки ни в одном из доступных сегодня циклов мистерий, ни в «Евангелии от Никодима» (источнике сюжета *Harrowing of Hell*). Иисус не стучится во владения Люцифера, он стоит снаружи и *голосом* требует открыть врата. Тот, Кто «на свете

¹⁸ Hales J. W. (1884) *Notes and Essays on Shakespeare*. London. G. Bell and Sons. Pp. 284–286.

¹⁹ Harcourt J. B. (1961) I Pray You, Remember the Porter // *Shakespeare Quarterly*. 12 (4): 393–402; Wickham G. (1966) *Hell-Castle and its Door-Keeper* // *Shakespeare Survey* vol. 19 (Macbeth). Ed. K. Muir. Cambridge UP. Pp. 68–74.

²⁰ Schreyer K. (2014) *Shakespeare's Medieval Craft: Remnants of the Mysteries on the London Stage*. Cornell UP. Pp. 135–161.

всех сильней», входит в Лимб с шумом, но без стука, отворяя засовы одним лишь «именем своим».

Вместе с тем стук Христа в двери упоминается в Новом Завете в контексте грядущего Второго пришествия и приближения Царства Божия²¹.

2) Нет в пьесах о схождении Христа в Ад (а также у Никодима) и особой фигуры привратника, если не назначать им произвольно того или иного беса.

3) Дьяволы и бесы в этом сюжете встречаются именно Христа и, сколько хватает их сил, сопротивляются Его приходу. Шекспировский привратник в своем монологе приветствует совсем других персонажей.

4) Наконец, и это важнейшее, приход Христа к вратам Ада знаменует утрату власти сатаной, его падение²². После стука в «Макбете» море мрака, напротив, нарастает и заполняет мир.

Так что ни стука, ни привратника, ни душ преступников, ни победы (даже временной) сатаны в пьесах о попании Христом Ада мы не обнаружим.

Между тем один весьма колоритный привратник в английских средневековых мистериях присутствует. Это привратник во дворце Понтия Пилата и его жены. Есть и харак-

²¹ «И вы будьте подобны людям, ожидающим возвращения господина своего с брака, дабы, когда придет и постучит, тотчас отворить ему» (Лк. 12:36); «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Откр. 3:20)

²² В Честерском цикле сатана сокрушается:

"Owt, alas, I am shent!

My might fayles, verament" (Play XVIII, 177–178)

В Йоркском цикле он и вовсе связан и низвергнут в бездну. И только в Честерском цикле, после того как праведники покидают Ад, в него прибывает душа разбитной трактирщицы, и бесы радостно встречают «любезную дочь», убеждаясь, что ад не опустеет (277–336).

терный стук в ворота. Есть и сходный каталог грешников. Где же все это обнаруживается? В пьесах, чье действие разворачивается во дворце Пилата. Этот ряд пьес наиболее полно представлен в Йоркском цикле мистерий. И прежде всего, совокупность названных указателей сосредоточена в эпизоде предательства Иуды.

27-ая (в другой нумерации 26-я)²³ пьеса Йоркского цикла называется «Заговор против Христа». Во второй ее сцене задумавший предательство Иуда приходит к дворцу Пилата. Стучит в ворота. Долго пререкается с привратником (*Porter, Janitor*). При этом в репликах привратника из мистерий присутствуют те же образы лицемера, самоубийцы и мошенника, что и в монологе шекспировского клоуна:

Иуда

(Стучит в ворота)

Привратник, а ну-ка, ворота большие открой,
Я дело благое хочу сотворить.

Привратник

Ступай-ка отсюда, *мошенник*, и черт с тобой...
...С лица ты мерзавец такой,
Что глупо, ей-богу, с тобой по душам говорить...
...Что *лживо* обличье – тебе повторю опять.
Злочестьем дыша, ей-ей, ты явился сюда,
Чтоб *добрых порочить* – нетрудно сие угадать...
...Ишь, *висельник*, благ от тебя не ждать,
Ведь ты *мошенник*, который не знает стыда.
Ступай, или трепку придется задать.

²³ Нумерация по изданию: Мистерии Йоркского цикла. Подг. изд. А. Горбунов, В. Сергеева. М., 2014. В нем это четыре пьесы 27, 31, 33, 34. В ряде английских изданий они идут под номерами 26, 30, 32, 33.

Иуда

Ступай-ка ты с вестью моей,
Иль горести хлынут на вас.

Привратник

Тогда говори поскорей,
Довольно притворных речей.

(27, 2. Пер. В. Сергеевой; курсив мой – Н.М.)²⁴

Впущенный во дворец Иуда обещает Пилату выдать Христа. И продает Учителя за тридцать пенсов (сребреников).

Так на буквальном уровне. Аллегорически же эта сцена изображает *падение души предателя в преисподнюю*. Ибо дворец Пилата соотносится в мистериях Йорка с владениями врага людей, а сам Пилат с некогда «светлым ликом» падшим ангелом²⁵.

Пилат

...Знаю в точности: равных мне нет...
Ликом я светел, как майский цвет...

Иуда

Твой свет озаряет сей зал,
Владыка, что равен царю.

Пилат

Клянусь, ты отменно сказал... (27, 2)

В Йоркских мистериях именно Пилат, осуждая Христа, клянется Люцифером и Велиалом:

...Клянусь Люцифером, пощаде не быть!
...Клянусь Велиалом, что сей человек
Расплатится – и не препятствуйте нам!
(33, 1. Второй суд Пилата)

²⁴ Мистерии Йоркского цикла. С. 376–377.

²⁵ Там же. С. 360, 379.

Мотив *пьяного* привратника вновь отсылает к Пилату, который в мистериях постоянно пьет вино, напивается, угощает своих гостей и домочадцев:

Каиафа и Анна, Махун вас храни, –
Садитесь, велю принести я вина,
И выпьем немедля. Слуга, не тяни!
(33, 1. Второй суд Пилата)

В линии привратник-Пилат обнаруживается и мотив «Вставайте! Проснитесь!». То есть тревожного пробуждения от сна, в мистериях связанный с доставленным на суд Христом:

Привратник
Вставайте скорее, гоните сон...
Пилат
Свеж я и бодр и готов к делам...
(31, 3. Сон жены Пилата)

Ср. в трагедии Шекспира:

Макдуф
Хозяин твой еще не вставал?
...Проснитесь!
Отряхните нежный сон, подобье смерти...
...Встаньте! (II, 3)

Подобного мотива мы также не найдем в пьесах о поправлении Ада Сыном Божьим. Но мотив бодрствования, как и образ трубы, пробуждающей спящих-мертвых (ср. 1Кор 15:52), сопровождает тему Судного дня.

Вспомним, каких «гостей» в своем монологе приветствует «в аду» привратник у Шекспира? Унылого самоубийцу-фермера (уныние – «оболгатель Бога»). Криводушника-лжесвидетеля (*equivocator*, «Сколько людей он во славу Божию ни предал,

а Небес все-таки не перехитрил»), вора, и прочих, кто, потакая собственным страстям, шествуют в этот вечный огонь ада.

Мы видели, что те же образы присутствуют в репликах привратника Пилата в перепалке с Иудой и относятся к последнему: мошенник, лжец-доносчик, висельник.

Нельзя исключить здесь и более сложной аллюзии на историю предательства и осуждения Христа. Мотив повесившегося землевладельца, возможно, связан с покупкой «земли крови», а значит, опосредованно вновь с Иудой (эпизод со сквайром во «Втором суде Пилата»).

Образ криводушника у Шекспира может отсылать не только к Иуде, но и к другим лжесвидетелям, которых иудейские первосвященники в мистериях приводят во дворец Пилата:

...свидетели скажут, что им велят...

...От злобы к Иисусу душой они покрывят.

(34, 1. Второй суд Пилата, продолжение)

Мотив вора-портного, выкроившего кусок сукна, с меньшей уверенностью можно отнести к разделу одежд Христа римскими воинами.

Специфический каталог грешников в сцене со стуком с ворота, скорее всего, не случаен и имеет свой источник, знакомый аудитории Шекспира, но с трудом выявляемый нами.

Настойчивый мотив *отмывания рук* преступниками у Шекспира также следует понимать, прежде всего, аллегорически. И он тоже связывает действие трагедии не только с Пилатом Евангелия от Матфея (27:24), но и с линией Пилата и его привратника в мистериях:

Привратник

Вот всё, за чем велели сходить.

Мойте руки, пока вода горяча.

Пилат умывает руки.

(34, 1. Второй суд Пилата, продолжение)

Шекспировский Макбет уже знает, что Пилат тешил себя напрасной надеждой: *умыть* руки еще не значит *отмыть* их от преступления.

Макбет

...Отмоет ли с моей руки
Весь океан Нептунов эту кровь?..

Леди Макбет

...Немножечко воды все смоем с нас,
И как легко нам будет!.. (II, 2)

Так что этот эпизод трагедии напоминает шекспировскому зрителю, прежде всего, об Иуде. И главное, что показывает сцена с привратником в «Макбете», – *падение души предателя в преисподнюю*. Точнее, душ обоих предателей, ведь этот сущностный переход отпечатался и в поврежденном безумием сознании леди Макбет: «Прочь, проклятое пятно... В аду темно... В ворота стучат... Что сделано, того не переделать...» (V, 1).

Макбет и сам кратким штрихом уподоблен в рассматриваемой сцене повелителю преисподней (как хозяин привратника). Однако он не Люцифер, но его последователь, который, предав и убив, потерял свою бессмертную душу (*eternal jewel*) и встал к нему на службу:

...Я жаждал помолиться, но “аминь”
Застряло в горле... (II, 2)

...Отныне

Ничто не важно в этом смертном мире;
Все – вздор; скончались благость и величие;
Вино иссякло, и в одних подонках
Найти утеху может этот свод. (II, 3)

...я чашу моего покоя
Наполнил злобой и мой вечный клад
Вручил исконному врагу людскому... (III, 1)

Подведем итог наблюдениям по сцене с привратником. Полагаю, что Шекспир этой интермедией отсылает своего зрителя к целому ряду пьес и персонажей средневекового народно-религиозного театра. Шекспировский зритель должен был узнать в качестве прообраза для героев и ситуаций трагедии «Макбет» не какой-то один, а сумму знакомых по Библии, мираклям и мистериям сюжетов. И должен был перенести их моральный смысл на историю шотландского узурпатора Макбета. Каких сюжетов?

- предательство Иуды (где Макбет соотнесен одновременно с Иудой²⁶, Пилатом и Люцифером, коему уподобляли английские мистерии Пилата);
- сон жены и падение Пилата (линия Макбета и леди Макбет; в части сна жены Пилата работает логика обратности, т. к., наученная дьяволом, жена Пилата просила не казнить Иисуса, а жена Макбета, напротив, торопит убийство);
- убиение Христа (с которым в этой части трагедии соотнесен король Дункан);
- наконец, тот, который я бы назвала *сюжетом грядущего*: Второго пришествия Христа, Страшного суда и Нового Царства (намеченный в линии Макдуфа и верных танов).

Следов сюжета о сошествии Христа в Ад (*Harrowing of Hell*) я здесь категорически не различаю. И в целом, для линии Макдуфа-Малькольма в трагедии, на мой взгляд, гораздо уместнее аналогии со Вторым пришествием, Апокалипсисом и установлением Царства Божия. Но это уже другой смысловой вектор, заданный стуком в ворота.

²⁶ Слова Макбета “If it were done when ‘tis done, then ‘twere well It were done quickly” (I, 7) прямо отсылают к сказанному Христом Иуде: «...что делаешь, делай скорее» (Ин. 13:27).

Основное же значение эпизода с адским привратником в «Макбете» состоит в демонстрации того, как предатель теряет свою душу, которая отходит новому господину, стучится и падает в ад. Тогда как сам предатель до срока продолжает земное существование. Погружаясь, что закономерно, во все большее безумие. И теперь, благодаря Данте и Шекспиру, мы понимаем, почему: в его земное тело вселяется бес.

Стук в ворота и сюжет грядущего

Макбет-дьявол остается до поры в смертном мире, и миром овладевает тьма: *darkness does the face of earth entomb* (II, 4). А в трагедию властно входит мотив Конца света и последнего Суда (*The great doom's image* – II, 3).

На протяжении всего срока жизни, отпущенного Макбету, зло будет крепнуть злом. Он будет громоздить одно злодеяние на другое: клевета на принцев и на Банко, убийство Банко, покушение на жизнь его сына, убийство семьи Макдуфа, создание системы доноительства, беззакония, убийства подданных, разорение страны.²⁷

²⁷ Из беседы Макдуфа, Малькольма и Росса (IV, 3), изгнанников поневоле, выясняются страшные подробности о страданиях Шотландии под гнетом Макбета:

...что ни утро,
Вновь – вдовий стон, вновь – крик сирот,
вновь скорби бьют небо по лицу... (Макдуф)
...край наш угнетен ярмом;
Там кровь и слезы; что ни день, то рана
Зияет новая... (Малькольм)
...Бедный край,
Себя узнать страшась! Не мать
Шотландцам, а могила; где ничто,
В чем живо что-нибудь, не улыбнется;
Где вздохи, стоны, крики воздух рвут,
Но их не слышат; Где припадок скорби
Слывет обычным делом; где не спросят,
По ком звонят на кладбище; где жизни
Быстрее вянут, чем цветы на шляпах... (Росс)

Изгнанник принц Малькольм испытывает прибывшего с родины Макдуфа Иудиным грехом:

...все ж на мне ты мог бы заработать;
Есть смысл – обречь безропотного агнца,
Чтоб гневное задобрить божество.

Макдуф

Я не предатель.

Малькольм

Но Макбет таков...

Впрочем, к свету тьма не пристанет. Это известно принцу:

...Но ты прости.

Что б я ни думал, ты таков, как есть:
Рать ангелов света, хоть пал светлейший;
Пусть ходит зло с лицом добра – добро
Глядит как встарь. (IV, 3)

Из «возлюбленного Беллоны» начала пьесы обездушенный Макбет обращается в «тирана», «дьявола», «адского коршуна», «палача», «адского пса» (*hell hound*), одержимого безумием (*mad*).

Последняя встреча Макбета с ведьмами (IV, 1) пронизана трагической иронией, смысл которой прояснится лишь в финале трагедии: человек, «забывший мудрость, честь и стыд», по словам Гекаты, слеп перед тайнами Судьбы (III, 5). Доблестный – при отсутствии души, а с нею совести – протагонист все двусмысленные предсказания, олицетворенные в символических картинах будущего, понимает наоборот: как уверения судьбы в его несокрушимости.

Доктор впавшей в сомнамбулическое безумие леди Макбет утверждает: «Не врач миледи нужен – духовник». Однако в ее речах все так же нет раскаяния. Без него «сатанинская королева» сведет счеты с жизнью. Не будет его до конца

и у Макбета. И в этом смысле он полный антипод Манфреда у Данте. «Макбет» – это трагедия нераскаянности²⁸, недоступности покаяния потерявшему душу.

Безумие – неизбежное наказание для предателей. Порой отложенное, но рано или поздно наступающее. Мудрец Просперо в «Буре» наказывал своих обидчиков (включая брата-предателя) безумием, чтобы привести их к раскаянью:

Но благородный разум гасит гнев
И милосердие сильнее мести.
Единственная цель моя была
Их привести к раскаянью. Я больше
К ним не питаю зла.

(V, 1; пер. М. Донского)

Вместе с раскаянием к преступникам возвращался и разум. Однако «Буря» – это добрая сказка, на которую должна стремиться походить реальная жизнь.

Иное дело «Макбет». Возвращаясь к аллегорическому плану, трагедия о Макбете – это история о мире, оказавшемся дьявольскими кознями на последнем рубеже, пределе, накануне Конца Света:

Все – или рухнет и тогда исчезнет,
Или достигнет прежней высоты, –
так описал состояние мира Росс в кульминации власти тьмы (IV, 2).

Пускай все рухнет... Этот мотив впервые прозвучал в лицемерной реплике Макбета над бездыханным телом убитого короля: «Отныне ничто не важно в этом смертном мире...» (II, 2). И это правда дьявола в земной плоти.

²⁸ В «Гамлете», «Отелло» и «Короле Лире» антагонисты тоже не испытывают раскаяния. Но в «Макбете» именно главный герой – он же главный злодей – уходит из жизни без покаяния.

Вскоре сатане, нанесшему змею-Универсуму рану (а речь идет именно о мировом змее), захочется разрушить его полнотью. Ибо законы Божьего мира вселяют ужас и не дают спать предателю:

Мы ранили змею, но не убили:
Она срстется, чтобы нам грозить
Все тем же зубом. Нет, пусть рухнет все,
Пусть оба света сгинут, – мы не станем
За стол садиться с трепетом и спать
Средь жутких снов, гнетущих нас в ночи;
Отрадней с мертвым быть... (III, 2)

И наконец, перед финальной битвой он прямо призывает «конец мира» настать:

Поистине от солнца я устал
И был бы рад, чтоб мир сегодня пал.
Набат! Дуй, ветер! Наступай, конец! (V, 5)

Макбет – абсолютный разрушитель, земное подобие того, кому он служит.

И пусть тебе поведаст тот ангел,
Которому служил ты... (V, 8) –

бросит ему Божий воин Макдуф, вступая в последний бой со злом: «Ты – прислужник Люцифера».

«Время свободно» (*The time is free*), – провозглашает в финале этот воин света. И земной мир, спасенный от погружения в бездну, начинает с Божьей помощью (*by the grace of Grace*) восстанавливать порядок и гармонию.

Итог всегда таков: либо зло уничтожает само себя, впадая в безумие и саморазрушение; либо его уничтожает добро по милости Божией руками воинов света. Финал «Макбета» показывает не просто восстановление прежнего порядка,

а установление нового, более совершенного. В соответствии с новозаветной идеей Царствия Божия, наступающего после Апокалипсиса и Страшного Суда.

Заключение

В драме Шекспира, как и во всей средневековой словесности, главной моделью для предателей является дьявол. Он же и главный вдохновитель предательств, продолжающихся в земном мире. «...Ибо он лжец и отец лжи» (Иоанн 8:44).

И все же не только по этому образцу творят средневековые художники. Для Шекспира (как и для Данте) важны также фигуры братоубийцы и лжеца Каина и предателя Христа Иуды Искарюта.

Исследование показало, что все *антагонисты* в великих трагедиях Шекспира («Гамлет», «Отелло», «Король Лир», «Макбет») – это *предатели*. Они восходят к одной из указанных трех моделей, их сочетаниям или же к их совокупности. Среди шекспировских персонажей-предателей можно выявить две «вершины»: Макбет и Яго. Макбет – предатель государева уровня, его злодеяния способны потрясти основы Универсума. Яго – обыкновенный предатель, и этим особенно страшен, ибо представляет угрозу для всех, в обыденной жизни. Шекспир показывает, что дьявол орудует одинаково разрушительно «наверху» и «внизу», в «высших» (Клавдий, Макбет, дочери Лира) и в «низших» (Яго, Эдмунд и др.).

Доносительство – самая низменная составляющая предательства и, как правило, его низшая ступень. Но не стоит думать, что это удел одних «ничтожных», руководимых корыстью (Полония, Розенкранца и Гильденстерна, Яго, Эдмунда). У Шекспира оно свойственно всем предателям без исключения. В истории-архетипе, напомним, Иуда лжесвидетельствует против Иисуса Христа, и это приводит к Его казни. У Шекспира даже монархи-узурпаторы прибегают

к наветам, клевете. Король Клавдий (настоящий виновник гибели Полония) лжесвидетельствует Лаэрту о смерти его отца. Король Макбет дважды лжесвидетельствует: обвиняя постельничих Дункана в убийстве и оболгав Банко перед его будущими убийцами.

Много общего обнаруживается у Шекспира и Данте в понимании сути и механизма предательства, в создании образов предателей. Конечно, большинство сходжений могут объясняться общностью представлений художников европейского Средневековья, хотя их и разделяют три столетия. Общими представлениями, восходящими, прежде всего, к Священному Писанию.

Когда я бралась за эту тему, вовсе не ставила целью доказать знакомство Шекспира с текстом Данте. Между тем в ходе исследования были найдены впечатляющие совпадения. Такие, как повторяющийся мотив потери души предателем уже в земной жизни (случай Альбериго). Или молчание Яго в финале (сравнимое со случаем Бокки у Данте). Или мотив должного отсутствия жалости к предателям. Наконец, возможно, найдено и то уникальное выражение (*добродетель-смоква*), которое показывает: велика вероятность, что Шекспир был знаком с текстом «Комедии».

Кроме того, избранный ракурс (образы предателей) позволил предложить новое прочтение эпизода со стуком и привратником в «Макбете».

В заключение попробую ответить на вопрос: «Почему в шекспировской драме так много ситуаций предательства?». Вероятно, потому что его драма отражает состояние реальной жизни, его театр снимает отпечаток со своего времени (см. «Гамлет» III, 2). А «летопись» не только шекспировского, но всякого времени, к сожалению, фиксирует многочисленные и многоликие случаи предательства.

Главной заботой Шекспира-драматурга всегда остается его зритель. Именно его он стремится научить отличать

правду от лжи, в нем пытается воспитать склонность к добру, ему старается объяснить на знакомых моделях, в каких обличьях выступают подчас добро и зло, его хочет убедить в неизбежной победе Духа. Ее – свою далеко не однородную публику – он усердно учит, лечит и ей помогает. Предательство – тот архетип и одновременно то повседневное явление, на котором можно научить различать даже ребенка.

В чем же, согласно великим трагедиям, Шекспир видит защиту от предательства? Она в заповедях, в хорошей песне и мудрой шутке (Шут в «Лире»), в верности и в сострадании.

Публикуется по кн.: Микеладзе Н.Э. Милосердие сильнее мести. Время и вечность в театре Шекспира. М., СПб. Центр гуманитарных инициатив, 2018 (Mediaevalia). С. 553–585.

СОЗДАТЕЛЬ «КЕНТАВРА» ЭЛДЖЕРНОН БЛЭКВУД

1900-е. Рубеж веков. Торжество цивилизации, которая ради своего распространения перерабатывает на сырье и строительные блоки многообразие природы. И несогласные с таким ходом вещей, которые стремятся донести до людей таинственную прелесть и грозные таинства непознанного. Их немного, но они талантливы и упорны. Их стараниями остался в истории стиль модерн: причудливые растительные арки, перетекающие формы, бегущие геометрической четкости линии. Будто из непроницаемой чащи вырвались гибкие побеги и донесли до нас непередаваемую нежность цветка, танцующего под флейту Пана. Именно так стоило бы проиллюстрировать самый крупный роман Элджернона Блэквуда «Кентавр». Поскольку перед нами гимн сыновней любви исчезающему миру первозданной Природы.

В ряду английских поэтов и визионеров рубежа веков, таких как Редъярд Киплинг, У. Б. Йейтс и Г. Дж. Уэллс, Элджернон Блэквуд занимает особое место. И дело здесь не столько в величине таланта, сколько в трогательной доверчивости к жизни, пронизанной живыми токами через слои истории, но прежде всего к жизни лесов и полей, морей и рек, гор и простора небес.

Родился мальчик, названный Генри в честь знаменитого прадеда-моряка, героя трафальгарской битвы сэра Генри Блэквуда (1770–1832), 14 марта 1869 г. в викторианской респектабельной семье на северо-западе графства Кент, неподалеку от Лондона. Элджерноном его назвали при крещении. Отец его Артур, работавший в казначействе, а затем секретарем почтового ведомства (за успешную работу посвящен

в рыцарское звание), был женат на рано овдовевшей Гарриет Доббс-Монтэгю, из ирландских протестантов. Кроме двоих детей от первого брака матери у Блэквудов родилось еще пятеро.

Из Шутерс-Хилл семья перебралась поближе к столице, в Крейфорд. Там, в большом трехэтажном особняке итальянского стиля из пятнадцати комнат, построенном в 1820 г., и прошло почти все детство Элджернона. На первом этаже располагался большой зал, где раз в две недели родители принимали конгрегацию на молитвенные собрания. На лужайке перед домом рос огромный кедр, а яма, откуда брали гравий, «казалось, достигала самого центра Земли», как позже писал Блэквуд в автобиографическом «Пленнике Волшебной страны» (1913). Но одним из самых привлекательных мест был списанный вагон третьего класса, приобретенный по дешевке Артуром для детей: четыре двери, настоящие фонари на крыше, окна, которые можно было открывать и закрывать, и огромные круглые буфера, главное же «он трогался без предупреждения и разгонялся в мгновение ока, отправляясь куда угодно». Спутниками в поездках становились придуманные Цыганка, Существо из Гравийной ямы, Смеяла, Женщина из Стога, Утренние Пауки и любимец – Бродяга.

По возвращении с Крымской войны, где кровопролитные сражения и страдания раненых при осаде Севастополя обратили его мысли к Богу, Артур Блэквуд помимо работы в казначействе занялся религиозной деятельностью, преимущественно по линии общества трезвости. Собственно, и с женой он познакомился на евангелистских встречах.

Элджернон постоянно слушал проповеди о воздержании, вреде пьянства и излишеств, плотских увеселений. Американские евангелисты Дуайт Муди и Айра Санки, авторы знаменитого сборника гимнов, останавливались у Блэквудов. Нередко гости дома вопрошали «А ты – спасен?»

Мальчик мучился дилеммой, правы ли родители с их верой в неотвратимость проклятия, или нет. Причем оба ответа одинаково пугали его и вселяли ощущение вины.

Сменив несколько частных школ в Англии, где Элдджернон не особенно преуспел в науках, родители отправляют его в Германию, обучаться в Шварцвальдском пансионе Моравских братьев. В этой школе протестантов-евангелистов царили весьма суровые порядки. Обучение было раздельным – одновременно занималось около 80 мальчиков и 60 девочек. Большинство учеников приехали из Франции, около четверти – из Великобритании, однако разговаривать на родном языке дозволялось только первые три дня, начиная с четвертого все разговоры могли вестись только по-немецки, переход на другой язык наказывался вдвое уменьшенной порцией за обедом. Спать укладывались в 8.30 вечера, подъем был в 5.30 утра, а в шесть начинались занятия, причем опоздания наказывались также уменьшением порций вдвое. Однако в течение дня было несколько больших перемен для разминки и спортивных занятий, дети регулярно ходили в походы. Два раза в год, в каникулы, устраивался многодневный выход в лес. К ученикам относились ровно, воспитывая в них ответственность и уважение к товарищам. Моравские братья верили, что исключительно важно развить самосознание учеников, много времени уделялось медитации. Аскетический, но здоровый образ жизни с полноценным питанием и частыми прогулками укреплял здоровье учеников – болезни были крайне редки. И, по существу, год, проведенный в Шварцвальде, пошел Элдджернону на пользу: он стал организованнее, у него появились друзья, укрепился характер. Развилось и общение с природой, отчего он впоследствии вспоминал пансион, несмотря на все тамошние строгости, тепло и с уважением.

Летом 1886 г. он вернулся домой семнадцатилетним юношей, ищущим для себя ответы на вопросы в мире, отнюдь

не ограниченном христианскими догматами. Отец проявлял терпимость, считая, что наилучшим способом укрепления веры будут участливые беседы и что сын перерастет тягу к мирским соблазнам. Семья отправилась на лето в Шотландию к школьному другу отца Маклауду в замок Данвеган, и там, среди поверий о волшебном народе гор, у Эджернона укрепилось пантеистическое представление, что люди – не единственные существа на планете, отражающие «дух Земли». Отец любил также рассказывать ему нравоучительные истории об опасности общения с миром духов, которые, однако, возбуждали у впечатлительного юноши лишь больший интерес. А когда ему попала в руки книга «Афоризмов йогов» Бхагвана Шри Патанджали, оставленная случайно одним из знакомых отца, который писал обличительный памфлет против буддизма как «аморального восточного учения», для молодого Блэквуда эта тонкая книжечка, обещавшая, что с помощью медитации он сумеет обрести мир в душе и обострить восприятие всего, «от самого малого до самого великого», а также постигнуть смысл целого, была истинным спасением.

На следующий год его вместе с кузеном, который был на несколько лет старше, послали учиться французскому в Швейцарию. Там, в пансионе пастора Луи Ланжеля, помимо французского Эджернон также научился пчеловодству и совершенствовался в игре на скрипке. Хотя профессиональным скрипачом он так и не стал, но скрипка всегда сопровождала его в путешествиях и помогала выйти из депрессии. Истинное облегчение, даже экстаз, Блэквуд испытывал при общении с природой – он часто в одиночку уходил в лес, ощущал мощь жизни вокруг и мучился тем, что не знает, как передать свои чувства Природе. Много десятилетий спустя учившийся у Ланжеля вместе с ним Перси Радклифф писал, вспоминая ночную прогулку в горы, которой юноши реши-

ли отметить юбилей королевы Виктории, о встрече рассвета на вершине, откуда им открылась великолепная панорама Альп. И постоянно, научившись бегло читать по-немецки и по-французски, Блэквуд искал книги, которые утоляли бы его голод по путям к неведомому: символисты Поль Верлен и Эмиль Верхарн, немецкие философы и поэты, среди которых он выделял особенно Новалиса. Самым же любимым стал Шелли, чьего «Освобожденного Прометея» он знал наизусть. Именно тогда он открыл для себя Густава Фехнера, чей духовный последователь Анри Бергсон вскоре выдвинул идею расовой памяти. За «Афоризмами йогов» последовали «Бхагават гита» и «Упанишады».

Мечта покинуть дом крепла. Он любил родителей, но постоянно испытывал сомнения в собственных возможностях, а также опасение не оправдать возлагавшихся на него ожиданий. Богатые и родовитые родственники, такие как генерал-губернатор Австралии лорд Кинтор, генерал-губернатор Канады лорд Дафферин, лорд-мэр Лондона сэра Ричард Доббс, не оставляли Блэквудов своим вниманием, и юноша воспользовался одним из таких визитов, чтобы высказать желание попробовать свои силы вдали от дома, в Америке. У отца был участок в Канаде, поэтому он согласился. А тут выдался случай совместить частную поездку со служебной, для развития почтовых сообщений, и вот 7 августа 1887 г. они с отцом отплывают в Америку на пароходе «Этрурия».

Скорости передвижения уже очень впечатляют: пять дней – и Атлантический океан позади. Юноша с отцом садятся на поезд и мчатся через материк к Тихому океану, впервые видят северное сияние, несколько дней на Западном побережье, обратный путь через Квебек и Вашингтон, а менее чем через десять недель, 17 октября, снова в Англии. Поистине, прогресс достиг самых дальних пределов.

Поездка в Канаду и планы сына сделаться фермером дают отцу основания записать Эджернона осенью следующего, 1888 г., на курс сельскохозяйственных наук Эдинбургского университета, куда перевелся и старший брат Стивенсон. Однако продвижения в, казалось бы, избранной области не намечается. Вместо этого юноша все полнее погружается в исследования совсем другого сорта – событий таинственных и сверхъестественных, тайн человеческой психики. Именно в Эдинбурге, посещая лекции и занятия медицинского факультета, он знакомится с врачом, обладающим даром гипноза. На медиумических сеансах в его доме впечатлительному юноше открывается, что в прошлых жизнях он был североамериканским индейцем, ацтеком, египтянином и даже атлантом. Переживания от посещения «домов с привидениями», которые он ходил проверять в окрестностях Лондона по линии Общества по исследованию парапсихических явлений, дружба со студентом-индусом, наставлявшим его в овладении дыхательными техниками и медитацией, помогли укрепить интерес к дальнейшим оккультным изысканиям. Отец, надо сказать, знал об участии сына в осмотре домов с привидениями, но деятельность Общества по исследованию парапсихических явлений, где видную роль играли его коллега по службе в почтовом ведомстве Фрэнк Подмор, а также физик Уильям Баррет и членами которого состояли весьма известные люди (лорд Теннисон, Джон Раскин, Уильям Джеймс среди прочих), приветствовал, поскольку считал разоблачающей спиритуалистов. Совсем скоро появится и первый рассказ, навеянный этими исследованиями, – «Таинственный дом», опубликованный в журнале «Белгравия» в 1889 г.

К этому времени, еще до отъезда в Америку, относится и знакомство Блэквуда с направлением работы Теософского общества, поскольку в журнале общества «Люцифер»

его статья «Мысли о природе» появляется уже в 1890 г. Основной целью общества, основанного Еленой Блаватской (1831-1891) и Генри Олкоттом (1832-1907), было продвижение идей о всеобщем братстве, ради чего приветствовалось сопоставительное изучение верований Запада и Востока, а также разного рода необъясненных явлений. Блэквуду могла imponировать и идея о циклах развития, лежащая в основе «Секретной доктрины» Блаватской, трактующая раскрытие божественного потенциала через последовательность циклов духовного и материального развития. С большой вероятностью Эджернон обсуждал различные аспекты теософии с Фрэнком Подмором, поскольку деятельность Блаватской попадала в сферу исследований Общества по исследованию парапсихических явлений.

Летом 1889 г. Блэквуд получает паспорт, знаменовавший самостоятельность, и отправляется в марафонский поход по горам Швейцарии и Северной Италии. Этот поход в несколько сот миль насытил его душу энергией, он сам сравнивал такие «приобщения» к природе с причастием, необходимейшей духовной пищей. А в апреле 1890 г. он отплывает снова в Америку, теперь один.

Попав в Торонто, он пытается наладить деловые контакты, но, где по неловкости, где от нежелания, развить их не получается, несмотря на рекомендательные письма отца. Из всех штудий самыми полезными там оказались знание языков, умение играть на скрипке и владение скорописью, которое помогло ему закрепиться на месте секретаря редактора «Журнала методистов Канады» Уильяма Уинтропа. В журнале он обрел некоторый опыт редакторского дела, там свет увидели и несколько материалов, основанных на воспоминаниях о жизни у Моравских братьев. Эти успехи и договор с местным фермером побудили отца дать согласие на выдачу Эджернону денег на обустройство фермы. Но попытка раз-

вернуться со своим делом наталкивается на полное незнание жизни и отсутствие деловой хватки. Поэтому и молочная ферма возле Торонто, на которую отец выделил средства (2 000 фунтов)¹, и питейное заведение в самом Торонто, куда его уговаривает вложить остатки денег (600 фунтов) приятель, прогорают.

Утешения он ищет в теософии, направляя письмо Уильяму Джаджу в январе 1891 г. с просьбой принять его в нью-йоркское отделение общества, на что вскоре получает ответ с предложением вступить в только что открытое торонтское. Встречи проводились в доме Эмили Стоуи – первой среди женщин Канады, добившейся права вести врачебную практику, (в университет Торонто ее не приняли, а когда она окончила обучение в Нью-Йорке, с 1867 по 1880 г. практиковала без лицензии). Дочь же ее стала первой выпускницей медицинского факультета уже в Канаде в 1883 г. У Стоуи был остров на озере Мускока, Блэквуд проведет на нем немало дней. А пока он выписал множество книг по теософии и принялся их изучать: сочинения Анны Кингсфорд и Эдварда Мейтланда «Совершенный путь», «Эзотерический буддизм» А. П. Синнета наряду с «Магией, черной и белой», Хартманна, а также «Тайной доктриной» и «Разоблаченной Изидой» Блаватской. Но с наступлением весны предпочитал городским стенам приволье лесов.

Американский период жизни Эджернона Блэквуда, занявший девять лет, подробнее всего раскрыт в фундаментальной биографии писателя, написанной английским исследователем фантастики Майком Эшли². Прежде о многом

¹ Сумма равная примерно 200 000 современных долларов США.

² Ashley Mike (2001) *Algernon Blackwood. An Extraordinary Life*. NY. 395 p. Далее ссылки на это издание приводятся – Эшли. Указ. соч. С.

можно было только догадываться по намекам в таких книгах самого Блэквуда, как квазиавтобиографический роман «Образование дядюшки Пола» (*The Education of Uncle Paul*, 1909) и лирическая автобиография «Эпизоды из юности» (*Episodes Before Thirty*, 1923), поскольку документальные данные скудны. Однако благодаря изысканиям Эшли, более двадцати лет собиравшего материал для своей книги о визионере-Блэквуде, перед нами предстает драматическая история жизненных испытаний и зарождения таланта рассказчика.

Как нередко будет и впредь, в мае Элджернон вместе с незадачливым компаньоном, эмигрантом из Англии Йоханом Поу бежит от несчастий на природу: они тайно, ночью, уезжают на любимившееся озеро Мускока, где и поселяются в хижине знакомого юриста, проведя там лето 1892, рыбача и наблюдая рассветы на восточной оконечности острова, а на западной – закаты. Осенью же решают не возвращаться в Торонто, а отправиться попытать счастья в Нью-Йорк.

Несмотря на рано опубликованные первый рассказ и стихи, Элджернон довольно долго не стремился к писательской карьере. Нью-Йорк встретил его неприветливо, а работа репортера отдела криминальной хроники в вечернем выпуске «Сан», куда удалось устроиться примерно через месяц, сделала почти постоянным местом пребывания мрачное здание суда, где приходилось брать интервью у осужденных на казнь. Особенно врезались в память их просьбы объяснить, как действует этот непонятный электрический стул (а не повешение и расстрел) – впоследствии он писал, что хотел бы забыть жалкие улыбки приговоренных из-за решетки, но они навсегда врезались ему в память. Вдобавок в октябре наложилась болезнь – незалеченная царапина на боку, полученная еще на озере, воспалилась, и Блэквуд едва не умер от заражения крови. В бреду к нему пришли идеи нескольких рассказов, в том числе о «щёлке во времени», меж-

ду сегодняшним и завтрашним днем. Вкравшийся в доверие Артур Бигг – внешне безупречный джентльмен, несомненно пользовавшийся тем фактом, что являлся тезкой личного секретаря королевы Виктории, с которым Блэквуд познакомился во время игры в крикет, и поселившийся вместе с ним и Поу на съемной квартире, – оказался мошенником, кравшим те гроши, которые Блэквуд зарабатывал переводами с французского, и выманивавшим деньги у знакомых якобы на лекарства для больного друга, а на самом деле себе на развлечения с певицей. Когда открылось, что он украл даже марки, не отправив написанные Эджерноном письма в Англию родным, а также пытался подделать подпись на чеке, присланном Блэквуду, Бигг после откровенного разговора сбежал. Однако чувство оскорбленного достоинства заставило Блэквуда отыскать его и убедить сдать его полиции, пообещав тогда подать иск только с обвинением в мелкой краже, не упоминая о подлоге. Это был едва ли не единственный решительный поступок за все время жизни в Америке. Бигг был осужден и отсидел восемнадцать месяцев в тюрьме.

Однако там же, в Нью-Йорке, Блэквуд обрел человека, заменившего ему отца – духовно близкого ему, но более опытного, который не раз выручал его советом, предоставлял кров и помогал пережить предательство тех, кого он считал друзьями.

Это был его соотечественник Альфред Луис (1828–1915) – юрист, подававший большие надежды, но подвергнутый остракизму премьер-министром У. Гладстоном, после чего карьера в Англии для него была закрыта. Еврей по рождению, он был искателем истины и веры, стремясь не к поверхностному, а к глубинному пониманию. Яркий, непримиримый характер Луиса привлекал внимание и послужил прототипом для мистика Мордухая в «Дэниэле Деронде» английской писательницы Джордж Элиот и главного героя

поэмы «Капитан Крэг» американца Эдварда Робинсона. Для Альфреда Луиса каждый человек был вселенной, где прошлое встречается с будущим, и только ему одному ведомо, как найти путь к своей мечте. Общение с такой неординарной личностью помогло Блэквуду окрепнуть душой и поверить в свои силы.

Именно у Луиса он обедал в те мучительно долгие шесть недель, пока ждал места в «Нью-Йорк Таймс». Этот самый черный период жизни в Америке, когда все друзья были далеко, нечем было заплатить даже за крышу над головой, когда дни Эджернон проводил в библиотеке, а ночью спал на скамейках в Центральном парке. Наконец, в сентябре 1895 г. пришло извещение, что он принят, с еженедельным жалованием 35 долларов в неделю. Полтора года работы в газете Блэквуд вспоминает с удовольствием, прежде всего из-за того, что работал с умными профессионалами, хорошо знавшими свое дело. Работа занимала весь день, иногда приходилось засиживаться до полуночи, но задания были интересными. Так, например, он освещал лекции Лаймана Эббота, называвшего себя «теологом-эволюционистом», и с марта по май 1896 г. стенографировал каждую воскресную лекцию, готовя сжатый вариант для публикации в утренней газете в понедельник. Блэквуд всегда считал религию и науку двумя сторонами одной монеты, поэтому интерпретация христианских воззрений с привлечением теорий Гексли, Дарвина, Тиндалла и других биологов-эволюционистов, представленная блестящим полемистом, увлекала его. А Эббот впоследствии на просьбы указать, где можно познакомиться с его мыслями в печатном виде, всем рекомендовал колонку Блэквуда в «Нью-Йорк Таймс». Такая высокая оценка принесла помимо морального удовлетворения даже некоторое повышение жалования.

Лето вновь на озере Мускока в Канаде, но на этот раз впечатления о жизни на острове слились с тревожным фле-

ром памяти о некогда населявших его индейцах и воплотились в рассказ «Остров с призраками» (*The Haunted Island*), опубликованный в журнале «Пэл-Мэл» в 1899 г.: мы, затаив дыхание вместе с застывшим во тьме у стены рассказчиком, следим, как неведомые индейцы прибывают к острову, входят в дом, поднимаются наверх, а потом проволакивают мимо рассказчика его собственный оскальпированный труп. Необъяснимость и эмоциональное напряжение, столь зримо переданное автором, принесли рассказу успех у публики.

Однако даже интересная работа никогда не могла задержать Эджернона на одном месте подолгу. И, как часто будет в дальнейшем, случайная встреча в поезде с влиятельным знакомым отца по миссионерской работе, бизнесменом-филантропом Уильямом Эрлом Доджем (1832-1903), с которым он поделился желанием найти иное занятие, послужила толчком, который перевел жизнь на новые рельсы. Через некоторое время после интервью Додж предложил ему место личного секретаря у Джеймса Спейера, партнера семейного банкирского дома в Нью-Йорке, который играл заметную роль в финансировании строительства и эксплуатации железных дорог. Жалование было тем же, что и в «Таймс», но работа только в первую половину дня, что давало много времени для чтения и прогулок. Особенно привлекала Блэквуда гористая местность в окрестностях одного из загородных домов Спейера в тридцати милях к северу от Нью-Йорка, откуда он мог обследовать Кэтскильские и Адирондакские хребты. В 1897 г. Блэквуд присутствовал на свадьбе Джеймса Спейера с Эллин Лоуэри. Благодаря ей он познакомился с племянником Эллин Джоном Принсом (1868–1945), дружба с которым не прерывалась много лет. Специалист в области семитских языков, профессор Нью-Йоркского университета Принс изучал верования и язык американских индейцев, в особенности алгонкинских племен, для чего неоднократно

выезжал на север Канады, где записывал легенды в поле. В октябре 1898 г. в одной из экспедиций для охоты на лося принял участие и Блэквуд. Она послужила источником по крайней мере пяти его произведений, в том числе и знаменитого «Вендиго». От Монреаля по Канадской тихоокеанской железной дороге они добрались до Маттавы, оттуда на каноэ до озера Когаванна и двадцать миль шли по следу лося с проводником-метисом по имени Хэнк до озера Гарден, где и застрелили животное. Парадоксальным образом, симптоматичным, впрочем, для духовного движения XX в., жена Принса Аделин, самая яркая охотница в экспедиции, впоследствии возглавила Женскую лигу защиты животных и руководила ветеринарной клиникой Эллин Принс-Спейер. И Блэквуд, застреливший тогда лося-гиганта (рога его достигали 54 дюймов в длину и имели 28 отростков), позже также значительно смягчился в своих взглядах на охоту.

В одном из наиболее известных произведений английского классика литературы о сверхъестественном, повести «Вендиго», передана завораживающая атмосфера, картины осенней канадской природы и проносающийся над головами Вендиго. В равной мере опираясь на индейскую легенду о неумолимом хозяине лесов, питающемся живой плотью, и на свои теософские изыскания, Блэквуд ткал свой образ, отчего свирепый получеловек-полумедведь стал у него подобным переносящемуся по воздуху йогу-кешара духом северных лесов. Десять лет вынашивал писатель этот образ в душе и наконец запечатлел в занесенной снегом хижине в Шампери, в Швейцарии, когда за ее стенами ревел буран, грозя разнести его пристанище в щепы. Как во многих других историях, в «Вендиго» есть ученый-психолог, который занимается изучением галлюцинаций, и есть восприимчивый к чарам природы франко-канадец лесник Дефаго. Но, если не устоявший перед Зовом Дикой природы Дефаго возвращается

полностью опустошенным, Блэквуда этот зов всегда только наполнял новой силой. Скорее Нью-Йорк, скопище противоречивых корыстных человеческих устремлений, едва не выпил его душу.

К американскому периоду относится немало знакомств с людьми, сыгравшими потом в жизни Блэквуда значительную роль, так или иначе повлиявших на формирование его взглядов, либо стимулировавших развитие его дара рассказчика. Одним из них был репортер «Сан» Энгус Гамильтон, впоследствии обретший известность репортажами с англо-бурской войны для лондонской «Таймс» и о русско-японской для агентства «Рейтер». Он жил в Нью-Йорке этажом выше Блэквуда и любил заходить к нему, чтобы послушать его истории, а также всячески побуждал его их записать. Он же потом, через десять лет, без ведома автора передал в Англии издателю Нэшу рукопись его сборника «Пустой дом и другие рассказы», который и увидел свет в 1906 г., положив начало известности Блэквуда как автора историй о сверхъестественном.

Еще в период работы в «Сан» Блэквуд брал интервью у знаменитого актера Генри Ирвинга, первым удостоившегося рыцарского звания за свою игру, во время его американского турне. На встрече в 1893 г. присутствовал менеджер Ирвинга Брэм Стокер. «Дракула» и отказ его патрона сыграть роль барона-вампира были еще впереди, но Стокер являлся уже к этому времени автором ряда произведений. Летом 1894 г. в провинции Онтарио разгорелась золотая лихорадка. Блэквуд решил попытать счастья и, пообещав слать для газеты очерки о том, как будут развиваться события, отбыл вместе с парой знакомых – прогоревшим финансистом и боксером-любителем – на берега озера Рейни-Лейк в провинции Онтарио. До Дулута добрались поездом, а дальше двинулись с проводником-метисом вниз по реке Вермилион на каное.

На месте выяснилось, что промывкой добыть золото невозможно, чтобы добраться до золота в кварцевых жилах нужна дорогостоящая техника, и из всей затеи ничего не вышло, однако путешествие по водным артериям этого заповедного края запомнилось своей завораживающей красотой: «все блистало свежестью, воздух пьянил не хуже шампанского, а такой синевы вод я нигде больше не видел», – вспоминал Блэквуд позже³. Впечатления легли в копилку памяти.

В феврале 1899 г. он вернулся на родину в Англию. Отца ему уже не довелось застать в живых, но мать и сестры были безмерно рады и принялись снова приобщать его к кругу знакомых. Закончились долгие годы ученичества, Блэквуд вернулся тридцатилетним, довольно много повидавшим человеком. Но не утратившим тяги к познанию. Поэтому, получив по протекции лорда Кинтора необременительную конторскую работу в Сити, он, в ожидании более интересной должности, о которой они договорились еще в Америке с личным секретарем Вандербильта Джеймсом Хэтмейкером, устанавливает связь с Лондонской ложей Теософского общества, куда его официально приняли в мае 1899. Наибольший интерес у него вызывает герметический Орден Золотой Зари, куда Блэквуд и переходит менее чем через год. Один из наиболее активных членов Ордена Джордж Уильям Рассел (1867–1935), чье имя там было *Æ* от латинского *Æon* – вечность, являлся также лидером движения кельтского возрождения. Элджернон всегда ощущал прилив творческих сил в его присутствии: «Запыхавшийся пес моего Воображения сорвался с привязи и понесся без удержу в неведомое», – признавался он позже радиослушателям⁴. На раннем этапе

³ Эшли. Указ. соч. С. 80.

⁴ По материалам архива «Би-Би-Си», запись передачи 25 декабря 1948 г. Цит. по: Эшли. Указ. соч. С. 110.

в храме Исиды-Урании Ордена Золотой Зари, основанном Уильямом Уэсткоттом, Сэмюэлем Мазерсом и Уильямом Вудманом, состояли некоторые английские поэты и философы рубежа веков: У. Б. Йейтс, Аллан Беннет, Артур Мейчем, Роберт Фелкин, сестра Анри Бергсона Мина, жена Оскара Уайльда Констанс. Орден обладал внутренней иерархией, включавшей императора, адептов и несколько рангов приближения к истинному знанию, начиная с неофитов. Блэквуд изучил иврит, каббалу и символику, играющую центральную роль в еврейской мистике и дающую власть над вещами, чьи истинные имена отрываются ищущему, однако дальше не пошел. Положение в Ордене его не занимало, в отличие от печально известного Алистера Кроули, обладавшего безмерным себялюбием и желавшего всей полноты власти над земными последователями и миром духов. Более того, именно трения в Ордене и борьба за лидирующее положение претили Блэквуду как искателю знания.

Новое тысячелетие началось для Блэквуда на родине, но его тяга к путешествиям и собиранию впечатлений от многообразия природы ничуть не угасла. Уже летом 1900 г. он отправляется с одним из наиболее близких своих друзей Уилфридом Уилсоном в плавание на каное по Дунаю. Из верховий в Шварцвальде они планировали сплавиться до самого Черного моря, но по ходу дела поняли, что замысел оказался невыполнимым. Верховья Дуная очень порожисты, течение быстро и коварно. За месяц путешественники достигли только Вены, но едва не потеряли все припасы, когда каное унесло и повредило о баржу. Его удалось починить и углубиться на территорию Венгрии. Сильное течение несло их меж множества наносных песчаных островков, поросших ивняком. Во время ночевки на одном из них Блэквуду и пришел основной образ самого его знаменитого рассказа – «Ивы» (1907). Подвижность среды, сочетание элементов воды, ветра и земли

делает такие земли границей между привычным нам миром и неведомым, «населенным душами ив». Упорство путешественников, не покидающих остров, делает их мишенью непостижимых сил, связанных с этим «проклятым местом». Мощь первобытных сил, которые отбрасывают свою тень в наш мир и вьются столбом подобно пушкинским бесам в «Буре», передана Блэквудом в рассказе незабываемо, что и побудило Г. Лавкрафта сопоставить его с «Белыми людьми» Мейчена и отнести к шедеврам: «Даже речи не может идти о сомнениях в даровании мистера Блэквуда, ибо еще никто с таким искусством, серьезностью и детальной точностью не передавал обертоны некоей странности в обычных вещах и происшествиях, никто со столь сверхъестественной интуицией не складывал деталь к детали, чтобы вызвать чувства или ощущения, помогающие преодолеть переход из реального мира в нереальный мир или в видения. Не очень владея поэтическим колдовством, он все же является бесспорным мастером сверхъестественной атмосферы и умеет облечь в нее даже самый обыкновенный психологический фрагмент. Лучше других он понимает, что чувствительные, утонченные люди всегда живут где-то на границе грез и что разницы между образами, созданными реальным миром и миром фантазий, нет почти никакой»⁵.

Мейчена и Блэквуда связывает парадоксальным образом не только близость жанра создававшихся ими произведений. Кто бы мог подумать, что между ними существует «молочная» связь! А. Э. Уэйт из Золотой Зари помимо борьбы за верховенство в Ордене был также управляющим лондонским отделением компании по производству солодового

⁵ Говард Ф. Лавкрафт. Сверхъестественный ужас в литературе // В кн. Г.Ф. Лавкрафт. Зверь в подземелье. М., Гудьял-Пресс, 2000, с. 452. Режим доступа: http://lib.ru/INOFANT/LAWKRAFT/sverhestestvennyj_uzhas_v_literature.txt.

молока Хорлика, и ему удалось уговорить руководство компании начать выпуск «популярного» журнала по типу «Пэл Мэл» или «Стрэнда» – «Хорликс мэгэзин энд хоум джорнал», выходявший полтора года (1904–1905). Он стал первым в Британии периодическим изданием произведений оккультного характера. А Блэквуд с 1904 г. стал управляющим лондонским отделением компании Хэтмейкера, патент которому на процесс по производству сухого молока помог оформить Альфред Луис – американский «отец» Блэквуда, вернувшийся теперь на родину. Забавное совпадение и симптом высокой деловой активности и связей между США и Великобританией на рубеже веков.

Конечно, долго занимать внимание такого человека, как Блэквуд, дела фирмы не могли. С публикацией первого сборника рассказов начала расти его литературная репутация, которую выход второго в 1907 г. («Слушатель и другие рассказы»), куда вошли, в частности, и «Ивы», подкрепила еще сильнее. После смерти матери в этом же году Блэквуд получает небольшое наследство, которое тем не менее вместе с гонорарами позволяет ему оставить службу и посвятить себя только литературной деятельности.

С тех пор и пор и до конца своих дней Блэквуд зимы проводит в Швейцарии, в северо-западной части – кантоне Юра, окрестностях лыжного курорта Гштаада и Сааненозера. Теперь удачное расположение на границе между Бернским Оберлэндом и регионом Во, множество интересных перепадов высот привлекают сюда спортсменов экстра-класса, там чувствуют себя как дома любители крутых спусков и фристайла. Эджернон любил лыжи, дававшие особенную свободу слияния с ветром и чистой белизной. А «поэзии катания на лыжах» посвятил лирический рассказ, где сравнивал плавное стремительное движение лыжника вниз по склону с полетом птицы, «что ложится крылом на восходящий поток

воздуха. Тогда, кажется, сама земля тебя подбрасывает в воздух, ловит на плавном склоне и бережно несет вниз»⁶. Для Блэквуда, который постоянно искал способа слияния с надличным и внеличным, лыжи были не просто зимним видом спорта, а средством соединиться с духом Альп.

Сборник рассказов о детективе-парапсихологе Джоне Сайленсе, гипнотизере и телепате, был первой книгой, писавшейся именно как цельное произведение, пусть и составленное из отдельных новелл. Выдвинутая Нэшем идея объединить их одним персонажем, понравилась Блэквуду. Поначалу детектив носил имя доктор Стефан, но оно было заменено по предложению издателя и, надо сказать, как нельзя лучше подошло этому немногословному, с тонкими чертами лица и негромким голосом человеку, который сразу внушал тем, кто прибегал к его защите, доверие. Предшественник «охотников за привидениями» и Малдера со Скали из современных «Икс-файлов», импонировал и поклонникам Шерлока Холмса, а внушаемое доверие распространялось на автора, к которому начали поступать письма с просьбами приехать и помочь, защитит от проявления потусторонних сил, духов и привидений. Большинство таких писем Блэквуд оставлял без ответа, но по некоторым действительно выезжал, желая проверить заинтересовавший его случай. А одна читательница обращалась напрямую к доктору Сайленсу, сообщая, что чувствует глубокое родство душ с ним и ежедневно выделяет несколько минут начиная ровно с десяти вечера для телепатического общения с ним. Да, книга поистине завороживала многих и обеспечила Блэквуду имя, оставаясь по сей день самой известной из всего созданного.

⁶ The Poetry of Ski-Running, *Country Life*, 26 February 1910. – Эшли. Указ. соч. С. 142.

Вскоре проявился еще один талант Блэквуда, та грань, что открывала ему навстречу сердца не только взрослых, но и детей. Своих детей у него не было, но сколько добрых знакомых Эджернона с легкой душой оставляли на него детвору, – мальчиков и девочек было не оторвать от дядюшки Пола. Почему Пола? Так вышло, что имя литературного персонажа из его романа «Воспитание дядюшки Пола», который создавался как раз в 1909 г. в Швейцарии, сделалось «детским» прозвищем Блэквуда. «Всехний» дядюшка был неистощим на выдумки и – главное – умел без надменности и без сюсюканья говорить с детьми, до которых занятым взрослым часто нет особого дела. Этот полуавтобиографический роман посвящен «всем детям от восьми до восьмидесяти, что подвели меня к «щёлке» и с тех пор неустанно путешествуют вместе со мной в Страну между прошлым и будущим», как писал автор в эпиграфе. Одна из самых ярких сцен в романе – встреча героями утра в Стране между прошлым и будущим, когда навстречу солнцу поднимаются цветные ветра, яркими вымпелами вьющиеся над кронами деревьев. Способность растворить различные ощущения друг в друге и слить их воедино и составляет воспитание дядюшки Пола. Нестандартность детского видения, любознательность, так ярко переданная в образе Алисы современником и соотечественником Льюисом Кэрроллом, у Блэквуда присуща многим героям-детям и подросткам, начиная с Никси, выведенной в «Воспитании дядюшки Пола». Через «щель» в ту Страну, где пребывают все мечты, где время вечно обновляется, и где можно вновь подхватить оброненное слово, развить упущенные возможности, и где томятся призраки сломанных вещей в ожидании тех, кто сможет их поправить и починить, можно проникнуть, только в достаточной мере «утончившись», то есть, сумев сбросить груз повседневности. «У каждого есть места потоньше, вполне можно протиснуть»

ся», – говорит Никси. Как лучшие произведения для детей, книга эта мудра и читается на нескольких уровнях, в том числе и мистическом. Поскольку она обращена к невинности, самым элементарным строительным блокам существования, Блэквуд считает, что из них можно построить альтернативный привычному взгляд и разглядеть истинные Реальности, в основе самого нашего существования. И Бог являлся для него аспектом таких Реальностей.

Путешествие весной и летом 1910 г. укрепило его в этом убеждении. В мае того года к Земле после 76-летнего перерыва подлетела комета Галлея и многими овладел страх, замечательно переданный Артуром Конан Дойлем в романе «Отравленный пояс», где после прохождения планетой облака ядовитого газа гибнут почти все люди на Земле. Смерть Георга VII 6 мая усугубила дурные предчувствия. Однако 18 мая Земля прошла через хвост кометы Галлея без пагубных последствий. Блэквуд наблюдал комету в предрассветные часы с палубы парохода, плывущего по Средиземному морю в Черное, через Константинополь в Батум. Там он сплавлялся по стремительной порожиистой реке Чорох, напомнимшей ему Дунай, затем двинулся вглубь Малого Кавказа, поднявшись на одну из его вершин. Поездом добрался до Тифлиса, сущего Вавилона по смешению языков и пестроты типов, а в конце июня предпринял путешествие до Владикавказа на телеге. Так перемещаться понравилось ему больше, чем на поезде: вокруг раскрывались благоухающие цветами долины, поражающие воображение панорамы, над которыми царил пик Казбека. Более недели бродил он по долинам вокруг Владикавказа и именно там, на более суровых северных склонах, определил место для Врат в чудесный сад в романе «Кентавр». Обратный путь до Тифлиса на автобусе занял каких-то двенадцать часов, что показалось непростительной спешкой, вернув Блэквуда к современным ритмам.

По возвращении в Европу, переполненный впечатлениями, он начал писать роман о существе, выжившем в современном мире с самых древних времен, но дело пришлось отложить, чтобы мысли устоялись. К середине февраля 1911 г. он завершает давно писавшийся роман о человеке, помнящем все свои реинкарнации «Джулиус Ле Валлон» (*«Julius Le Vallon»*), и только тогда вплотную садится за «Кентавра», который завершается звуками флейты Пана. Одновременно он пишет несколько рассказов и повестей, составивших опубликованный в следующем году сборник рассказов о природе «Флейта Пана».

Притом ужас, который охватывает подчас его героев, – не панический. Пан для Блэквуда – вовсе не языческое божество, а олицетворение западной культурой способа общения с Природой, Землей как всеобъемлющим живым существом, откуда проистекают понятия всеобщности, обозначаемые греческой приставкой «пан». Собственно, согласно одной из легенд, Пан своей живостью в младенчестве доставил всем великую радость, оттого его так и нарекли. А, как мы знаем, древнегреческие мифы, аккумулировавшие в себе мудрость человечества доантичной эпохи в живых красках и образах, поддаются самым различным трактовкам, став своего рода набором концептов гуманизма в западноевропейской традиции, вычленившего человека из природы и наделившего ее своими качествами. В этом мощь и слабость гуманизма, поскольку природные силы неисчерпаемы в единстве взаимосвязей, но, приспособленные к нуждам человека, они могут исказиться в силу искажения ценностей в обществе: чрезмерная эксплуатация ресурсов искажает гармонию и порождает цепную реакцию разрушения построенного людьми. Блэквуд больно переживал распад связей с природой и мечтал о ее восстановлении для большинства. Именно эта тяга к гармонии лежит в основе романа. И кентавром в таком по-

нимании является каждый человек, несущий в себе миллиардолетнее наследие эволюции, от которого современные люди по неразумию отказываются, будучи не в состоянии ощутить напрямую связи с породившей их планетой.

Сборник «Флейта Пана» открывала повесть «Человек, которого любили деревья». Герой ее мистер Биттаси, полностью настроившись на гармонию с лесом, сливается с ним и исчезает из мира людей, жене остается только пустая оболочка. А для миссис Биттаси мир леса совершенно чужд. Тут Блэквуд являет картину невозможности сочетания представлений современного человека в его себялюбии с природным бескорыстием и существованием вне системы ценностей западной цивилизации, что не может не пугать верных ее чад. Эту повесть Блэквуд писал в особняке своих новых знакомых, барона Кнупа и его жены Майи, которой посвящен «Кентавр» и еще несколько произведений писателя. Повстречались они, скорее всего на пароходе по пути на Кавказ.

Отец русского барона Йохана Кнупа (1846–1918) Людвиг разбогател на текстильном производстве в Нарве, за что и получил свой титул. Братья Кнупы были баснословно богаты, к тому же они были меломаны и коллекционеры. Причем коллекционировали не что-нибудь, а скрипки Страдивари, собрав в итоге двадцать девять инструментов великолепного звучания. А Майя (настоящее ее имя было Мэйбл Стюарт-Кинг, но так никто ее не звал) стала женой барона, вероятнее всего, именно оттого, что играла на скрипке Страдивари – своем единственном достоянии, поскольку она рано ушла из дому в поисках своей крестной, немецкой принцессы. Все странно было в отношениях этой пары, являвших собой полную противоположность: мрачный, нелюдимый барон был вдвое старше живой непосредственной жены, становившейся душой любой компании. А скрипку Йохан Кнуп

у жены отобрал, присоединив к своей коллекции и не разрешив больше на ней играть. Эта история послужила толчком к написанию рассказа «Пустой рукав» Блэквуда. Кнуп много ездил по делам фирмы, поэтому у него были дома в Лондоне и Париже, а в Египте он открыл санаторий в Хелване неподалеку от Каира. Им был основан там и отель «Эль-Хаят», впоследствии выросший в международную марку. Зимы Кнупы проводили в Египте. Там, в обществе Майи или неподалеку от нее провел несколько зим и Блэквуд.

Бесконечность Египта во времени и пространстве лучше всего ощущалась Блэквудом в пустыне, завожожившей его своим величием больше пирамид и Сфинкса. Он провел две ночи в ущелье Вади Хоф, оставаясь палящим днем в спальном мешке, а ночью впитывая в себя ощущение пустыни. Навеянный этими переживаниями рассказ «Песок», где попытка вызвать древнего духа Египта имеет катастрофические последствия для самонадеянных современных магов, также проникнута физическим ощущением толщи веков, испытанным Блэквудом в Вади Хоф.

1910-1914 гг. стали самым плодотворным периодом его жизни именно благодаря Майе – женщине, которая была самым близким ему духовно человеком, истинной музой.

Повесть «Проклятые» (1914) – красноречивый тому пример. В ней слились и воспоминания о непримиримом ригоризме евангелических встреч в родительском доме, и непреклонный образ барона, послуживший прототипом для Франклина; Башни с прилегающими угодьями сильно напоминают купленный Кнупом в 1903 особняк на границе графств Кент и Сассекс, а героиня повести носит имя его музы – Мэйбл. Но примечательнее всего лейтмотив: сквозь все искажения мира, вызванные фанатизмом разных времен, прорывается убеждение, что никто не проклят, ничто, кроме зашоренного представления о праведности исклю-

чительно своей разновидностью веры, не мешает людям проникнуться деятельной любовью друг к другу. Из гнетущего мира, где «ничего не происходит», может быть лишь один выход – понять и принять другого. Особенно запоминается зарисовка бытовой сценки – рыданий связанной мальчишками сестренки:

«– Мы собирались сжечь ее, сэр, – сообщил мне старший из мальчиков, а на мое недоуменное «за что?» не замедлил пояснить: – Никак не хотела поверить в то, во что нам хотелось».

Действительно, почему им знать, что так делать не положено, ведь «для ее же блага», как уверяли инквизиторы веками.

Восприятие «Кентавра» было неоднозначным: одни обвиняли автора в идеализме и наивности, другие – такие как Джордж Рассел (Æ) – восхищались созвучию собственным поискам. Особенно же Блэквуд ценил отклик Эдуарда Карпентера, слова которого из книги «Цивилизация: причина возникновения и способ исцеления» он поставил эпиграфом ко второй главе романа. Тот писал: «Должно быть, вами овладел приступ настоящей «страсти к Земле», если вы смогли столь явственно ее передать»⁷. Жгучая страсть и вера в возможность «счастья для всех» действительно позволила Блэквуду создать строки необыкновенной эмоциональной силы, заставляющие уже не одно поколение читателей помнить описание того момента, когда Врата из Рога и Слоновой кости открываются О'Мэлли. Однако писатель жил в реальном мире и понимал, что так называемое «продвижение цивилизации» так просто не остановить. Единственным путем преодолеть разрушение он считал распространение красоты в душах детей. Так родилось у него желание создать мюзикл «Звездный экспресс».

⁷ Письмо от 3 января 1912 г. – Эшли. Указ. соч. С. 172.

Память о воображаемых детских путешествиях на подаренном отцом вагоне слилась с впечатлениями от путешествий реальных, «Питером Пэном» Дж. Барри и мыслями, высказанными в «Воспитании дядюшки Пола». Результатом стала книга «Пленник Волшебной страны» (1913). Там дети с помощью своего дяди отыскивают волшебную пещеру, где собирается звездная пыль, с помощью которой можно «разпутлить» (*unwumble*) запутавшихся в повседневных заботах взрослых и вернуть им ясность видения красоты мира. Блэквуд всегда тяготел к театру, еще в Америке, в поисках работы, дебютировал на сцене в роли тюремщика гастролирующей труппы Дж. Гилмура в 1894 г., в Англии знал многих актеров и драматургов того времени, впоследствии долгое время жил в семье выдающегося шекспировского актера Генри Эйнли (1879–1945), дети Эйнли были ему как родные. Роман адаптировала для сцены вначале Вайолет Пёрн, музыку написал талантливый композитор и певец Клайв Кэрри, началась подготовка спектакля, принятого к постановке в лондонском Хеймаркет тиэтр. Но тут началась первая мировая война и на ее фоне история, предложенная Блэквудом, выглядела все более и более оторванной от жизни и несвоевременной. Однако сестра Вайолет, Мюриэл Пёрн, актриса, «заболевшая» этой внушающей надежду на перемены к лучшему пьесой, не оставляла попыток найти постановщика. Ее попытки увенчались успехом, когда владелица лондонского Кингсуэй тиэтр Лина Эшвелл согласилась поставить ее на Рождество 1915 г. Музыка для него написал Эдуард Элгар (1857–1934), с которым у Блэквуда установились самые дружеские отношения до конца его дней. Краткий – всего два месяца – постановочный период, конечно, сказался на недостаточном соответствии декораций духу пьесы, но выразительная игра как взрослых, так и детей позволила «Звездному экспрессу» выдержать сорок представлений – немало для

военного времени. Однако выявилась и недостаточность драматического действия в этой мистической по существу пьесе, о чем Блэквуду писал позже Дж. Б. Пристли, которого тот просил адаптировать текст для более современной постановки. Важность заложенного в мюзикл подтекста заставляла Блэквуда неоднократно возвращаться к нему, но больше он в авторском варианте так и не увидел свет рампы. Но вот ирония судьбы – мюзикл «Звездный экспресс» существует, хотя и без Блэквуда и Элгара: он рассказывает историю паровозика в мире современных локомотивов. Звездная пыль в нем присутствует лишь в виде пародий на эстрадных звезд современности и недавнего прошлого – Майкла Джексона и Элвиса Пресли. Не гнавшийся за земными богатствами и вещами, Блэквуд не смог придать своей пьесе широкую известность, но символ его мечты эхом коснулся воображения множества детей в Америке и других странах мира, посмотревших мюзикл Эндрю Ллойда-Уэббера и Роберта Стилгоу с середины 1980-х гг. до нашего времени. Он считается наиболее долгоживущим британским мюзиклом после «Кошек».

С первой мировой войной связан болезненный для Блэквуда период сотрудничества с британской разведкой. Он долгое время желал как-то помочь фронту, как большинству современников ему непросто было разглядеть разрушительность конфликта для всех сторон, он хотел быть чем-то полезен министерству пропаганды, но то, видимо, не усмотрело в нем нужных талантов. Элджернон помогал воспитывать польских сирот, пригретых Майей Кнуп, затем начал оформляться для работы в Красном Кресте и слег на несколько недель с лихорадкой от сделанных ему прививок. И вот в 1916 г. ему предложили стать секретным агентом в Швейцарии. По стопам Сомерсета Моэма, который подвизался в этой роли без особого успеха, он должен был вербовать агентов, обеспечивать их невидимыми чернилами и пере-

давать им деньги. Плюсом было прекрасное знание страны за многие годы, но нервное это занятие оказалось очень выматывающим. Опасность заключалась в том, что в придержающейся нейтралитета Швейцарии существовал строгий закон, грозивший разоблаченным секретным агентам любой из воюющих сторон по меньшей мере полугодовым тюремным заключением или штрафом в 1000 франков, но последствия могли быть и куда серьезнее. Однако даже не постоянная конспирация, когда приходилось печатать донесения в Лондон на рисовой бумаге в туалете, чтобы успеть спустить их в унитаз, если его застанут за этим занятием, а все более угнетающее душу сознание, что его информация кого-то обрекает на смерть, заставили Блэквуда через полгода подать в отставку. Последний год войны он работает в качестве расследователя Красного Креста по розыску пропавших без вести и раненых на территории Франции. Увиденное в госпиталях Руана, где как раз весной 1918 г. началась эпидемия инфлюэнцы, переживания войны выливаются в заметную депрессию, усугубившуюся отдалением Майи. Барон Кнуп умер в 1917 г., оставив ее наследницей своего состояния, но только пока она вдовствует. Кто знает, не будь такого условия, сделал ли бы Блэквуд предложение той, которой посвятил столько произведений?

Чаще они стали видаться только после того, как она вышла замуж за состоятельного промышленника Ральфа Филипсона в особняке Анкомб, который благодаря неумной энергии Майи был перестроена в стиле итальянской виллы и стал одним их заметных культурных салонов. Но это будет еще через несколько лет, в 1922 г. А пока, чтобы отвлечься, Блэквуд окунается в театральную суету: он пишет пьесы, часть из которых была поставлена. Этому немало способствовало установившееся знакомство с известным писателем и драматургом лордом Дансени, приходившему-

ся Блэквуду дальним родственником через другого английского драматурга – Ричарда Бринсли Шеридана. Дансени жил по соседству с Эйнли, с семейством которых Блэквуд теперь поселяется в комнате над гаражом. Они часто видятся с Дансени, делаясь впечатлениями от путешествий. Вместе с Бертрамом Форсайтом Блэквуд пишет две одноактных пьесы: «Через бездну» (*Crossing*, 1920) и «Белая магия» (1921). Но наибольшей популярностью пользовалась написанная в соавторстве с Вайолет Пёрн пьеса «Через щёлку» (*Through the Crack*), впервые поставленная в Эвримен театр в 1920 г. и выдержавшая несколько постановок (кстати, постановка января 1925 г. стала первой театральной работой Лоуренса Оливье как помощника постановщика). Она строилась вокруг основной идеи книг о дядюшке Поле – детская вера помогает Никси, Ионе и Тоби вместе с ним проникнуть в страну потерянных вещей и безвременно ушедших друзей, там же они встречают и умершую старшую сестру Никси – Росинку и своей любовью, к усилиям которой подключались и замороженные зрители, возвращали ее в мир живых. Дети не могли дожидаться окончания антракта, так захватывало действие. Блэквуду удалось донести создать атмосферу чуда для множества зрителей.

Теперь энергии хватает на то, чтобы завершить вторую часть романа «Джулиус Ле Валлон» – «Сияющий посланник» (*The Bright Messenger*, 1921). Через десять лет и пережив первую мировую войну он вновь обращается к теме существования в нашем мире «пережитков» древнего, который населяли существа более высшего порядка, нежели люди, теме «Кентавра». Герой романа Эдуард Филлери, незаконный сын горного инженера и дикарки с Кавказа, после странствий по свету основывает Духовную клинику – убежище для «безнадежных», кто не находит себе места в современном мире. Так к нему попадают бумаги Мейсона и отпрыск Джулиуса –

Джулиан Ле Валлон, в котором уживаются два существа – по-крестьянски добродушный юноша и Н.Ч. или «нечеловек», некогда исторгнутый в результате эксперимента и теперь замкнутый в человеческую оболочку. Блэквуд прибегает к восточной концепции мира дэвов⁸, но соотносит с активно развивающимся после войны представлением о новом человеке, сверхчеловеке, который должен прийти на смену нашему несовершенству, представлением, явственно различаемом в голосах экспрессионистов, научной фантастике Уэллса («Пища богов», «Люди как боги»). И по-прежнему считает, что это возможно сделать средствами искусства: «трудами Пана, мелодиями, красками, воплощенной красотой».

Немалый толчок развитию самосознания писателя придало знакомство с Петром Демьяновичем Успенским и Георгием Гурджиевым. Предположение английского мыслителя Чарлза Хинтона о четвертом измерении Успенский развил и высказал мысль, что это и есть время. Успенский в те годы читал лекции многолюдным аудиториям в различных городах Европы, вел группы психологического развития по расширению сознания, а узнав о работе Гурджиева в том же направлении, примкнул к нему, помог собрать средства для школы в Фонтенбло. Несмотря на уважение к книгам

⁸ *Дэва* (пали, санскр. देव, «сияющий») в буддизме — название для множества разнотипных существ, более сильных, долгоживущих и более удовлетворенных жизнью, чем люди. Термин *дэва* принято переводить как *бог* или *божество*, хотя дэвы значительно отличаются от божеств других религий. Мир, населенный дэвами, называется *дэвалока* (санскр. देवलोक) или *мир (небеса) богов*. Махаяна акцентирует внимание на преимуществах человеческого местопребывания перед небесами богов. Считается, что существа, испытывая наслаждения в божественных мирах, забывают о целях своего существования и неспособны к сознательным решениям, в отличие от человека. Поэтому Бодхисаттва должен обязательно пройти человеческое рождение.

Успенского, при личном знакомстве Блэквуд счел его недостаточно воодушевляющим, в то время как Гурджиев, с его включением в работу музыки и танца для достижения иного типа сознания, а не только его расширения, импонировал ему намного больше. Занятия в Фонтенбло в 1923 г., в частности, научили Блэквуда приводить себя в творческое состояние физической работой на изнеможение. Когда какое-то дело не шло, он нередко брал топор и шел в лес валить сухие деревья и возвращался «другим человеком». Повлиял на него также своими представлениями о природе времени и нашей возможности влиять на исход событий Дж. У. Данн (1875–1949), изложивший их в книге «Эксперименты со временем» (1927). Ряд рассказов этого периода так или иначе концентрируются вокруг различного восприятия времени. Переработкой одного из них – «Страна Зеленого Имбиря» для «Би-би-си» начинается третий, наиболее плодотворный творческий период Блэквуда – сотрудничество с радио.

Как ни парадоксальным может показаться, но этот певец «гор, полей и лесов» одним из первых осваивает такой жанр, как радиопьеса, в которые перерабатывает свои рассказы. Однако, если присмотреться внимательнее, тут не будет сильного противоречия, ведь Блэквуда отвращало прежде всего замыкание людей в своей гордыне, отсечение питающих природных связей, а радиоволны – столь же естественный элемент среды, который может помочь донести его слова до слушателей. Он адаптировал свои рассказы для радиопередач и по большей части сам их читал, а часть перерабатывал в радиопьесы, разыгрываемые несколькими актерами. Первым он прочел рассказ, наполненный египетскими впечатлениями «От воды» (в несколько сокращенном виде и под названием «Пророчество»).

В течение 1934–1939 гг. его репутация на радио прочно укрепилась, как благодаря умению рассказчика удерживать

внимание аудитории, так и природному артистизму богатого интонациями голоса Блэквуда. Однако успех не вскружил ему голову и, уж конечно, не заставил отказаться от привычного жизненного уклада, с поездками на Капри, в Испанию, на лыжный сезон в Швейцарию или Австрию, общением с широким кругом знакомых на континенте. Но когда он возвращался в Лондон – то принимал приглашения участвовать в радиопередачах, а вскоре к ним добавились и телепередачи.

Вечером 2 ноября 1936 г. состоялась трансляция первой телепередачи в Великобритании. Блэквуд принимал в ней участие, рассказав пару коротких историй. Он вспоминал, что ему накрасили губы и веки ярко-синей помадой, для большей контрастности изображения, и усадили в темной комнатке, окружив огромными машинами, испускавшими лучи света. Заметками пользоваться было нельзя, он весь взмок, однако – старый конь борозды не испортил, и его выступление было «на высоте». Популярность Блэквуд-рассказчика, которого теперь могли слышать не только в гостиных друзей, а повсюду в стране, значительно выросла. Мы можем видеть теперь сходный эффект от аудиокниг. Были изданы сборники избранных рассказов, автобиографические «Эпизоды из юности». Пишет он и ряд новых рассказов, самым известным из которых становится зловещая «Кукла».

В военные и послевоенные годы Блэквуд продолжает адаптировать для радио и телевидения свои вещи. Помимо рассказов о сверхъестественном, большое число поклонников завоевала книга о юном независимом коте и мудром попугае «Дадли и Гилдерой» и постановки по ней. На телевидении ему разрешают выступать без репетиций, постановщики восхищаются его бронзовым от загара, изборожденным выразительными морщинами, «как грецкий орех», лицом, на котором светло сияют проникновенные глаза. Худошавая, почти двухметровая фигура, безупречность истинного

джентльмена, пунктуальность, неизменно располагающие к себе манеры – таким его помнило большинство. Письма поклонников переполняли почтовый ящик восьмидесятилетнего писателя. В 1948 г. ему в Букингемском дворце вручают орден Британской империи, а весной 1949 – медаль Телевизионного общества – эквивалент Оскара – как выдающемуся деятелю года на телевидении. Блэквуда приглашали возглавить множество обществ, но он отклонял большинство предложений. Согласился он только быть президентом Гильдии писателей и с радостью стал членом Королевского литературного общества. Работал он почти до самого последнего дня. Еще в октябре 1951 г. он записал последнюю передачу к Хэллоину, а 10 декабря его не стало. Прах Блэквуда развеян над горами в окрестностях Саанемозера, где он провел столько счастливых дней.

Исследователи творчества Блэквуда отмечали своеобразие подхода писателя к сверхъестественному. Хотя Лавкрафт и высоко оценил его «Ивы», Блэквуд не относил себя к почитателям творчества самого Лавкрафта, тяготел скорее к психологическому напряжению «Поворота винта» Генри Джеймса. В письме к американскому писателю и издателю Августу Дерлету от 10 июня 1946 г. он писал: «Меня обычно совершенно не задевает «чистый ужас», то есть лишенный удивления перед Вселенной... Я задался как-то вопросом: отчего Лавкрафт по большей части оставляет меня равнодушным, ведь он так мастерски владеет словом и арсеналом кошмаров? Не оттого ли, что он громоздит одни материальные ужасы на другие, не соотнося их с более всеобъемлющими вопросами – космическими, духовными, буквально «неземными»? Нечто во мне инстинктивно отторгает разложение, могилу, переизбыток вещественных деталей»⁹.

⁹ Цит. по: Эшли. Указ. соч. С. 321.

Один из первых исследователей творчества Блэквуда, встречавшийся с ним при жизни и много расспрашивавший его Питер Петцольд, автор книги «Сверхъестественное в литературе» (1952), считал Блэквуда совершенно особенной фигурой и предостерегал от подгонки его книг под ту или иную школу неоготики. Скорее он был предшественником того направления, что легло в основу движения «Нью-Эйдж» и проникнуто экологическими мотивами. Специфика необычайного в его произведениях прежде всего в представлении о космосе как о грозном для мелких духом, но прекрасном для тех, кто не побоится стать на крыло и присоединиться к вечному танцу, где каждый сможет найти себе место. Трудно найти слова для выражения всех красот окружающего нас мира, и даже истинному адепту-мистiku иногда не удается отыскать нужных, но у Элджернона Блэквуда получилось приподнять для нас завесу. А так каждый ищущий должен пройти через свой Храм Минувшего, чтобы распознать нетленность любви и узреть безграничное прокрывало Красоты, окутывающее мир. И каждому под силу почувствовать и укрепить гармонию мира. Никто не проклят.

Публикуется по: Блэквуд, Элджернон. Кентавр / Э. Блэквуд / вступ. ст. и пер. с англ. Л. Г. Михайловой. М.: РИПОЛ классик, 2023. С. 5–42.

НАШИ АВТОРЫ

Бабына Дарьяна Александровна – аспирантка кафедры теории и экономики СМИ факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова.

Батурин Юрий Михайлович – доктор юридических наук, профессор кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова.

Вороненкова Галина Федоровна – доктор филологических наук факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, профессор кафедры зарубежной журналистики и литературы, директор Свободного Российско-Германского института публицистики (СвРГИП).

Вьюгина Дарья Михайловна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и экономики СМИ факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова.

Жуи Ян – магистрантка кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Пекин, КНР).

Киселева Екатерина Борисовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова.

Корнилова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова.

Кумылганова Ирма Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова.

Куцепалова Надежда Константиновна – аспирантка кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова.

Лысенко Артем Валерьевич – кандидат филологических наук, научный сотрудник кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова.

Лю Цзыцы – магистрантка кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Цзыбо, КНР).

Лю Юйсин – магистрантка кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Шэньян, КНР).

Максимов Борис Александрович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова.

Маслина Мария Георгиевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова.

Микеладзе Наталья Эдуардовна – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова.

Михайлова Лариса Георгиевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова.

Новицкая Ирина Яновна – кандидат филологических наук, младший научный сотрудник лаборатории по изучению зарубежной журналистики факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова.

Привалов Кирилл Борисович – старший преподаватель кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, журналист-международник, писатель.

Прутцков Григорий Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова (с сентября 2023 г. – профессор Института медиа НИУ ВШЭ).

Филаткина Галина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова.

Юдань Цю – магистрантка кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Чжаотун, КНР).

Якова Тамара Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова.

Янгляева Марина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова.

*Ежегодный альманах
кафедры зарубежной журналистики и литературы
факультета журналистики МГУ*

ЗАРУБЕЖНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА И ЛИТЕРАТУРА
Выпуск 1

*Редактор Т. В. Корнилова
Дизайн обложки А. В. Баланцевой
Компьютерная верстка Е. Н. Сиротиной*

Подписано в печать 30.11.2023. Формат 60x84/16.
Гарнитура «Cambria». Объем 23,02 усл. печ. л.

Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова

ISBN 978-5-7776-0162-9

9 785777 160162 9